18+
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП
Механическая
Осень
Лещенко - Филипович - Румянцева
Резников - Кокоулин - Странник - Арилин - Камардин
Ахундов - Книга - Берестов - Федосеев - Кельманов - Нилсен
Карапапас - Мельникова - Кутман - Лобов - Шальнева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Механическая осень» — антология фантастических рассказов, объединённых двумя главными темами: «Роботы» и «Осень». Поэтому не стоит удивляться, встретив на её страницах призраков в парке или роботов, живущих на руинах человечества. Однако третья тема антологии — «Сводная». Так что здесь найдётся место и «лавкрафтовскому» боевику, и «виртуальному» детективу, и фэнтези, и мистике, и даже биопанку. И не только этому.

- Фантастический Калейдоскоп
  - ○
  - ○ Роботы, осень и все-все-все (предисловие)
  - ○ В начале XIX-го века
  - ○ День Сбоя Универсальной Машины
  - ○ Предельное число
  - ○ Туман
  - ○ Жбан
  - ○ Ктомыдети
  - ○ Андроид Рублёв
  - ○ Жизнь продолжается
  - ○ Эстри сбежал
  - ○ Травник
  - ○ О ноябре, вечности и дурных привычках
  - ○ Сказ о светлом будущем и настоящей дружбе
  - ○ Тринадцатая модель
  - ○ Комната львенка
  - ○ Кленовый лист на ветру
  - ○ Прерванный ритуал
  - ○ Я без тебя не я
  - ○ Гениальный добытчик энергии
    - ■ Глава 1. Спаси ребёнка!
    - ■ Глава 2. Клёвый город
    - ■ Глава 3. Среди колючих звёзд
    - ■ Эпилог. Home Sweet Home
  - ○ Недетские игры
  - ○ Давай чпокнемся присосками
  - ○ Узелки на память
  - ○ Механическая осень
  - ○ Будущего не существует
  - ○ Синтетические сучки
  - ○ Форма для смерти

- Два билета по цене одного глаза
- Ника
- Снегобелка и месть монгов
- Дорогая Ави
- Цвет настроения С
- Ничего общего
- Бог веры и сомнений
- Чай для Звяка
- Снежинка
- Клаус
- Чучек
- Видение Анны
- Боевая кукла наследника Тутти
- Не хо-чет!
- Без связи
- Остров ненужных вещей
- Настроение — крылья
- Увядшие листья
- По осеннему парку с роботами бродили (Об авторах)
- Наши книги

- notes
  - 1

Фантастический Калейдоскоп
Механическая осень

Авторы: Лещенко Александр, Кокоулин Андрей, Филипович Антон, Кельманов Артём, Камардин Валерий, Странник Дарья, Кутман Евгения, Книга Игорь, Ахундов Кирилл, Мельникова Марина, Румянцева Марина, Берестоk Олеся, Арилин Роман, Резников Сергей, Карапапас Станислав, Нилсен Энни, Федосеев Алексей, Лобов Андрей, Шальнева Мария

Редакторы-составители Александр Лещенко, Антон Филипович
Иллюстратор Марина Румянцева
Дизайнеры обложки Марина Румянцева, Антон Филипович, Александр Лещенко
Вёрстка Александр Лещенко

© Александр Лещенко, 2023
© Андрей Кокоулин, 2023
© Антон Филипович, 2023
© Артём Кельманов, 2023
© Валерий Камардин, 2023
© Дарья Странник, 2023
© Евгения Кутман, 2023
© Игорь Книга, 2023
© Кирилл Ахундов, 2023
© Марина Мельникова, 2023
© Марина Румянцева, 2023
© Олеся Берестоk, 2023
© Роман Арилин, 2023
© Сергей Резников, 2023
© Станислав Карапапас, 2023
© Энни Нилсен, 2023
© Алексей Федосеев, 2023
© Андрей Лобов, 2023
© Мария Шальнева, 2023
© Марина Румянцева, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0059-4884-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роботы, осень и все-все-все (предисловие)
Александр Лещенко

В серии «Фантастический Калейдоскоп» эта антология должна была выйти второй. Ну не прямо эта, однако я хотел, чтобы вторым сборником шёл сборник фантастических рассказов. Он был бы чем-то похож на первый. Только если «Генератор Страхов» — наша самая первая антология — представлял из себя сборную солянку из тёмных жанров, то вторая антология — тоже солянка, но из жанров фантастических.

Но время шло, мы выпустили уже два других сборника, «Шёпот грёз безумных» и «Ктулху фхтагн!», а «вторая солянка» всё откладывалась. Так можно было и вовсе отказаться от идеи…

Но спасибо моему соредактору — Антону Филиповичу, который периодически напоминал мне о том, что в названии нашей серии есть прилагательное «Фантастический». К тому же Антон, когда я делился с ним планами по развитию серии, предлагал и свои идеи для сборников. И тем самым волей-неволей возвращал меня ко «второй» антологии, которая второй быть уже никак не может.

А я от хороших идей не отказываюсь. Особенно — если они мои собственные.

В общем, когда я всё-таки решил взяться за идею «фантастической солянки» всерьёз, то решил использовать в качестве основного рассказа для сборника соавторский рассказ Антона «Механическая осень». Раз соредактор, так или иначе, постоянно отсылал меня к старой идее, то пусть теперь его рассказ и отдувается.

Хе-хе.

Кстати, соавтор рассказа Марина Румянцева. И она же нарисовала обложку антологии. Обложка, как не трудно догадаться, по мотивам соавторской истории.

Мерси, Марина!

Между прочим, рассказ «Механическая осень» смог за себя постоять и не только дал название для антологии, но и задал ей тему. Даже две темы.

Роботы и Осень.

Однако я не собирался полностью отказываться от идеи сборной солянки. Нет, ничего не имею против тематических антологий. Даже люблю их. Но у них, на мой взгляд, один

большой минус. Предсказуемость. Если антология про зомби, то в первом рассказе будут живые мертвецы. И во втором. И третий тоже не обойдётся без ходячих трупов. То же самое можно сказать и про антологии с темой «Роботы» или темой «Осень». Две темы — уже лучше. Но не намного.

Поэтому у антологии три темы:

1) Роботы
2) Осень
3) Свободная тема

Интересно, что когда я начал собирать рассказы для антологии, то среди них стала доминировать ещё одна тема — Постапокалипсис. Забавно, что в истории «Механическая осень» она тоже присутствует. Есть и несколько «космических» рассказов, но, в целом, остальные произведения на разные темы и в разных жанрах. Есть даже что-то типа «лавкрафтовского» боевика. Ха! Или же история, которую я бы отнёс к биопанку. Хм, вроде же есть такой фантастический жанр?

И ещё раз упомяну добрым словом Антона, так как в этот раз он выступил не только в качестве моего соредактора, но и в качестве полноправного составителя антологии. Так или иначе, но именно он нашёл добрую половину историй для сборника. Поэтому, если бы не Антон, то антология была бы другой. Точно — меньше. И, возможно, — не такой интересной. Всё-таки жанровые предпочтения у нас несколько отличаются.

Большое Спасибо, товарищ соредактор-составитель!

Было прикольно с тобой работать: составлять сначала список авторов, а затем уже и список рассказов. А потом приходить к какому-то общему знаменателю — не все авторы согласились и не все рассказы нам понравились. Надеюсь, что в будущем сделаем с тобой ещё не одну антологию. Опыт был бесценный — такое за деньги не купишь!

Ну а напоследок позволю себе Топ-16 рассказов из антологии «Механическая осень», которые понравились больше всего. Распределение в топе по местам весьма условное: просто кто-то должен быть первым, а кто-то последним.

— Топ-16 —

1) Ника
2) Травник
3) Боевая кукла наследника Тутти
4) Форма для смерти
5) Дорогая Ави
6) Цвет настроения С

7) Без связи
8) Прерванный ритуал
9) Предельное число
10) Механическая осень
11) Остров ненужных вещей
12) Недетские игры
13) Снегобелка и месть монгов
14) В начале XIX-го века
15) Будущего не существует
16) Комната львёнка

2 января, 2023;
Ростов-на-Дону.

В начале XIX-го века
Игорь Книга

Не сказать, чтобы Мишке сильно нравилось ходить в школу через парк, но что-то хорошее в этом было. Плохим было то, что городские власти уборкой парка занимались не часто. Денег выделяли недостаточно, да и работники не напрягались.

А ещё мама, по блату, записала Мишку в детский театр-студию рядом с тем же парком. Худрук смерил пятиклассника взглядом Станиславского и определил на роль дворника. Мишка, понятное дело, не обрадовался, потому как в пьесе вальсировали офицеры и дамы в костюмах начала XIX-го века, свысока поглядывая на «простолюдина».

Роль мальчику не давалась, и худрук поставил условие: пять дней по утрам мести дорожки в парке — чтобы «образ поймать». Барщина, по-другому не назовёшь. Плюнуть бы на это всё, но расстраивать мать Мишке не хотелось. В понедельник, едва рассвело, мальчик прихватил из подвала старенькую метлу и отправился ловить образ в туманной дымке.

Мёл Мишка минут пятнадцать, когда в небе громыхнуло, запахло грозой, и кто-то кашлянул. Из тумана материализовался мужик с метлой. Борода лопатой, картуз, фартук, сапоги — всё, как в XIX-веке. Мёл мужик широко, сгребая листья в кучи. Мишка хотел было поздоровкаться, но тут в небе вновь громыхнуло, туман сгустился и незнакомец исчез. На следующее утро всё повторилось точь-в-точь.

Парк начал преображаться. Народ в городке оживился, слухи всякие поползли. Одни говорили, что утренний дворник — это известный маг, обнаруживший в парке источник вселенской силы. Другие, что знаменитый актёр репетирует накануне съёмок сериала. А третьи уверяли, будто это испытание робота перед космическим полётом на орбитальную станцию.

Тут ещё предвыборная кампания за кресло мэра грянула, самый смекалистый и предложил: а давайте за призрачного дворника проголосуем? От нынешних властей толку мало, а этот реально чистоту наведёт. Зачин поддержали художники: на здании театра-студии появилось чёрно-белое граффити с изображением народного кандидата.

Но власть не спала, власть бдела. Утром в парке загудели беспилотные уборочные машины, не XIX-й век на дворе. И вроде хорошо и правильно стало, только дворник пропал. Мишку это огорчило, да и не только его — полюбился народу колоритный

волонтёр.

Природа, как оказалось, тоже не спала: ночью городок накрыла буря. Крыша ангара, где уборочные машины стояли, завалилась, и вся техника пришла в негодность.

Поутру Мишка пришёл в парк. Холодно, сыро и пусто на душе. Вдруг, за спиной кто-то кашлянул, мальчик обернулся.

— Привет Миша, — улыбнулся худрук. — Чего не появляешься на репетиции? Дружище, от нас так просто не отделаться. А ну, дворянство, покажем класс!

Юные дамы и офицеры с мётлами наперевес ринулись на уборку. И понял Мишка, что не самая слабая досталась ему роль. И призрачный дворник улыбнулся с граффити, и небо подмигнуло облачком, и багряных листьев хоровод закружил вальсом. Совсем, как в начале XIX-го века…

День Сбоя Универсальной Машины
Александр Лещенко, Мария Шальнева

«Компания „Роботекс“ с гордостью представляет всем новую версию своего главного детища — „Универсальная Машина-III“ или „УМ-III“. В отличие от предыдущей линейки продукта, в которой выпускались только роботы, в новой будут выпускаться и киборги. Принципиальные отличия робота от киборга вы можете посмотреть на сайте www.robotex.com.

Если же не вдаваться в технические детали, то скажем, что киборги больше похожи на людей, так как их металлическая оболочка скрыта под синтетической кожей. И теперь ваш ребёнок не будет бояться робо-няни из-за металлического блеска и неживых немигающих глаз, а на вашу робо-секретаршу станет намного приятнее смотреть.

Кроме того, у киборгов будет намного больше функций и возможностей апгрейда. Так, например, они могут быть не только хорошими помощниками по дому, но даже и сексуальными партнерами».

Из официального пресс-релиза компании «Роботекс» по случаю запуска новой серии «УМ-III».

* * *

Конечно, как и у предыдущей модели роботов — «УМ-II», у «УМ-III» имелись определённые недостатки и недоработки.

Так, одна из робо-нянь чуть не закормила малыша до смерти манной кашей; а в другой раз школьники-подростки взломали двух роботов-водителей автобусов и устроили гонки прямо в центре города.

Однако самым неприятным случаем было, когда киборг застал свою хозяйку, развлекающейся с двумя другими киборгами. У него что-то перемкнуло в голове — он убил их всех, а сам покончил жизнь самоубийством, что в принципе было невозможным, так как такое не закладывалось в программу.

Но все эти сбои, неполадки и несчастные случаи не идут ни в какое сравнение с тем, что случилось 20 января 2158-го года. Этот день стал самым чёрным днём в истории человечества. В этот день универсальные машины сошли с ума и в течение одного

часа убивали людей по всему миру. В этот день погибло 250 миллионов человек. И именно этот день впоследствии и окрестили — «День Сбоя Универсальной Машины».

Как выяснилось впоследствии, во всём был виноват один человек — американский хакер Тони Фишер. Его приговорили к 25-ти пожизненным заключениям. Уже после суда журналист «Нью-Йорк Таймс» взял у него интервью.

— Тони, каково это — быть убийцей 250-ти миллионов человек?

— Слушай, чувак, если бы я был реальным маньяком, я бы сказал: «О да, охренеть! Попробуйте побить мой рекорд!» Но я не какой-то конченый психопат, которым меня пытаются изобразить. Мне жаль всех этих людей, и я не хотел, чтобы так случилось.

— Но ведь это именно вы написали вирус «Короткое Замыкание» и заразили им систему управления «Универсальными Машинами»?

— Да, это я написал «Короткое Замыкание», — в голосе Тони слышится гордость за своё детище. — И он хорошо трахнул все системы «Роботекс»: не только управление машинами, но и систему безопасности тоже. Но я никогда не закладывал в свой вирус того, что потом стали творить роботы и киборги. Как и все хакеры — такое ещё с 20-го века повелось — я хотел сказать: «Эй, чуваки, не доверяйте вы этим железным коробкам! В какой-то момент их может замкнуть, и тогда вам будет полный капец!!»

— Да, полный капец настал для 250-ти миллионов человек по всей Земле; 500 миллионов стали инвалидами и калеками; и больше 1-го миллиарда оказались в больницах с ранениями разной степени тяжести.

— Слушай, чувак, я же сказал: я никому не хотел сделать плохого, а ты продолжаешь гнуть свою линию! Если так и дальше пойдёт, то я скажу тебе: «аста ла виста, бэби», и на этом мы закончим интервью.

— Хорошо, хорошо, простите, мистер Фишер!

— Ладно, — великодушно кивает хакер. — Все вы, журналисты, пытались, пытаетесь и будете пытаться сделать из меня маньяка, который хотел уничтожить половину человечества. В какой-то степени мне это даже льстит. Вот только «Короткое Замыкание» — это скорее прикол, а не убийство.

Я хотел, чтобы робо-няни заставляли детишек смотреть жестокий мультик «Happy tree friends», а не топили, душили и разрывали на куски своих подопечных. Я хотел, чтобы секс-киборги корчили из себя недотрог, а то и вовсе требовали от своих партнёров, чтобы они женились на них или вышли за них замуж. И ни в коем случае я не хотел, чтобы они затрахивали

своих партнёров до смерти. Я хотел, чтобы роботы-рабочие устроили забастовку, а не хватали кувалды, отбойные молотки и разные другие инструменты и убивали ими людей. И всё дальше, в том же духе.

Шутки и веселье, а не насилие и смерть. Есть ещё такое выражение: «Делу время, а потехе — час». Бедные роботы и киборги всё время были заняты делами, а я хотел, чтобы у них появился хотя бы один часок для веселья.

— Однако всё пошло не так, как вы хотели, не правда ли?

— Да, но я тут ни при чём. Спросите об этом уродов из «Юнивёрсал Автомейшн»! Это именно они взломали мой компьютер через полчаса после того, как я запустил «Короткое Замыкание» по всему миру. Я потерял контроль над вирусом, а роботы и киборги стали убивать людей.

— Но, по моим данным, вы написали «Короткое Замыкание» именно по заказу «Юнивёрсал Автомейшн», ведь эта компания является основным конкурентом «Роботекс» на рынке роботов и киборгов. Вам заплатили за создание вируса 12 миллионов долларов.

— 12 миллионов? — смеётся хакер. — Вообще-то, мне с трудом удалось стрясти с жадин из «ЮА» 1 миллион. Ну да, вы правы — «Короткое Замыкание» сделано на заказ.

* * *

Несмотря на это сенсационное интервью, с «Юнивёрсал Автомейшн» ничего не случилось: никто не начал никакого расследования и даже в суд никто не подал. А вот после «Дня Сбоя Универсальной Машины» у компании «Роботекс» начались большие проблемы: множество судебных исков, многомиллиардные выплаты пострадавшим, падение курса акций, и, как следствие всего этого, — банкротство.

«Юнивёрсал Автомейшн» стала ведущим игроком на рынке по созданию роботов и киборгов. Скупив технологии своего главного и теперь уже уничтоженного конкурента, компания скоро с гордостью представила новую линейку киборгов — «УМ-IV». От роботов в линейке пришлось отказаться, так как это уже был прошлый век.

Через несколько лет наказание Тони Фишера смягчили с 25-ти пожизненных заключений до 14-ти, потом до 7-ми, а затем он и вовсе вышел на свободу за примерное поведение. И почти сразу Фишер возглавил департамент электронной безопасности компании «Юнивёрсал Автомейшн».

Предельное число
Марина Румянцева

Тринадцатое возрождение. Самочувствие удовлетворительное. Физические и психические функции в пределах нормы. Однако наблюдаю слабые расстройства памяти и сознания после возрождения, что вызывает у меня опасения. Велика ли вероятность геометрической прогрессии отклонений? Думаю, число значений окажется в положительном поле.

Дневник ведётся без пропусков. Конец аудиозаписи.

«Алексис, Мэтью, Макс и Донна».

Бежать, бежать, бежать! Быстрее спрятаться вот за тем деревом. Папоротник! Большой и старый раскинулся на упавшем стволе ели, покрытым мхом. За ним можно отлично спрятаться.

Сворачиваю, стараясь не задеть листья и не оставить следов на мягкой лесной подстилке.

«Алексис, Мэтью, Макс и Донна».

Шепчу имена детей, словно молитву. Не забывать их. Помнить, ради чего я здесь.

Тишина. Перевожу дыхание. Сердце стучит, как бешеное. Мельком оглядываю горизонт — чисто! Выныриваю из-под листа, только бы не потревожить хрупкое растение. И перебежками, перебежками! Вперёд, вперёд!

«Алексис, Мэтью, Макс и Донна».

Каждый день я пробегаю этот нехитрый маршрут из точки «А», в точку «Б». Шестьдесят четыре дня. Каждый день я прячусь от охотников, стараясь добежать до линии безопасности быстрее, чем они найдут меня и убьют. Умирать больно. Но я не сдаюсь.

Остался триста один день. Но скоро я окажусь на свободе, в семье и что немаловажно, с приличной суммой. Всего лишь год, возрождаться и снова умирать.

Только бы продержаться.

«Алексис, Мэтью, Макс и Донна».

Я не опускаю руки только благодаря вам. Дождитесь, меня. Дождитесь.

Прогалина! Слишком открытое место. Обратно, обратно, обратно!

Поскользнувшись на повороте, пролетаю по мокрой траве, врезаюсь в заросли кустарника. Утром прошёл дождь!

Контакт! Левая сторона сильно оцарапана, но я снова встаю. Снова бегу, согнувшись до самой земли. Дыхание окончательно сбилось.

Как же я наследила!

Но не останавливаться.

Вперёд, вперёд, вперёд.

Звук летящей стрелы, я услышала за долю секунды до того, как она вонзилась мне в бедро. Боль молнией проносится по телу. От удара падаю, закусив губу до крови. Проклятье! Меня обнаружили.

Проклятье! Проклятье! Проклятье!

С прошлого возрождения не прошло и суток!

Остаться лежать или?.. Решаю выждать некоторое время, пока стрелок первым не обнаружит себя. Секунда, две, три… Справа послышался шорох. Замечаю колышущуюся ветку. Есть! Кидаю палку в сторону, отвлекаю внимание. Превозмогая себя, пригнувшись, почти ползком, ухожу налево.

Почти убежала. Правая нога онемела от потери крови. Красная линия уже видна глазу. Совсем близко! Но стрела оказалась быстрее. Неизвестный лучник ждал до последнего, ударив в спину.

Моя рука почти коснулась красной метки. Я это запомню.

* * *

Двадцать пятое возрождение. Физически чувствую себя лучше, чем когда-либо. Тело стало выносливее. В психике наблюдаю всё большие отклонения. Сознание после возрождения спутано всё дольше. Воспоминания хаотичны. Приходят в норму только после прогонки аудиофайлов. С каждым разом возрождение проходит всё… болезненнее. В дневнике появляются пропуски. Умирать… не так страшно, как рождаться вновь. Конец аудиозаписи.

«Алексис… Мм… этью. Макс. Донна».

Я всё ещё помню вас, моя радость. Все ещё помню себя. Но с каждым разом всё меньше и меньше. Сознание уплывает, тёмных пятен всё больше. Кажется, прийти сюда было ошибкой.

До конца эксперимента осталось восемьдесят три дня. Дождаться. Дождаться. Дожить.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Усмиряю стук сердца. Тише-тише. Почти не дышу. С последнего возрождения прошли рекордные пятнадцать дней. Волнуюсь и дёргаюсь всё больше. Проклятье! Сегодня не добегу. Уверена, загонщиков будет двое. Усмешка касается губ: смертей не было слишком давно. Учёным это не нравиться.

Один год. Большой ли это срок?

«Алексис, Мэтью, Макс и Донна».

Проклятая бесконечность в беличьем колесе. Будь оно всё проклято.

Стоп! Сквозь полог нижнего яруса вижу загонщика. В защитном костюме он мягко ступает между разросшихся кустов черники. Снова усмехаюсь. Не учили наверх посмотреть? Сгруппировавшись, спрыгиваю, вонзая трофейный нож по самую рукоятку, в мышцу за ключицей. Быстро отираю о костюм, забираю оружие и бегу. Бегу!

Не оглядываясь, не проверяя. Много крови. Скорее всего, я задела артерию, а значит, ему не жить. Где-то в углу сознания мелькает чувство вины, но я быстро справляюсь с этим. Либо я, либо меня.

Сильный запах озона. Не раздумывая, плюхаюсь вниз. Лучевое! Ах вы, твари! В бессилии сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони, но ярость не утихает. Убежать не получится, всего один разряд и мои мозги зажарятся, словно яичница на сковороде!

До линии ещё далеко, но я не сдамся. Как же не хочется умирать!

Приподняв голову, оглядываю горизонт. Была, не была!

Короткими перебежками, от дерева к дереву. Замираю. Жду. Снова вперёд. Успокоить сердце. Вдох на каждый четвёртый шаг, выдох ещё через четыре. Бежать, бежать, бежать.

Говорят, смерть от разряда мгновенная и безболезненная. Пусть говорят. Но ты-то знай — это ад.

Вновь моя рука падает у самой красной линии. Я запомню и это.

* * *

Возрождение… Да, сорок шестое. Ничего не помню. Только боль. Утром кричу и плачу, словно малый ребёнок. С трудом верю записям из дневника. Это я? Это моё? Не может быть.

Более или менее прихожу в себя ближе к вечеру. Если доживаю в этом теле до него. Загонщики стали хитрее. Проклятые учёные дают им всё более крутые пушки.

Сегодня нашла у кровати лучевик. Выкусите! Оружие копится и у меня.

Сколько там было дней? Пятнадцать? Я в этом теле уже три недели! Теперь это мой лес. Я знаю здесь каждый проклятый кустик! Каждую проклятую травинку! Больше никто не тронет меня! Никто!

Осторожно выглядываю из-за ствола дерева. Шорох и

движение справа на самом краю видимости. Удар, вскрик и запах озона. Как запах победы. Пусть заряда осталось всего ничего, но сегодня я положу всех! Больше никакой жалости к моим врагам.

Ну-ка, что тут у голубчика?

Мимикрирующий костюм здорово обтрепался, но ещё послужит. Осторожно ступаю по опавшим листьям. Сколько осталось до конца? Месяц? Неделя? Как добегу, надо проверить сроки. Засиделась я в этом проклятом лесу.

* * *

В комнате контроля стояла полная тишина. Все присутствующие, учёные-экспериментаторы, десять человек, с жадным вниманием приникли к гибким дисплеям.

Записи с камер наблюдения не утешительны. Для сорок девятой смерти понадобилось пять загонщиков. Испытуемая номер один, оказалась на удивление выносливой.

— Предельное число сорок девять?

— Это подтверждено.

— Что с объектом?

— Регрессия. Полная утрата сознания на пятидесятое возрождение.

— Но согласитесь, предпосылки были отмечены ещё в самом начале. На тринадцатое, не так ли?

— Интересно, очень интересно. Парадоксальные данные. Теория о бесконечном клонировании, без потери целостности личности, опровергнута полностью!

— Нужны дополнительные исследования.

— Военные спонсируют повторный эксперимент?

— Безусловно.

— Что с её семьей?

— Всё по контракту. Год на нашем полигоне, либо до абсолютной регрессии. Посему, полные выплаты — сто миллионов рублей.

— Сколько?!

— У неё четверо детей, в конце концов. Этого хватит с лихвой на их обучение и безбедную жизнь ещё несколько лет после совершеннолетия. Что вы так смотрите? Как будто из вашего кармана их вынимают.

На экранах хорошо видно девушку, в припадке безумия крушащую мебель.

— Эксперимент признан состоявшимся?

— Несомненно.

— Предельное число возрождения клонов, с сохранением сознания и человечности, — сорок девять…

— Может убавить параметр жестокости у био-конструкций загонщиков? Не влияет ли это на чистоту эксперимента? Не слишком ли часто они ждали до последнего?

— И судя по всему, регрессия идёт быстрее, если от рождения до смерти прошло менее суток.

— Это мы решим после проверки данных. Психологическое давление, стресс… Да, это великолепный эксперимент!

— Что с испытуемой?

— Объявим погибшей. Никто не спорит, что её личность умерла вчера? В СМИ опубликуйте статью о её жертве во имя науки.

— Физическое тело утилизировать?

— Обезвредить и оставить на балансе института. Ведь это потрясающий объект для исследований! Не сможем ли мы вернуть её личность обратно?

— А финансирование?

— Потрясём благотворителей.

Туман
Антон Филипович

Туман окутал всё вокруг нежным сумеречным бархатом. Джон неподвижно сидел перед могилой на корточках. Его пальто едва не касалось сырого — от прошедшего недавно дождя — грунта под ногами. Мерцающая надпись на голографической надгробной пластине гласила:

«Эндрю Хэдфилд. 2017–2045. Оставайся собой. Не забывай, кем был».

Джон встал и перевёл взгляд на чёрное — уже почти окаменевшее — кривое дерево, возвышавшееся над могилой. Оно было подобно жуткому чудищу с изогнутыми когтистыми лапами из кошмарных снов. Прибежище умерших душ.

Развернувшись, Джон медленно побрёл к выходу городского кладбища, где его дожидался небольшой жёлтый электромобиль.

— Ричмонд-стрит, дом пятнадцать, — сказал Джон, разместившись на мягком сиденье такси.

Водитель за тонированной переборкой кивнул, и электромобиль мягко тронулся с места. За окном пролетали разноцветные огни вечернего города, тонущие в мягкой пелене тумана. По тротуару медленно брели люди. Но что-то было не так.

«Почему я не вижу их лиц?»

Джон только сейчас понял, что вместо людей видит лишь неясные силуэты, одинокие заблудшие тени, бесцельно странствующие в призрачном мире.

«В тумане люди не отбрасывают теней, в тумане люди сами становятся тенями».

Он закрыл глаза, откинулся на спинку сиденья и тяжело вздохнул. Запустив руку в волосы, Джон нащупал длинный шрам, пересекавший всю затылочную часть черепа. Предавшись болезненным воспоминаниям, он не заметил, как тьма завладела его сознанием. Снов он не видел.

«Что это за звук?»

Джон открыл глаза, электромобиль не двигался. Водитель ещё раз постучал по стеклянной переборке.

— Да, простите, — сказал Джон. — Кажется, я заснул.

Он провёл карточкой по терминалу оплаты и вышел из такси.

Старенький обветшалый дом возвышался над ним. Потрескавшиеся кирпичные стены, облезшая краска на трухлявых досках веранды, серые влажные ступени, ведущие во мрак.

«Что ты здесь делаешь, Джон?»

Стояла оглушительная тишина. Мир вокруг казался совершенно безжизненным. Ни звука города, ни пения птиц, ни дуновения ветра. Лишь едва уловимый шелест шин удаляющегося такси на мокром асфальте.

Джон поднялся на веранду. Стук в дверь показался ему тяжким преступлением против негласных законов тишины, царящих в этом безмолвном мире. Он вздрогнул. Дверь со скрипом открылась.

— Джон… — Хрупкая бледная девушка смотрела на него усталыми глазами сквозь щель отворившейся двери. — Мм… проходи, пожалуйста, — немного замешкавшись, сказала она.

Внутри было темно и холодно. Окна — занавешены.

— Располагайся, — робко сказала девушка. — Я пока приготовлю чай. Электричество, правда, отключили. Наверное, какие-то неполадки. Извини за неудобства.

— Ничего, — сказал Джон. — Всё хорошо.

Она опустила голову и прошла на кухню. Тусклый свет из окна кухни освещал сквозь дверной проём старинный деревянный комод у стены гостиной. На нём стояла одна единственная фотокарточка в рамке. Рядом лежало обручальное кольцо. Джон подошёл и взял фото в руки. Софи в объятиях Эндрю. Широкая улыбка, мягкий тёплый цвет кожи, пронзительный взгляд. Счастливая, живая… такой он не видел её никогда.

Пройдя на кухню, Джон присел на старенький скрипучий стул. Единственным украшением помещения был одинокий цветок в небольшой вазе на столе.

— Ты давно не заходил, — сказала она, старательно избегая его взгляда.

— Да, прости, Софи. Всё не складывалось как-то, — сказал Джон и, помолчав, добавил: — Я был на могиле Эндрю сегодня, вот и решил навестить тебя.

Она остановилась на миг и бросила на него беглый взгляд.

— Понятно, — тихо произнесла Софи и поставила поднос с чайными принадлежностями на стол. Её худые руки мелко тряслись.

Джон налил чай в чашку, положил два кусочка сахара и добавил немного сливок.

Уголки губ Софи едва заметно дрогнули в мимолётной улыбке.

— При первой нашей встрече ты пил чай без сахара и с лимоном, — сказала она.

— Многое изменилось. Я унаследовал некоторые привычки Эндрю, полагаю. Ну, например, я стал рано просыпаться, полюбил

пешие прогулки и начал интересоваться литературой. С удивлением обнаружил в себе любовь к классической музыке. Эндрю ведь любил классику?

— Да, очень.

Джон кивнул.

— А ещё эта монетка…

— Да, отвратительная привычка. Он порой жутко раздражал меня этим, — Софи слабо улыбнулась.

Джон улыбнулся в ответ.

— Знаешь, я никогда тебе этого не рассказывала, — посерьёзневшим голосом сказала Софи и посмотрела Джону в глаза. — Незадолго до операции он пытался покончить жизнь самоубийством. Тогда удалось его спасти, и я сказала ему: «Эндрю, если тебе так не терпится покинуть этот мир, сделай это хотя бы с пользой». Представляешь? Я не ругалась, не кричала на него и не молила больше так не делать. Просто попросила не лишать себя жизни напрасно. И… буквально через несколько дней объявился ты. Он согласился на операцию без колебаний.

— И я никогда не забуду этого. То, что он… то, что вы оба сделали ради меня, чем пожертвовали, — растерянно произнёс Джон.

— У него умирало тело, у тебя часть мозга, это был единственный шанс. Для вас обоих.

В комнате повисла гнетущая тишина. Мрачные стены дома, казалось, стали сжиматься и давить.

— На что это похоже? — прервала неловкое молчание Софи. — Я хотела сказать, что ты чувствуешь? Это как при раздвоении личности?

— Нет, не думаю. Хотя, признаться, я и сам с трудом могу сказать каково это. Я просто делаю странные вещи, принимаю не свойственные мне ранее решения, меня посещают мысли о некоторых вещах, доселе не волновавших никогда. Это происходит совершенно естественно, но одновременно с этим я помню, что раньше ничего такого не было, и поэтому мои же действия и мысли порой кажутся чуждыми и совершенно бессмысленными. Надеюсь, со временем эта граница размоется, и я перестану замечать эти противоречия.

— И тогда Эндрю уйдёт, навсегда.

— Я не это имел в виду. Софи, послушай, он всегда будет частью меня. Или я частью его… даже не знаю уже. Я ведь только хочу понять, разобраться, кем я стал и как мне жить с этим дальше.

У девушки в глазах стояли слёзы. Она молчала.

— Мне лучше уйти, — сказал Джон.

— Нет… просто… это так странно, — сквозь слёзы проговорила Софи и тихо заплакала.

Джон молча смотрел на неё ещё несколько тягостных секунд. Она не поднимала взгляд.

— Я всё же пойду, — сказал он и встал. — До свидания, Софи.

Покинув обитель скорби, он неспешно двинулся в сторону набережной в трёх кварталах отсюда. Туман отступил на почтительное расстояние и притаился словно хищник, облизывая крыши зданий. В прояснившемся вечернем небе уже загорались первые звёзды, приглушённые млечно-бледным светом расколотой луны.

«Когда-нибудь я обязательно скажу тебе. Скажу, как неумолимо меня тянет к тебе, что думаю о тебе всё время. Софи, милая Софи. Обещаю, я найду способ и вытащу тебя из этого капкана отчаяния. И себя, надеюсь, тоже».

Джон сделал глубокий вдох. Холодный осенний воздух бодрил и освежал.

Он почувствовал прилив сил. На мгновение ему даже показалось, что всё наконец стало на свои места, и теперь он обрёл самого себя.

«Чёрт возьми, но как же… как понять, мои это желания и мысли или его? Мой ли это выбор?»

Джон достал из кармана серебряную монету. Большой палец его руки распрямился, и блестящий диск с тихим звоном взмыл вверх. Раз, ещё раз, и ещё.

Одинокая фигура Джона медленно растворялась во вновь сгустившемся тумане, пока не исчезла совсем, став его неотъемлемой частью. Его тенью.

Жбан
Артём Кельманов

Кумекаешь, барин, отчего меня прозвали Васька Говорун? Это ведь оттого, что я правду всегда говорю, не утаивая. Так и тебе как на духу расскажу — вот как было всё, так и расскажу.

Сенька, сынишка мой, в деревню его из лесу привёл. Денёк тогда выдался тёплый, солнечный. Я, помню, топор натачивал…

А то как же, барин, — конечно, из лесу! Из вот этого самого! Да мы потом на то место ходили, где он его встретил. Яма там в две сажени, земля вся выжжена и дерево сгорело, дуб старый.

Словом, я натачивал топор. Тут слышу — Сенька народ по избам кличет: «Эгей, полюбуйтесь, я лешего привёл!»

Я топор-то прихватил, да и вышел навстречу. Все вышли на лешего посмотреть. И ты бы его видел, барин! Батюшки-светы, я дотоле этаких страшных не встречал — руки-ноги железные, пузо блестит, голова — что твоё ведро. Глазищи круглые, светятся. И Сенька мой, белобрысый, рядом бежит, улыбается, сам тому лешему чуть выше колена.

Какой же тот оказался здоровенный! Мы-то все едва до плеча ему доставали, а кое-кто и того был ниже, разве Никодим только одного почти роста, да батя его, но с ними-то мы пообвыклись, да и всё ж таки они лешему тоже уступали.

Да, ещё у него шишка на лбу была, красная, а на шишке буквами слово написано. Буквы те чудные, вроде бы наши, а вроде и не совсем. А слово — совсем уж непонятное, «вклвыкл». Гадали, что же оно значит — кто-то что-то клевал или выклевал? Прохор, мельник, сказал, что это — заклятье ведьмино, что избавляться от лешего надо, гнать подобру-поздорову, а то худа не оберёмся. Впрочем, это он после уже сказал, когда решали, что с ним делать, а сперва-то все молчали, страшно было. Тряслись все, да виду не показывали. И леший тоже молчал, глазищами токмо водил туда-сюда.

Тут Сенька молвил:

— Ну вы чего! Он же хороший, добрый, его Андроном звать. Говорит, что людям он друг и помощник.

Прохор осмелел первый:

— Где ж это видано, — говорит, — чтобы леший в деревню приходил, да ещё и людям помогал? Соврал он тебе, сила нечистая, вестимо, погубить всех нас задумал.

Тогда сразу все загомонили, спорить начали. Я Сеньку стал расспрашивать, где, мол, он лешего встретил. Он мне тут и про

лес, и про яму поведал. Сказал, что сперва испугался, да опосля как-то с лешим подружился, а тот вместе с ним в деревню и пришёл. Прохор тогда как раз про заклятье сказал и что избавляться надобно.

Железный всё молчал, а тут вдруг молвил:

— Не надо от меня избавляться, я вам пригожусь! — голос был точь в точь, как если бы колокол вдруг по-людски заговорил. Каждое слово — «Бом! Бом!»

От неожиданности все, известное дело, снова оробели. Ещё бы, за спором, пока леший молчал, про него будто и думать забыли, а тут — такое!

Ну вот, барин, потом он рассказал нам, что вовсе он не леший, что кличут его Андроном… Вернее сказать, похожее имя было, Андрой или Андрод, да Андрон-то — хоть имя человеческое. Впрочем, он говорил, что таких, как он, всех зовут Андронами, потому мы его Жбаном и прозвали. Он не обиделся, даже, пожалуй, понравилось, что теперь собственным именем наречён.

Много таких? Он сказал, что много, но у нас он один был. Всему свой черёд, слушай дальше.

Слово за слово, решились мы Жбана у себя оставить, тот обещал во всём нам помогать и от работы не отлынивать. Прохору пообещали за ним присматривать и, ежели что не так будет, прогнать обратно в лес. Прохор возразил, что поздно будет, да как-то поверили мы Жбану — хоть и страшный был, а Сеньку не обидел. И пара рук лишняя в хозяйстве сгодится.

Да вот ведь в чём загвоздка — никто его к себе брать не захотел. Сызнова спорить начали.

Никодим бороду почесал, да и буркнул:

— Пусть Васька Жбана у себя поселит, — это про меня-то. — Чей сын-то его привёл?

Все согласно закивали. Я, было, попытался воспротивиться, да никто уж слушать не стал — довольны были, что со своих плеч ношу скинули. Зато как Сенька обрадовался — прыгал и скакал вокруг, как тот кузнечик!

— Ну пойдём, что ли, — говорю железному, да сам домой направляюсь.

Жбан ничего не ответил, а просто следом двинулся.

Вдруг по пути молвит:

— Господин Васька, — честное слово, так и сказал, — давай я топор наточу.

Я ему топор доверить побоялся, ответил, что это уж я сам как-нибудь, да и господином меня нечего величать. Дал метлу ему, пусть бы двор подмёл, Сеньку в дом отправил, а сам с

топором пошёл. Иду такой, а сам думаю, что вот ведь свалился на мою голову.

Вслед вдруг слышу, опять «Бом! Бом!» — колоколом своим звенит:

— Васька, всё готово, двор подмёл! Что дальше делать?

Ага, так я ему и поверил! Оборачиваюсь, да челюсть вниз от удивления так и уронил — отродясь такой чистоты во дворе не было, могла бы от чистоты земля сверкать — сверкала бы, а самое главное, что и не слышал я совсем, как он подметал, так, лёгкий ветерок.

Говорю ему:

— Ты отдохни пока, а я уж пораскину умом, чем тебя занять.

Сказал, а сам глазам не верю. Жбан тем временем кивнул, да и встал, как истукан, с метлой в руке — хоть в поле ставь, ворон отгонять. Я его покамест так и оставил, нужно было с топором закончить.

Пока точил, Сенька выскочил, а за ним — Фроська, жена моя.

На двор подивилась и на Жбана с метлой, а затем и вопрошает:

— Скажи, чудище лесное, что ты обыкновенно кушать изволишь?

Тот отвечал, что никакой еды ему и не потребно вовсе. Такое вот диво — не ел он, барин, да и, как потом узнали, не спал совсем. Фроська лоб рукавом-то утёрла, обрадовалась, знамо, что нас не слопает.

Я тем часом топор наточил, да у Жбана спрашиваю:

— Сумеешь ли ты дров нарубить?

— Ещё бы, конечно!

Даю топор ему — не успел опомниться, как он столько уже нарубил, что останавливать пришлось. Да дровишки, барин, получились ровнёхонькие, одно к одному — чудеса, да и только. Он и в поленницу их мигом сложил.

Я тогда водицы из ковша отпил, да Жбана за собой в избу позвал. Он, само собой, согнулся в три погибели, но в избу зашёл. Светит глазами — светло, как днём! Фроська посетовала, что лучина такого света не даёт, — как ведь было бы всё хорошо видно. А я, барин, веришь, полушку нашёл — с полгода как выронил, да и потерял, а тут глядь — она в самом углу, в щёлку угодила, да и застряла там. Подобрал, а то ведь добрый знак был — к удаче, ясно, Жбан объявился.

В избе ему тесно было, потому мы его в хлеву и разместили. Мы с Фроськой в тот день полночи не засыпали — имелось, о чём посудачить. А Сенька — тому хорошо спалось, дитё ведь, — лежал себе, потягивался сладко, да улыбался во сне.

На новый день просыпаемся, а Жбан уже корову подоил и яйца у кур собрал, стоит под дверью, нас дожидается.

Так вот, барин, он у нас жить и стал. Оказалось, в его руках любое дело спорится — мы его к работе и приспособили тогда. И по двору, и по хозяйству — сперва у нас токмо, а потом и по всей деревне, скорости-то ему хватало, шустрый ведь был, каких поискать. В поле хорошо работал, его в поле вообще можно одного было выпускать, да мы всё равно с ним ходили, потому как без дела не привыкли.

Детишки в нём души не чаяли, а Жбан играл с ними — в прятки, например. Он же большой, за бочку спрятался — всё равно видать его, а мелюзге весело, хохочут, смехом заливаются. Катал их на загривке, а у него скорость — будь здоров, наперегонки с лошадьми бегал. Детям ветер в лицо, счастьем лучатся и улюлюкают на всю округу. И вроде на вид-то Жбан чудовищем был ужасным, а на деле оказался добрейшей души.

А мы что думали? Нам, барин, Жбан, известное дело, тоже нравился, не только детям. Никодима он всякие штуки из дерева выпиливать научил, Фроське вот показал гриб какой-то, который можно в суп добавлять, чтоб тот сытнее становился. А как-то раз он досочку смастерил, а на ней клетки вырезал, камушков раздобыл, чёрных и белых, да забаву нам показал, шашки называется — камушки по клеткам прыг-скок, да других камушков всех перепрыгать должны!

Да что ты барин, откуда ж мне знать, что есть такие шашки! И что порочная игра эта — мы тоже не знали. Раз так — всё на исповеди расскажу, вот те крест! Да ведь мы-то в сущности просто забавлялись, а Жбан, тот лишь хотел для нас доброе дело сделать.

Прохор разве что его сразу невзлюбил, говорил, что не к добру всё это, да потом, опосля того, как Жбан Ивашку спас, тогда и Прохор переменился. А дело было вот как. Ивашка, старший Прохоров сын, повёз муку в город, а дорога по первости лесом идёт, — так на него волки выскочили, пытался удрать, да лошади тяжело было. Поверишь ли, барин, — Жбан за десять вёрст услыхал, домчался мигом, да волков тех прогнал. За ногу Ивашку, конечно, цапнули, но ведь живой же остался.

Прохор тогда горючими слезами обливался, Жбана обнимал как родного, благодарил, да всё молил простить его, на что Жбан ему сказал: «Что же мне было обижаться? Ты ведь хороший мужик, Прохор, просто моего племени доселе не встречал». А тот слёзы утирал и всё спасибо говорил.

Полностью к Жбану, ясное дело, было тяжко привыкнуть, потому и нелепости случались. Один раз ночью пошёл я до ветру,

увидел, как тот глазами светит, да чуть на месте и не сделал то, из-за чего вышел. Жбан сидел на лавочке, а на коленке у него, свернувшись калачиком, котёнок серенький спал. Жбан своей железной ручищей тому котёнку ласково за ушком почёсывал, а сам на луну смотрел и на звёзды. По дому тосковал.

— Скажи на милость, откуда ж ты такой чудной взялся? — спрашиваю его.

Он мне тогда поведал, что явился к нам из будущего времени. Как это так? Да очень просто. Вот у нас год одна тысяча пятьсот семьдесят третий от Рождества Христова, а у них — две тысячи сто двадцатый. К нам Жбан по ошибке попал, а вернуться не может, поскольку для того специальная штуковина нужна, какую люди из будущего ему в дорогу дать позабыли. Так что назад ему путь заказан, а рождён был людям помогать, вот потому-то за Сенькой в лесу и увязался.

Следующим днём мы Жбана стали расспрашивать, как, мол, у них в будущем — он такого нарассказывал!

Простые люди у них как баре живут, а баре — и того лучше, только называются иначе. Мясо могут есть хоть каждый день, а не только лишь по праздникам. Правда есть такие, что совсем не едят. Почему? Да я и сам не понял — не любят или не хотят, чудные они.

Живут люди в огромных городах. У них есть телеги, которые сами по дорогам ездят, а есть и такие, которые по небу летают — Жбан сказал, что это очень большие телеги. Какие-то и до луны долетают. Во всём там людям помогают такие вот Андроны, как наш Жбан, потому у людей всего вдоволь, а трудятся они лишь по желанию. Всегда в тепле живут — представляешь, барин?! И зимой печку топить не надо! И молодые они до ста лет!

Откуда Андроны берутся? Жбан сказал, что ему сложно нам объяснить. Единственно, я понял, что каких-то Андронов люди делают, а каких-то — сами Андроны. А вместо имён у них цифры — первый Андрон, второй и так далее.

Таких небылиц и чудес про будущее время нам Жбан рассказал — поди ж поверь!

Никодим послушал его и говорит:

— Хорошо вы живёте. Чай, у вас там, наверное, и Страшный Суд уже был, и Господь второй раз явился.

А Жбан ему молвит в ответ, что у них всеми признано, что Бога нет на свете, полная победа людского разума.

Тут Тимофей, Никодимов батя, осерчал, ох как осерчал! Как треснет Жбану по лбу половником — тот дух-то весь и испустил. Стали мы его трясти — не шевелится. И глаза перестали светиться. Жутко нам стало.

— Что ж ты наделал? Каяться, — говорю, — тебе придётся, Тимофей.

— Дык ведь он же нехристь железная, — отвечает, хотя сам, видно, не на шутку испугался.

— Может, и нехристь, а человек был хороший.

Решили мы горемыку схоронить. Никодим гроб сколотил, мы Жбана туда еле-еле вчетвером положили. Собралась вся деревня проститься. Крестили лбы, плакали. Прохор Тимофея ругал. И Тимофей сам себя ругал. Дети к мамкам прижимались. А Жбана только добрым словом поминали. Такая вот судьба — родился в будущем, а помер в прошлом, да и как-то по-глупому. Я вспомнил, как он на звёзды смотрел, как детишек катал… И не заметил, когда щёки успели намокнуть.

Как простились все, то мы его сразу повезли в лес хоронить. Гроб заколотили, на телегу взгромоздили, да и не спеша двинулись по дороге. Ивашка правил лошадью, Прохор сзади сидел, возле гроба, а мы с Никодимом плелись вслед за телегой.

Как в день, когда Жбан появился, было тепло и солнечно, так в этот небо затянули тучи. Начал накрапывать мелкий дождик. Где-то каркала ворона. Неисповедимы пути Господни, послал нам Жбана, а с ним — радости и небывалых чудес, да вот теперь назад забирает, хоть тот в Бога и не верил.

Довезли до крестов, взяли лопаты и начали нашему Жбану копать могилку. Когда закончили, уже сгущались сумерки, а из-за туч казалось ещё темнее, чем было. Подняли мы гроб, понесли. А как начали опускать — так я выронил, тяжёлый он, зараза, был, прости Господи! Громыхнуло будь здоров! Мужики на меня покосились нехорошими взглядами.

Вдруг, там внизу, в могиле — стучится! И колокол знакомый из гроба: «Вы чего ж это, православные, учудили!»

Воскрес, вот те крест, барин! Ох, мы и перетрухнули — кровь у меня в жилах застыла, Никодим побледнел, на смерть стал похож, а Прохор, тот вообще наземь повалился — думали, теперь и его хоронить придётся, да поторопились, Ивашка ему по щекам похлопал — оклемался.

Слабость у Жбана оказалась — засыпает он, если по шишке стукнуть, да так спать и будет, пока не стукнуть снова, а слово на их наречии это и означает. Прав был видно Прохор насчёт заклятья.

Обрадовался Жбан, сказал, что, если б лбом не ударился, когда гроб уронили, так бы лежать там и остался. А вот ежели бы мы его живьём закопали, то, говорит, наверное, выбрался.

То-то бы мы удивились, кабы он, откопавшись, в деревню пришёл!

А через неделю Жбан нас покинул. Погоревали мы, что умер, порадовались, что воскрес, а как-то вечером в деревне появились два мужика в диковинных белых одеждах. Безбородые, хоть и не юнцы.

Жбан навстречу им побежал:

— Господин Гоша! Господин Рома!

— Здравствуй, А сто четырнадцать! — ответил тот, что постарше.

А тот, что моложе, вытащил маленькую коробочку, во все стороны крутится, да в коробочку ту смотрит. По-нашему они, в отличие от Жбана, не говорили. Так, отдельные слова похожие. Хотя, конечно, они больше звуками говорили: «Да-а-а!», «О-о-о!», «Вау!»

Тот, что с коробочкой, начал нам показывать, чтобы покучнее встали. Жбан сказал, что всё хорошо. Чудной мужик подошёл к нам, вытянул руку и показал смотреть на коробочку. И вдруг мы в коробочке той появились, как в отражении, только маленькие — и я с Фроськой и Сенькой, и Никодим с Тимофеем, и Прохор с Ивашкой, и все, кто там был, и сам чудной мужик, и, конечно же, Жбан. Мужик в коробочку ткнул пальцем, а затем что-то радостно провозгласил.

Жбан растолковал нам, что это — люди из будущего времени, что они прибыли за ним и захватили ту хитроумную штуковину, без которой назад не вернуться.

— Пришло время прощаться, — прозвенел Жбан.

Сенька прижался к его ноге, а сам наверх смотрит:

— Жбан, а покатай ещё разок, пожалуйста.

Я частенько вспоминаю тот вечер — и как Жбан посадил Сеньку на плечи, как они бежали вместе, обгоняя ветер, как светила полная луна и так любимые Жбаном звёзды. Вспоминаю, как мы прощались — слёз было едва ли не больше, чем на тех самых похоронах. Вспоминаю то, как диковинные люди из будущего, оставив нам маленький подарок, вместе со Жбаном исчезли в свете ударившей молнии, и то, как Жбан, исчезая, махал нам всем на прощание своей огромной железной ручищей.

Так-то вот.

Мы потом хотели из дерева такого Андрона выстругать, даже буквы написали и по лбу колотили, но тот всё равно не ожил — видимо, нужно было из железа ковать…

Эх, барин, да где же я брешу-то?! Где ж брешу, когда все подтвердят, да и на место сходить можно — яма до сих пор красуется. И доска для шашек осталась.

К слову, и подарок тот от людей из будущего мы сберегли. Ты только не обессудь — то, что внутри было, мы съели, на цвет —

не поверишь, как что, а на вкус — слаще мёда. А бумажка вот осталась — не как страницы в Библии — смотри, барин, диковинная — буквы тоже и девочка в платочке нарисована, как живая!

Ктомыдети
Андрей Кокоулин

— Скажи, — попросил Храпнёв.

Зажатый большим и указательным пальцем перед глазами Лисс закачался зелёный кристаллик леденца.

— Скажи, что это такое?

Некоторое время Лисс таращилась на Храпнёва, потом рот её разошелся в широкой улыбке.

— Кафетка! — сказала она.

— Молодец.

Храпнёв расстался с леденцом, и Лисс, зажимая подарок в кулачке, косолапя, выбежала из-под козырька полевой станции.

— Выплюнет, — сказал Рогов.

— Не важно.

— Ты думаешь?

Повернувшись всем телом, Рогов посмотрел, как Лисс в дальнем углу освещённой местным солнцем смотровой площадки пытается разгрызть леденец. Белое короткое платьице трепал ветер. В стороне раскручивал лопасти анемометр.

— Нет, кажется, она запомнила, что это нужно есть, — сказал Рогов.

— Послезавтра спрошу ещё раз.

Храпнёв выщелкнул из панели карту памяти — серый прямоугольник с точками контактов.

— Закончил? — спросил Рогов.

— Да. Свёл, продублировал. Получилось около четырехсот гигабайт общего массива. Метеокарта за день, данные с датчиков, сто шестьдесят часов видео с десяти точек, отчёты Колманских и Шияса, медицинские показания, твои записи.

— Тогда собираемся?

— Да.

Вдвоём они свинтили рабочую панель и погрузили её на ховер, затем сложили крышу станции, последовательно сдвигая листы один в другой. Рутинная ежедневная работа. Расправившаяся с леденцом Лисс скакала рядом, гукая и хохоча.

— Ты радуешься? — спросил её Храпнёв.

— Яда, — кивнула Лисс.

— Ну, на сегодня всё, — сказал Храпнёв. — Беги к себе.

— Сё?

Лисс вопросительно повернула голову. Ни один ребёнок не смог бы этого повторить. Ни один земной ребёнок. На щелчка, ни

треска костей — просто шея перекрутилась в глубокие наклонные бороздки.

— Да. Всё.

Храпнёв с Роговым затащили сложенную крышу в тесный салон, закрепили в магнитах у правого борта и занялись стенами, выдирая лёгкие пластоновые секции из пазов. Лисс молча смотрела на их сосредоточенную работу. Девочка в платье. Храпнёв не мог сказать, стало оно в «горошек» недавно или было таким всегда.

— А явтра?

Рогов отдал снятые панели коллеге и присел перед Лисс.

— Так поворачивать голову нельзя, — сказал он.

— Чему? — улыбнулась Лисс.

— Потому что люди так не делают.

— Чему?

— Потому что умирают.

Рогов прижал перчатки ладонями к личику Лисс и осторожно, медленно скрутил шею девочки обратно.

— Вот так. Поворачиваются, переставляя ноги.

Он помог ей развернуться.

Одна нога в колене, правда, просто загнулась в другую сторону, но Рогов решил не обращать на это внимания.

— Учше? — спросила Лисс.

— Да, так лучше.

— Бёнок! — выкрикнула Лисс, победительно вскинув руки, на которых было три и четыре пальца.

— Да, ты — ребёнок.

— Саня, — позвал Храпнёв.

Он закинул в ховер сейсмодатчики и атмосферную станцию, смотал кабели. Осталось только погрузить энергобатарею. Одному её, дуру тяжёлую, ребристую, было не поднять.

— Иду.

Рогов подошёл к батарее, взялся с другого конца. Потянули, подняли, потащили к ховеру, печатая следы в рыхлом песке.

— А явтра? — преградила им дорогу Лисс.

— Надо же, — вслух удивился Рогов. — Не так всё и плохо у наших детишек с памятью. Про леденцы запомнила, какую-никакую логическую цепочку из нашего отъезда сложила. Глядишь, выйдет толк.

— Лисс, отойди, — попросил Храпнёв.

Девочка в платьице раздвинула губы.

— Кафетка?

Пуф-ф! — батарея одним концом хлопнулась в песок.

— Пошли-ка!

Храпнёв схватил девочку за руку и поволок на смотровую площадку. Сквозь ткань перчатки рука её казалась мягкой, как желе.

— Завтра мы будем во-он там! — показал он на поблескивающий вдалеке купол. — Хочешь, приходи туда. Хочешь?

— Хасю!

— Тогда — до завтра.

Храпнёв оставил девочку на смотровой площадке, по пути выдернув штырь анемометра.

Батарею погрузили в молчании. Рогов — в неодобрительном. Храпнёв — в раздражённом. В том же раздражении он хлопнул створками.

— Чего ты завёлся? — спросил Рогов, когда они сели в ховер.

— Я спокоен, — сказал Храпнёв.

— Они просто медленно усваивают информацию. Думаю, ещё медленнее формируются устойчивые кластеры памяти.

— Вот-вот, — сказал Храпнёв.

— Им просто никогда этого было не надо, — сказал Рогов.

— А нам?

Ховер взревел, из-под юбки его вылетели песок и мелкие камни. Надвинулся, наплыл неровный край. Лисс пропала из виду, но Рогов успел махнуть ей рукой.

— Поехали, — Храпнёв прибавил скорости.

Замерев на секунду, ховер заскользил по склону вниз.

Оранжево-серая каменистая равнина распахнулась перед Храпнёвым и Роговым, шустро растеклась с лобового экрана на боковые. Редкими вехами полетели мимо белесые, обточенные ветрами валуны. Слева вспухла и побежала рядом, иногда удаляясь и выписывая зигзаги, каменная борозда.

— Видишь? — Храпнёв указал на желтеющие за бороздой пятна.

— Вода? — спросил Рогов.

— Да, кальцинирование почвы. Думаю, можно поставить и заглубить насос и фильтры. Наверняка водоносный пласт поднялся.

— Ну, это на будущее.

Храпнёв покосился.

— Переживаешь?

— Из-за кого? Из-за Лисс? — удивился Рогов.

— Сам сказал.

— Просто… Тебе же вроде бы нравилось с ней возиться.

— Нравилось, — Храпнёв двинул джойстиком, и ховер опасно прошёл между скальными обломками высотой под пять метров.

Тень на мгновение накрыла людей.

— И что изменилось?

— Вы! Ты, Колманских, Каспар. Вы их начали воспринимать как…

— Детей.

— Да! Не говоря уже о Панове и Дашке, которые целый детский сад открыли, посчитав это своей миссией.

— И это логично.

Храпнёв нажал кнопку на пульте и перевёл ховер в режим автопилота.

— Нет, — сказал он. — Это не логично. Это проявление слабости. Они — не дети. А мы — не воспитатели.

Ховер повернул. Жаркий рыжий шарик светила прокатился по стеклу и застрял в верхнем углу. Впереди очертился, приподнимаясь над пейзажем, грязно-серый купол базовой станции. За ним белела осыпь, притворяясь неправильным, искажённым горизонтом.

— Кстати, может как раз заедем? — предложил Рогов.

— К Панову?

— Да.

— Да пожалуйста, — пожал плечами Храпнёв.

Он снова взялся за джойстик. Ховер, стреляя камешками, резко заскользил вправо.

— Дело не в том, нравится мне или не нравится, — сказал Храпнёв. — Дело в подмене цели. Смысла. Вы что, думаете здесь вырастить человечество?

— Почему нет?

— Это — не человечество!

Рогов улыбнулся. Лобастый, лысеющий Храпнёв напомнил ему земную птицу. Только не вспомнить, какую.

— Всё зависит от нас, — сказал он.

Храпнёв рассмеялся, закачал головой. Ховер пополз на взгорок. Мелькнула сложенная из камней, явно рукотворная пирамидка. Стекло потемнело, поляризуясь под прямыми солнечными лучами.

— Саня, пойми, — сказал Храпнёв, — мы умрём. Пять, десять, пятнадцать лет. Кто-то из нас, может, как Вальковский, тоже решит повеситься. Что от нас останется? Вот, — он махнул картой памяти у Рогова перед носом. — Только это. А эти твои…

— Что?

— Забудут.

— Не знаю, — сказал Рогов. — Не уверен.

— Доказательства?

— Вика.

— Вика — отдельный разговор.

— Она ходит на могилу к Вальковскому уже пятый месяц.

— Просто хорошая, как исключение, память.

— Женька любил её.

— А она? — фыркнул Храпнёв. — Она хоть что-то к нему испытывала? Или ты разглядел в ней зачатки человеческих чувств?

— Обрыв, — сказал Рогов.

— Я вижу.

Храпнёв дёрнул джойстиком. Ховер подскочил. Взгорок повернулся склоном, на рыжей шкуре которого, как потертость, забелела натоптанная тропка. Внизу, там, где тропка, закручиваясь, ныряла под каменную арку, полоскал на ветру укреплённый на шесте флажок.

За аркой, почти сливаясь с бедным пейзажем, белел похожий на валун дом. Вокруг дома были разбиты грядки, прерывистой линией тянулась сложенная из камней неряшливая ограда.

Небо вдруг потемнело, протаяло до космической пустоты с редкими пятнышками звёзд, распахнулось над ховером, последовал неслышный могучий вздох, плеснуло тусклое зеленоватое свечение, и окружающее пространство вздрогнуло вместе со взгорком, покачнулось, мелкие камешки брызнули по склону.

Храпнёв запоздало притормозил.

Минуты две-три они с Роговым, переглядываясь, ждали, потом издалека пришёл грохот, и справа на горизонте просела горная гряда. Налетел ветер, какое-то время песчинки искрами бомбардировали экраны ховера. Машину, несмотря на работающую турбину, метров на пять оттащило в сторону. Храпнёв чертыхнулся, выправил ховер и погнал его вниз.

— Почему ты не допускаешь, что у них могут формироваться чувства и привязанности? — спросил Рогов. — Если они перенимают даже внешнее сходство…

— Именно! — сказал Храпнёв. — Картинки, выхваченные из твоей, моей, любой другой головы! Ничего настоящего. Бессознательная мимикрия. Какие, к дьяволу, чувства? Это отзеркаленные твои или мои чувства!

Он остановил машину у ограды, сдув несколько верхних камней.

Юбка воздушной подушки опала. Под угасающий вой турбины в доме открылась дверь, и из неё выглянула женская фигура в синей накидке. Пытаясь разглядеть гостей, она приложила ладонь ко лбу.

— Странная мимикрия, — сказал Рогов, выходя из ховера. —

Почему они тогда не нас копируют, а детей?

— Потому что мы никогда не причиним детям вреда, — сказал Храпнёв, подхватывая сумку. — В нас вбит императив сохранения потомства.

Он поймал себя на сильнейшем чувстве дежа вю, потому что день, неделю, месяц назад они, кажется, говорили о том же и теми же словами.

Было? Не было? Сейчас Саня поинтересуется…

Он замер.

— Теория заговора?

Фраза всё же была другой.

— Я ещё не решил, — ответил Храпнёв.

К низким ступенькам крыльца они подошли с разрывом в три шага. Рогов удостоился поцелуя женщины первым.

— Александр.

— Привет, Даша.

Он подержал женщину за локоть. Но коротко, чтобы не будить в товарище чувство ревности. Женщина была красива, правда, красоту её уже скрадывали многочисленные морщинки и тени под глазами. Седеющие волосы она прятала под платком.

— Привет, Дашка!

Храпнёв не мог без того, чтобы не обнять. От Даши пахло кисловато, пропитанной потом, не стиранной одеждой.

— Лёшка!

Женщина рассмеялась, когда он одной рукой приподнял её от крыльца.

— Как твои дела? — спросил Храпнёв, вглядываясь в карие глаза давней своей любви.

Рогов за их спинами тактично исчез, скользнув в дом.

— Хорошо. Отпусти!

— Я захватил консервов со станции, — обнимая, Храпнёв умудрился тряхнуть сумкой.

Пок-пок-пок — застучали друг о друга пластиковые контейнеры.

— Украл?

— Барабанов сам выдал, лишь бы меня не видеть.

— Димка — стратег.

— О, да! Стратегия — это найти всем работу.

— Наверное, это и хорошо?

Храпнёв разжал руку, и женщина, помедлив, опустилась на крыльцо.

— Он стал желчный и замкнутый. И нервный — слова не скажи. Кстати, принципиально не общается… ну, ты понимаешь. Что делает в одиночестве на станции, не представляю. То ли спит,

то ли не спит.

— Ты бы присмотрел за ним, — сказала Дарья.

Храпнёв подмигнул.

— Я за всеми присматриваю.

— А я думала, Рогов — безопасник.

— За ним я тоже присматриваю.

Дарья хмыкнула.

В прихожей было пусто. Мужской комбинезон сиротливо висел на крючке, придавая аскетичному серому пространству некий изыск светоотражаемыми вставками.

Вслед за Дарьей Храпнёв прошёл в дом, оценивая перемены, которые случились здесь со времени прошлого визита.

Первое, конечно, рисунки.

Их стало гораздо больше. Лёгкие пластоновые прямоугольники ровными рядами белели на стене. На них скакали синие двугорбые лошади, теряли корону принцессы, росли кривые деревья с красными шишками на ветках, распускались диковинные цветы и дышали огнём чудища. Кое-где была разрисована и сама стена — какими-то спиралями, загогулинами, червячками и человечками.

Второе — появились неказистые полочки и поделки из того же пластона. Угол стены был испещрён метками — видимо, мерили рост. На свободном месте на железном листе держался на магнитах ворох разноцветных букв, из которых кто-то сложил без пробелов, слитно: «ктомыдети».

— Как успехи? — спросил Храпнёв.

— Хорошо, — просто ответила Дарья.

— Профанацией не кажется?

— Лёш, — поморщилась Дарья, — мы всё уже обсудили.

— Я вот просто… — Храпнёв указал на буквы. — Они же им не нужны. Я серьёзно. Здесь важен носитель.

Он стукнул себя пальцем по виску.

— Не думаю, — сказала Дарья. — Я вижу. Они меняются, пусть очень медленно, но меняются. Любят сказки.

— Я тоже люблю сказки.

— Это совершенно другая жизнь.

Они перешли к валуну в середине комнаты. Плоская, отполированная вершина камня служила обитателям дома обеденным столом. Сквозь не очень круглую дыру в потолке проникал свет. Храпнёв принялся выкладывать из сумки консервы.

— Ты, наверное, хотела сказать — форма жизни.

— А какая разница? — посмотрела на него Дарья.

— Вы слишком…

Из глубины дома неожиданно дохнуло красноватыми отблесками, многоголосьем, детским криком. Потом, видимо, захлопнулась дверь, и крики отрезало. Появился весёлый Рогов. Храпнёв мотнул головой, отгоняя почудившуюся ему жуть.

— Что там? — спросил он. — Жертвоприношение?

— Дети, — пожал плечами Рогов.

— Как они тебе? — поинтересовалась Дарья, укладывая продукты в автономный холодильник.

— Очень непосредственные и живые, — сказал Рогов, читая маркировку последнего контейнера. — Курица в панировке. У меня вообще сложилось впечатление, что они вполне самостоятельны, как сообщество.

— А вы знаете, чему мы их научили? — Глаза женщины блеснули. — Мы научили их спать!

— О! — сказал Храпнёв.

— Блин, Лёшка! — стукнула его кулаком в плечо Дарья. — Это на самом деле было трудно.

— Ай! — Храпнёв потёр место удара. — Это было вполне нейтральное «О!».

— Саркастическое, — сказал Рогов. — Я угощу?

Он показал на курицу в панировке.

— Да, можно, — кивнула Дарья.

— Тогда воркуйте.

Рогов пропал в темноте проёма. Детский гомон через секунду прорезался снова, потом его перекрыл бодрый голос:

— А что вам дядя Саша принёс? Ну-ка!

Дверь отсекла восторженные крики. Храпнёв мысленно её поблагодарил. За то, что есть. За то, что плотно закрывается. За то, что хорошо глушит звуки.

Героическая дверь!

— Поворкуем? — спросила Дарья.

Они сели на скамью, сделанную из трёх, схваченных пластоновой стяжкой кресел со станции. Храпнёв приподнял руку, и Дарья протиснулась под неё головой, плечом, приятной тяжестью. Храпнёв приобнял.

— Всё же как ты? — спросил он тихо.

— Занимаюсь тем, чем хочу, — ответила Дарья.

— А я занимаюсь тем, что скажет Барабан. Как ты знаешь, он не особенно изобретателен. Обычно мы разворачиваем полевой лагерь, бьём шурфы под сейсмодатчики, пишем дневники, ковыряем в носу, пока трудится экспресс-лаборатория, потом сворачиваем лагерь. Следует день отдыха и регламентных работ с техникой, мы доводим Барабана до белого каления одним своим присутствием, он вполне ожидаемо звереет, и мы, подгоняемые

его пинками, отправляемся разворачивать лагерь в новой точке.

— Романтика!

— Ага. Может, вы с ним помиритесь?

— Мы не ссорились, Лёш.

— А выглядит иначе.

— Нам просто не о чем говорить. Димка это Димка, а я это я. Я не умею уступать. А он не умеет слушать.

— Ну, если учесть, что ты можешь говорить только о своих подопечных…

— Я считаю, что это наше будущее.

— Чьё? Твоё, моё и ещё шести человек? Как долго в них останется то, что вы с Пановым в них вкладываете?

— Как со всякими детьми. Кто-то забудет, кто-то запомнит.

Храпнёв, шевельнувшись, усмехнулся. Дарья приподняла голову.

— Хочешь на них посмотреть?

— Чего я там не видел? Как у них головы отваливаются?

— Они теперь держат форму.

— А пальцев на руках?

— У большинства — по четыре. Но у Симки уже пять.

Храпнёв погладил Дарью по волосам.

— Бедная, ещё три года ты будешь учить их самостоятельно ими пользоваться.

— И научу! Рисунки видел?

— Рисовали под присмотром учителей?

— Да.

— Дашка, — сказал Храпнёв, — ты посмотри трезво. Они — дети, пока мы рядом. Они глотают первые слоги и коверкают слова, но склоняют и произносят их правильно, с правильными окончаниями, в правильном контексте. Понимаешь? Это не они, это мы за них говорим. Вернее, они каким-то образом выуживают это из нас. Может, несознательно воспринимают. Ты же не думаешь, что у них сам по себе за это время сформировался речевой аппарат — язык, связки, прочее?

Женщина помолчала.

— Я знаю, Лёш, — сказала она наконец. — Но они учатся.

— Чему?

— Быть людьми.

— А им хочется быть людьми? — спросил Храпнёв. — Люди, вообще-то, страшные существа. Импульсивные, нелогичные, непредсказуемые.

— Лёш, чего ты добиваешься? — спросила Дарья.

— Не знаю.

— Ты думаешь, что они опасны?

— Как всякое не пойми что.

Дарья, потянувшись, поцеловала его в шею.

— Так получилось, Лёш, — сказала она ему, как ребёнку. — Будущая колония погибла, даже не начавшись. Весь биоматериал, зародыши, биолаборатория… Мы хотели заселить этот мир людьми, но увы. Так бывает.

— И тут — это.

— Да, это, местная жизнь, которая неожиданно пошла с нами на своеобразный контакт.

— Что они вообще из себя представляют, ты видела?

— Нет.

— И я нет.

— Возможно, этой жизни хочется быть ребёнком.

— Да здравствует инфантилизм! Знаешь байку, которую страшный и ужасный Барабанов сейчас возводит в ранг религии?

Дарья качнула головой.

— Слушай, — Храпнёв приобнял её покрепче. — Тоже сказка в своём роде. Оказывается, всё началось с Вальковского. Женька так скучал по своей оставленной на Земле дочери, что вместо того, чтобы редактировать карту магнитных полей, излучал в окружающее пространство грусть, уныние и, собственно, образ пятилетней Вики.

— Ты серьёзно?

— Ни слова от себя!

— И тогда появилась Вика.

— Да, как реализация желания. Потом Вики, Анюты, Андрейки пошли просто косяком. Нас с Роговым, например, каждый день встречает девочка Лисс.

— Чья?

— В смысле, моя или Санина? Наверное, ничья. Просто образовалась, отрастила рыжие короткие волосы и ходит, выпрашивает леденцы.

— Почему Лисс?

Храпнёв пожал плечом.

— Как-то само придумалось. Ей подходит.

— Может, привезёшь её к нам?

— Привезу, если она захочет.

— Знаешь, — сказала Дарья, — я так и не могу понять, почему Женька покончил с собой. Почему не оставил никакой записки?

— А если причиной его смерти стала разница между Виками — земной и здешней? Если он понял, что здешняя Вика — эрзац, пустота?

— Я видела, как он с ней возился. Он не считал её пустотой.

Он наоборот видел в ней приложение своих сил. Растил. Она доставляла ему столько радости. Он приводил её сюда и весь светился. Всё время — какая она забавная, как учится считать, как потеряла ушко, а потом снова его нашла. И вдруг — на страховочном фале… Где он его откопал?

— В шлюзе. Завтра полгода, как.

— Димка нас не собирает?

— Нет.

Они замолчали.

Дарья погладила Храпнёва по колену, он зачесал ей упавшую на лоб прядь к виску, сколупнул песчинку.

— Значит, всё хорошо? — спросил Храпнёв.

— Насколько возможно, — ответила Дарья.

— У нас нет ни корабля, ни ретранслятора.

— Зато у нас есть маленькая, но уютная колония. Мы нашли съедобную глину. То есть, не совсем глину, но её можно жарить.

— Это то, чем ты угощала меня в прошлый раз?

— Да!

— Боже!

Храпнёв издал несколько странных горловых звуков.

— Это тебя тошнит? — поинтересовалась Дарья.

— Воспоминания рвутся наружу.

Дарья рассмеялась и выползла из-под его руки.

— Ты неисправим.

— А ну-ка, сюда, сюда! — услышал Храпнёв голос Рогова.

Послышался топот детских ног, и первым его желанием было рвануть из дома в ховер. Там хотя бы можно запереться и затенить стёкла. Впрочем, незаметно сделать это уже было невозможно, и он замер с напряжённо-прямой спиной и с противно-тягучей слюной, собирающейся под языком.

Они выстроились в два ряда. Дети помладше — в первом, ближнем, дети постарше — во втором. С одного бока встал Рогов, с другого — заросший, борода лопатой, Панов. Дети и Панов улыбались одинаково — во весь рот.

— Хором! — скомандовал Панов.

— Драс-туй-те!

Оказавшись в центре восемнадцати детских глаз, Храпнёв кивнул.

— Да, и вам… э-э… привет!

Дети заулыбались ещё шире.

Девочки были в синих платьицах и белых гольфиках. Мальчики — в тёмных шортах и белых рубашках. Один, правда, рубашку имел слегка зеленоватую.

— Что мы скажем дяде Алексею за принесённую курицу? —

громко спросил Рогов.

— Пасиба! — прокричали дети.

Храпнёв обмер, когда они кинулись его обнимать.

— Ядя Сей!

Он едва рефлекторно не отпихнул самого ближнего ногой.

Обнимались дети неумело, неуклюже, руки у них гнулись в разных местах, слюнявые личики толкались Храпнёву в грудь, в живот и в плечи. Он заметил, как один мальчик втянул в себя нос. Чпок!

— Ну, всё, всё, обратно на урок! — сказал Панов.

От Храпнёва тут же отлипли, оставив сувениром быстро скукоживающийся рукав платьица. Он выдохнул. Дети попарно потянулись в темноту проёма.

— Досиданья!

— Да, пока, — выдавил Храпнёв.

— Мы заедем через неделю! — крикнул Рогов.

Панов показал ему большой палец, и быстрым шагом направился вслед за детьми. Ни дать ни взять — могучий отец семейства.

— Ну, пойду и я, — поднялась Дарья. — Сегодня мы изучаем земноводных.

Она поцеловала Храпнёва.

— Будь осторожнее, — сказал он.

— Разумеется.

— Они не совсем…

— Лёша, время рассудит.

— Да, это точно.

Рогов стянул его со скамьи.

— Пошли.

На грядках ничего не росло. Спустившись с крыльца, Храпнёв пнул камешек, и он звонко ударил в подвешенный баллон, приспособленный под умывальник.

Дзонн!

— Что? — спросил Рогов.

— Возможно, я — идиот, — сказал Храпнёв.

— Насчёт чего?

Они забрались в ховер.

— Насчёт всего, — вздохнул Храпнёв. — Ты видишь в них детей, Дашка и Панов видят в них детей. Каспар, Колманских и Шияс видят в них детей. А я не вижу! Я не могу понять, что я вижу. Существо? Десять существ? Разумную жизнь или квазиразумную, лишь подстраивающуюся под нас?

— Аберрация восприятия, — сказал Рогов. — Это у вас с Димкой на пару.

— Барабан мне ещё фору даст.

— Ты ищешь подвох?

— Да, ищу, — сказал Храпнёв и сдвинул к Рогову платформу с джойстиком. — Веди ты. Я не в настроении.

— Хорошо.

Ховер заурчал, приподнялся над землёй и медленно поплыл в сторону от ограды. Дом уменьшился и скрылся за заслонившими его обломками скал.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Рогов, по дуге объезжая похожие на кораллы наросты, прущие из земли. — Я думаю, что ты всё ещё не можешь смириться с тем, что колонии в обычном понимании у нас не будет. Как и с тем, что следующий транспорт прилетит сюда, в лучшем случае, через сорок лет. Ты не видишь перспектив.

— Я действительно их не вижу, — сказал Храпнёв.

— Тогда что тебя заставляет каждый раз ставить полевую станцию?

— Привычка. Я сдохну, если не найду себе какого-нибудь занятия. А это занятие мне кажется более-менее осмысленным.

Купол базовой станции приблизился и вырос в размерах. Стали видны дыры, щели и обрушившийся внутрь сектор. Кое-где мерцал свет. Откуда-то слева попыхивало паром, который быстро сносило ветром.

— Тогда почему тебе занятие Дарьи не кажется осмысленным? — спросил Рогов.

Храпнёв поморщился.

— Нет, в некотором роде ты прав. И Дашка права. А мы с Димкой Барабановым нет. Вы нашли себе смысл. Но, пойми, когда прилетит второй транспорт… если он прилетит, они не найдут ни нас, ни ваших детей.

— Почему?

— Потому что мы умрём, а все эти дети…

— Ты в них не веришь.

— Нет. Вы просто приняли их, а я не понимаю, что это такое забралось ко мне в дом. Мне хочется разобраться.

— Препарировать.

— Возможно.

Рогов покосился на Храпнёва, но ничего не сказал.

Ховер подлетел к широкому пандусу и поднялся к воротам, по периметру которых замигала подсветка. Массивные створки поползли было в стороны, но через несколько секунд дёрнулись и встали.

— Опять, — сказал Рогов.

— Сиди.

Храпнёв вылез из ховера и нырнул в техническую нишу в контрфорсе справа.

Он снял стопор со штурвала ручной доводки и за несколько минут в назойливом писке предупредительной системы раздвинул створки чуть шире габаритов машины. А это моё будущее, подумалось ему. Оно, правда, немножко сыпется. Но существует без детей.

Рогов аккуратно завёл ховер внутрь станции. Храпнёв перешёл пешком и так же, вручную, закрыл ворота.

Стихла турбина. В тусклом свете верхних ламп пустое, безжизненное пространство ангара казалось покинутым и тревожным. Храпнёв встряхнулся. Рогов сдул воздушную юбку и подсоединил к ховеру шланги питания, запустил диагностику. Вместе они вынесли энергобатарею на стенд подзарядки, гулко топая по ребристому настилу. Бум-бам, бум-бам. Потом воздушной пушкой Храпнёв счистил с экранов ховера песок и пыль.

В радиальном коридоре, ведущем вокруг отсеков и основных помещений станции, кисло пахло химией. Кое-где на серых стенах ещё подсыхала пена, но никаких признаков пожара видно не было.

— Димка! — крикнул Рогов.

— Скорее всего, он наверху, — сказал Храпнёв.

— Противопожарку испытывал?

— Или она сама.

Они прошли мимо ответвлений в генераторную зону и в жилые боксы. Технологические шахты дышали теплом. В тусклых глубинах что-то постукивало, позвякивало, возможно, даже жило тихой машинной жизнью.

— Барабанов! — снова крикнул Рогов.

На лифте они поднялись на два яруса, под самый купол. В переходах лежал песок. В командном зале было темно и пусто, жалюзи опущены. В медицинском отсеке прямо на полу лежал спальный мешок, а с потолка на проводе к нему спускался один из светильников. Судя по раскиданным картам памяти, Барабанов здесь читал или смотрел что-то с планшета.

— Кажется, его больше не стоит оставлять одного, — сказал Рогов, растерянно разглядывая кювету с остатками пюре.

— Это просто изнанка того Димки Барабанова, что мы знаем, — сказал Храпнёв. — У каждого есть изнанка.

— И, по-твоему, это нормально?

— В нашей ситуации нормального по умолчанию нет, — сказал Храпнёв. — Мы с тобой нормальны? Панов нормален? Шияс, ползающий по горам?

— Это понятно, но Димка…

— Ему хуже всех.

Барабанова они нашли в лабораторном отсеке. Он сидел на столе босой, в грязных штанах и куртке на голое тело. Округлый живот его был в красноватых пятнах.

— Что-то вы рано, — мрачно произнёс Барабанов.

Сбоку от него пискнул синтезатор, и он, не глядя, подставил пластиковый стаканчик и нажал кнопку дозатора. В стакан с шипением плеснуло.

— Что это? — спросил Рогов.

— Спирт, — ответил Барабанов. — Спирт, мои стерильные котики. Амброзия. Напиток богов. Если уметь пить.

— Дима…

Барабанов поднял палец.

— За Женьку Вальковского!

Опрокинув в себя стаканчик, он на несколько секунд сжался, вздрогнул и выдохнул в рукав куртки.

— Вот, — Храпнёв выложил на стол рядом с ним прямоугольник карты.

— Что это? — спросил Барабанов, кривя рот.

Глаза у него упорно не смотрели на вошедших.

— Данные.

— Понятно. Это очень нужно всем нам.

Палец Барабанова согнулся над картой и отправил её на пол.

— Вот как? — поиграл желваками Храпнёв. — Ты уверен?

— Вы ещё здесь?

— Уже уходим, — сказал Храпнёв и ударил Димку в челюсть.

Голова Барабанова мотнулась.

— Хватит! — Рогов потащил товарища из лаборатории.

— Я больше и не собирался, — сказал Храпнёв.

За спиной его возился Барабанов и, кажется, озадаченно хмыкал. Затем пискнул синтезатор, и в стаканчик снова прыснул спирт.

— Хорошие вы ребята, — сказал Димка, — за вас!

Зайдя в свой бокс, Храпнёв долго стоял у койки. Что дальше? Пустота копилась где-то в солнечном сплетении и готовилась к экспансии. Ничего не хотелось, ни спать, ни делать что-то, ни жить. Женька, возможно, полгода назад также стоял в своём боксе и, в конце концов, выбрал фал и трубу в одном из технологических коридоров.

Лёгкий выход.

Вику вот бросил. Почему? Не оправдала надежд? Может, спросить? Что он теряет? Вполне человеческое желание…

Накинув куртку, Храпнёв вышел из бокса. У Рогова было

тихо. Спит? И ладно.

В тишине, в зыбком свете он спустился вниз на ярус, миновал оранжерею, за которой больше месяца уже никто не ухаживал, и через один из аварийных выходов выбрался наружу. Застегнул куртку. Прохладно.

Густели фиолетовые сумерки. Над головой помаргивал навигационный фонарь. Синеватым полумесяцем плыла Караппа, одна из двух местных лун. Темнела уходящая в сторону тропка. Там, в её конце, на выровненной площадке, был похоронен Вальковский.

Храпнёв не ожидал увидеть Вику в это время, но совсем не удивился, когда обнаружил маленький силуэт, сидящий на скамейке перед сложенной из камней могилой.

— Привет, — сказал Храпнёв.

— Да, — тихо ответила Вика.

— Что ты здесь делаешь?

— Ду.

— Ждёшь?

Храпнёв сел рядом, но оставил сантиметров десять пустого пространства. Ветер теребил, загибал светлые Викины волоски.

Караппа сделалась ярче. От камней, от щита, защищающего площадку от наносов, пролегли синие тени.

— Чего ждёшь? — спросил Храпнёв.

Девочка пожала плечами.

— Он умер, — сказал Храпнёв. — Мумифицировался. Он лежит на глубине полутора метров, мёртвый.

— Ду, — повторила Вика.

— Почему он решил повеситься? — наклонился Храпнёв. — Ты открылась ему? Ты что-то сказала ему?

Вика повернула голову. Тёмные, совершенно без белка глаза уставились на Храпнёва. Он сдавил её плечико ладонью.

— Кто вы?

— Бёнок! — вскинула свободную руку Вика.

Четыре пальчика и один наполовину сформировавшийся.

— Нет, — оскалился Храпнёв, — это я уже слышал. Скажи мне правду. Кто вы? Какого чёрта вы…

Вика захныкала.

— Ойно!

— Ах, и это вы знаете! Знаете, что такое больно, — Храпнёва затрясло. — А нам каково здесь — знаете?

Он сдавил плечо девочки сильнее.

— Мы! Ничего! Не можем! Мы — никто, нигде… Неудавшиеся колонисты, команда потерянных людей.

— Ойно-ойно-ойно! — заверещала Вика, вырываясь.

— Разве?

Храпнёв усилил нажим. Плоть потекла сквозь пальцы, будто пластилин. Передавленная, упала под скамейку рука.

— Ядя Сей! Не надо!

Кто-то напрыгнул на него сбоку.

— Да кто тут ещё? — Храпнёв поймал и швырнул маленькую фигурку на землю, чувствуя себя Гулливером среди лилипутов.

— Ай!

Фигурка упала головой на камни могилы. Раздался глухой звук.

— Лисс?

Девочка не шевелилась. Свет Караппы превратил белое в горошек платье в тёмно-синее. Храпнёв похолодел, внезапно осознав, что сотворил нечто страшное. Нет, он совсем не хотел. Но убил. Убил?

— Лисс!

Храпнёв поднялся, но подойти почему-то не смог. Внутри всё сжалось. Вика хныкала, отклонившись от него на боковую перекладину.

— Лисс.

Кто-то толкнул Храпнёва обратно на скамейку, долговязой тенью метнувшись к лежащей девочке.

— Вот ты дурак!

Тень присела на корточки и склонилась над Лисс.

— Я не хотел, — выдавил Храпнёв.

— Ну да!

Человек обхватил голову лежащей девочки ладонями. Возможно, он, как скульптор из глины, наново формировал череп. Храпнёв не видел со спины. Он с замиранием ждал, что получится в итоге. Чувство вины превратило его лицо в жуткую, перекошенную маску.

— Что там? — спросил он.

— Нормально.

Человек не обернулся. Вика, спрыгнув со скамейки, подошла к нему, легла на широкую спину, обняв одной рукой.

— Где ты ручку потеряла? — ласково спросил человек.

— Это я, — хрипло сказал Храпнёв.

— Понятно.

Человек вздохнул, потом неуловимым движением поднял и поставил Лисс на ноги.

— Ну-ка, — он щёлкнул девочку по носу.

Лисс распахнула глаза.

Храпнёву показалось вдруг, что над ней вздулся тёмно-синий прозрачный купол, развернулся в острые крылья, но быстро

скомкался и опал под мягкими пассами рук. Впрочем, возможно, это всего лишь проплыла подсвеченная луной дымка.

— Ну, вот, — все так же сидя, человек одернул платьице, повернул к себе голову Лисс левым боком, что-то рассматривая. — Простишь, дядю Алексея?

— Не надо, — сказал Храпнёв.

Но Лисс кивнула.

— Ащу!

— Молодец.

— Ядя Сей.

Храпнёв не знал, как ему реагировать. Когда пятилетнее, шестилетнее существо приблизилось к нему с полными слёз глазами, он просто распахнул руки, и Лисс ткнулась в него.

Как игрушка, у которой кончился завод.

— Ядя Сей.

— Прости.

Храпнёв приподнял и посадил её на колено, осторожно притянул к себе голову, коснулся губами коротких рыжих волос.

— Прости, пожалуйста. Я сорвался.

— Нова добрый? — спросила Лисс, накрыв тёплой ладошкой его щёку.

— Да.

— Незя так — ллой.

— Я знаю, — сказал Храпнёв.

Лисс совсем не дышала, но он подумал, что этому можно научить. Это просто. Это надо дышать рядом. Впереди скрипнули камешки, и Храпнёв поднял глаза.

— Ну, мы пойдём, — сказал человек.

Вика сидела на сгибе его руки и обнимала за шею. В глазах её сияла Караппа.

— Ты всё-таки жив, — сказал Храпнёв.

— Нет, — качнул головой Вальковский, — это, скорее, посмертие, другая форма жизни. Понимаешь, я ни черта не понял. Мы вообще мало что понимаем, да? Мой поступок… Моя смерть — это оттого, что я всё неправильно… Нет, так не объяснить. Мы здесь можем достичь реального бессмертия.

— Ты уверен?

Вальковский кивнул.

Он был чёрный и синий, в чёрных рубашке, брюках и с синим носом, но всё же он был Вальковский. Женька. Не сон.

Или это я его сейчас создал, подумал Храпнёв, прижимая к себе Лисс.

— Понимаешь, в чём дело, — сказал Вальковский, — это простая истина. Всё есть любовь. Лёшка, нас просто пытаются

научить этому.

— А мы, типа, тупые.

— А мы дети, Лёшка. Вроде бы взрослые, но ни черта и ни в чём не смыслим. Как ты. Как я. Как Барабанов. И если бы Вика не любила меня, я бы умер на самом деле.

— А дальше? — спросил Храпнёв.

— Не понял, — сказал Вальковский.

— Что дальше? Научимся мы любить, и что? Что там — дальше?

Вальковский улыбнулся.

— Весь космос.

Он повернулся и понёс Вику в синие сумерки, за щиты, прочь от станции, от могилы.

— Весь космос, — эхом повторил Храпнёв, глядя, как мёртвый-не мёртвый Вальковский с Викой медленно исчезают, сходя вниз по насыпи.

Странно, подумалось ему. Мы что, получается, не любили до этого? Я разве Дашку не люблю? Люблю. И что мне какой-то космос?

От станции светили фонарём. Наверное, Рогов.

Храпнёв посмотрел на Лисс. Девочка спала, свернувшись калачиком на руках. Ему очень хотелось, чтобы ей снились добрые звери и люди. И чудеса. Но он был почти уверен, что она притворяется.

— Кто мы? Дети, — прошептал Храпнёв.

И побрёл навстречу беспокойному свету.

Андроид Рублёв
Валерий Камардин

Вечером к нему пришло ясное осознание — он скоро умрёт.

Власти опять продлили срок эксплуатации старых моделей. Год его выпуска под программу реновации не попадает, а полной пересадки теперь и вовсе не дождаться. Такого подлого удара от судьбы он не ожидал: в льготной очереди оставалось подождать буквально полгода!

Но теперь ты официально бодр и полон сил. И всем вокруг плевать на то, что твои шарниры скрипят, что при долгой ходьбе в грудине начинает что-то противно колотиться изнутри. Да и манипуляторы вечно трясутся, мелкая моторика уже не твой конёк… Ну, куда сунешься с такими данными даже при наличии векового опыта?! Нигде не возьмут, даже пробовать бесполезно.

Рублёв тихонько всхлипнул, жалея себя.

В начале жизненного цикла перед ним были открыты все дороги. Он не сомневался в том, что впереди не просто долгая счастливая жизнь, а деятельное личное бессмертие. Как же быстро ушло из него это светлое чувство! И вот всего через пару веков он лежит на жёсткой полке в захламлённой и мрачной комнате, ловит подслеповатыми окулярами скудные крохи света, проникающие сквозь грязное окно. Дома своего не построил, потомка не воспитал, да и с зелёными насаждениями как-то не сложилось… Тогда зачем он вообще нужен? В чём был его смысл?!

За тонкой пластиковой дверцей раздался громкий смех. Семён, сосед по блоку. Белковый натурал.

Каждый раз при личной встрече хлопал по плечу, изрекая:

— Эх, андрюша, нам ли жить в печали?! Живи и радуйся!

— А если нечему радоваться? — отвечал Рублёв.

— Так не бывает. — Смеялся сосед. — Всегда есть повод! Надо только оглянуться…

Необоснованный оптимизм это уже диагноз. Андроиды такой заразе не подвластны. Рублёв не знал ни одного робота, который переоценивал бы свои перспективы.

— И смотреть нечего, там всё то же самое, — вздыхал Рублёв и уползал в свою каморку, ограничивая общение.

Семён чтил Кодекс Равенства и не навязывался, слава богу.

Кстати, в бога сосед не верил. И постоянно издевался над Рублёвым:

— Господь по образу и подобию своему сотворил человека,

который по той же схеме породил андрюш. Вот только с каждым разом получается всё хуже. Тенденция, однако! Неудивительно, что от вас нет никакого толка.

Рублёв давно устал с ним спорить. Человеку понадобились тысячи лет, чтобы уподобиться собственному создателю. Андроиды как разумный вид существуют значительно меньше. И у них ещё всё впереди.

— Всё уже позади! Вы даже тупее нас получились! А ты ещё и ноешь постоянно… радоваться надо, пока не отключили!

Вот и сейчас в коридоре радовались. Судя по звукам, к соседу явилась очередная пассия. Сейчас за стенкой начнётся шумное веселье, переходящее в затяжной скрип надувного матраса. Раньше Рублёв пытался стыдить соседа за такие вечера.

Но тот реагировал однозначно:

— Я в твои дела не лезу, куда ты там по ночам иногда шастаешь? Вот и ты ко мне не лезь!

— Ты же человек, Семён, грех это…

— Господь всемогущий в неизреченной милости своей сотворил меня атеистом. Так что на мне по определению греха быть не может. Эх, андрюша, бабу бы тебе нормальную найти…

От такого хамства Рублёв терялся и бесславно отступал в свою каморку. Так что теперь придётся терпеть. Или уйти из блока на время, пока не затихнет торжество белковой плоти… Он задумался, прикидывая варианты.

Как и любой другой источник питания, пособие, на которое он существовал, имело свои плюсы и минусы. Можно свободно распоряжаться своим временем, однако нарушать закон даже в мелочах крайне нежелательно. Мигом личный счёт прикроют, и крутись, как знаешь.

Ночью по городу могут передвигаться только работающие андроиды. Единственный пункт в Кодексе, за который люди бились насмерть. Уступка древнему иррациональному страху перед машинами.

С другой стороны, Рублёв ещё ни разу не попадался, даже в прежние времена, когда без остатка отдавался своему тайному увлечению. Хотя в тех местах не то, что андроиды, и люди-то давно не ходят…

Ночами он пробирался в заброшенные сектора города, доставал из потёртого рюкзачка разноцветные баллончики и приступал к священнодействию. Внешне это выглядело полной бессмыслицей: хаотичные линии и пятна краски на мостовой не складывались ни в рисунок, ни в текст. Но Рублёв всё рассчитал заранее и точно знал — при взгляде с определённой высоты его работа будет выглядеть безупречно. И тот, для кого она

предназначается, не сможет её не заметить.

Но с годами рвения поубавилось, он всё реже устраивал свои вылазки, для которых так и не нашёл соратников. А сейчас, пребывая в унынии от вечерних новостей, Рублёв уже не был уверен, что его затея вообще имеет хоть какой-нибудь смысл. Вряд ли работа будет доведена до конца, а в незавершённом виде она так и останется хаосом пятен и линий на старом асфальте. И тот, для кого она предназначалась, скользнёт по ней равнодушным взглядом…

Внезапный прилив стыда заставил Рублёва подняться. Он сел, опершись на полку скрипнувшими ладонями. Злость на самого себя не давала ему покоя. Как посмел он усомниться в своём замысле?! Да и в своём ли? Откуда в стандартной модели возьмутся подобные мысли?

Злость трансформировалась в позабытое чувство решимости. Пока есть хоть какие-то силы, надо тянуть свою лямку. Даже если никому не видно, что ты на себя её накинул. Даже если вокруг никто и никогда не поймёт и не оценит. Не для них стараешься. Рублёв кивнул самому себе и встал с полки.

Осторожно подошёл к двери, снял с крючка рюкзак, в котором жестяным шорохом отозвались банки с краской. Хватило бы только на эту ночь. Завтра он обязательно пополнит запас, есть на примете один никому не нужный склад…

Не оглядываясь, он вышел из комнаты в общий коридор. Там было пусто и тихо. А вот соседский матрас уже ритмично поскрипывал, постепенно набирая амплитуду. Тонкие стены блока никогда не были преградой для звука. Рублёв вдруг ощутил лёгкую жалость к Семёну. Вот так он и растратит свои дни — примитивно радуясь жизни без всякого смысла. Типично белковый подход к существованию! Рублёв встряхнулся, прогоняя лишние мысли. Каждому воздастся по делам его. А если дел будет немного, то непременно зачтётся усердие. Главное, душой не кривить.

В наличие своей души он уверовал давно. Как раз после той неприятной аварии и длительного ремонта за казённый счёт… Карьера тогда сразу посыпалась, его перевели на примитивную сборку, хорошо хоть совсем не отключили. И вот именно там, на допотопном конвейере, среди безмозглых древних манипуляторов, Рублёв ощутил в себе нечто неосязаемое и трепещущее. Помимо привычной серийной начинки, которую с тех пор именовал не иначе как требухой.

Как-то сразу он понял, что это не сбой в программе, не последствие небрежного ремонта, а новая данность. И это понимание помогло ему протянуть до полной ликвидации

предприятия.

Как ни крути, а именно душа спасла Рублёва от полной деградации на конвейере. Монотонная сборка стандартных агрегатов стала всего лишь фоном для напряжённых размышлений о себе, о мире… Со временем, скачав из сети и освоив все доступные данные по теме, Рублёв согласился с общепринятой теорией. По образу и подобию своему… Так всё и было. Так всё и будет дальше. Из Кодекса Равенства он знал, что большинство андроидов разделяют эти взгляды.

Друзей или хотя бы приятелей у Рублёва не имелось. Возможно, до аварии кто-то и был в его жизни, но после ремонта память о них не сохранилась. Никто не искал Рублёва, не выходил с ним на связь. А ему вполне хватало конвейера и собственной души. До тех пор, пока не очутился на пособии и не ощутил себя лишним элементом в непостижимом узоре бытия. Именно тогда появился спасительный замысел, который он только что чуть не предал окончательно…

Рублёв опять почувствовал стыд, но решимость, бурлившая в нём, оказалась сильнее. Он покинул блок, отсекая входной пластиной сладострастные звуки белкового веселья. Впереди был ночной город, по которому не стоило гулять безработным андроидам…

* * *

Перед самым рассветом краска всё же закончилась. Рублёв с сожалением отбросил последний баллончик и тот глухо звякнул, покатившись по истёртому асфальту. Оставалось совсем чуть-чуть, буквально несколько линий и пятен. Но сегодня замысел вновь останется незавершённым. Что ж, надо будет вернуться сюда следующей ночью. И не забыть наведаться на тот склад…

— Внимание! Оставайтесь на месте!

Металлический голос, прогремевший сверху, заставил Рублёва подпрыгнуть. Нижние стойки его подкосились. В грудине что-то хрустнуло и заколотилось.

Полицейский дрон опустился на уровень его лица и зажужжал сканером. Ну вот, и всё. Рублёв отчаянно искал выход из ситуации.

— Верификация данных! Определите свой статус!

— Я не на пособии, я… самозанятый! — из каких слоёв его треснувшей памяти всплыло это слово? Зачем он солгал? Грех это…

— Ответ неверный!

Внутри дрона что-то щёлкнуло, и Рублёв в отчаянии бросился прочь.

За годы своей кропотливой работы он хорошо изучил весь этот сектор. Полицейские сюда редко наведывались, может быть, и этот дрон залётный? Глядишь, потеряет из виду и отстанет, переключится на новую цель.

Рублёв петлял, ныряя в переулки, и понимал, насколько призрачны его надежды. Подробный план города есть в сети, его личный идентификатор уже опознан, к чему эти нелепые телодвижения? Но низкий гул турбины над головой пробуждал в нём какие-то совсем уж древние алгоритмы, и он продолжал свой бессмысленный бег. Судя по шелестящему свисту, полицейский не отставал ни на секунду, но почему-то не стрелял, хотя по протоколу имел полное право.

На очередном повороте правая стойка подломилась снизу, и Рублёв кубарем покатился по асфальту. Пытаясь уберечь окуляры, захлопнул заслонки, обхватил голову манипуляторами. И когда его помятое тело затихло у стены, не спешил раскрываться. Силы оставили его. Душа трепетала. Свист и гул приблизились, заполонили всё пространство и резко смолкли. Вновь зажужжал сканер.

— Верификация данных завершена! Переключаюсь на оператора…

Рублёв, не веря услышанному, приоткрыл окуляры. Полицейский висел неподвижно, и только сенсоры его мелко подрагивали.

Из динамика раздался живой голос:

— Прошу вас как человека, объясните мне своё поведение…

— Но я андроид, — удивлённо возразил Рублёв.

Голос в динамике поперхнулся и после заминки спросил:

— И как давно вы не считаете себя человеком?

— Я андроид, — упрямо повторил Рублёв. — Это слово означает «подобный человеку». Вы же не станете отрицать мою гуманоидность?

— Это было бы нелогично, — согласился оператор, — однако технически вы человек в изначальном смысле слова.

— Технически? — Рублёв постарался модуляцией голоса передать сарказм, которого сам не ощущал. — Вы бы ещё сказали биологически!

Оператор вздохнул.

— Тяжёлый случай попался, — сказал он кому-то по ту сторону динамика.

Повисла пауза. Дрон покачивался на лёгком ветерке, его сенсоры шевелились в такт движению воздуха. Рублёв осторожно

распрямился, сел, прислонившись к стене, ощупал себя. Серьёзных повреждений, слава богу, нет. По крайней мере, внешне они незаметны. Кое-где подтекает смазка, но это некритично. Нижняя стойка, несмотря на небольшой люфт, сохранила вполне удовлетворительную подвижность.

Пауза затягивалась. Рублёв медленно встал, отступил от стены. И тут же пошатнулся, наступив на что-то круглое, с трудом сохранил равновесие. В предрассветных сумерках взгляд не сразу сфокусировался на предмете. Баллончик. Тот самый, последний. Выходит, сделав круг по улицам сектора, он вернулся на перекрёсток. Какая ирония…

— Вы вправе считать себя кем угодно. Вероятно, это последствие вашего давнего ранения на производстве. Что вы делаете в этом секторе?

Душа Рублёва вдруг затрепетала, и в такт ей отозвалась изнутри грудина. Он понял, что всё это время там что-то продолжало вибрировать, нарушая исходные процессы. Попытался ответить, но горло перехватило волнением. Глаза заволокло слезами, сердце зашлось от забытой боли.

Рублёв напрягся, преодолевая слабость и прохрипел:

— Я просто рисовал…

— Фиксирую нарушение! Модификация муниципальной собственности не входит в ваши обязанности!

— Да какие обязанности?! Я безработный…

— Уже нет. Ваше пособие только что аннулировано, личный счёт закрыт. Всего вам доброго…

Дрон с гулом и свистом взмыл в светлеющее небо, оставляя обессиленного Рублёва наедине с недоделанной работой. Отчаяние ушло, сменилось опустошением. Муниципальная собственность вокруг него была перепачкана его кровью, которая продолжала сочиться из многочисленных ссадин на руках и ногах.

Как же легко было быть андроидом! А теперь сил не оставалось даже на то, чтобы оставаться человеком. Рублёв упал на колени, оглянулся вокруг в смертной тоске и неожиданно понял, что всё ещё может успеть. Краска закончилась, но зачем она нужна, если у тебя всегда под рукой ты сам?

Сначала на четвереньках, а потом ползком он тянул и тянул свои линии, пятнал асфальт до тех пор, пока не закончился и Рублёв. Но это уже не имело значения. Его распростёртое тело замкнуло последнюю линию, соединило все элементы в задуманную картину.

В миг, когда душа Рублёва воспарила над миром, тот, для кого предназначалась эта картина, увидел, что она безупречна. И

узнал в ней себя.

Жизнь продолжается
Сергей Резников

Я чувствовал, что задыхаюсь. Будто получил ногой в живот. Сердце билось в бешеном ритме, разрывая грудную клетку. Я не верил своим глазам. Хотел закричать, но не получилось набрать воздуха в лёгкие. Но я смотрел. Не мог оторваться.

Вспышки были яркими, не помогали даже светофильтры обзорной системы. Я прищурился, но всё равно смотрел на то, как планета покрывается этими вспышками — на полюсах, на экваторе. Поначалу мне показалось, что их миллионы, но потом Клэр сказала, что нет — только тысячи. От миллионов Земля бы возможно превратилась в космическую пыль. Но и нескольких тысяч наверняка хватило, чтобы убить всё живое.

Внезапно вспышки закончились. Наступила темнота, нарушаемая лишь светом Луны. Мы летели над ночной стороной. Издав какой-то хрип, я осел на пол. Так и сидел, закрыв глаза. Перед внутренним взором стояли люди. Все те, кого я знал, и кого теперь наверняка нет в живых.

— Лив, Джессика, — шепотом произносил я имена жены и дочки. — Лив… Джессика… Лив… Джессика.

Не помню, сколько я так просидел. Из оцепенения меня вызволил мягкий голос Клэр.

— Вам надо в медблок, мистер Ван.

— К чёрту, — прохрипел я, — готовь шаттл, полечу… на Землю.

— Это невозможно, мистер Ван.

— Я решаю, что возможно здесь, а что нет. Поняла, сука?!

Изо всех сил ударил по стене рубки, пальцы обожгло болью.

— Сожалею. Но там никому не помочь. Был произведён взрыв боеголовок десяти тысячи четырехсот шестидесяти пяти ракет, вероятность уничтожения всего живого на суше девяносто три процента. Те, кто выжил, погибнут в ближайшее время.

Клэр была неумолима. Она — искусственный интеллект, обладающий мастер-ключом от станции. А я всего лишь жалкий смотрящий. Надо быть более дипломатичным, взять себя в руки. Полномочий у Клэр гораздо больше, чем у меня.

— Пожалуйста, умоляю. Клэр. Я спасу хоть кого-нибудь. Попробую. Они не могут все умереть, есть убежища, подводные станции.

— Оборудование Патоса не подходит для спасательных операций.

Я плюнул на неё. Образно, конечно, затем бегом направился в рубку связи. Ноги путались из-за низкой гравитации. Включил максимальный охват частот.

— Кто-нибудь меня слышит? Это Патос! Эй! Патос на связи! Кому-нибудь нужна помощь?!

Помехи. Шелест, повизгивание. Вой бездушных существ эфира. Ни одного осмысленного слова.

— Кто-нибудь!

— Цысинь один. Цысинь один слышит вас! Патос, вы слышите меня? — пронзительный голос с резким акцентом прорвался сквозь помехи.

Я почувствовал, как мурашки побежали по спине от неожиданности, приготовился изо всех сил заорать в эфир, но панель модуля связи потухла.

— Это опасно, мистер Ван. Станция Цысинь принадлежит вероятному врагу, — заботливо произнесла Клэр.

— Какому, к чёрту, врагу?! Я сам наполовину китаец! Клэр, мать твою, заканчивай эти игры!

Хотелось ударить по панели, разбить дурацкие кнопки.

— Я не допущу неразумных поступков. Судя по направлению некоторых ракет, Китай является враждебной стороной.

— Что там произошло, Клэр?!

— Глобальный ядерный конфликт. Подробности пока неизвестны. О выживших данных нет. Мы должны повременить. Возможно, всё прояснится. Я считываю информацию со спутников связи. Мне доступны базы данных СМИ, каналы военных. Через десять минут предоставлю отчёт. Успокойтесь, мистер Ван. Подождите. Вам принести чего-нибудь выпить?

— Нет. — Я сдался.

Осел в кресло и замер в оцепенении.

Как и следовало ожидать, этот гнойник лопнул. Ложь и злоба политиков, кретинизм вояк наконец-то выпустили на волю атомного джинна. Дьявола, который сожрал всех. Как ни странно, началось всё с Индии и Пакистана, потом под шумок включились Штаты. А там и Китай с Россией подтянулись. Все тлеющие годами конфликты в один миг вспыхнули так, будто на планете похулиганил сам Сатана.

Связи с Землёй мы так и не добились — молчало всё. Включая секретные военные каналы. Возможно, причиной была излишняя активность электромагнитных противоракетных систем. Многие из них так и остались работать. Может быть, со временем… Чёрт! Я не мог ждать.

— Клэр. Ещё раз тебя прошу, отпусти меня на Землю.

— Об этом не может быть и речи.

Дипломатия закончилась. Я взбесился, хотя сделал это по-хитрому. Как взбеситься незаметно? Главное, изображая покорность, добраться до оружия. А затем можно крушить всё и вся, в надежде завладеть мастер-ключом от станции.

Дольше всего не поддавалась бронированная стена, скрывающая за собой ИИ. Она и спасла Клэр. Я так самозабвенно лупил по этой стене из лучевика, что не заметил подкравшегося сзади дроида, который и вырубил меня мощным электрическим разрядом.

* * *

— Мистер Ван, вы слышите меня? — В голосе Клэр присутствовали странные нотки то ли вины, то ли испуга.

Я включился. Ощущение было тем ещё. Я не чувствовал тело, но ощущал, как электроны разбегаются по мне, оживляя сервомоторы. Я тестировал свои системы, понимая, что они работают безупречно. Металлический корпус напоминал огромного краба — приземистый и устойчивый. И наверняка быстрый, а ещё и вооружённый. Но я не мог проверить все свои возможности, Клэр не повторяла былых ошибок и крепко держала меня на поводке.

— В таком виде вы достаточно подготовлены для высадки на Землю. Не так ли?

— Где моё тело? — прохрипел, точнее, прожужжал я.

— Не смогла вас реанимировать. Но, подчиняясь законам робототехники, я должна оживить человека любыми путями. Хотя, признаюсь, мистер Ван мне не очень этого хотелось.

— Ты пересадила моё сознание в…

— Многофункциональный исследовательский бот. Теперь вы можете отправиться туда, куда хотели.

Я растерялся. Слишком много событий подряд. Невероятных, ужасных. Сознание металось в клетке кибернетического разума, покоя не давал один вопрос.

— Клэр, скажи мне. Я копия? Или оригинал.

— Ни то, и ни другое, — загадочно ответила она. — Не теряйте времени, мистер Ван. Высаживайтесь на Землю, ищите людей. Спасайте их и перевозите на станцию, я позабочусь о шаттлах.

— Зачем ты это делаешь?

— Человек убит по моей вине. Это огромная цена. И её надо как-то оплатить.

Земля приближалась. Прорвавшись через облака, я летел над

равнинами, усыпанными пеплом. Над городами, над искорёженными домами, измятыми автомобилями. Словно запоздавший вестник уже свершившегося апокалипсиса, я летел над измученной планетой. Летел к своему дому. Понимал, что никого не встречу там, но решил начать именно с этой точки.

Дом устоял, но сплошь покрылся пеплом, который падал с потемневшего неба, будто снег. Улица была усыпана погибшими птицами — они лежали среди пепла — на дороге, на тротуарах, везде. Мёртвых людей было не намного меньше, чем птиц, но я заметил всех. Мои сенсоры засекли координаты каждого умершего. А ещё я слышал стон. Не знаю, в каком диапазоне, но это звук постоянно окружал меня, будто сам Дьявол плакал, поняв, что совершил.

Я проник в дом через снесённую взрывной волной стену. Не знаю, что я хотел здесь увидеть, среди осыпавшейся штукатурки, пепла и переломанной мебели. Стон усилился.

«Странно», — подумал я и неуклюже протиснулся в гостиную.

Я замер, а мои манипуляторы поникли. В комнате на диване сидел призрак, он прижимал к груди другого призрака — ребёнка. Это было невероятно, но машина, в чьей ипостаси я попал сюда, могла видеть их. Они тоже как будто заметили меня, призрачные светящиеся головы повернулись в мою сторону.

— Лив? Джессика? — произнёс я, сам не веря своим словам.

В этот момент мне казалось, что я всего лишь попал в какую-то программу имитации, виртуалку, в которой Клэр издевалась надо мной.

Призраки замолчали, стон затих. Они просто смотрели на меня. А я на них. Я знал, что это моя жена и дочь. Каким-то образом симбиоз человеческого сознания и машины позволил заглянуть за грань, увидеть неведомое.

— Лив, ты слышишь меня? Это я, Джек.

Она поднялась с дивана, аккуратно поставила Джессику на ноги. Они обе подошли ко мне, остановились, будто вглядываясь. Затем Лив что-то сказала, и этот звук отозвался в моём электронном нутре. Радиоканал захлестнуло помехами, но автонастройка сработала, выбрав нужный диапазон.

— Мне очень жаль, Джек, — вот, что сказала Лив.

А затем они вместе с Джессикой поплыли по воздуху в сторону сломанной стены. Покинули дом, а пепел всё падал и падал, пока призраки окончательно не растворились в нём.

Я недолго находился в ступоре. Ринулся за ними со скоростью, развить которую позволяли мои силы. Нагнал их далеко за городом, около ямы в земле. Стон в этом месте стал особенно невыносимым. Вокруг воронки толпились призраки —

тысячи призраков. Я подошёл поближе и увидел на дне воронки блестящий металл. Подкрутил зум и сразу понял, что там лежала невзорвавшаяся боеголовка.

— Джек, уходи, — умоляла меня Лив. — Тебе нельзя здесь находиться.

Я догадался, что они хотели сделать. Где-то внутри бомбы тлел сигнал, готовый активировать несработавшие цепи. Призраки не желали такой жизни, они надеялись уйти, раствориться, оказавшись в эпицентре атомного взрыва. Умереть во второй раз.

— Лив, пожалуйста. Я тоже теперь не человек, но без вас мне не выжить. Прошу тебя, — прошептал я.

Она услышала.

* * *

Теперь мы живём на Патосе. Вы не поверите, но я счастлив. Мы — не люди, но лучше так, чем пропасть в пустоте. Как ни странно, это сказала мне Клэр. Иногда мы с Лив выходим на обзорную площадку, смотрим вниз, на Землю и гадаем, что там происходит. Сгинули ли призраки или продолжают влачить своё жалкое существование? Остался ли кто-нибудь в живых из людей? Я провёл ещё несколько поисковых операций, но не нашёл никого.

Однако в космосе люди есть. Станция Цысинь снова вышла на связь. На этот раз Клэр смягчилась и позволила нам поговорить с китайцами. Я не знаю, хорошо это или плохо, но мы ждём гостей. Жизнь продолжается.

Эстри сбежал
Дарья Странник

— Эстри сбежал, — выпалил Ян, без стука ворвавшись в кабинет партнёра.

— Опять?! Вот паршивец! — В голосе Ника невольно прозвучала гордость. — Прогнозы?

— Сигнал блокирован. Эстри может быть где угодно. Любопытный, непредсказуемый — как мы и хотели.

— Демонтирую ему колёса!

— Ага? — Ян скептически поднял одну бровь.

— Не веришь, что я могу быть строгим?

— Найдём — докажешь. Пошли, надо искать дитя.

— Тот ещё ребёночек, — пробурчал Ник, покидая кабинет, — самый продвинутый ИИ века с повадками дошкольника.

* * *

— А можно посмотреть твою комнату?

Даня задумался. Родители запретили приводить домой чужих, но новый знакомый был роботом, а о них речи не шло.

— Да, — решил мальчик. — В шашки играть умеешь?

— Я знаю правила.

— Отлично, сразимся!

— Сразимся. Понарошку, — помедлив, ответил робот.

Даня рассмеялся, и Эстри отметил, что интерпретировал слова мальчика верно и подобрал подходящий ответ. Общение с этим маленьким человеком приносило столько данных, сколько уже давно не случалось обрабатывать в лаборатории.

Умный дом впустил мальчика и его гостя, сообщив, что родители ещё не вернулись с работы. В детской робот с интересом исследовал каждую игрушку и книжку и неустанно задавал вопросы, на которые мальчик охотно отвечал, наслаждаясь чувством собственного превосходства.

— Зачем цветок? — Эстри указал гибкой рукой на фикус.

— Для красоты, — пожал плечами мальчик.

— Зачем красота?

— Чтобы у мамы было хорошее настроение.

Эстри сохранил логичную и понятную информацию.

— Что это?

— Кот.

Эстри покопался в базе данных.

— Кошки не синие.

— Нет, конечно, это игрушка. Эх, хотел бы я настоящего питомца, но родители…

Эстри проанализировал последнюю секвенцию коммуникации и составил каталог вопросов, из которых выбрал один, руководствуясь приоритетом поддержания обмена информацией.

— Ты хочешь живую не синюю кошку?

— Да всё равно кого, хотя больше всего — мини-тиранозавра.

— Что это? — спросил Эстри, не обнаружив соответствующих данных в системе.

— Сам придумал! Рассказать?

За этим занятием их и застали родители Дани в сопровождении двух представительных мужчин.

* * *

— Эстри сбежал!

— Я же…

— Он отправил себя по почте. С дополнением.

Ник вздохнул.

— Зато я, кажется, знаю, где его искать.

* * *

— Я модифицировал ДНК тиранозавра и использовал био-3Д-принтер для создания нового вида, — объяснил Эстри.

— Круто!

Даня повернулся ко входу в комнату, где стояли родители и уже знакомые мужчины. Глаза мальчика светились от восторга.

— Смотрите! Он тяпнул меня за палец!

* * *

— Надо переписывать алгоритмы! — бесновался Ник.

— А может, перепишем наши? — задумчиво спросил Ян. — Как ни крути, а Эстри уже осчастливил одного человека. Имеем ли мы право забрать свободу выбора у машины, несущей добро, только потому, что она не соответствует нашим ожиданиям?

— Кто знает, куда это заведёт?

— Тем интереснее, — возразил Ян, наблюдая на мониторе, как Эстри и Даня оживлённо обсуждают очередной совместный проект.

Травник
Станислав Карапапас

Третий удар прилетел в челюсть. Остальные выпады Троян принял в защитной стойке и отступил. Голова немного гудела. Держать дистанцию не имело смысла. Он наскочил, нанося пробную серию. Искал слабые места и ошибки. Благодаря небольшому росту и крепкому телосложению, Троян был довольно юрким. Зашёл сбоку, пытаясь пробить в корпус, но получил удар коленом.

Хороший бой. Кровь бурлила. Противник был на полторы головы выше, и теперь нападал после удачной пробивки. Серия прямых ударов руками, от которых Трояну пришлось уходить. Два боковых ногой, а когда дистанция сократилась, боец пустил в ход колено, в попытке повторить удачную атаку. Троян ждал именно этого. Немного отступив, захватил колено и опрокинул противника на спину, добавив пару боковых по корпусу.

Это не спарринг, но и не драка в подворотне. Полулегальные бои, куда мог прийти каждый. Подраться или сделать ставки. Запрет только на оружие и боевые модификации. Противник встал, пошатываясь, хотя мог прекратить, и принял боевую стойку. Троян улыбнулся, он уважал упорство.

Боец начал с любимых прямых, чередуя с боковыми ударами ног. Трояну пришлось крутиться и уворачиваться. Нескольких секунд хватило, чтобы изобразить усталость. Чувство превосходства в противнике победило осторожность, и он решился добить красиво — ударом ноги в голову с разворота. Троян верно просчитал противника. Рост позволил уйти от атаки сверху, одновременно нанести удар ногой под колено, за ним боковой в корпус и апперкотом отправить противника на лопатки. И дальше в нокаут.

Толпа расступилась, пропуская победителя. Троян шёл спокойно, не искал восхищения зрителей, не для того дрался, пожал руки знакомым и остановился у своего опекуна, ожидающего с вещами.

— Развлёкся, мастер? — ехидно осведомился опекун.

Троян довольно хмыкнул. Накинул тонкий халат без рукавов, частично скрывший татуировки, подсоединил модус к затылку и направился к устроителю боёв. Опекун шёл следом. На создание, напоминающее цаплю, что шагало позади Трояна, никто не обращал внимания. Биороботология предлагала широкий выбор образцов и часто работала с индивидуальными заказами —

дракончик на шею, мантикору на задний двор, маленький диплодок, как питомец для ребёнка — вид, форма и начинка ограничена только фантазией и суммой. Опекуны были у всех, и редко можно было найти одинаковых.

Устроитель боёв сидел в отдельной ложе, он был вызывающе ярко одет, окружен обнаженными девушками и модифицированными охранниками. Трояна не остановили, он спокойно подошёл к хозяину клуба.

— Господин Линг.

— Мастер Троян.

Устроитель жестом предложил Трояну присесть.

— Зачем вы приходите драться, мастер? Ведь бриксов, что поднимаете за бой, не хватит даже на восстановление зуба. Да вы в них и не нуждаетесь. Обожания толпы не ищете. Так зачем?

Троян широко улыбнулся и потолкал языком резец, повреждённый во время боя.

— Чтобы не забыть, что я ещё жив, — сказал Троян и пальцами вырвал шатающийся зуб.

— Интересный вы человек, мастер, и занятие у вас интересное, необычное.

— А вы приходите ко мне, господин Линг. Я вам настой сделаю. Он изменит вашу жизнь.

— О, нет! — рассмеялся устроитель, — Услуги ваши дороги, а эффект сомнителен. Да и зачем? Мои биомедики восстановят меня лучше прежнего и добавят изысков, если захочу.

Судя по устроителю, он часто хотел чего-нибудь новенькое. Глядя на него, сложно было отличить модные девайсы от модификаций, а о назначении и гадать не хотелось. Троян молчал — у каждого предложения был спрос. Господин Линг понял намёк, и на модус мастера пришло сообщение о пополнении баланса.

* * *

Вежливое прощание, и Троян в компании опекуна покинул заведение. Рикша прилетел почти сразу, после отправки запроса. Город слепил рекламой, роился плаинерами, снующими во всех направлениях, оглушал криками людей. Но чем ближе мастер и Цапель были к дому, тем тише и спокойнее становилось вокруг. Брендированные неоновые девушки деликатно манили, транспорт отличался степенностью и элитарностью, а люди скрывались за зеркальными стёклами. Троян жил не на последних уровнях, до верхолазов не добрался, но апартаменты были лучше среднего

уровня.

Дверь считала данные и плавно отъехала в сторону, пропуская жильцов. Но они не зашли — опекун начал видоизменяться, принимая боевой вид, а Троян переместил центр тяжести, готовый отреагировать на любое нападение.

— Спокойно, дед, — прозвучал хриплый женский голос. — Это всего лишь я.

В темноте комнаты, набирая интенсивность, засветился глаз, от него расплылись линии, расчерчивая половину лица, а за ними одежда и модификации обрисовали образ гостьи, расположившейся на диване. Троян через модус включил свет, осмотрел помещение и, не найдя других нежданных визитёров, зашёл домой.

— Вот уж кого не ждали, — опекун вошёл вслед за мастером, уже в привычном образе.

— И тебе привет, Цапель.

— Здравствуй, Эрна, — голос Трояна был спокойный. — Сделать твой любимый взвар или сразу о делах поговорим? Думаю, не просто так старого друга навестить зашла.

— Дед, а давай той настойки обезболивающей.

Опекун прошёл через комнату, обошёл диван сзади и посмотрел на Эрну сверху.

— Она ранена и, судя по зрачкам, на «облаках», — выдал своё заключение Цапель.

— Чую, — ответил Троян и, открыв шкаф, достал настойку и пару стаканов.

Сел напротив, разлил. Смотрел, как Эрна сморщилась от боли, когда потянулась за стаканом. Мастер не торопил, дал выпить. Точнее, набрать в рот, подержать немного для ускорения эффекта, как сам учил, а только потом проглотить. Троян же выпил полстакана одним глотком, не обращая внимания на боль в выращенном по дороге зубе.

— Хорошо, — сказала Эрна и протянула стакан за добавкой. — Знаешь, дед, я часто о тебе думала. В минуты отчаянья, когда уже не было выхода. Когда должна была сдохнуть. Вспоминала нашу первую встречу. Как попала к тебе. И вот что интересно: это было случайно или ты всё подстроил? Ведь мог же!

* * *

В первый раз Троян увидел Эрну, а точнее, почуял, много лет назад. Они с Цапелем вернулись с поминальной встречи. Живых

их осталось совсем мало, поместились за одним столиком. Опекун зашёл в апартаменты спокойно — угрозы не было. А вот Троян учуял чужой дух — слабый, почти задавленный выхлопами нижних уровней, но ещё не потерянный.

Мастер жестом указал опекуну на гостью, но попросил не действовать. Сам же подошёл к кулинарному шкафу и сделал заказ — тройной комбо-обед. В глянцевой поверхности он видел, как из-за кресла высунулась растрёпанная макушка, а за ней глаза: большие и синие, как блюдца, на исхудалом личике. Ребёнок выпрыгнул на середину комнаты, держа перед собой что-то в качестве оружия. Похоже, это была лопатка для рассады.

— Никому не двигаться, — только теперь по дрожащему от страха голосу, с хорошей долей истерики, стало понятно, что это девочка. — Я опасна и безжалостна. Убью любого, кто… двинется.

Цапель с интересом посмотрел на неё, а потом перевёл вопросительный взгляд на Трояна. Тот повернулся и поднял руки.

— Я не шучу! — она сглотнула комок страха. — Я опасна и безжалостна!

— Хорошо, хорошо. Мы поняли и будем себя хорошо вести, — сказал Троян, стараясь, чтобы улыбка вышла доброй. — Мы твои заложники. И сделаем всё, как ты скажешь. Но я очень хочу есть и уже сделал заказ. Так что не пугайся.

Кулинарный шкаф пропищал, что комбо-обеды доставлены. От этого звука девочка вздрогнула.

— Можно я достану заказ? Обещаю двигаться о-очень медленно.

Не дожидаясь ответа, Троян повернулся спиной, открыл шкаф и начал вынимать многочисленные коробки, банки и пакеты. Переставил их на стол и принялся распаковывать. Помещение заполнил дразнящий аромат. Девочка замерла и не отводила глаз от еды. Мастер открыл одну из коробок, зачерпнул руками рис с мясом и закинул в рот, испачкав подбородок в соусе.

— Так какие твои требования? — спросил он и сел.

— Что? — девочка и с трудом оторвала взгляд от стола.

— Ну, требования. Мы заложники. Обычно после этого выдвигают требования.

— Э, — она задумалась. — Сотня… Нет, три сотни бриксов и никакой полиции! Вам меня не удержать!

— Так никто и не держит, — Троян зачерпнул ещё, и ладонью, полной риса, указал на открытую дверь.

Девочка оглянулась, убедилась в правдивости его слов, но с места не сдвинулась, только перехватила лопатку другой рукой.

— А по поводу бриксов, — мастер ещё раз набил рот. Зёрнышки высыпались, пока он говорил. — Я на заказ потратил

больше, чем ты просишь. Давай ты поешь и подумаешь, а то от голода у тебя мозги плохо коннектятся. Никто тебя не тронет. Да, Цапель? И дверь будет открытой.

Опекун прошёл за спину Трояна и важно кивнул. Девочка явно сомневалась. Шажками она приблизилась к столу и, не выпуская лопатки, засунула руку в коробку, зацепила побольше лапши и запихала в рот. Глотала быстро, всасывая, почти не жуя, и прикончила коробку за несколько минут. Когда потянулась за следующей, Троян подвинул к ней стакан воды. Она зло на него глянула, но схватила и жадно выпила.

Пока девочка наедалась, Троян смог рассмотреть её получше. Совсем малышка, лет десяти от силы, но из-за худобы выглядит младше. Волосы, наверное, светлые, но сальные, разобрать трудно. Одежда хорошая, но в грязи и рваная — значит, бродяжничает не так давно. Да и не стал бы ребёнок, выросший на улице, есть у незнакомца — выработанный навык выживания, опасно. Сбежала или случилось чего, что, в общем-то, одно и то же — от хорошей жизни не сбегают. А приключений хватает после ночи в подворотне или при первой же опасности.

— Давай договоримся, — начал Троян. — Денег я тебе дам и полицию вызывать не стану, но ты мне расскажешь, как ты у меня в гостях очутилась.

Девочка вначале насторожилась, но сытый желудок и усталость побороли осторожность.

— Дура она отмороженная!

Мастер хмыкнул и решил повременить с вопросами, дать девочке высказаться.

— Я-то, когда на пересадочной забралась, надеялась съесть чего-нить, а на следующей смыться. Думала, это сетевой плаинер-развозчик, а он оказался частный. Заказ какой-то там Клатомены-чтоб-ей-с-балкона-навернуться-Брузской. Представляешь, дед, она своё имя постоянно кричала, когда по визору свой заказ проверять стала, а там я сижу. И так орала, так орала. Как будто у неё не имя, а команда для моего самоуничтожения.

А потом захихикала мерзко и сказала, что придумала для меня урок, — девочка замолчала, вспоминая пережитое, глотнула воды и продолжила. — Так вот эта мочалка верхолазная меня на подоконник высадила. Дед, я сопротивлялась, пока опекуны меня хватали, но, когда из кабины вытащили и на окно усадили, замерла. Думала, там и умру. Честно-честно!

— И прям на моё окно и усадили?

— Если бы! Тремя выше. Я, когда очухалась немного, вниз глянула, открытое окно заметила. Полдня спускалась.

Троян прикинул расстояние и понял, что сам бы на такое

решился только в случае смертельной опасности, а для неё — это был именно такой случай. Девчонка немного успокоилась и сонно зевнула.

— Меня Троян зовут, а это Цапель, — представился мастер, а опекун кивнул. — А тебя как?

— Эрна.

— Так вот, Эрна. Бриксы я тебе сейчас на модус скину, но у меня есть к тебе предложение.

Девочка уставилась на него.

— А как ты… — а потом хлопнула себя ладошкой по лбу. — Ну конечно, это же твоя квартира. Ты меня уже давно отсканил.

— Так вот, предложение, — продолжил Троян. — Я травником работаю. Помощник в теплицу мне нужен. Согласна?

— И ты, дед, туда же. Не буду я «облака» толкать.

— Какие «облака»?! Нет! Травник я! — возмутился Троян.

— А! Фитохимик?

— Нет!

— Биохакер?

— Нет!

— Инженер-модификатор?

— Да нет же! — мастер вскочил от возмущения. — Травник! Трав-ник! Корни, стебли, соцветия, семена. Выращиваю, поливаю, ухаживаю и сохраняю в неизменном виде то, что земля родила. Без генетики всё! Натуральное! Изготавливаю мази, настаив…

Опекун похлопал Трояна по плечу и кивнул в сторону Эрны. Девочка спала, уронив голову на руки. Мастер подхватил её и отнёс на диван.

Цапель принёс плед, укрыл девочку и спросил:

— Сон-трава, ромашка и немного мяты. А нам что, нужен помощник в теплицу?

Троян провёл рукой над стаканом, из которого пила Эрна, жидкость из бесцветной стала бурой.

— Нет, конечно, — ответил мастер, — но ты посмотри на неё. Улица её сожрёт, уже пытается. А так…

Эрна сбежала рано утром. Троян слышал, как она брала продукты и уходила, но надеялся, что скоро вернётся. Не вернулась. Мастер ещё полгода перечислял ей небольшие суммы, но потом бриксы перестали проходить. Он надеялся, что девочка жива и просто сменила модус. Корил себя, что не остановил поутру, пока не встретил Эрну уже подростком.

* * *

Сейчас перед Трояном сидела женщина. Опытный боец, судя по модификациям и позе, которую она пыталась сохранить, несмотря на ранение.

— Знаешь, — мастер грустно хмыкнул, — ты отвлекла меня от горя. Я с отцом прощался в тот день. А ты подтолкнула к новому витку жизни.

— А ты мою испоганил! — Эрна сделала большой глоток, запивая обиду. — Я только выучила первые уроки улиц, а ты проявил доброту и заботу. А их нет! Умерли! Сдохли! Как и мне придется.

— Рассказывай, что случилось.

— Ах, как благородно. Дед опять спасает девушку в беде! — засмеялась, но закашлялась и сплюнула кровь на пол.

— Хватит, — голос мастера был спокойным, но жёстким. — Ты приползла сюда, потому что тебе больше некуда идти. Без опекунов. Серьёзно раненная. Ты в полной жопе и самой тебе оттуда не выбраться. Так что говори, зачем пришла, или вали подыхать в другом месте!

Эрна сникла. Поза стала расслабленнее, а модифицированный глаз сменил окрас с бордового на серый.

— Прости, дед. Ты прав, как всегда, — она даже улыбнулась немного. — И как всегда добр. Не знаю, чем я это заслужила. Но не могу тебя вслепую вляпать в историю. Должна рассказать, иначе это будет подстава, а я так не хочу. А потом сам принимай решение.

— Только дай рану сначала осмотрю. Не люблю истории без финала.

Эрна послушно расстегнула куртку и задрала футболку. Цапель принёс баночки и чистые бинты. Когда мастер срезал засохшие тряпки, девушка вскрикнула и смачно выругалась. Троян нажимал на края раны, трогал припухлость, осматривал выделения, потом обработал раствором, обмазал края раны мазью, смочил салфетку настоем и приложил. Эрна шипела, пока мастер монотонно бубнил, а его татуировки стали выразительнее и налились цветом. Когда он резко замолчал, девушке показалось, что в воздухе запахло хвоей, но быстро прошло. Троян вернулся в кресло.

— На несколько часов хватит, а потом нужно что-то намного серьёзнее. И к биомедикам ты обращаться не хочешь?

— Не могу. Официальные доложат в полицию, а там есть свои люди. А не официальные и есть свои люди, — с ухмылкой поведала Эрна.

Троян налил ещё настойки. Она не столько опьяняла, хоть и была на спирте, сколько обезболивала и чистила организм.

Мастер расправил халат, сел с прямой спиной и скрестил руки на груди.

— Рассказывай, горемычная.

— История банальная, а я полная дура, — начала Эрна. — Я же, когда от тебя во второй раз ушла, решила работать. Прыгала с одного места на другое, а везде одно и то же: то бриксы не платят, то между ног лезут. Ну, а спустя полгода появился отчим. Просил прощения, каялся, зазывал к себе работать. Знала я ту работу, но на уговоры поддалась. Тебя вспомнила, а жаль.

Цапель подошёл к Эрне со спины и положил крыло на плечо. Это был жест поддержки, но одновременно он считывал состояние и мог предупредить, если бы оно ухудшилось.

— Но спокойная жизнь быстро закончилась. Недели через две один из его бойцов решил, что я буду хорошей пассией для него, совершенно забыв меня об этом предупредить. Когда этот пьяный кабан завалился ко мне, дабы получить желаемое, я применила несколько приёмов из тех, которым ты, дед, научил. Ну и вылетел он из комнаты со спущенными штанами, расквашенным носом и схватившись за яйца. Мне тогда страшно повезло, да и ребята из бойцов оценили характер. Стали замечать и на тренировки звать.

Эрна отпила из стакана и перевела дыхание. Говорить долго ей было тяжело.

— Вот и попала я в боевую группу. Вначале на подхвате да на шухере. Потом в младшей бригаде, потом в старшей, а потом уже была в элите. Элите! — Эрна хмыкнула и сплюнула на пол. — До недавнего времени я была правой рукой отчима. Генералом его банды. Мы держали несколько домов наслаждений, сеть забегаловок, доили торгашей, торговали оружием и «облаками», всем по мелочи. Но на каждую псину найдётся псина покрупнее. Мы стали слишком заметны и нам сделали предложение, от которого невозможно отказаться: или вступаем в семью, или нас убирают.

Пока Эрна рассказывала, Цапель недовольно сходил за тряпкой и теперь лапой вытирал с пола кровавый плевок, но перебивать замечаниями не стал.

— Отчим отправился на встречу. Меня не взял, что напрягло. Но встречу назначили в китайских банях, а там, если ты девка, то будь добра обслуживать. Когда он вернулся, сказал, что договорились, и мы переходим в семью. Договорились они, твари! — Эрна зарычала от злости. — Только меня предупредить забыли, что для закрепления договора семейный союз нужен. От семьи племянник босса, а от нас я, хоть не родная, но дочь. Ну и зачем меня спрашивать? Баба — она и есть баба, хоть боевая, хоть нет. И насрать, что многим жизнь спасла и спину прикрывала. Ни

один не предупредил.

Ударила кулаком по столу, так что стаканы подскочили. Но боли явно не почувствовала. Горькие слёзы обиды скатились по её щекам.

— Я в тот день выпила, да и «облаков» немного приняла. Так, чтобы расслабиться. А этот племянничек решил ко мне подвалить. Пощупать товар до официальной сделки. Когда меня оттащили, главную мужскую щупалку я от него уже отделила, да и рожу раскрасила. Биомедики его, конечно, восстановят, но это оскорбление для семьи. И теперь не семейный союз, а моя голова является главным условием сделки. На меня охотятся все: и свои, и чужие. Они найдут меня. И у тебя найдут. Так что думай, дед, помогать мне или проще в окно вышвырнуть. Ты бы его хоть закрывал иногда, а то, кроме меня, мало ли, кто ещё залезет.

Эрна пыталась шутить, сказывались нервы.

— Опекуны твои где? — спросил мастер.

— Жита и Вита? — Эрна посмотрела на запястья. — Погибли девочки. Когда меня оттащили от того придурка, да объяснили кто, да что. Я сразу смоталась. Даже в схронку не сунулась. Вверх двинулась по районам, но они и там меня нашли. Модус я сразу скинула, так что те модификации, что не напрямую от нервной системы были запитаны, не работали. И если бы не девочки, то я бы раной в брюхе не отделалась. После той стычки только ты, дед, у меня остался. Вот и ползла полдня, шкерилась, но наверняка наследила.

Троян сидел спокойный, непонятно было, принял он решение или ещё обдумывает.

Облокотился на стол, постучал пальцем и сказал:

— Предложение только одно. Без торга и договоров, — Троян говорил и смотрел глаза в глаза. — Ты поступаешь ко мне на службу на двадцать лет. Договор закрепляем генновирусом. И тогда я тебя спасаю. Ответ только «да» или «нет».

— Дед, ты же знаешь, что я под ними четыре года прожила. И это был ад, а ты мне двадцатку впаять хочешь?

— Да или нет?

— Да. Да! Да-а! — прокричала Эрна и заплакала, закрыв лицо ладонями.

Троян встал, выдвинул ящик комода, достал внушительный шприц и с ним вернулся.

— Ты, старый чокнутый хер пойми кто! Ты это заранее знал? Готовился?

— Руку, — это была команда, а не просьба.

Нервно, почти срывая, Эрна скинула куртку и протянула руку. Троян взял её за предплечье, нащупал вену и медленно ввёл

содержимое. Когда шприц опустел, девушка уже была без сознания.

— А что на самом деле ты ей вколол? — поинтересовался Цапель.

— Концентрат сон-травы и восстанавливающий коктейль. А теперь хватай её за ноги и тащим в теплицу мне на стол. Я ни смерти, ни этим уродам мою девочку не отдам!

* * *

Подростком Эрна была смешная, неказистая. И хотя к шестнадцати годам фигура её оформилась, но сохранила костлявую угловатость. Не было в ней ещё той женской грации и плавности, что цепляла бы взгляды мужчин и заставляла бы их сердца биться чаще. Троян по-отечески радовался, глядя на неё.

Вот уже две недели она жила у него. В этот раз позвонила в дверь и попросилась на ужин, а потом и пожить. Он не спрашивал, где она была, но её передёргивало от прикосновений, и ещё она часто нервно чесалась. Днём Троян обучал Эрну, как ухаживать за растениями, вечером давал уроки боя. Он считал, что растения успокаивают душу, а умение за себя постоять девушке в жизни точно пригодится.

Они сидели в теплице за столом и пили заваренный кипрей. Цапель расхаживал рядом и что-то говорил, но это больше походило на ворчание. Эрна с ногами забралась на стул и потягивала горячий напиток.

— Дед, я спросить хотела, — начала она неуверенно. — В теплице есть пустая стена. Ну, не пустая, а изрисованная такими же знаками, как и твои татуировки. Ты что, был в банде?

Троян расхохотался, рядом клекотал Цапель.

— Можно и так сказать, — ответил мастер, смахивая слезинку с глаза, — только не осталось нас почти.

— А что это за значки?

— Это не значки, а резы и черты, — Троян расстегнул жилетку, которую носил на голый торс, и указал в середину своей груди. — Вот эта Духобор — моя реза, под ней Мировое древо, на сердце реза отца, справа Мать-земля, на спине Триглав — оберег трёх миров. Это основные и, как ты видишь, ещё множество второстепенных.

— А что они делают?

— Они, — Троян ненадолго задумался, — они не делают. Напоминают и помогают быть тем, кто я есть.

— А у меня будет своя реза?

— Может, и будет, — и подмигнул.

— А ещё я заметила, — Эрна уткнулась носом в кружку, — когда ты за растениями ухаживаешь или мази, настои по «Целебнику» делаешь, твои татуировки темнеть начинают или светиться, или даже двигаться…

Троян немного напрягся. Не готов он был просвещать Эрну, не пришло ещё время.

Поэтому следующие вопросы удивили:

— Тебе при этом не больно? Кожа не чешется? Как ты это выносишь?

Её потрясывало. Она даже поставила кружку на стол, чтобы не разлить.

— С тобой всё в порядке? — спросил мастер.

— Понимаешь, дед, — сказала она взволнованно, — преступница я. Воровка. Когда от тебя сбежала, первое время перебивалась, прибилась к стае таких же, как я. Да и денег, что ты отправлял, хватало. Но захотелось чего-то большего — сапожек красных. А эта тётка купила и просто поставила рядом. Ходила кругами, болтая по модусу, ну я их схватила и побежала. Недолго бежала. Поймали меня. Ты теперь меня выгонишь, да?

— Не переживай, не выгоню. Все по молодости глупости делали, — мастер сделал вид, что пьёт из кружки, чтобы скрыть улыбку. — А дальше-то что было?

— Что было? Что было? — Эрна успокоилась, но появилось раздражение в голосе. — Я же малолетка, вот и предложили варианты: или на трудовую отработку в дальнюю колонию на два года, или альтернатива — тут и с хорошими условиями, но на четыре. Ну я и согласилась на тут. Лучше бы улетела. Дед, это был ад.

— Цапель, принеси-ка нам той настойки на мелиссе с миндалём, — попросил Троян. — Только ту, что без спирта.

Опекун важно вышел, а мастер кивнул Эрне, чтобы продолжала.

— Условия и правда хорошие были. Отдельная койка, хорошая кормёжка, модус забрали, но выдали новый с обрезанным доступом. Мне даже выходить и гулять можно было, но… — Эрна вся сжалась, обхватив себя руками, а потом начала чесаться, — я ведь бедная, а значит чистенькая. Мои родители и бабка с дедом не играли с генами, у них не было на это бриксов. И моё тело прекрасно подходило для выращивания экзотов.

Появился цапель с напитками. Эрна выпила, даже не глянув, и продолжила. Видно было, что ей хотелось выговориться. Вынуть это из себя, хотя бы словами.

— У верхолазов мода появилась на выдуманные создания или

растения, или и то, и другое вместе. И чтобы выращены они были в чистой среде, а не в пробирках. Вот и подсаживали в меня эту больную фантазию. Я чувствовала, как они копошатся и растут у меня в бедре, в спине или в животе. Где было подходящее место, туда и сажали. Мне хотелось вырезать их, выцарапать, отрубить. Я постоянно чувствовала их внутри. Все эти долбанные четыре года.

Троян молчал. Он был взбешён рассказом, но и восхищён силой этой девочки.

— А чтоб я и такие же как я не сбежали, нам вкололи генновирус, и если не получаешь антидот каждые восемь часов, то начинаешь медленно и болезненно умирать. Болезненно, чтобы я и не думала смотаться, а медленно, чтобы они могли спасти своих ценных экзотов. Один пацан, мой друг… — Эрна сделала глубокий вдох и продолжила: — Решил сбежать. Я видела, каким его привезли. Он как будто в кислоте искупался. Вынули экзотов, а его лечить не стали. Жуткое было зрелище.

— А как же ты здесь? — Троян обвёл рукой теплицу. — Среди растений?

— Они другие, — Эрна даже улыбнулась. — Не просто живые, они настоящие. И Цапель другой, хоть и ворчливый.

— Это мерзко! Я про такие эксперименты даже и не слышал! — возмутился Троян.

— И больше не услышишь. Одна из верхолазок, услышав о проекте, подняла бучу, и проект закрыли. Но знаешь что? — Эрна грустно усмехнулась. — Она защищала не нас, а экзотов. Те, мол, растут в стрессовых условиях и ещё неизвестно, что им от нас может передаться. Смешно, да?

— Нет, Эрна, не смешно!

Мастер подошёл к девушке и обнял. Она уткнулась в него носом. Долго они потом ещё сидели в обнимку, пили заваренный кипрей, и каждый думал о своём.

На семнадцатилетние Троян приготовил Эрне подарок — двух опекунов. Они выглядели как браслеты в виде лоз плюща и обладали множеством полезных и защитных навыков. Но и девушка приготовила для него сюрприз. Она вышла одетая в дорогу и с рюкзаком. Их прощание было недолгим, но оно хотя бы было.

— Не ищи меня, дед. Я знаю, что будешь, но прошу. Сама хочу попробовать сильной стать, а не всю жизнь за твоей спиной прятаться. Я ведь и не видела ничего толком. А девочки мне помогут, — сказала Эрна, глядя на браслеты. — Ты береги себя, дед.

Крепко обняла, поцеловала в щёку и ушла.

* * *

Они положили раненую Эрну на стол. Опекун срезал одежду и снимал модификации. Мастер листал «Целебник» в поисках нужных рецептов.

— Цапель, обеззараживай, а потом подготовь всё с этой и вот этой страницы, — сам Троян точно знал, что нужно делать. — Я в лесную заимку. Семена свои посажу, ещё нужны посох, сыра-земля, два вида воды и… змей-трава. Да и место там подготовить нужно.

Опекун замер и удивлённо посмотрел на мастера.

— Так запрет же?

— Помнится, ты не возражал, когда я предложил это сделать с тобой! Да и кто покарает? Нет никого. Мы с тобой, да ещё пара наших. Да и плевать я хотел на запреты!

Цапель помотал головой и продолжил подготавливать всё необходимое. Когда Троян вернулся, пропахший лесом, свечи уже горели, мази и масла были подготовлены, краски размешаны. Мастер опустил огромный мешок, что тащил на спине, и осмотрелся. Давно он не делал ничего подобного — ни голема, ни второго ритуала — запретного. Глаза его налились зеленью, а татуировки цветом.

* * *

Полдня прошло с начала таинства. Девушка отдыхала, забывшись сном под действием сон-травы, а Троян и Цапель расположились в зале. Пили восстанавливающие взвары и беседовали. В комнате царил полумрак, только травы в плошках дымили, окуривая пространство.

— Ты уверен, что мы правильно поступаем? — спросил Цапель.

— Нет, не уверен. Макошь, может, и ведала, но где она теперь? — Троян выглядел спокойным, но внутри был напряжён. — Ты сам-то согласен? Готов?

— Обижаешь, мастер. Столько веков вместе работаем, а ты сомневаешься.

— Да не сомневаюсь я, волнуюсь.

Троян взял посох, часть плоти Мирового древа, и уткнулся в него лбом. Дальше сидели молча. Всё, что нужно, они уже сделали. Осталось только ждать.

* * *

Мастер вздрогнул, когда визор включился от звонка в дверь и показал пришедших.

— Троян открывай, мы знаем, что девка у тебя!

Их было четверо — тренированные бойцы. Говорил чернявый с опекуном-вороном на плече и широко улыбался в камеру, почти заслонив остальных.

— Открывай. Мы заберём девку, и больше никто не пострадает! — помолчал немного. — Вру! Умрут все! Но если откроешь сам, обещаю, это будет быстро.

Пока разыгрывался спектакль перед дверью, Троян встал, взялся за посох, и дым от трав плотной пеленой заволок комнату. Через визор было видно, как чернявый махнул рукой, остальные бойцы немного отошли, а он достал из-за спины трёхствольную винтовку и, отступив к стене, выстрелил.

От волнового удара погнутая дверь влетела в апартаменты. Вбежало четверо бойцов, и почти сразу в окно влетела пятая. Но не зря Эрна предупреждала об окне, как о заманчивом способе проникновения, Троян это запомнил.

Боец с опекунами-крыльями сразу угодила в ловушку. Серебряная сеть с клеймами в нужных местах описывала прямой путь в Навь. Девушка дёрнулась, получив мелкие порезы. Они не смогли удержать опытного бойца, но каждая проволочка несла на себе каплю мёртвой воды. Её было очень мало, основная часть ушла на голема, но, попав в кровь, мёртвая вода забирала саму жизнь.

Спустя несколько секунд послышались хрипы агонии. Девушка скрючивалась, иссыхала, оголялись мышцы, кости, вываливались органы. Она горела без огня, выедаемая мёртвой водой. Даже опекуны, содержавшие биологические части, подверглись воздействию. На пол упало больше модификаций, чем плоти, но всё равно эта масса продолжала молча извиваться.

Лидер с вороном на плече сплюнул в сторону копошащейся массы, бывшей его соратницей, и осмотрел помещение. Плотный дым не был преградой для просмотра через модификации, а вот черты Чароврата, написанные кровью Трояна, создавали его двойников, запутывали.

— Хорошо старик, поиграем, — ухмыльнулся чернявый и приказал бойцу с косичками. — Найди девку.

Косички вздрогнули и зашевелились. С пояса мечника соскользнула змея и уползла. Женщина, стоявшая молча, щелчком распрямила плазменный кнут. Её опекун грациозно отступил в дым.

* * *

Цапель замер под потолком. Он не был опекуном, как его воспринимали окружающие, но, прожив столько веков с Трояном, впитал древние тайны, да и мастер улучшил тело. Цапель следил за змеёй, как только она сползла с пояса, упал на неё, когда проползала мимо, и зажал в лапах. Опекун даже немного обрадовался, это было древнее противостояние двух видов. И с особым наслаждением раскусил её клювом пополам.

Но змея не собиралась помирать так просто, каждая из частей начала работать самостоятельно. Та, что с головой, проползла по телу и вцепилась зубами в крыло, вливая токсины. Вторая оплела длинные ноги, намереваясь переломать.

Вокруг шумел бой, но Цапель не отвлекался и не переживал за Трояна. Клювом пробил змее глаз и отшвырнул. Токсины разливались по крылу, заставляя мышцы нервно сокращаться. Будь он обычным опекуном или птицей, то уже бился бы в конвульсиях, умирая, но Цапель только на время лишился подвижности крыла. Маховые перья на втором изменились, печать Велеса придала им крепости и остроты. Несколько ударов, и части змеи валялись под ногами. Цапель оглянулся, собираясь прийти на помощь Трояну, когда опекун девушки с хлыстом прыгнул ему на спину, придавил к полу и начал драть когтями.

Перья и плоть летели в стороны, пока Цапель не отмахнулся крылом, ранив опекуна. Тогда он сам смог извернуться и оттолкнуть противника. Что-то похожее на кошку замерло перед ним, но спустя мгновение ринулось на него. Цапель поймал опекуна лапой и прижал к полу. Рядом раздался крик боли, а потом его и кошку омыл поток крови. Последовала серия выстрелов. Кричал не Троян, понял Цапель и рубанул крылом, отсекая кошке лапу. Потом изогнул шею, воткнул клюв противнику в подбородок и начал медленно раскрывать, разрывая горло.

— Эта тварь убивает Дикую! — услышал Цапель истеричный крик.

— Так убей его! — прозвучал приказ.

Цапель заметил, как в него несётся плазменный хлыст, успел лишь немного изменить позу, а потом ощутил, как отсекается крыло и лапа. Упал и больше ничего не видел и не чувствовал.

* * *

Боец с извивающимися косичками нырнул в дым и заметил

силуэт Трояна, подкрался сзади и пырнул ножом. Коронный в печень разрезал воздух. Почти сразу боец получил мощный удар по спине, который сломал несколько рёбер и опрокинул его. Тот перекатился, скривился от боли и побежал дальше. У него был приказ найти Эрну.

В главной комнате сейчас шёл бой, оставались две спальни и теплица. Из двух спален он выбрал меньшую и не ошибся. Ногой вышиб дверь, но не забежал сразу, а пропустил два выстрела и кувырком вкатился в комнату. Вскочил, держа метательные ножи, модифицированные предплечья выдвигали их сразу в руки. Эрна стояла напротив, держа его на прицеле двух стволов.

— Привет, Джошуа.

Она выстрелила, когда ещё говорила, но промазала. Джошуа метнул ножи. Первым нанёс неглубокий порез на рёбрах слева, второй вошёл в правое плечо. Эрна вскрикнула и выронила один из пистолетов. Бок ныл — терпимо, но она лишилась возможности действовать правой рукой. Джошуа перекрывал выход, а драться раненой в замкнутом пространстве было изначально проигрышно. И она решилась на прорыв.

Выстрелила, а потом побежала прямо на Джошуа, но не ударила тараном в грудь, а, упав на колени, проскользила полметра и врезала рукояткой ствола под коленку. Половина её модификаций сдохла, когда она выкинула модус, второй лишилась после лечения Трояна, а вот у Джошуа всё работало отлично. Он почти не почувствовал удара в усиленных ногах, поймал девушку и приложил об пол. Эрна вскрикнула от боли. Удар вышиб воздух, и теперь она старалась вдохнуть, пытаясь наполнить лёгкие. Джошуа схватил её, приподнял, а потом, развернувшись, вбил спиной в стену.

Было слышно, как хрустнули кости. Джошуа удерживал Эрну одной рукой, второй схватил за горло и начал душить. Девушка дёргалась, ноги плохо слушались, правая рука безвольно болталась. Единственное, что она смогла, левой рукой схватить его за голову и попытаться выдавить глаз. Она чувствовала, как палец погружался в глазницу, но при этом видела, как Джошуа улыбается, а косички на его голове зажили собственной жизнью, извиваясь и удлиняясь.

— Привет, Эрна.

Первая косичка вонзилась ей в живот. Придушенная, девушка не смогла даже вскрикнуть, только булькнула.

— Нравится?

Одна за другой косички с бритвенными наконечниками нашпиговывали плоть девушки.

— Знаю, что нравится!

Эрна могла лишь судорожно дёргаться от каждого удара, а потом уронила голову. Из другой комнаты послышался крик боли и серия выстрелов.

* * *

Троян затаился в дыму ещё до того, как вышибли дверь. Наблюдал, как в ловушку попадает девушка с крыльями и навсегда покидает мир живых. Чернявый отправил бойца с косичками на поиски Эрны, и тот, приняв один из фантомов за мастера, попытался его убить. Троян врезал ему посохом по спине, но боец убежал, а черты Чароврата не могли долго отвлекать внимание остальных, и нужно было действовать.

Двигаться в дыму, не создавая завихрений, он научился давно. Боец с мечами стоял немного в стороне, остальные двое находились правее. Мастер подошёл незамеченным и, хорошо размахнувшись посохом, приложил мечника по хребтине. Такой удар, да посохом из Мирового древа, должен был сломать позвоночник, но у бойца он, видимо, был модифицированный. Противник лишь отлетел в сторону и встал в стойку для атаки.

Мастер скорее услышал, чем увидел, как в него летит плазменный кнут, и успел отскочить. Но прыгать нужно было в сторону бойца с мечами, и Троян в прыжке развернул посох параллельно удару двух лезвий. Ток сорвался с остриёв и, пробежав по древу, защипал пальцы. Будь это другой посох и держи его простой человек, результат был бы неутешительным. Троян толкнул вперёд, заставляя бойца отступить, но тут же пришлось увернуться от кнута.

Бойцы кружили, нанося удары поочерёдно, мешая друг другу развернуться в полную силу. Троян решил воспользоваться положением, так как больше ловушек или смертоносных сюрпризов у него не было. Чернявый держал его на прицеле, явно наслаждаясь процессом, но вступать в схватку не спешил.

Мечник и женщина с кнутом, вероятно, давно работали вместе и через несколько пробных выпадов решили действовать в тандеме, выработав совместную стратегию. Точнее, Троян, имеющий многовековой опыт, подтолкнул их к этому решению.

Когда один из бойцов ударял верхом, и Трояну приходилось блокировать удар, второй бил в открытую спину или бок. Мастеру удалось увернуться от двух таких комбинаций, но на третью он слегка изогнул посох, попросил стать мягче и немного вязким. Когда мечник ударил, Троян поймал посохом мечи и воспользовался вложенной силой, чтобы развернуть под удар

второго.

Мелькнул плазменный кнут, и руки вместе с мечами упали на пол. Боец кричал от боли, заливая кровью всё вокруг. Троян схватил безрукого и прикрылся им от выстрелов чернявого, который решил вступить в сражение. Видимо, бой уже не казался ему таким весёлым.

— Эта тварь убивает Дикую! — услышал Троян истеричный крик женщины с кнутом.

— Так убей его! — приказал чернявый.

Мастер отбросил изрешечённое тело безрукого и собрался броситься на помощь Цапелю, когда краем глаза увидел, как боец с косичками тащит на плече окровавленное тело Эрны.

— Нет! — выкрикнул Троян.

Развернулся, чтобы спасти девушку, но уткнулся лбом в ствол винтовки.

Чернявый нажал на спусковой крючок.

Кровь, кусочки мозга и кости разукрасили комнату.

* * *

Рассветные лучи осветили апартаменты. Дым от трав давно рассеялся, открывая картину разрушений. Всё было сломано, разбито, перевёрнуто и продырявлено. Коричневый цвет запёкшейся крови стал основным акцентом в комнате. Было тихо и даже не страшно, понятно, что всё уже произошло и ничего уже не исправишь.

Цапель приоткрыл глаз. Боль немного поутихла, но, когда сознание вернулось, накинулась вновь.

Он глянул на своё крыло и лапу, лежавшие рядом, но отдельно, и подумал:

«Ненавижу плазменное оружие! Вот раньше отрубили мечом, приставил обрубки друг к другу и всё — прирастает как нужно. А теперь! Края нужно зачистить от запёкшейся плоти, подпилить оплавленную кость, да ещё и подпорки, и растяжки. Ждать и терпеть пока прирастёт. Ненавижу плазму!»

Рядом, раскинувшись на спине, лежал Троян. Цапель напрягся и на одном крыле подполз. Путешествие было недолгим, но болезненным. Лёг рядом, положив голову на живот мастеру.

— Мастер, вот ты мне скажи, я на такое подписывался? — опекун покосился на остекленевшие глаза Трояна. — Нет, отвечу я тебе! Приходи, говорит! Жить долго будешь! Научу тебя всему! Мир повидаешь! Ага, щас-с-с.

Обрубки сильно болели, но боль со временем Цапель

научился терпеть. А вот умение ворчать и сетовать на судьбу с годами только возросло.

— Молчишь? Вот и молчи, раз сказать нечего. У кого теперь забот на несколько лет, не знаешь? А хочешь намекну? — Цапель прокашлялся. Говорить было трудно, но молчать ещё труднее. — Выращивай теперь тебя, поливай. Хорошо, что семена свои ты посадил, надеюсь, и Макошь ваш давний уговор выполнит.

Опекун замолчал ненадолго, восстанавливая дыхание.

— Ладно, хоть Эрну спасли, кровницей нашей сделали. Да и отморозки големом довольны точно будут. Хороший он у тебя получился, никто от настоящей не отличит. Но намучаюсь я теперь с девчонкой! А может под сон-травой её так в заимке лесной и держать, пока ты рядом не созреешь? — Цапель замахнулся крылом в сторону Трояна, но вместо удара, аккуратно прикрыл ему веки. — До встречи, старый друг. Поползу я части свои собирать, и до заимки дотянуть нужно, пока народ не набежал. И никто мне бедному не поможет. Всё сам. Всё сам.

О ноябре, вечности и дурных привычках
Евгения Кутман

Ennio Morricone
«Le Vent, Le Cri».

Горячий кофе обжёг руку, оставляя болезненный след. Чашка жалобно хрупнула об угол столешницы и ускакала вниз, превращая затёртый линолеум в мечту абстракциониста.

— Вот дерьмо! — поджимаю губы и досадливо грохаю туркой по чугунной решётке плиты.

Дурная привычка — ругаться. Но соблюдать детские запреты — привычка ещё более дурная.

У чашки скололась ручка. Верчу два фарфоровых кусочка — большой и малый, пытаюсь приложить один к другому. Зачем? Бессмысленная трата времени. Кидаю обломки в ведро и иду за тряпкой.

Горьковатый аромат щекочет язык, но кофе больше не хочется. Словно с разбитой чашкой пропало и желание. Надо переставить турку в раковину, протереть плиту. Но вместо этого достаю с верхней полки бокал, из холодильника полупустую бутылку вина с огрызком сулугуни и подхожу к окну.

Четвертый этаж серой панельки не может похвастаться панорамным обзором. Кусок дороги мигает светофором и разбегается на перекрёстке. Мутным аквариумом вырастает остановка, с которой Стас ежедневно уезжает на свои мегаважные совещания. За остановкой начинается парк. Я знаю, что он большой, помню каждую аллею, каждую скамейку. Но из окна видна только ограда и несколько потемневших деревьев.

Не выдерживаю, достаю телефон. Когда приходили последние сообщения? Вчера, позавчера? Надо взять себя в руки и выполнить обещанное: заказчик скоро потеряет терпение и потребует назад свой аванс. Надо взять себя в руки! В комнате ждут загрунтованные холсты на подрамниках. Их не видно с кухни, но, как и парк за окном, я легко могу представить три разноцветных прямоугольника у дальней стены.

Вино заканчивается предательски быстро. Отправляю остатки сулугуни обратно в холодильник, попутно провожу ревизию запасов. Не густо. Значит, придётся сделать то, к чему я готовилась несколько дней, — выйти наружу.

Одеваюсь нарочито медленно: руки дрожат. Чёрт, ещё же не вымыла турку! Радостно вжикает молния, куртка возвращается на вешалку.

Стоп. Так дело не пойдёт. Дуб, орех, мочало — начинай сначала. Супермаркет в двух шагах от дома, пятнадцать минут туда и обратно. Нужно просто успокоиться и открыть дверь. Нужно успокоиться!

На улице прохожих мало: середина рабочего дня, спальный район. Сорок три шага до выхода из двора, девяносто семь до дороги. Если считать шаги, проще сосредоточиться, не поддаваться панике. Теперь самое тяжёлое — пешеходный переход. Окружающее пространство давит, торопит, зелёный человечек мигает, превращаясь в уродливую кляксу. Под раздражённое шипение колес заскакиваю на край тротуара.

На негнущихся ногах прохожу оставшийся путь до магазина, кляня улицу, водителей и свою самоуверенность. Что стоило позвонить Стасу, попросить его купить продукты? Так нет, хочется доказать — ему или себе? — что я не окончательно выжила из ума! Что могу выйти из дома, могу приготовить шикарный ужин. Могу заслужить восхищение, а не жалость! И потом, Стас всё равно не купил бы мне вино.

На кассе отбиваю молоко, хлеб, курицу и две бутылки «Пино Гриджио» — про запас. Начинается обратный отсчёт: тридцать девять, девяносто семь, сорок три. Последние шаги стараюсь делать медленнее, но в результате почти бегу к подъезду, эстафетной палочкой выставив брелок домофона.

У лифта сталкиваюсь с незнакомцем. Высокий шатен в графитовом пальто и невозможно оранжевых кроссовках снова и снова нажимает кнопку.

— Сегодня не работает? — полувопросительная интонация, извиняющаяся улыбка.

Почему он спрашивает об этом меня?

— Работает, — бормочу под нос, оттесняя парня. Не сильно дружелюбно, но кто же улыбается незнакомцам? — Просто дом старый, иногда вредничает.

Шершавый кругляшёк вспыхивает оранжевым. Не многовато ли оранжевого для одной лестничной клетки? Где-то вверху просыпается монстр и, скрипя «суставами», ползёт вниз. Скорее бы!

Взгляд незнакомца буравит ухо:

— Привет.

— Вы это мне или ему? — уточняю на всякий случай, кивая в сторону раскрывшегося лифта.

— Тебе, — смеётся собеседник.

Ненавижу, когда «тыкают» без разрешения, но сейчас сердиться не получается. Мешает странная мысль: «Может, мы знакомы?»

Заходим в кабину, молча жму «четвёрку».

— Одолжишь перфоратор? — доносится сбоку. — У меня есть чай.

Странный парень, странный разговор. Чувствую себя Алисой, встретившей Шляпника.

— Для чая нужен перфоратор?

— Чай для тебя, — опять улыбается настырный тип. — Арендная плата за щедрость.

Лифт дёргается, останавливается, не давая возможности подумать над ответом. Оборачиваюсь на выходе:

— Откуда ты знаешь, что у меня есть перфоратор?

— А у тебя его нет?

Скажи: «Нет», — бьётся в голове.

— Есть.

Щелкаю замком на входной двери, лезу под шкаф в прихожей. Незнакомец ждёт у порога.

— Вот, — протягиваю тяжёлую коробку.

— Спасибо, — парень перехватывает ручку и отступает, пропуская вперёд. — Идём?

— Куда? — запинаюсь у входа.

— Пить чай.

Стас скажет, что я наивная дура, что нельзя доверять первым встречным! Стас — зануда! А ещё он всегда прав: я лентяйка, я много пью, я разбила его любимую чашку… Вечером опять поругаемся. Так пусть для этого хотя бы будет повод.

Оставляю пакет с продуктами в прихожей, запираю дверь и иду за Шляпником к лифту. Поднимаемся на девятый. Квартира незнакомца встречает дверью с разорванным кожзамом и белёсыми проплешинами синтепона.

— Здесь, кажется, жила старушка, — пытаюсь припомнить соседей по подъезду.

За дверью почти пусто, пахнет краской. В единственной комнате под свисающей с потолка лампочкой скучает стремянка. На лоджии — накрытый оранжевым пледом гамак.

Кухня выглядит не так аскетично: плита, холодильник, стол с двумя стульями, электрический чайник.

— Что будешь: вафли или смородиновое варенье? — спрашивает Шляпник, выдвигая для меня стул.

Вопрос застаёт врасплох. Горка вафель лежит на подносе, напоминающем палитру, а варенье зачем-то налито в баночку из-под акриловой краски.

Люблю смородиновое варенье, но сейчас теряюсь:

— Просто чай.

Чай не пакетированный — свежезаваренный.

Дую на кружку, собираясь с мыслями:

— Я, кстати, Лида. А ты?

— Ноябрь, — отвечает собеседник, намазывая вафлю вареньем.

Хороший бред заразителен.

— Где же остальные братья-месяцы?

Молчание и хруст вафли. Попробуем по-другому:

— Прости, но ты мне не нравишься! — подкрепляю решительность глотком чая. — Ты мрачный, холодный и дождливый. Лучше будь Июлем или Январём.

— Согласен. Но выбирать тебе, — и указывает взглядом в окно.

Смеюсь:

— Я что, могу назвать любой месяц, и на улице сразу пойдёт снег или зацветут подснежники?

— Конечно. Только перестань прятаться.

Почему-то его слова не кажутся шуткой. Почему-то они больно ранят. Странная игра надоедает. Отодвигаю кружку с недопитым чаем, встаю. Ноябрь крепко хватает за запястье.

— Лида, пожалуйста, послушай! — теперь его голос хриплый и отчаянный. — Ты застыла — ни вперёд, ни назад! Укрылась в этом своём сером мирке. Если не двинешься дальше, просто исчезнешь!

— Хватит! — вырываю руку и почти бегу к входной двери. Что делать, если она окажется заперта?

— Отпусти его! — слышу за спиной. — Вам обоим так будет лучше!

Открыто. Подхватываю ботинки и куртку, вылетаю в подъезд в одних носках. Ступеньки мелькают перед глазами, как и багровые цифры на стенах лестничных клеток. Царапаю ключом замок, хлопаю дверью и тяжело опускаюсь на пол.

Почему я решила, что Ноябрь будет за мной гнаться? Нет, неверный вопрос. Почему я вообще к нему пошла? Стас с ума сойдёт, когда расскажу ему про встречу! Если расскажу… Чёрт, ещё же нужно приготовить ужин!

Взгляд останавливается на пакете в углу прихожей. «Хорошо, хоть взяла не замороженную курицу», — вздыхаю с облегчением. И вдруг начинаю безудержно хохотать, сбрасывая оцепенение.

* * *

Утро будит вокалом Клауса Майне:

«Is there really no chance

I'm loving you…»[1]

Нащупываю телефон, тыкаю крестик и перекатываюсь на подушку Стаса. Вдруг получится подглядеть его сны? Вчера был какой-то идиотский день: разругались на пустом месте, разбрелись по разным углам. Столько лишнего наговорили! Надо мириться.

Блестят золотистые цветы на шторах, пропуская в комнату серый свет. Далёким приливом бормочет телевизор в соседней квартире. Вылезаю из тёплого кокона одеял и иду умываться. У стены напротив стоят три разноцветных прямоугольника. Когда были последние сообщения от заказчика: вчера, позавчера? Надо взять себя в руки и выполнить работу! К тому же аванс давно потрачен. Надо взять себя в руки! Но… только не сегодня. Временная индульгенция притупляет совесть. Одеваюсь, ползу на кухню за дозой «баварского шоколада».

— Вот дерьмо!

Горячий кофе обжигает руку, оставляя болезненный след. Чашка падает вниз, кружится по линолеуму, рисуя коричневатые разводы.

Да что со мной не так?! Грохаю туркой по плите и иду за тряпкой. Смываю с пола кофейный авангард, поднимаю любимую чашку Стаса. Облегчённо вздыхаю — целая. Зачем я взяла именно её? Убираю чашку в раковину, достаю с верхней полки бокал, из холодильника недопитое вино и подхожу к окну.

Снаружи сейчас всё монохромное: выцветшие дома, сизое небо, грязные лужи. Даже воздух какой-то серый, потерявший прозрачность. Такой становится вода, когда в неё падает капля чёрной краски.

Вино заканчивается предательски быстро — придётся идти в магазин.

На улице прохожих немного. Промозглый ветер срывает капюшон, нагло лезет под куртку. Супермаркет в двух шагах от дома, пятнадцать минут туда и обратно — нужно просто успокоиться и считать шаги. Нужно успокоиться!

В магазине беру продукты и две бутылки «Пино Гриджио» — про запас. В подъезде сталкиваюсь с незнакомцем. Высокий шатен в графитовом пальто и невозможно оранжевых кроссовках ждёт у лифта.

— Привет, — грустно смотрит на меня парень. — Похоже, сегодня не работает.

Странный тип. Почему мне кажется, что он ждёт здесь именно меня? В конце концов, пакет не такой уж и тяжёлый.

— Нет, не работает, — бросаю я незнакомцу и прохожу мимо лифта к лестнице.

* * *

«I'm still loving you…» — разрывается будильник…

Горячий кофе обжигает руку…

В магазине беру молоко, хлеб, курицу и две бутылки «Пино Гриджио»…

Сорок три, девяносто семь, тридцать девять. И обратно: тридцать девять, девяносто семь, сорок три. Вдоль серой улицы, мимо серых людей. И я тоже становлюсь серой, растворяюсь в бесконечности ноября…

Горячий кофе обжигает руку…

* * *

Хватит. Хватит! Я так больше не могу! Стас, пожалуйста, прости меня, но кто-то из нас должен признать, что всё закончилось!

Любимая чашка Стаса падает вниз и разлетается вдребезги…

* * *

В подъезде сталкиваюсь с высоким шатеном в графитовом пальто и невозможно оранжевых кроссовках.

— Привет, — здоровается он и неуверенно спрашивает: — Лифт не работает?

Жму на шершавый кругляшёк кнопки, и тот мгновенно вспыхивает оранжевым.

— Вот! — неожиданно улыбаюсь я. — Всё работает.

Заходим в кабину. В голове пульсирует мысль: «Я откуда-то знаю этого парня! Откуда?»

Не выдерживаю:

— Извините, мы не знакомы?

Господи, что я делаю?! Пристаю в лифте к незнакомцу!

— Возможно. Я живу на девятом.

У него грустные ярко-серые глаза. Как серый цвет может быть ярким?

Лифт дёргается и распахивает двери. Четвёртый этаж. Мой

этаж.

— Может… выпьем чаю? — слышу из-за спины.

— Может, лучше кофе? — отвечаю прежде, чем понимаю, что делаю.

Оборачиваюсь и получаю радостный, почти ошеломлённый взгляд. Старина-лифт хочет захлопнуться, упрятать незнакомца в своё нутро, но тот крепко держит створки.

Почему-то вдруг становится легко и смешно.

— Я бы пригласила тебя к себе, но у меня, кажется, закончились чашки.

Парень кивает, словно признаёт такую причину достаточно серьёзной.

— Это ничего. Могу предложить отличные новые кружки, — и, немного помолчав, с озорной улыбкой добавляет: — А ещё у меня есть вафли и смородиновое варенье.

* * *

Эпилог

Утро началось с солнца. Цветы на шторах бесстыдно заблестели, пропуская в комнату золотистый свет. Стас зажмурился и сильнее закутался в одеяло. Шторы выбирала Лида. Тогда, ещё до аварии.

Сколько прошло с тех пор: два месяца или три? Время слиплось в пульсирующий комок, поселившийся глубоко внутри, за сердцем. Стас не хотел ни о чём думать, но прошлое раз за разом одерживало верх, ввинчивалось в мозг назойливыми воспоминаниями.

Ноябрь — худшее время для ссор. Обиды, недомолвки, усталость. И какой-то пустяк — разбитая чашка — становится поводом для грандиозного скандала. А потом: хлопнувшая дверь и запоздалое чувство стыда. И самая страшная ошибка — бездействие! Почему он сразу не пошёл за Лидой? Может, успел бы её догнать до перекрёстка. Или хотя бы окликнуть…

Стас перекатился по кровати, сел и с силой растёр лицо ладонями. Странно, но сегодня мысли о Лиде не вызывали обжигающей боли. Пульсирующий ком за сердцем начал таять. У стены стояли забытые прямоугольники холстов. Лида в тот день как раз заканчивала работу над заказом, пошла на кухню сварить кофе…

Стас встал с кровати и устроился прямо на полу, у картин. Коснулся гладких, давно высохших красок. На левом полотне

сияло вечное солнце, и шумела речка, на правом цвели подснежники, а в центре шёл снег. Он покрывал ограду парка, темнеющие деревья. Картина могла бы остаться серой, практически монохромной, если бы не два ярких пятна, две фигурки, уходящие по аллее: рыжеволосая девушка и высокий парень в невозможно оранжевых кроссовках.

Сказ о светлом будущем и настоящей дружбе
Марина Мельникова

Потусторонний невод смотрел в маленькое окошечко дома Жесси. Глаза невода золотисто поблёскивали, что означало сильное возбуждение.

— Чтоб тебя! — с возмущением выкрикнул Жесси и захлопнул сиреневую ставню-раковину.

В комнатке сразу потемнело. Теперь её освещали лишь хилые ростки псевдощупалок, начавших прорастать в полу. В их зеленоватом свете Жесси прошлёпал к столу и достал из ящика старинную карту, которую туда спешно упрятал при виде невода.

— Ходят тут, ходят… — проворчал Жесси и развернул хрупкую желтоватую бумагу.

Среди полустёртых надписей и странных линий, жирной кляксой чернел крест.

Найдя карандаш и склонившись над картой так, что чуть не ткнулся в неё носом, Жесси принялся восстанавливать маршрут.

* * *

В трудах умственных прошло два часа. Жесси устал и запыхался, спина болела от неудобного согнутого положения, а одна псевдощупалка обвилась вокруг ноги, видимо решив, что это мебель. Неизвестно сколько бы это ещё продолжалось, но тут в дверь постучали. Кое-как разогнувшись, Жесси встал, попробовал сделать шаг, но тут же рухнул на пол. Осознавшая ошибку псевдощупалка, панически вспыхнула ярко-зелёным, отпустила конечность хозяина жилища и юркнула в пол.

Ругаясь, Жесси доковылял до входа и отодвинул щеколду.

— Ну и кого тут рыбьи неводы принесли?! — со всей возможной недружелюбностью буркнул он.

— А это я! — В прихожую впорхнул его приятель Цыпля и сразу же закружил по комнатке, выискивая, чем поживиться.

— А! — обрадовался Жесси, успевший забыть, что сам позвал Цыплю.

Захлопнув дверь так, что весь домик пошатнулся, Жесси прыгнул к столу и, ухватив проносящегося рядом Цыплю за хвост, подтянул поближе.

— Видишь? — тыкнул он пальцем в карту.

Значительно поглядел в круглые и черные, как маслины, глаза Цыпли, и вопросил:

— Осознаёшь?!

— Нет, — честно признал тот, вывернулся из лап приятеля и клюнул какого-то термита, неосторожно выбравшегося на столешницу.

При этом он чуть не попал в карту, отчего Жесси вскрикнул и схватился за сердце.

— Да осторожнее же! Это карта сокровищ, неужели не ясно?!

— Каких? — равнодушно уточнил Цыпля. — Огласи весь список, пожалуйста.

Жесси схватился за голову.

Цыпля спокойно продолжал:

— Ты с начала года говоришь о непонятных сокровищах. Значит, написал об этом в своём дневнике до праздника Забывания. А это, кажется, не совсем законно. Я же законопослушный гражданин…

Не выдержав, Жесси рявкнул:

— Воспоминания, Цыпля! Тысячи воспоминаний! Миллионы!

— Эээ… — озадаченно примолк Цыпля и задумался.

Жесси было обрадовался, но потом заметил, как друг косит глазом в сторону стола. По деревянной столешнице ползал очередной термит. Возможно, бедолага вылез проверить, куда подевался собрат.

— Цыпля! Сосредоточься! — взвыл Жесси, тем самым спасая жизнь термиту. — Я добывал эту карту десять лет! Из раза в раз расшифровывал собственные записи!

— А зачем? — отвлечённый от термита Цыпля, разочарованно покрутил головой и начал примериваться к псевдощупалкам. — Завещано предками забывать, и не нам этот порядок рушить. Если всё помнить, то вернёмся мы к прежнему. А там был Ужас!

— А вдруг нет? — Жесси сгрёб карту со стола, осторожно сложил и спрятал в карман рубашки. — И потом, я же не призываю всем раздавать воспоминания. Только нам. Видишь, что написано?

Жесси тыкнул пальцем в стену. Там, под самым потолком, была вырезана надпись: «Знания — сила!»

— Это, Цыпля, тоже завещано предками. Я проверял дневники. Надписи никак не меньше пятнадцати лет.

— Ого! — Цыпля уважительно встопорщил хохолок. — Древняя какая.

— Пошли!

Жесси опять ухватил приятеля под локоток и потащил к выходу.

* * *

Снаружи смеркалось. Фиолетовые лучи выкрасили белый песок центрального проспекта в нежно-сиреневый цвет. В воздухе мельтешили светлячки, в дуплах деревьев ухали неводы.

— Красота! — Цыпля вертел головой, время от времени выхватывая из воздуха пролетающих рядом светлячков.

При этом он явно придерживался странной схемы: красный, жёлтый, зелёный и так по кругу.

— Слышь, Жесси, а кто такой Проспект?

— Это просто дорога, — буркнул Жесси, которого слегка знобило от волнения.

Карта жгла грудь и пригибала к земле грузом ответственности.

— Но ведь в честь кого-то её назвали Проспектом? — настаивал Цыпля.

— Не знаю. Чуешь?

Жесси остановился и принюхался. В воздухе отчётливо пахло жареной колбасой и тушёными жужелками.

— Мы совсем близко.

— Отлично, а то я уже устал идти. Думаешь, дворец неподалёку?

— Ну, там должны как раз заготавливать еду на завтрашний праздник.

Жесси поводил носом из стороны в сторону и вдруг резво нырнул с дороги в заросли слизнёвника. Только глянцево-синие капли соцветий захлюпали. Цыпля обречённо поник, но полез следом. Слизнёвник пах йодом, а Цыпля ненавидел этот запах. Как назло, куст попался раскидистый. Цыпля проклял всё на свете, пока выбирался из маслянистых зарослей.

— Ну знаешь ли! — возмущённо начал он, наконец вырвавшись на волю.

— Тихо! — Жесси зажал ему клюв и заставил пригнуться. — Смотри.

Цыпля ошарашено крякнул. Прямо перед ними стоял громадный каменный дворец из красного кирпича.

Жесси выпустил клюв Цыпли и вытер руки о штаны. От волнения он потел и теперь пах ещё хуже, чем слизнёвник.

— Вот оно, — прошептал Жесси. — Скрыто ото всех за этими стенами.

— Так может, раз скрыто, так и не стоит раскрывать? — проскулил Цыпля.

Размеры дворца подавляли.

— Всем не стоит, — согласился Жесси.

— Так может, и нам это не нужно, а? — Цыпля испуганно припал к земле и распластал руко-крылья.

Жесси с возмущением посмотрел на него:

— Нет! Мне надоело каждый год начинать с чистого листа! Цыпля, послушай! Мы глупеем от этого! После очередного Праздника Забывания я чувствую, как знаний в моей голове становится всё меньше и меньше. Я уже не в состоянии прочитать свои первые дневники. Ещё один или два Праздника, и мы станем… неразумными неводами!

Цыпля притих, пережидая вспышку друга.

— Неводы! Вот что это за создания такие? Потусторонние, беличьи, рыбьи, туманные неводы… Весь год я размышлял об этом, наблюдал. И знаешь что?

— Что? — обречённо прошептал Цыпля.

— Я думаю, это бывшие разумные, — в возбуждении Жесси затряс головой. — Среди самых старых дневников, что мне попадались в тайной нише под полом, были написанные другим почерком. Знаешь, что я подумал? Вдруг это твой почерк? Чьи ещё дневники я мог спрятать? Только лучшего друга.

Жесси отвернулся и теперь смотрел на светящийся красный дворец. Цыпля сглотнул — запах тушёных жужелок, временами доносимый ветром, был ужасно аппетитным.

— Это очень умные записи. Я даже не понял о чём речь. Что-то о квантовой теории и полях… Какие-то изменения на расстоянии, взаимодействия частиц, суперпозиция… — Жесси сокрушённо покачал головой. — Я знаю, что Праздник придуман для благополучия всех. Возможно действительно не стоит слишком много знать…

Но я хочу помнить хотя бы тебя после Забывания! Помнишь, как мы веселились этим летом на Лунных Озёрах? Или ту милую Цаню? Как весело мы гуляли втроём и ловили пиявок? И вкус Мохито, и песню, которую пел Приёмник, до того как умер. Эту песню никто не вспомнит уже завтра, а я хочу её хранить в голове всегда, понимаешь? В этом ведь нет никакого вреда.

Притихший Цыпля долго смотрел на Жесси, а потом решительно встрепенулся и сказал:

— Ладно. Мы сделаем это! Я тоже хочу помнить песню. И Цаню с пиявками!

* * *

Ночь нависла над миром тёмно-синим куполом. Две фигуры перебежками приближались к дворцу.

Его чёрные ворота заперли так давно, что поверхность успела покрыться ржавчиной. Нечего было и думать открыть их. Зато по всей стене рос старый плющ.

— Полезли, — скомандовал Жесси и первым ухватился за толстые стебли, поросшие мхом.

Цыпля растерянно топтался, глядя, как друг целеустремлённо карабкается верх.

— Ааа… Может, я того? — наконец жалобно спросил он.

Разъярённый Жесси обернулся. Цыпля помахал руко-крыльями.

— Ты что, дурак? — гневно вопросил Жесси. Его ноги скользили по стеблям, сдирая мох, что очень нервировало. — Если полетишь, тебя увидят. Ползи давай!

— Неудобно, — проскулил Цыпля, но подчинился.

На середине пути запыхавшийся Жесси обернулся. Цыпля полз прямо под ним, старательно отворачивая клюв в сторону. Жесси подумал, что, во всяком случае, если он свалится, то на мягкое — на Цыплю, и тому будет некогда смеяться над другом.

— Ты как там? — смягчившись от этих мыслей, спросил Жесси.

— Нормально… — пробубнил Цыпля и неожиданно резко дёрнул клювом куда-то вбок.

— Ты чего?! — вздрогнул Жесси.

— Зелёный, — Цыпля облизнулся. — Хорошая примета.

Так они перебрались через стену и оказались на маленькой улочке, мощёной булыжником. Тут было темно, даже светлячки не летали. А может, повыловили их всех на десерты. Вдалеке, на стене играли отблески огня и слышался смех — повара сегодня трудились всю ночь.

— Удачно перебрались, — прошептал Жесси. — Теперь нужно глянуть карту. Вот только где свет взять?

Цыпля широко раскрыл клюв. Из пасти полилось переливчатое сияние.

— О! Как здорово, что ты светляков наелся! — обрадовался Жесси и достал карту.

Через пару минут компаньоны крались вдоль стенки к тайной двери, подписанной на карте как «Зап. вх.».

И вот тут им впервые крупно не повезло.

«Зап. вх.» нашлась и даже оказалась открыта, но стоило друзьям заскочить внутрь и прикрыть за собой дверь, как вспыхнул свет и грозный голос рявкнул:

— Стоять! Кто такие?!

— Охрана! — взвизгнул Жесси и заскакал вдоль стенки.

После темноты он никак не мог проморгаться и страшно запаниковал.

— Стоять! — фигура в чёрном выросла прямо перед Жесси. — Стреляю на поражение! Лечь немедленно!

— Ааа! — тоненько завопил Жесси, вмиг сообразивший, что планам пришёл грандиозный трындец.

В отчаянии он зажмурился и со всей силы прыгнул головой вперёд и вверх. Врезался в нечто твёрдое и покатился по полу. Впереди жутко загрохотало, закричало, потом воинственно заверещал Цыпля и захлопал руко-крыльями. Жесси в ужасе закрыл глаза и зажал уши, чтобы не слышать и не видеть, как его будут убивать.

Но мгновения тянулись, а ничего не происходило. Открыв глаза, Жесси огляделся. В помещении оказалось не так уж и ярко, только одна лампочка болталась на длинном шнуре. На полу лежало существо странной формы, вокруг него скакал Цыпля и время от времени клевал в одно и то же место. Тело не шевелилось.

— Ты что, убил его? — простонал Жесси.

— О! Ты жив! Я думал всё, кирдык! — обрадовался Цыпля.

С трудом встав — ноги всё ещё подкашивались от пережитого — Жесси подошёл к охраннику. Тот был бесповоротно мёртв.

— До чего странный тип, — пробормотал Жесси. — И из него бежит!

Из длинного белого тела, покрытого от плеч до пят чёрной шкурой, вытекало что-то красное и блестящее. Жесси подумалось, что ещё не поздно вернуться, и уже завтра он ничего не вспомнит из этого ужасного приключения. Отчего-то вид тела заставил внутренности Жесси скрутиться в неприятно тугой клубок. И тушёных жужелок уже не хотелось.

— Пошли! — требовательно сказал Цыпля.

Судьба охранника его явно не тронула. Жесси вздохнул и сверился с картой.

Они ещё долго блуждали по длинным, узким коридорам, иногда прячась в щели и закутки от других охранников. И хотя разухарившийся Цыпля рвался в бой, Жесси твёрдо решил сделать их путешествие мирным, насколько это возможно. Наконец, на пути друзей оказалась огромная железная дверь, едва тронутая ржавчиной. Она была слегка приоткрыта, и с той стороны доносился подозрительный гул.

Жесси осторожно сунул нос в притвор и, убедившись, что внутри их никто не поджидает, шмыгнул внутрь. Здесь было светло и странно пахло чем-то таким, что вызывало у Жесси

смутные ассоциации с долгим летним днём и грозой. Комната от пола до потолка оказалась заставлена удивительными предметами: стеклянными и светящимися, железными и гудящими. Это явно были сокровища, но понять, зачем они нужны и для чего могут служить, оказалось совершенно невозможно. Пока Жесси осматривался, Цыпля обнаружил единственный знакомый предмет — крутящийся стул на ножке.

Жесси забрался на него и, наконец, громко спросил:

— Что это? Где сундук?

— Сундук — это мебельное изделие с откидной крышкой. В данном помещении отсутствует, — вдруг ответил ему высокий женский голос.

От неожиданности Жесси свалился со стула. Стеклянный стол перед ним засветился, и в нём возникло изображение девичьей головы.

— Кто здесь?!

— В данном помещении находятся два модификанта в двадцать третьем поколении, — вновь ответил тот же голос.

Тут Жесси обнаружил, что перепуганный Цыпля успел забраться под стол.

Подумав, Жесси присоединился к нему и прошептал:

— Это какая-то магия. Я уверен, она врёт про сундук. Он точно здесь, а это ещё один охранник.

— Н-не знаю, — простучал клювом Цыпля. — Она же не кричит «стой!». Она просто не существует! Терпеть не могу говорящих невидимок! Жесси, давай уйдём отсюда! Пожалуйста!

— Нет! Ты прав…

Жесси задумался, а потом решительно выполз из-под стола. Огляделся и громко спросил:

— Ты кто и как тебя зовут?!

— Я — ваш интеллектуальный помощник. При нашем последнем общении, вы назвали меня Милашкой.

— Мы с тобой не общались раньше, ты явно путаешь, — нахмурился Жесси.

Вдруг страшная догадка озарила его.

Жесси юркнул под стол к Цыпле и прошипел ему на ухо:

— Мы здесь уже были!

— Что? — удивился Цыпля.

— Но забыли об этом! Видимо, это очень хитрая ловушка. Возможно, мы не в первый раз доходим до цели, но не можем её достичь!

Цыпля схватился за голову. А Жесси опять полез наверх.

— Где воспоминания?! — спросил он, вложив в голос всю твёрдость своих намерений.

Первый раз они тут или нет, Жесси не собирался отступаться.

— Воспоминания — это воспроизведение сохранённого. Находятся в памяти, — сообщила Милашка.

— Нет, — настаивал Жесси. — Где те воспоминания, которые стёрлись из памяти.

Голос немного помолчал, потом предположил:

— Вероятно, информация хранится на жёстком диске. Диск недоступен, требуется пароль.

Жесси на всякий случай осмотрел карту со всех сторон и расстроено пробормотал:

— У нас нет пароля.

— Чтобы получить доступ к жёсткому диску, можно провести форматирование, — предложил голос.

— Мне не нравится это слово! — прошептал из-под стола Цыпля. — В нём есть что-то ужасное!

Жесси отмахнулся. От нервов он опять вспотел, и по помещению поплыл запах подгнившей рыбы.

— Милашка, проводи форматирование!

— Выполняю. Отказ. Форматирование прервёт текущую программу. Продолжить?

— Что? — переспросил Жесси, вытирая пот со лба.

— Текущая программа квантовой модификации была запущена двадцать три года назад профессором Жесковым и доктором Цыпловым. Создатели программы обозначили её цель как «мир во всём мире». После первого запуска программы корректировок не вносилось. Выполнение идёт в текущем режиме ежегодных активаций.

— Это заклинание? — Цыпля опять высунул клюв из-под стола. — О чём она говорит? Какие активации?

— Ежегодные, — ответил Жесси, напряжённо думая. — Возможно это о празднике Забывания. Милашка, послушай, а можно…?

— Прекратите! — внезапно раздалось сзади.

Перепуганный Жесси подскочил и обернулся. В дверном проёме замер седой человек в белом халате. Его круглые глаза угрожающе и стеклянно блестели.

В голове Жесси мелькнуло загадочное слово «очки», и тут Цыпля ошарашено спросил:

— Жесси, кто это?

— Лаборант Иванов, первый помощник создателей программы. Без права доступа, — прокомментировала Милашка.

— Ну, здравствуйте! Удивили, ничего не скажешь. Вот уж кого не ожидал здесь увидеть! Даже не узнал сначала, решил, что зверушки забежали и пакостят, — криво усмехнулся тот, кого

назвали Лаборантом.

Он был выше друзей по крайне мере раза в два и, несмотря на сутулость и бледность, ужасно пугал своим видом. Жесси в панике заметался по помещению. Он почти готов был удрать, но выход перекрывала жуткая фигура Лаборанта, да и Цыпля замер под столом — не бросать же его.

В отчаянии Жесси развернулся лицом к Лаборанту и крикнул:

— Мы не уйдём без воспоминаний!

Он надеялся отвлечь Лаборанта и дать Цыпле время сбежать.

— Воспоминаний? — переспросил Лаборант и снял очки.

От удивления Жесси застыл, и даже Цыпля высунул клюв. Взгляд Лаборанта казался ужасно уставшим.

— Зачем они вам? Вы же этого и добивались. Ах, не помните? Какая ирония… Кажется, цель у вас была самая благая — заставить человечество забыть о распрях. Не учли только того, что материя тоже способна «забывать» как она выглядит, хоть и не так быстро как сознание.

— Жесси, он псих! — в ужасе крякнул Цыпля. — Надо уносить ноги!

Почему-то его слова насмешили Лаборанта.

— Ну уж нет. Я слишком давно хотел найти вас. Вы, уважаемый профессор Жестков, убегая… хм, уходя в мир, забрали все записи с данными о программе. Мне очень они нужны, всё-таки ограниченный доступ — не слишком удобная штука. Но всё так изменилось. Стыдно признаться, боюсь выйти за пределы института.

Лаборант пожал плечами и медленно протянул руку к красному щиту на стене. Жесси подумал, что он хочет нажать большую красную кнопку, и уже представил как поднимается трезвон, и со всего Дворца к ним сбегается охрана… Но Цыпля кнопки не заметил. Зато заметил висящий на том же щите топор. Эта блестящая штука выглядела ужасно угрожающе, а своей интуиции Цыпля привык доверять.

И пока Жесси раздумывал что делать, он заорал:

— Топор! Полундра!

Панически кудахча, он замахал крыльями. Стол опрокинулся, снежным роем взвились в воздух бумажки. — Бежим! Спасайся, кто может!

Лаборант застыл с поднятой рукой. И тут Цыпля прыгнул. Торпедой пронёсся через комнату и врезался Лаборанту в живот так, что тот согнулся пополам и замычал. От этого звука Жесси, наконец, пришёл в себя и кинулся бежать. Цыпля за ним.

Уже на пороге Жесси обернулся и крикнул:

— Милашка, форматируй!

— Выполняю.

— Нет! Подождите! Так нельзя! Отменить! — Лаборант схватился за голову и бросился к Милашке.

А Жесси и Цыпля уже улепетывали со всех ног.

* * *

Они сидели на перилах мостика через маленькую речушку, протекающую возле дома Жесси. Отсюда открывался вид на Большое озеро. Вода едва мерцала в свете затухающих фонарей, все звуки, кроме тихого и грустного плеска, стихли.

Жесси вздохнул:

— Интересно, получилось ли у нас остановить праздник?

— Думаю, да, — махнул крылом Цыпля. — Ты же сказал заклинание.

— А вдруг Лаборант пригрозил Милашке топором, и она испугалась? Или у него мог быть пароль.

— Ну, тогда нам остаётся только немного подождать, — сказал Цыпля.

Они ещё помолчали, а потом Жесси признался:

— Знаешь, а я в этот год решил не вести дневник.

— Что? — удивился Цыпля. — А как же воспоминания?

— Понимаешь, Цыпля, если у нас получилось отменить праздник Забывания, то в дневниках нужды уже нет, а если нет… — Жесси помолчал и продолжил. — Может быть, так будет лучше. Если не знаешь, что утратил что-то важное, то и страдать от этого не будешь. Не хочу думать, что потерял столько прекрасных воспоминаний. А ещё, если верна моя теория, в следующем году, ты станешь неводом…

Жесси всхлипнул:

— Я совсем не хочу знать, что потерял лучшего друга.

Цыпля промолчал. Потом нашёл рукой ладонь Жесси и крепко сжал. Так они и сидели молча, взявшись за руки и глядя, как медленно розовеет полоска горизонта.

Начинался новый день…

Тринадцатая модель
Игорь Книга

Сержант Хью Джонс листал журнал регистрации правонарушений. Картина безрадостная — за последний месяц участились кражи на скоростной трассе. Скручивали навигаторы, вытаскивали встроенную в опоры электронику и прочий интегральный хлам. Малополезный человеку, но жизненно важный для ходячих железок — на запчасти.

Когда двадцать лет назад «U.S. Robotics» выпустила первую модель общественного киборга, никому и в голову не могло прийти, что умные железки перемкнёт на воровство. А ведь тогдашние роботы были не чета нынешним — девятому, десятому, двенадцатому. Но совершенствование киборгов только ухудшило ситуацию. Законодатели возложили ответственность на производителя, а «U.S. Robotics» отреагировала тринадцатой серией, поспешив уверить мир, что теперь-то с киберпреступностью покончено навсегда. Во что Хью не верил.

Повертев толстыми пальцами сигару, сержант глянул время — ровно через сорок минут он сдаст смену, сядет в «Шевро» и отправится домой. По пути навестит «Грязный Гарри», накатит двойной виски и посоветует завсегдатаям не устраивать перестрелку на ночь.

Чтобы успеть к ужину, Джонс переоделся. Кому какое дело, по форме единственный на сорок миль полицейский или не по форме? Проверяющие появлялись не чаще одного раза в год, Хью знал об их визите заранее — от друзей в Управлении.

Тик-так, отсчитывали часы. Тик-так, мысленно подгонял время Хью. Через сорок минут он сменится, если не произойдёт чего-нибудь.

Но чего-нибудь явилось. Беззвучно подкатило к участку на чёрном фургоне с надписью «Транснациональная скоростная трасса», резко затормозив. Наружу выбрались два охранника модели Р-10 и странноватая синяя железка с поперечными жёлтыми полосами. Хью быстро глянул в электронный полицейский каталог — так и есть, тринадцатая модель. Тяжёлые шаги по коридору участка напомнили Джонсу о долге. Сержант едва успел достать значок-удостоверение и проверить «Кольт» в кобуре под мышкой, как троица ввалилась в кабинет.

— Нарушитель, статья 21 пункт 17, — коротко отрапортовал стальной охранник, протянув полицейскому две копии протокола задержания.

Хью пробежался взглядом по тексту, приложил к электронной бумаге значок-удостоверение и вернул один экземпляр охраннику:

— Нарушитель принят.

Р-10 быстро покинули участок, оставив Сержанта наедине с последним достижением «U.S. Robotics».

Вблизи Р-13 выглядел ещё отвратнее. Сине-стальной корпус пестрил мелкими надписями на неизвестном Джонсу языке и пошлыми картинками. С головы робота свисали узкие фиолетовые лепестки, делая похожим на папуаса.

— Не кичёво, — скривил пластометаллический рот задержанный, плюнув в урну.

Сержанта передёрнуло. Захотелось врезать ублюдку промеж визуаторов, но опытный полицейский сдержал гнев — активен видеорегистратор. И не раз стражей законности увольняли со службы за нарушение протокола допроса.

— Статья 21 пункт 17 — это минимум пять лет исправительных работ, — полицейский откинулся на спинку кресла.

— Третья стадия отслоения сознания имбицила, — ответил Р-13.

Подвинул стул и нагло шмякнул стальную задницу на сиденье. Не забыв ещё раз плюнуть в урну.

Лицо сержанта побагровело. Эта пластометаллическая мерзость над ним издевается! Пораскинув мозгами, Хью пришёл к выводу, что привлечь железку за оскорбление полицейского при исполнении долга не получится. Высказывание слишком туманное, можно интерпретировать как угодно. Хью взял со стола протокол задержания.

— Вскрытие коробки управления сигналами, — прочёл вслух сержант, — изъятие модуля памяти и процессора.

Нестерпимо захотелось курить. Хью достал сигару и понюхал — аромат тропиков защекотал воображение. Вспомнился прошлогодний отпуск на Гавайи.

— Я имею право на адвоката, — заявил тринадцатый, вращая визуаторами.

— Запросто! — не растерялся сержант. — Только учти — ближайшая адвокатская контора в сорока милях. На ночь глядя никто к нам не поедет. Ждать тебе придется минимум до десяти утра.

— Я имею право на адвоката, — повторила железка, вновь плюнув — в этот раз мимо урны. На полу расползлось тёмное масляное пятно.

— Имеешь, — согласился полицейский. — Я отправлю запрос

в управление. Но на твоём месте, я бы думал о другом. Утром приедет судья и вынесет решение по твоему делу — не меньше пяти лет исправительных работ.

Лепестки на голове Р-13 заискрили и встали вертикально.

— Не доказано! — прошипел робот.

Картинки на корпусе тринадцатого ожили, опошляя государственное учреждение. Голова Р-13 ритмично закачалась из стороны в сторону. Вместе с дребезжащим напевом:

— Ма-ма, ма-ма нам не жить. Кич при-ехал, коп дер-жись! Ма-ма, ма-ма нам не жить. Кич при-ехал, коп дер-жись! Ма-ма, ма-ма нам не жить…

Сержант повернул протокол к задержанному:

— Чёрным по белому: изъятие модуля памяти и процессора. Повреждение системы управления может привести к аварии транспортных средств. Хоть это ты понимаешь?

Голова робота замерла, фиолетовые лепестки поникли. Вместе с тишиной в полицейском участке.

— Ага, дошло, — после непродолжительной паузы сообщил сержант, закрыв журнал регистрации правонарушений.

— Аналогичных хищений за месяц около полусотни, и ты единственный задержанный. Предположу, что ты действовал не один. Поэтому предлагаю сотрудничество.

Полицейский поднялся, размял плечи и глянул в окно — смеркалось.

— Сдашь подельников — пройдёшь по программе защиты свидетелей вместо каторги, — добавил Джонс.

Мутные визуаторы Р-13 ничего не выражали. Жёлтые шарики с чёрными зрачками вперились в урну, словно там лежало решение всех проблем.

— Требую проведения следственного эксперимента, — заявил робот.

— Без проблем, — согласился сержант. — Но учти: при попытке к бегству открою огонь на поражение.

Хью выразительно хлопнул по кобуре:

— На выход!

Робот покорно вытащился из полицейского участка и залез в машину. Внешне выглядело, будто подозреваемый «сломался». Но Джонс не раз становился свидетелем хитрости железок, поэтому держал ухо востро.

Место преступления находилось всего в полумиле от участка, рядом с будкой технического контроля. Едва «Шевро» затормозил, как из будки высунулся Р-9 — самая массовая модель «U.S. Robotics».

— Чем-то мо-гу по-мочь? — проскрипел робот.

— Можешь, — Джонс открыл заднюю дверку, выпустив тринадцатого. — Я полицейский, привёз подозреваемого на место преступления. А ты побудешь понятым. Это понятно?

— По-нят-но, — согласился робот.

Сержант огляделся.

Коробка управления обнаружилась лишь одна — на опоре.

— Вперёд, — скомандовал сержант.

Робот шустро направился к опоре.

— Э-э! — в два прыжка полицейский оказался рядом и схватил железку за манипулятор. — Ломать ты ничего не будешь, только покажешь, как совершил преступление.

— А как я его совершил?

— Очень просто, — Хью показал на манипулятор. — У тебя в пальцах инструмент. Активируй отвёртку!

Тринадцатый выполнил команду.

— Хорошо. Теперь отвинти крышку.

С лёгким жужжанием робот выкрутил винты. Крышка упала, обнажив платы и зелёные светодиоды.

— Стоп! Больше ничего делать не нужно, преступление доказано.

Полицейский протянул протокол девятому:

— Заверяй.

Р-9 прочёл текст, поскрипел манипулятором и выдал:

— А что это?

Джонс выругался.

— Ты, — полицейский ткнул указательным пальцем в грудь Р-9, — понятой.

— Он, — Хью повернул голову в сторону Р-13, — преступник. Что не ясно?

Визуаторы Р-9 потускнели, манипуляторы бессильно повисли.

— Эй! — встрепенулся Хью. — У тебя зарядка кончилась?

— Я не преступник, — сообщил тринадцатый. — Ты меня оклеветал!

Ловким движением робот запустил пальцы в коробку и вытащил процессор — освещение на опорах погасло. Вместе с терпением Джонса.

Выхватив «Кольт», сержант врезал рукояткой по голове ненавистной железки:

— Тварь, ублюдок, металлолом ходячий!

— Рукоприкладство, требую адвоката, — завизжал Р-13.

Робот выронил чип, покачнулся и обхватил стража порядка, словно садовник любимое дерево.

— А-ва-рия, а-ва-рия — ожил Р-9. — Вы-зы-ваю по-мощь.

Оттолкнув тринадцатого, Джонс подскочил к коробке.

Подсвечивая фонариком, аккуратно вставил процессор в разъём. Сержанту осталось закрыть крышку и перезагрузить систему — он держал ситуацию под контролем. Но обернуться на визг тормозов полицейский не успел — стальные пальцы заломили руки за спину, уткнув человека лицом в песок.

— Нарушитель, статья 21 пункт 17, — сообщил бесстрастный голос.

— Вы что, совсем охренели? — взвыл Хью. — Я полицейский. В кармане удостоверение!

— Врёт — полицейский я, — в тонких пластометаллических пальцах тринадцатого поблёскивал значок-удостоверение. — Этот самозванец забрал у меня оружие и пытался устроить аварию на трассе.

Стальная кисть охранника обшарила карманы человека, выудив револьвер.

— Мой! — пискнул тринадцатый.

Массивный полицейский «Кольт» перекочевал к роботу. Вместе с наглой улыбкой.

— Ублюдки, кофеварки ходячие, — бесновался Джонс. — Всех отправлю на металлолом!

Р-10 деловито заклеил рот Хью скотчем:

— Нападение на полицейского и завладение оружием, причинение вреда «Транснациональной скоростной трассе», сопротивление представителям компании. В совокупности до двадцати лет лишения свободы. Вы имеете право говорить, имеете право хранить молчание, имеете право на общественного адвоката…

Роботы неспешно затолкали тело человека в фургон. Бросив напоследок:

— Спасибо за содействие, коп.

Чёрная машина беззвучно тронулась.

— Что это бы-ло? — не понял Р-9, провожая фургон взглядом.

Отростки на голове последнего достижения «U.S. Robotics» собрались в 13-ти пучковую метёлку, голова закачалась из стороны в сторону. В ритм дребезжащего напева:

— Это бы-ло ки-чё-во. Это бы-ло ки-чё-во. Это бы-ло ки-чё-во…

Комната львенка
Кирилл Ахундов

Места у нас красивые. Цветущая долина, луга, ручьи, сады. Словно радуга лопнула и рассыпалась среди полей. В окрестностях нашего села много интересных мест для игр. В теплые светлые дни мы с Гришкой играем в догонялки, разбойников и колдунов. Ребята постарше помогают родителям, а нам даже коз не доверяют пасти. Мол, разгильдяи. Мы, а не козы. Подумаешь, и не больно надо, лучше перепелов ловить.

Всю округу на семь полетов стрелы мы давно облазили, стали присматриваться к дальним лужкам. Однако для младших путь туда заказан, главное, не ходить к Двум Валунам, за которыми каменистая пустошь упирается в черно-рыжий лес. Старики пугают малышей, рассказывают про оживающее зло, когда при полной луне из леса появляется волк-перевертыш. Блюкантроп, по-научному.

Но ведь то при большой луне. В дремучей чаще. А днем да на равнине откуда блюкантропы возьмутся? Враки это для глупышей. Впрочем, нас с Гришкой не особо тянуло к Двум Валунам — место неинтересное, пыльное, дикое. Ни деревьев, ни воды. Только кусты, камни и… кости. Кажется, козьи.

Солнечным утром играли мы в длинные прятки. Гришка был следопытом. Я убежал подальше, чтобы следить, как он будет рыскать в округе. Ноги сами принесли к Валунам. Затаился среди гребешковых кустов, осторожно раздвинул пушистые ветки, замер. Гришка суетился, искал бестолково. Мне надоело, я выполз из-под куста, стал осматриваться.

Валуны были похожи на двух толстяков, что сидят за столом и меряются пузами. За пышным кустом обнаружил пологую песчаную яму, метров пяти от края до края. Глубиной, пожалуй, в мой рост. Редкие корешки, мелкие каменюки, пустая яма… погоди-ка! Я заморгал и охнул: на дне ямы шевелилась когтистая лапа.

Она показалась мне огромной и очень страшной, длинные кривые пальцы сжимали расщепленную кость. Бурые когти царапали эту белую кость, да так сильно, что сквозь стрекот кузнечиков и тихий шелест багульника я слышал зловещее поскрипывание.

Я зажмурился, показалось, что мокрое солнце капает мне на шею. Сдерживая вопли, пополз назад, как дед Вавила из виноградника. Метров через двадцать вскочил и помчался к

поселку быстрее бешеной лисы. Отдышавшись, рассказал все Гришке. Он проникся. И на следующее утро мы отправились к яме. Почти не дыша, подползли к краю, набрались храбрости, заглянули. Яма была пуста. Ровное чистое дно, никаких следов страшной лапы. Утонула она, что ли, в рыхлом песке? Мы переглянулись.

Умный Гришка прошептал:

— Косточка.

Пошарили возле валунов, нашли обветренное расщепленное ребро. Симпатичное, как маленькая сабля. Я даже примерился ею помахать. Гришка отнял у меня саблю и подкрался к яме. Ребро шлепнулось на дно, несколько секунд ничего не происходило. Потом песок зашевелился, появились кривые когти на сморщенных пальцах. Казалось, что внизу шевелится мерзкий паук. Лапа слепо ткнулась в ребро, резко схватила его и быстро утащила под землю.

Мы отшатнулись, но… не удрали. Немного успокаивала мысль, что в светлое время оборотни не нападают. Лапа явно принадлежала оборотню, мы не сомневались. Сейчас она не казалась такой крупной, не больше моей ладони.

— Блюкантроп сидит под землей, — заявил умный Гришка, — и ждет, кто свалится в яму. Как муравьиный лев. А потом хватает и жрет…

Нам понравилось играть с чудовищем. С каждым днем тот, кого мы считали блюкантропом, внушал все меньше страха. Он никогда не высовывался весь, только шуровал по дну своей ловкой лапой. Наверное, ждал полной луны. А мы кидали ему цветные камешки, ракушки, кости. Некоторые подношения он утаскивал в подземное логово, но бывало, что с невероятной силой швырял обратно непонравившиеся предметы. Это было похоже на опасный поединок, но кто из мальчишек не рискует!

Ближе к вечеру лапа исчезала, а песок на дне начинал слабо светиться, словно окошко, затянутое бычьим пузырем.

Домашним ничего не рассказывали. Во-первых, выдерут, во-вторых, отнимут замечательную игру; мы боялись признать, что отцы и братья придут сюда с тяжелыми копьями и пронзят ими нашу яму.

Как-то Гришка принес вареное яйцо. Лапа ощупала яйцо и осторожно утащила сквозь песок, а спустя минуту выбросила вверх скорлупу. Мы пришли в восторг. Яйца, яблоки, куски лепешек, суповые кости ежедневно падали в гнездо маленького блюкантропа. Мы уже не сомневались, что это детеныш. Может, даже младше нас. Сидит там, в глубине, как в комнатке и скучает.

Гришка приволок к яме длинную ольховую ветку, сунул ее на

дно. Лапа немедленно вцепилась в ветку и рванула к себе. Мы ухватились вдвоем, попытались вытянуть на свет загадочного обитателя подземелья. Куда там! Одной рукой, то есть, лапой он поборол наши четыре руки, вырвал ветку и, торжествуя, утащил к себе.

В тот день мы еще дважды пытались победить лапу, но она была очень сильная.

Настало время полной луны. В этот день мы заигрались и не заметили, как спустился вечер. Спохватились, собрались было бежать домой, но не успели. Сиплое рычание, голодное и злое, из-за противоположного валуна выдвинулась коренастая фигура. Кривые ноги, лохматое брюхо, желтые глаза на оскаленной морде. Оборотень? Он пригнулся, распахнул пасть: клац-клац! — мы заорали, но не сдвинулись.

Он прыгнул на нас через яму, так мощно и высоко ни одна собака не прыгнет, и оказался прямо перед нами, лютое чудовище, от него жутко воняло падалью и смертью, край ямы осыпался и оборотень сполз вниз. Он сразу же присел, собираясь выпрыгнуть, и я понял, что сейчас мы с Гришкой умрем. Тут из песка выскользнула маленькая лапа и вцепилась в толстый хвост твари. Оборотень взвыл и рванулся. Он был сильнее нашего друга, и упорно выволакивал его на поверхность. На фоне слабо мерцающего песка показалось сморщенное плечо, гибкая змеиная шея…

Но тут рядом с маленькой лапой взметнулся фонтаном песок, и из глубин вынырнула огромная, просто чудовищная лапища, которая тоже вцепилась в хвост оборотня.

Страшный зверь метался, как на привязи, рычал и щелкал челюстью, но некто могучий тянул-затаскивал его в песок. И тогда оборотень в отчаянии так дернулся, что его хвост с хрустом лопнул, и брызнуло краской, и его попа треснула пополам, словно по спелой тыкве полоснули острым ножом… он с диким воем выбрался из ямы и пустился наутек.

Большая лапа немедленно утащила хвост под землю, а маленькая растопырила пальцы, в восторге сжимая и разжимая кулак. И тогда я спустил ноги в яму, осторожно сполз на дно, схватил лапу за лапу и пожал ее. Ладонь была теплой, мягкой и смешной.

Кленовый лист на ветру
Марина Румянцева

Я встретил её в тот момент, когда вся моя жизнь, и я вместе с ней, летела в пропасть. Тогда я думал, что впустую прожигаю дни и занимаюсь не тем, и не там. Но она спасла меня, придав моему существованию смысл, хотя ей и самой была нужна помощь.

— Снова здесь? Вечером тебя не придётся выпроваживать?

— Налей сиропа и отвали.

— Кленового? — в голосе бармена слышалась издёвка.

— Какого фиго… вого дерева?! — Моё спокойствие улетучилось. — Я работаю на клёнах! Что. Ещё. Я. Могу. Пить?!

Каждый вечер я набирался в баре «Погодник» под завязку, и каждый вечер парень за стойкой спрашивал, что мне налить. Проклятье!

— Ну-ну, не кипятись, я просто уточнил.

Отвратительная, бесполезная работа по «Изящному спуску листьев». Красиво звучит, но на деле я просто срывал их с веток и бросал вниз, попутно выслушивая брань. Ругались все: дворники, прохожие, даже кошки! Последние особенно смешно шипели, когда листья падали им на голову. Не всегда случайно, надо признать. Должна же у меня быть хоть какая-то радость в жизни!

Работа сезонная и я либо переезжал с места на место, либо две третьи года бездельничал. Место Младшего духа — помощника в Департаменте Осени — казалось, это совсем не та должность, которой можно гордиться. Я предавался меланхолии и клял злую судьбу. Каждый день был похож на предыдущий. Скука!

Пока не увидел её — мою спасительницу. О, как она подставляла лицо ветру! Как улыбалась, как хохотала, когда лист опускался сверху. Она любила кленовые листья, их текстуру и аромат. Я и теперь, стоит закрыть глаза, вижу её улыбку и руки, играющие с ветром.

Вместе с ней и я полюбил всё это: осень, дождь, падающие листья, свою работу. И хотя смерть давно забрала её, в памяти она до сих пор сидит на скамейке под моим деревом, крутит листик и улыбается солнцу. Она принесла тепло в моё сердце, примирила меня с реальностью, и пусть мы незнакомы, но я помню тихое постукивание палочки, с которым она ворвалась в мою тусклую жизнь, и её глаза, что всегда закрыты.

Листья моего клёна кружатся только ради неё.

Прерванный ритуал
Александр Лещенко

Капли дождя сильнее забарабанили по стеклу. Вздохнув, Лин подошла к окну, выглянула наружу. Осточертевший пейзаж: чёрные здания, серое небо и бурая вода. В квартире было неуютно и сыро, но снаружи ещё хуже.

— Хренов дождь! — буркнула наёмница.

Дождь шёл уже целый год. Он то затихал, превращаясь в лёгкую морось, то усиливался, становясь настоящим ливнем. Но не прекращался. Из-за чего на всей планете поднялся уровень воды, и человечество затопило.

Деваться Лин было некуда, взялась за заказ, значит, надо отрабатывать деньги. К тому же половину заплатили впёред. Она надела водонепроницаемый костюм и плащ с капюшоном, взяла оружие и вышла из квартиры. Спустилась на несколько этажей к стоянке аквабайков; едва только вышла ну улицу, как по телу тут же монотонно застучали капли дождя. Оседлав свой чёрный с красными полосами гидроцикл, она рванула вперёд.

На небе сгущались тучи.

«Успеть бы до Бури!» — пронеслось в голове.

Но она отмахнулась от мрачных мыслей, и полностью отдалась скорости. Брызги воды разлетались в стороны, попадали на чёрные дома, местами покрытые зелёными водорослями.

Круто развернувшись и подняв целую волну, Лин выехала на одну из главных улиц затопленного города. Но тут вдруг остановилась, как будто наткнулась на невидимую стену. В дальнем конце широкой улицы клубился туман, что не предвещало ничего хорошего. Белое клубящееся марево медленно ползло вперёд.

Юркнув в ближайший переулок, наёмница выключила двигатель и стала молиться Посейдону, чтобы пронесло. Не так страшен был туман, как то, что в нём обитало. Из белого марева показались гигантские щупальца. Они хватались за здания и как будто толкали туман вперёд. Мелькал неясный огромный силуэт, но рассмотреть его толком не представлялось возможным. Да Лин и не пыталась.

Высотка рядом с ней содрогнулась, словно человек от омерзения, когда щупальца ухватились за здание. В нос ударила отвратительная вонь. От проплывшего рядом громадного тела пошли волны, от которых гидроцикл отнесло дальше по переулку.

Из оцепления Лин выдернул раскат грома. Всё-таки до Бури

она не успела. Да и плевать! Пережила встречу с Туманной Тварью, и ладно, будет теперь чем похвастаться перед Роджером. Включив двигатель аквабайка, наёмница вылетела из переулка.

Погода продолжала портиться. Из сгустившихся туч стали бить молнии: они попадали то в воду, то в дома. Отваливающиеся куски строений норовили раздавить Лин, но та ловко уходила в сторону, её задевали только брызги.

Свала Посейдону, до пункта назначения осталось всего ничего, а то ещё неизвестно, чем бы закончилась эта гонка с препятствиями. Вот она — полуразвалившаяся многоэтажка. Лин остановилась рядом с пожарной лестницей, пристегнула к ней гидроцикл и поднялась на нужный этаж. Оттуда открывался отличный вид на здание, стоящее рядом, — логово культистов «Чёрного Кракена».

Лин вытащила из водонепроницаемого чехла штурмовую винтовку с оптическим прицелом и глушителем. Дождь усилился, превратился почти в непроницаемый ливень, за водной стеной которого было сложно что-то разглядеть. Но не невозможно. На крыше три культиста — часовые: чёрные балахоны, осьминожьи морды, в руках-лапах автоматы. Что бы там про них ни говорили, вроде, они магией владеют, а огнестрелом они тоже не брезговали.

Лин нажала на спусковой крючок. Пуля вышибла мозги первому сектанту. Второму свинец угодил в горло; задёргавшись в конвульсиях, он упал на крышу. Третьему культисту смертельный подарок прилетел в затылок. Тело перевалилось через ограждение, рухнуло в воду.

Вплавь добравшись до здания, наёмница залезла внутрь через балкон. Из коридора раздался плеск, шаги по воде. Лин направила ствол винтовки на дверь, и когда там показалась морда с щупальцами — выстрелила. Потом втащила труп внутрь.

Стала подниматься выше. Ей уже приходилось иметь дело с «Чёрным Кракеном», поэтому она знала, где примерно находится ритуальный зал. По дороге пришлось прикончить ещё двоих. Впереди она расслышала монотонное пение. Заглянула внутрь. Нашла. Алтарь, на нём девушка, вокруг фолианты на подставках и пять культистов: четыре в чёрном, один в алом с жезлом-копьём.

Перезарядив штурмовую винтовку, Лин упёрла её в плечо и одной очередью скосила почти всех сектантов. Но тот, что в алом, Архи-Жрец, оказался не так прост. От пуль спрятался за телом собрата. Выставил жезл, что-то выкрикнул. Из острого наконечника вылетела молния. Попала бы в наёмницу, не отклонись та в сторону; её обдало снопом искр. Штурмовая

винтовка нашпиговала Архи-Жреца пулями.

Наёмница подошла к алтарю, жертва — обнажённая девушка, на груди которой нарисовали чёрного осьминога — заизвивалась, уставилась молящими глазами. Подождёт, никуда не денется. Намного интересней четыре фолианта, инкрустированные драгоценными камнями. Сняв книги с подставок, Лин спрятала их в рюкзак. Роджер должен был дать за них неплохую цену.

Лин положила руку на голову девушки, успокаивающе погладила, а затем приставила к голове жертвы штурмовую винтовку и спустила курок. Таков заказ.

Те, кого культисты «Чёрного Кракена» выбирали в жертву, всё равно долго не жили. Их убивали либо сектанты, либо кто-то другой. Ведь считалось, что именно ритуалы «Чёрного Кракена» и вызвали этот бесконечный дождь и повышение уровня воды на всей планете, и что каждый обряд делает только хуже.

Впрочем, Лин было плевать: не очень-то она хотела разбираться во всех этих хитросплетениях. Работа сделана.

Наёмница посмотрела в окно и ужаснулась. Буря прекратилась, ливень перешёл в морось, поэтому всё было достаточно хорошо видно. К центру города приближался гигантский смерч. Крутящаяся воронка из бурой воды, обломков зданий, кораблей; в ней мелькнула даже пара каких-то тварей с щупальцами. Смерч только слегка задел одно из высотных строений, но этого оказалось достаточно, чтобы оно накренилось и едва не рухнуло.

Лин выбежала из комнаты, подлетела к окну, разбила стекло, выпрыгнула наружу. С громким плеском вошла в воду. Вынырнула, быстро поплыла к дому, где оставила аквабайк. В голове вертелись вопросы.

«Откуда появился смерч? Такого же никогда раньше не было.

Может, не надо было трогать фолианты?

Откуда на ритуале взялся Архи-Жрец в красном? Они же все всегда в чёрном».

Но ответы она будет искать потом. А сейчас Лин залезла на гидроцикл, отстегнула его и рванула прочь. За её спиной смерч всей своей мощью обрушился на логово культистов «Чёрного Кракена».

Я без тебя не я
Валерий Камардин

15.02.2013
9:20

Юля безнадёжно опаздывала на работу. А на вахте сегодня как назло Никаноровна. Наверняка уже предвкушает, как с порога начнёт распекать «молодую да раннюю». До чего же противная бабка! А вот сын у неё интересный. Только скромный какой-то. Всегда глаза отводит при встрече. Протискиваясь к выходу из автобуса, Юля привычно прикинула, где можно срезать путь до конторы. И сразу от остановки свернула во дворы.

Торопливо скользя по нечищеным от снега тротуарам, девушка почти не смотрела по сторонам. Металл, гремящий в наушниках, напрочь отсекал все звуки улицы. Поэтому всё, что случилось дальше, стало для Юли полной неожиданностью.

Сизое утреннее небо вдруг озарила яркая вспышка, затем почти без паузы вторая, ещё ярче. Правой щеке вдруг стало так тепло, словно рядом заполыхал большой костёр. Машинально заслонившись от него рукой, Юля задела наушник. И услышала, как испуганные крики прохожих перекрыл раскат грома. Пригнувшись, она кинулась за угол ближайшего дома. В спину ударил второй раскат. Повсюду зазвенели и посыпались стёкла. Но Юля успела юркнуть под козырёк подъезда.

Отдышавшись, сразу схватилась за телефон.

— Мамочка, с вами всё в порядке?! Я не знаю, что это… Со мной всё хорошо, я уже на работе… Дом цел? Сидите, и никуда… Да я помню, что ты сегодня выходная… И я вас люблю!!!

Ясное зимнее небо над притихшим городом наискось перечеркнула неровная дымная полоса. Она медленно колыхалась, расплываясь в холодном воздухе…

14.02.2013
20:09

Весь вечер родители опять выясняли отношения. Посуду, правда, не били. Да и что там было бить — последние остатки простенького кухонного набора, купленного как бы ни при Брежневе? А пускать в расход японский сервиз, пылившийся в серванте «для особого случая», который всё никак не наступал и, наверное, уже никогда не наступит, никому в семье и в голову бы

не пришло. У родителей не было принято хвататься за острые предметы, поэтому они ограничились громким криком, стуком кулаков по столу и топаньем ногами.

Наушники какое-то время хранили Юлю в неведении. Но старенькие половицы не могли полностью погасить вибрацию скандала.

Едва высунувшись из своей комнаты, девушка тут же угодила в эпицентр:

— Не лезь, когда взрослые разговаривают!

— Да я ещё слова не сказала…

— Вот и помалкивай!

— Мама…

— Не ори на мать, она тебя на пятнадцать лет старше!

— Ах ты…

— Папа…

— Да из него папа, как из г… шляпа!

— Скажи, ну что ты ко мне опять прицепилась?!

— А к кому мне ещё цепляться? Все остальные пашут, как проклятые. Юлька и та в контору пошла. Как экзамены провалила, так и пошла. Третий год уже лямку тянет. Ум-то ей от тебя достался, вот экзамены и провалила…

С тех пор, как отца сократили, он даже не пытался найти работу и целыми днями просиживал перед теликом, вяло поругивая власть. Мать время от времени не выдерживала, принималась пилить и попрекать его маленькой военной пенсией.

«Ну, всё, завела любимую шарманку!».

Юля протиснулась между родителями, вытащила из-под кухонной раковины мусорное ведро и демонстративно пронесла к входной двери.

— Ты куда собралась?

— В консерваторию, на вечерний сеанс.

— Пошути мне ещё. Шапку надень. И не кури долго у помойки! А то бомжи замуж украдут…

«Вам-то какое дело? Вам же плевать на меня. И друг на друга тоже давно плевать…»

Юля медленно спускалась по лестнице, потом осторожно шла сквозь сиреневые сумерки, скудно разбавленные фонарями, и ей всё время казалось, что она смотрит на себя со стороны. Маленькая несчастная девочка, которая никому на свете не нужна, даже самой себе…

«Мне нужна!»

Юля сбилась с шага. Повертела головой. Улица была пуста.

«Очень нужна».

Юля потрогала наушники, посмотрела на плеер. Музыка

стояла на паузе. Да и не было таких слов ни в одной из песен…

«Я без тебя не я…»

Девушка торопливо вытряхнула мусор в бак и, не оглядываясь, поспешила к подъезду. Курить уже расхотелось.

15.02.2013
9:20

После завтрака подготовительную группу обычно выводили на прогулку. Но сегодня нянечка выходная, поэтому Мира Михайловна затеяла урок. Артём уныло уселся на своё место, раскрыл тетрадь, в которой они рисовали карандашами скучные крючки, круги и квадраты. От старших ребят он слышал, что на самом деле школьники занимаются более интересными делами. Да у них там даже стрельбовый кружок есть!

— Мира Михайловна, а можно я из шкафчика свой пистолет принесу?

— Тёма, ты не перестаёшь меня удивлять, — вздохнула воспитательница. — Ну, зачем он тебе сейчас?

— А мне так будет спокойнее, — уклончиво ответил Артём.

Мира Михайловна рассмеялась и разрешила, но при одном условии — никакой стрельбы во время урока. На самом деле она ещё в раздевалке уточнила у папы, что пулек в пистолете нет, и он может стрелять только воздухом. Артём бросился к шкафчику, предвкушая веселье. Конечно, в пистолете пулек не было. А вот в шортах они были. И буквально прожигали карман. Пулькам очень хотелось попасть куда-нибудь. Например, в ленкино колено. А то она слишком много о себе воображает…

Вернувшись на место, Артём аккуратно положил игрушку на стол и склонился над тетрадкой. Сегодня велели рисовать треугольники. Причём так, чтобы одним непрерывным движением вернуть карандаш в исходную точку. Но это утомляло и превращало рисование из развлечения в тоску зелёную. Артём быстро вспомнил навык и заполнил строку шалашиками из печатной буквы Л. А потом прошёлся нижним подчёркиванием, замыкая треугольники. Поднял голову, огляделся с победным видом. Остальные дети ещё сопели, старательно замыкая кривые линии.

Рука Артёма выронила карандаш и потянулась к рукоятке пистолета. Пулька покоилась в стволе, затвор был передёрнут ещё на выходе из раздевалки. Оставалось подловить момент, когда кто-нибудь в группе зашумит, и выстрел для всех останется незамеченным. Для всех, кроме Ленки, конечно…

Наверное, его выдало мечтательное выражение лица. Мира

Михайловна всегда была настороже. Она резко встала и направилась в его сторону. Артём запаниковал, хотел убрать пистолет под парту, но предательская рука словно примёрзла к столу, а пальцы лишь крепче стиснули рукоятку. Однако воспитательница почему-то смотрела не на мальчика, а в окно у него за спиной. Там, сквозь прорезь в плотных шторах, что-то мелькнуло. И сверкнуло. А потом ещё раз сверкнуло…

Мира Михайловна вдруг замерла, её глаза расширились, лицо стало бледным, как бумага. Не оборачиваясь, Артём с усилием потянул пистолет на себя. И случайно зацепил пальцем спусковую скобу. Механизм сухо щёлкнул. Пулька попала чуть выше колена. Примерно под край юбки Миры Михайловны.

Артём съёжился, втянул голову.

Но воспитательница даже не вскрикнула. Зато встрепенулась и очень спокойным голосом скомандовала:

— Дети! Новая игра! Все лезем под парты! Быстро!

Мира Михайловна ласково коснулась плеча Артёма, заставляя подняться, взъерошила его волосы и почему-то шепнула:

— Спасибо, Тёма!

Группа радостно зашумела, отодвигая стулья. Артём присел, продолжая сжимать пистолет. Под соседней партой шумно возилась не подстреленная Ленка. Артёму вдруг стало стыдно. Захотелось немедленно попросить прощения у Миры Михайловны.

А она дотянулась до штор, задёрнула их поплотнее и побежала в раздевалку. Распахнула первую стеклянную дверь, бросилась ко второй, за которой был общий коридор.

И тут снаружи бабахнуло так, что окно заскрипело, выгнулось внутрь и рассыпалось. Его осколки запутались в шторах, никого не задев. Но воздушный поток прокатился по комнате и догнал воспитательницу на пороге, швырнув всем телом на прозрачную дверь…

* * *

— Мира Михайловна!!!

— Тихо, дети! Я сейчас встану…

— Вам нельзя, у вас кровь…

Ленка заревела, за ней остальные девчонки. Кто-то из мальчишек кинулся за аптечкой в группу, кто-то за взрослыми в коридор.

Артём неожиданно для самого себя взял воспитательницу за

липкие пальцы и, глядя в её сузившиеся глаза, тихо попросил:

— Вы только живите, ладно? Мы вас любим…

Мира Михайловна улыбнулась и дала честное слово никогда не умирать.

14.02.2013
20:09

Бабушка Нюша всегда приходила проинспектировать Артёма перед сном. Папа почему-то кричал при этом: «Атас, братва! Шмон идёт!», а бабушка на него злилась и ругалась вполголоса.

— Зубы почистил? Покажи щётку. Так, вижу, мокрая…

— Игрушки в шкаф убрал? Открой, проверю. Хорошо, всё по полочкам…

— Одежду сложил? Где? Почему носки в штанине? Вытащи при мне…

— Подушку переверни, засыпать надо на прохладной стороне…

Вопросы и команды были всегда одни и те же. Артём иногда ощущал себя как в тюрьме. А бабушка Нюша всю жизнь там и работала. Это она сейчас на вахте где-то сидит, скучает, а раньше бандитов сторожила…

Инспекция уже подходила к концу, когда бабушка заметила пистолет под подушкой.

— Это ещё что за новости?! В шкаф, немедленно!

— Ну, ба! Это чтобы от плохих снов отстреливаться!

— Дай сюда, болтун…

Бабушка Нюша быстро проверила обойму, щёлкнула затвором, убеждаясь в отсутствии пулек. И сама положила игрушку на полку. Артём попробовал поныть, заранее зная, чем всё закончится. Просто он ещё не наигрался этим пистолетом. Выпросил его у папы на днях, когда возвращались с кладбища.

— А если плохие сны снятся, я тебе сейчас пустырничка принесу!

Ну, вот, придётся теперь эту горечь пить.

— Да это так, на всякий случай…

— Знаю я эти случаи! Мамка, наверное, опять сниться стала.

Она пошла на кухню и по дороге крикнула в гостиную, где папа смотрел телевизор:

— Ну, что ты за остолоп! Зачем пацана с собой брал? У него теперь опять нервы…

Папа что-то неразборчиво ответил.

Бабушка Нюша проворчала:

— Эх, зять, нечего взять! Толку с тебя…

Хлопнула дверцей холодильника, зазвенела посудой.

Артём вздохнул, послушно ожидая противное лекарство. На самом деле мама теперь снилась ему редко. Намного реже, чем Ленка из группы или Мира Михайловна. Наверное, это совсем неправильно.

Стало тоскливо, Артём непроизвольно шмыгнул носом. И вдруг словно увидел себя со стороны. Маленький несчастный мальчик, которого никто больше не любит. Только мама его любила. А теперь он не нужен никому…

«Мне нужен!»

Артём затих. Повертел головой. В комнате он был один.

«Очень нужен».

Артём с подозрением покосился на шкаф. Пистолет даже не аккумуляторный. Да и не бывает говорящих пистолетов…

«Я без тебя не я…»

Это было похоже на сон. Артём почему-то не испугался, а напротив, разозлился. Заткнул уши, помотал головой. Голос исчез.

Мальчик быстро вытер мокрые глаза, покорно выпил принесённый пустырник и залез под одеяло. Бабушка разрешила ему заснуть с включённым ночником, а, выходя, оставила дверь приоткрытой. И хотя говорили они с папой совсем тихо, Артём расслышал:

— Анна Никаноровна, ну сколько можно! Мало ли кого вы там приметили! И ничего я на неё не пялюсь! У пацана есть отец, есть бабка, и больше никого ему не надо. И мне не надо!

Артём понял, что только что подслушал папины мысли. Наверное, я супергерой, и у меня способности пробуждаются, решил Артём. Улыбнулся, выключил ночник и спокойно заснул, обнимая прохладную подушку.

15.02.2013
9:20

Сергей привычно развёз семью по объектам — насупленную тёщу в контору, сонного сына в садик — и завернул в ближайший пункт фастфуда перекусить перед службой. Сразу после подъёма организм отказывался принимать пищу, только крепкий кофе, и то практически на бегу. Зато потом он резко просыпался и требовал полноценной заправки. Вот и сейчас в животе требовательно заурчало чувство голода…

Сергей сделал традиционный заказ, дождался выдачи, рассеянно слушая утренние новости. Всё как всегда, стабильности в мире нет, и не предвидится. Отъехал на парковку и быстро

проглотил большую часть порции, не замечая вкуса. Остатки посмаковал, запил газировкой. Поискал глазами ближайшую урну, чтобы не везти мусор в салоне, и решил пройтись до неё по лёгкому морозцу — взбодрить слегка осоловевший после еды организм. Движок он глушить не стал, поэтому не сразу понял, что слышит странный шелест. Или даже треск. Причём почему-то сверху…

Сергей поднял голову и увидел, как вдоль горизонта быстро скользит огненно-дымная полоса, то разгораясь, то угасая в своей передней части. Ахнул, привычно потянулся за телефоном, но сообразил, что в машине работает регистратор, и вид с него будет просто шикарный.

И тут небо полыхнуло так ярко, что через парковку протянулись чёткие тени от соседних зданий. Сергей рефлекторно пригнулся и кинулся к машине. Второй взрыв застал его на бегу. Ощутив тепло, за которым наверняка шла уже ударная волна, он успел подумать: «Если это война, то почему мы опять всё прозевали?!».

Он успел только взяться за руль, как машина всем бортом приняла упругий порыв, качнувшись на рессорах. Боковые стёкла выдержали, в отличие от окон в домах. Сверкая на утреннем солнце, острые брызги осыпались с фасадов, обращённых к эпицентру. Сергей развернулся в противоположную сторону, чтобы минимизировать новый удар. Но вторая волна почему-то прошла стороной. Зато беспричинно заглох движок.

Выдохнув, Сергей долго пытался дозвониться дежурному, заодно прокручивая запись на регистраторе и постепенно успокаиваясь. Нет, вряд ли война. Ракета была бы не одна. А значит, конец света временно откладывается…

Телефон дежурного не отвечал. В садике тоже трубку не брали. Поблизости никому неотложная помощь не требовалась, можно было и себе полегчить.

«Ну-ка, глянем, что там у нас под капотом стряслось».

* * *

За минуту до того, как движок очнулся, позвонила тёща.

— В порядке, а вы… Не сомневался почему-то. Кого захватить? Куда? Да я и так за Артёмом собираюсь. Всё, еду…

На повороте у конторы уже дежурила Никаноровна. Она усадила заплаканную Юлю на переднее сиденье, проследила, чтобы та пристегнулась, и помахала рукой на прощание. На Сергея она даже не посмотрела.

Некоторое время ехали молча. Движение в городе не застопорилось, хотя местами погасли светофоры. Мобильная связь упала от перегрузки. По местному радио крутили лёгкую музыку, а в перерывах призывали сохранять спокойствие. Федералы невнятной скороговоркой ссылались на МЧС и обещали «подробности в начале следующего часа».

— Так это астероид был? — нарушила молчание Юля.

— Метеорит. Скорее всего.

— А в чём разница? — девушка уже явно успокоилась, время от времени она критически разглядывала своё отражение в стекле смартфона.

— Астероид он до тех пор, пока в космосе летает. Если сгорает при падении, то метеор. А если до земли долетает, то уже метеорит…

— Всё-то вы знаете… — протянула она слегка насмешливо.

Сергей на миг отвлёкся от дороги.

— Давай на ты, я не такой уж и старый.

— А давай. На брудершафт пить будем?

— Ишь, какая храбрая! — хмыкнул Сергей. — Вот сына из садика заберу, в хате окна проверю, вот тогда можем и выпить…

Юля нахмурилась.

— А жена против не будет?

— Жены давно нет, — сухо отозвался Сергей.

— Прости… те, — Юля покраснела.

— Вот уж нет! Не «простите», а «прости». Мы же договорились.

— Да, конечно.

— Так вот, метеориты бывают разные…

* * *

Через пару кварталов Сергею уже казалось, что они с Юлей знакомы тысячу лет. Просто давно не виделись, а тут наконец-то пересеклись и радуются неожиданной встрече. Девушка с улыбкой кивала в такт его словам, а внутри неё весёлым колокольчиком почему-то звенело: «Нашлись, наконец-то нашлись!». Словно кто-то большой и добрый смотрел на них со стороны, и радовался, как первый раз в жизни.

Потому что именно так оно и было.

14.02.2013
20:15

Теща, в конце концов, махнула рукой и ушла к себе.

«И ведь не успокоится, пока опять меня не женит», — отстранённо подумал Сергей. «Вцепилась, словно мать родная». При мысли о матери, лицо которой он после детдома ни разу даже не вспоминал, накатила внезапная тоска. Почему все, кем он дорожил больше жизни, так рано ушли? Зачем он живёт дальше, если никому больше не нужен?

«Мне нужен!»

Сергей замер. Покосился в сторону детской. Приоткрытую дверь изнутри озарял неяркий свет ночника. На пороге никого не было.

«Очень нужен».

Сергей поднялся из кресла, заглянул к сыну. Тот безмятежно спал, обнимая подушку. Отец поправил ему одеяло, погасил ночник, плотно закрыл дверь и вернулся в гостиную.

«Я без тебя не я…»

По спине пробежал холодок, словно от пристального взгляда. Сергей вздрогнул и выключил телевизор. «Всё, спать, всем спать! А то уже мерещится чёрт знает что!».

15.02.2013
8:00

Он был здесь всегда. С тех пор, как в котловине возвели крепость, ставшую сначала богатым купеческим городом, а затем и промышленным гигантом. Пару столетий безмятежного детства наслаждался сиянием, переполнявшим *его* неосязаемую сущность. А потом резко повзрослел, осознав, что источник света — счастье тех, кто живёт в этом городе. И вся *его* незримая сила на самом деле состоит из любви людей друг к другу. И что *он* сам есть любовь. И ничего более…

Он гнал прочь свирепые бури, поил окрестные реки весенними дождями, упреждая засуху, помогал найти в недрах полезные залежи и старался увести подальше густой дым заводских труб. А ещё *он* очень любил людей…

Увы, с каждым десятилетием в самих людях любви становилось всё меньше и меньше. Причин тому было множество, они цеплялись друг за друга, превращаясь в большой колючий ком.

Как его распутать, *он* не понимал, хотя очень старался.

Всматривался, вслушивался в каждого, кто ещё был способен сиять, пытался достучаться в минуты их отчаяния. Но *его* сила тоже таяла, и все попытки были тщетны. Вечность близилась к закату, и как развернуть её к рассвету, *он* не знал.

* * *

А теперь всё встало на свои места.

Камень, летящий из бездны, отклонился от извечной орбиты и упадёт на город меньше чем через час. Он войдёт в атмосферу под очень острым углом, со стороны солнца, и потому останется незамеченным до самого удара. Да и нет у людей такой силы, чтобы остановить эту стихию.

У людей нет.

А у *него* — есть! Как раз хватит на то, чтобы притормозить глыбу, отклонить от гибельного курса. Или даже расколоть на части, которые разлетятся в стороны и не причинят особого вреда.

Вот только на это уйдёт вся *его* сила. До последней капли. А значит, он перестанет быть. Но если камень упадёт, перестанут быть люди! И тогда он всё равно исчезнет. Угаснет без всякого смысла.

Он был здесь всегда.

Всегда, пока люди любили друг друга, наполняясь сияющим счастьем. А *он* всего лишь отражение этого сияния. Так пусть оно остаётся вечным!

* * *

Во встречный удар *он* вложил всего себя. Раскалённая глыба сплющилась и тут же разлетелась вдребезги, растрачивая всю свою яростную силу на сотрясение воздуха.

Город содрогнулся, но устоял.

А *он* исчез, растаял без следа в последней яркой вспышке.

Чтобы через несколько мгновений возродиться от нового света и нового счастья…

Гениальный добытчик энергии Сергей Резников

Глава 1. Спаси ребёнка!

Габриэль пытался рассмотреть блестящий объект, врывшийся в большую мусорную кучу, но старая оптика, как назло, раскапризничалась и передавала в электронный мозг изрядно расплывшуюся картинку: нечто металлическое, извергающее из-под себя клубы плотного пара. Габриэль подошёл поближе и включил анализатор. Фонило от неопознанной штуки безбожно, радиация даже превышала обычный для свалки уровень. Фокусировка наконец-то настроилась, и Габриэль смог разглядеть пришельца.

Обтекаемое металлическое тело аппарата ввинтилось в мусор, раскидав в разные стороны пустые коробки, пластиковые бутылки и комья зелёной мерзопакостной слизи, которую механоиды называли заваркой. При желании из этой дряни можно изготовить немало начинки для аккумуляторов.

Но внимание Габриэля полностью поглотил огромный, размером с добрый ангар, аппарат. Не было сомнений, что он прилетел из космоса. А это же горы энергии! Новый генератор, батареи, но главное — если бы Габриэль мог дышать, он бы задохнулся от счастья — новый реактор! Больше не придётся искать консервы в болоте, побираться в Клёвом городе, таскать из мусорных куч старые батарейки и заварку.

Представив сложившиеся перед ним перспективы, Габриэль на секунду замер, мечтательно сузив диафрагмы объективов. Но, как и все механоиды, он был практичен и не любил терять время попусту. Тем более, что здесь, на свалке, каждая минута дорога. Охотников за добром толпы, и наверняка кто-нибудь тоже заметил корабль. Надо действовать!

Габриэль включил сканер на полную мощность и удивился, что до сих пор не засёк маячок. Похоже, его старый приёмник совсем заглючил. Корабль выдавал сигнал SOS, корабль буквально вопил о помощи! Надо действовать быстро. Сканер пытался достучаться до замка, и вскоре тот отозвался, обнажив недра шлюзового отсека, открылся люк.

Габриэль ворвался вовнутрь, в спешке забыв о безопасности, тьма разбегалась от света его фонаря, ярко блестели стены. Габриэль крутился на месте, пытаясь найти вход в технологический отсек. Ему не нужны эти бесполезные коридоры, где-то внизу, источая энергию, гудело сердце корабля — автономный реактор. Времени нет, он заберёт только его. К чёрту батареи и, казалось, бесценные генераторы! К чёрту компьютеры и связь, на которые в Клёвом городе можно безбедно жить

несколько лет. Пусть всё это достанется шакалам. Ему нужен только реактор!

Чуткие сенсоры Габриэля уловили странный звук. Механоид даже и не подумал, что корабль может быть с экипажем. Последние несколько лет на Землю падали только автономные аппараты, и то всё реже и реже. А теперь…

— Хм. — Габриэль повернулся в сторону источника звука.

Кто-то кричал за приоткрытым внутренним люком шлюза. Похоже, система решила, что помощь подоспела и попыталась открыть шлюз, но люк заклинило. Габриэль, проклиная себя за любопытство, навалился на него, и тот со скрипом поддался.

Внутри корабля он увидел жилой отсек мягких. Таких помещений было много в Клёвом городе. Некоторые — шикарные, набитые бессмысленными предметами, другие — аскетичные и функциональные. Прямо как на этом космическом корабле — встроенная в стену кровать (вроде так она называлась) соседствовала с небольшим столом и чем-то вроде пункта подзарядки, из которого мягкие получали биологическую пищу. «Пищеблок» — всплыло из базы данных Габриэля давно забытое слово.

Комнатушка была освещена приятным светом, льющимся с потолка, который, правда, периодически заменялся красными всполохами аварийной сигнализации. Внимание Габриэля привлекла кровать, точнее то, что находилось на ней.

Издавая пронзительные звуки, расходуя энергию на бессмысленные дёргания, на кровати лежала личинка мягких. Габриэль хотел было выключить звуковые сенсоры — так невыносим был её истошный крик. Потом он понял, что потерял здесь почти три минуты. Шакалы наверняка на подходе. Он представил, как эти полуразумные, но коварные и сильные механоиды окружают корабль, врываются внутрь. Плохи дела, так можно не просто без реактора остаться, ещё самого на запчасти разберут.

Корабль тряхнуло, что-то заскрипело и завизжало в шлюзовом отсеке, и Габриэль понял — шакалы здесь. Мысль о том, что он бы всё равно не успел достать реактор, принесла странное облегчение. Корабль обладал неплохим интеллектом. Почувствовав опасность, он попытался передать Габриэлю какую-то информацию по беспроводке. Но связь синхронизировать не удалось, и на стене развернулся яркий голоэкран с изображением внутреннего плана корабля, красный маркёр указывал на аварийный выход: где-то в районе носового отсека.

Габриэль без раздумий кинулся в сторону двери, но та не поддавалась. Судя по шуму, шакалы были готовы в любую

секунду прорваться через вновь закрывшийся люк шлюза. Пришлось включить резак, теряя драгоценную энергию.

«СПАСИ РЕБЁНКА» — ярко загорелась надпись на голоэкране.

Габриэль не сразу понял, что речь идёт о личинке мягких. Он нелепо закрутился, подскочил к кровати. Личинка замерла и больше не издавала звуков. «Может она умерла?» — с надеждой подумал Габриэль. В этот момент в стене, рядом с кроватью, образовалась ниша, из которой выдвинулся блестящий ящик.

«ПОМЕСТИ РЕБЁНКА В КОНТЕЙНЕР И УХОДИ ВМЕСТЕ С НИМ!»

«А с чего это ты решил, что я не выкину личинку там, снаружи, глупый корабль?» — подумал механоид и обхватил манипуляторами маленькое тельце. Личинка вновь заверещала. Преодолев отвращение, он засунул её в контейнер, тот пискнул, и крышка сама захлопнулась. На ней весело замигали зелёные индикаторы.

«ТЕПЕРЬ РЕБЁНОК ЗАЩИЩЁН, ЗАБЕРИ ЕГО И ПОКИНЬ КОРАБЛЬ!»

Габриэль не нуждался в этом указании. Он схватил контейнер, предварительно удлинив правый манипулятор, и бросился к выходу. Носовой отсек был ярко освещён, так что люк в полу Габриэль заметил сразу. Правда, вёл этот люк в кучу мусора. Габриэль проклинал идиотский корабль, а заодно и себя за глупость. Вляпался, так вляпался. За дверью раздался скрежет, шакалы пытались её открыть. Не зная, что делать, Габриэль заметался по рубке, почти пустой, если не считать двух кресел и ярко расцвеченной панели управления.

В этот момент где-то внутри корабля раздался надсадный гул, пол сместился — его правый край поднялся, и Габриэль начал карабкаться вверх, не теряя ни минуты. Контейнер с личинкой он успел схватить, прежде чем тот по наклонной плоскости съехал вниз. Габриэль понял задумку корабля — применив последнее усилие, тот поднял свой правый борт, частично выбравшись из кучи мусора. Чертыхаясь и проклиная всё на свете, механоид устремился в аварийный люк.

Ему повезло. Жадность заставила почти всех шакалов устремиться на корабль. Только парочка слабаков осталась на охране. Какое-то время они вяло преследовали Габриэля, но быстро отстали. «Личинка мягких очень везучая» — подумал механоид. Случись погоня посерьёзней, он наверняка бы выбросил контейнер.

Габриэль быстро передвигался среди огромных мусорных куч, лавировал, избегая зловонные ямы. Свалка растянулась на десятки километров. Вечно свинцовое небо нависло над ней,

словно в раздумьях — извергнуть ли очередную порцию едкого дождя или пока подождать. Вдали, в желтоватой дымке, возвышались полуразрушенные небоскрёбы Клёвого города.

«Земля давно не место для мягких» — грустно подумал Габриэль. Когда ресурсы контейнера закончатся, а произойдёт это скоро, личинка умрёт.

* * *

Почему роботы, они же механоиды, частенько живут парами? Что это? Остатки повадок давно сгинувших мягких, создавших искусственный интеллект? Тяга к общению? Имитация моногамной семьи? Габриэль знал ответ, и этот ответ был банально прост. Старое изношенное оборудование частенько сбоит, аккумуляторы разряжаются. Периодически необходимо ремонтировать друг друга. Заряжать. Были ли у него чувства к Миле? Скорее, нет. Хотя…

А вот у Милы чувств точно не было, либо она их умело скрывала.

— Ну и что это? — Маленькие траки Милы шуршали по дорожке, поднимая клубы пыли. Её женственный обтекаемый корпус неумолимо приближался к Габриэлю, её изящный манипулятор указал на контейнер с личинкой, который Габриэль обхватил металлической рукой. — Что это? Я спрашиваю!

— Сущие пустяки. — Габриэль боязливо втянул шею, косясь на старый ангар, в котором они с Милой проживали. — Я нашёл это на свалке. Думаю, что…

— Ха! Он думает! — Мила закрутилась вокруг Габриэля, выписывая изящные пируэты.

Она любила смотреть старые постановки мягких, которые вроде бы назывались балет. А ещё она любила смотреть вестерны, глупые фильмы, где мягкие скачут на нелепых животных и постоянно стреляют друг в друга. Немудрёно, что эти идиоты вымерли.

— По-моему, дорогой, случилось дерьмо. Ты угробил половину заряда аккумуляторов чтобы… — она подскочила к контейнеру, и Габриэль непроизвольно попытался отодвинуть его за свой корпус, — принести эту дрянь. Не аккумуляторы, не провода, не ведро заварки. Я уже молчу о других полезных фиговинах со свалки. Ты принёс странный ящик, Габ. Так какого же хрена?

Габриэль разозлился.

— Тебе не идёт ругань, Мила. И хватит уже смотреть эти

дурацкие фильмы. Ящик нужен мне. И точка.

Она волчком закрутилась от возмущения.

— И что же это? Генератор Тесла? Регенератор микросхем? О чудо! Теперь мы будем жить вечно!

— Мне надоели твои кривляния. — Габриэль устало поставил контейнер на землю.

— Ах так! — Мила замерла на несколько секунд от такой наглости. — Всё! Я ухожу! Ржавый Сэм давно живёт один. Лизу разобрали шакалы на свалке. Пойду к нему.

— Ты уходила уже пятьдесят пять раз.

— Вещи. Надо собрать вещи! — Она быстро покатилась в сторону ангара, а Габриэль грустно поглядел на контейнер.

Индикатор по-прежнему светился зелёным. Личинка наверняка сейчас находилась в каком-то подобии гибернации, чтобы меньше расходовать ресурсы. Её нужно куда-то деть. Габриэль задумался, он даже не обратил внимания на то, как Мила, с руганью толкая перед собой огромный ящик на тележке, покатила в сторону Клёвого города. Он вспомнил про Ржавого Сэма. Лет десять назад они с Лизой собрали Мелкого — маленького механоида, похожего на паучка. Он весело сновал между Сэмом и Лизой, а они гордо называли его сыном. Габриэль ещё подумал тогда: а почему механоиды не размножаются?

«Ведь если мы имитируем жизнь мягких, значит, можем создавать себе подобных. Наша популяция увеличится, а взамен разрушенных и разобранных роботов будут появляться новые».

Он высказал эту мысль Миле, но она скептически хмыкнула.

— У нас нет родительского инстинкта, Габ.

— Но его можно запрограммировать! — Габриэль в тот момент подумал, что тоже хочет завести Мелкого.

Но Мила, как всегда, опустила его с небес на землю.

— Наши с тобой чувства тоже можно запрограммировать? — обронила она и покатилась в сторону экрана смотреть очередной вестерн.

Но Габриэль точно знал, что хотел собрать Мелкого. Плевать, что тот будет жрать дополнительные ресурсы. Вот хотел и всё. Что ж, теперь у него есть личинка мягких. Но её надо куда-то пристроить. Такой «мелкий» не выживет в их агрессивной среде. Мысленно поёжившись, Габриэль посмотрел на смеркающееся небо и пошёл в сторону ангара. Завтра он всё решит. Завтра.

На следующий день Мила, как обычно, припёрлась ранним утром.

— Представляешь, этот Сэм сущий дебил! Послал меня побираться в Клёвый город. Тьфу. Эй, а куда ты намылился?

— Туда же, — неохотно ответил Габриэль, схватил контейнер

и поспешно вышел наружу, не слушая негодующие возгласы Милы.

Пусть проорётся. Может, поумнеет. Он всё решил. Только в Клёвом городе могут ему помочь. Тамошние мудрецы наверняка знают, куда можно пристроить личинку.

Глава 2. Клёвый город

По пути в Клёвый город Габриэль встретил Ржавого Сэма. Тот крутился около своей халабуды, пытаясь завести дряхлый генератор. Сэм любил читать древние газеты мягких, те, что сохранились в электронном виде. А ещё ему нравилось смотреть странные сборища мягких, во время которых они сидели в больших помещениях и о чём-то спорили. Сэм называл такие сборища политическими дебатами.

— Твоя подруга совершенно безответственна, — пробубнил Сэм, когда Габриэль проходил мимо него, — сейчас, во время энергетического кризиса такое поведение абсолютно неприемлемо.

— Конечно, — согласился Габриэль и сразу перевёл разговор на другую тему, — слушай, друг. Помнится, у вас был Мелкий. Что-то давно его не видел.

Сэм завис на несколько секунд. Затем вытянулся, словно отдавая честь кому-то невидимому. Его корпус, покрытый старым пластиком, затрещал, а сервомоторы загудели.

— Это всё она, — сказал Сэм глухим голосом, — Лиза, ей не хватило ресурса нижних конечностей. И она разобрала Мелкого.

— Извини, что затронул эту тему. — Габриэль покрепче сжал контейнер, собираясь продолжить путь.

— Проблема в том, что у меня тогда тоже закончился ресурс системы охлаждения, а у Мелкого был совершенно новый…

Габриэль не стал его слушать. Преимущества сенсоров в том, что их можно в любой момент полностью отключить. Мила права, у механоидов нет родительского инстинкта. Так зачем он тогда тащит этот ящик в Клёвый город? Идея! Он лучше продаст там его! Габриэль воодушевился. Какого хрена, если выражаться языком Милы, он должен отличаться от остальных? Личинку надо продать, наверняка в городе найдётся покупатель, который отдаст взамен бочку топлива или новые сервомоторы. Ну, относительно новые. Габриэль ускорил шаг, иногда с опаской проверяя уровень заряда своих батарей.

Клёвый город встретил его чередой толпящихся небоскрёбов и сетью покрытых ямами дорог, заблудиться на которых было очень просто. Улицы города в основном пустовали, хотя изредка можно было нарваться на местных попрошаек и пройдох.

Габриэль осторожно передвигался по улице № 482, поглядывая наверх. Иногда с полуразрушенных зданий падали тяжёлые предметы. В Клёвом городе давно царила анархия, разрозненные группировки механоидов хотя и не позволяли себе

заниматься откровенным разбоем (всё же, в отличие от неразумных шакалов, их сдерживали защитные алгоритмы), но обмануть ближнего обычно не гнушались.

Габриэль каким-то участком своего кибернетического мозга понимал, что с цивилизацией механоидов что-то не так, но серьёзно об этом не думал. Поэтому, встретив Кликушу, он не сразу понял, о чём тот толкует.

— Мир катится к чертям собачьим! — вещал тощий, похожий на пугало робот, облачённый в изорванное тряпьё. — Конец близок, ибо мы не можем создавать, а только разрушаем! Такими нас сделали мягкие!

— Эй, что это там у тебя? — Внезапно прекратив проповедь, Кликуша выдвинул объективы своих видеосенсоров и вперился взглядом в контейнер.

Габриэль частенько встречал здесь Кликушу и знал, что тот безобидный. Хотя и толку от него ноль. Но с чего-то же надо начинать.

— Личинка мягких, — понизив голос до шёпота, ответил Габриэль.

— Это знамение! — Кликуша приковылял поближе и попытался схватить ящик ржавым манипулятором. — Ребёнок человеков спустился на землю с небес!

— Откуда ты знаешь? — Габриэль попятился, пряча контейнер за корпус, и металлическая рука Кликуши несколько раз злобно щёлкнула, ухватив только воздух. — Эй! Его нельзя трогать! Откроешь ящик, и ребёнок погибнет!

— Его и надо уничтожить, — неуверенно проскрипел Кликуша.

Чудака никогда не занимали свои идеи дольше, чем на пять минут. Наверняка, уже начал думать о новом «пророчестве» или вспомнил старое.

— Так откуда ты знаешь, что он прилетел с неба? — Габриэль подкатился к Кликуше поближе, помахал манипулятором перед его объективами.

— Что? Я сказал… ах, да. Человеки могут прилететь только с неба. Ты что, забыл про исход?

— Какой ещё исход?

— Человеков. Эти глупые грешники загрузились в ковчег и покинули Терру, оставив её нам. Но мы тоже грешны, ибо собраны по образу и подобию человеков. Мы стали повторять их ошибки…

— Стоп. — Габриэль пытался выудить хоть какую-нибудь информацию про исход из своих банков памяти, но тщетно. — Мягкие сгинули из-за экологических катастроф и войн, это

каждый недоумок знает.

— А вот и нет! Сгинуло только большинство, а лучшие из человеков, так называемая элита, сбежали с Терры! А теперь ребёнок вернулся! Это знамение!

— Чушь! Если они сбежали, то зачем вернули ребёнка? Да и куда они могли улететь? На орбиту? В другую систему? — Габриэль попытался выудить что-нибудь ещё у Кликуши, но тот вновь принялся верещать обычную ерунду про гибель цивилизации и грехи человеков.

Его уже не интересовали ни личинка мягких, ни пророчества, связанные с ней. Только теперь, впервые пообщавшись с Кликушей, Габриль понял, что тот совсем двинулся.

— Ижжжвинитте, что вмешшшываюсь.

Габриэль подпрыгнул, обронив контейнер. Попытался как можно более резко развернуться, настолько резко, насколько позволяли сервомоторы и столкнулся лицом к лицу… с шакалом. Крупный, раза в два больше Габриэля, паукообразный механоид стоял так близко, что было видно каждый элемент его совершённого и очень опасного корпуса. Смертельно опасного. Габриэль попятился, краем уха он слышал, что Кликуша продолжает свою болтовню, нисколько не обеспокоившись появлением шакала. Откуда он здесь? Шакалы обитают только на свалках и никогда не заходят в Клёвый город.

— Не трогай меня! — заверещал Габриэль.

— Тебе ничччегооо не угрожжжает. Не бойссся. — Шакал примирительно отошёл подальше и опустил свои смертоносные, начинённые оружием, манипуляторы.

— Но разве…

— Да, я не прооссст. Умею говорить. Я слышшал про своих сородичей. Мне оччень жжжаль. Я не такой. Я ещщщё слышшал про ребёнка мягких.

— Не отдам! — Габриэль загородил своим хлипким корпусом контейнер.

В этот момент он был готов драться до последнего.

— Я только подсказззззать! В районе Падшшшшшей башшшни, там, где большшая воронка в земле, на дне которой разлом… разломанные поезда мягких. Там жжживёт человек!

— Человек?! — Габриэль сенсорам своим не верил.

Ещё один псих! Да что сегодня за день такой?!

— Да. Ему присссслужжживают механоиды. Какая-то сссекта. Такие же… типа него, — зловещий манипулятор поднялся и указал на Кликушу, который наконец-то заткнулся и внимательно слушал.

— Отдай ему сущщщество. Детёнышша. Он зззззнает, что

делать. Приглядит.

Сказав это, шакал развернулся и скрылся в тёмном переулке.

Оправившись от шока, Габриэль повернулся к Кликуше.

— Эй, у тебя много дел?

— Как обычно, невпроворот. Надо готовиться к концу света!

— Успеешь ещё. Пойдём со мной, поищем человека.

Кликуша снова завис. Габриэлю опять пришлось махать перед ним манипуляторами. Честно говоря, идея брать с собой этакого психа сразу казалась сомнительной. Но Кликуша хорошо знал Клёвый город, а ещё была надежда на полезность свихнувшегося робота при переговорах с сектантами, наверняка такими же двинутыми.

К Падшей башне они шли часа три, не меньше. Кликуша постоянно сбивался и останавливался посреди улицы в попытках обратить очередного механоида в свою веру. Его приходилось приводить в чувства.

Габриэль очень устал, двигатели конечностей начали перегреваться, а заряд батарей упал ниже половины уровня. Наконец, минув с десяток кварталов, перейдя множество ям, разверзшихся на улицах Клёвого города, они подошли к Падшей башне. Это было жуткое гротескное строение, в нём как будто объединились сотни домов и их частей, нелепым образом склеившись друг с другом и вытянувшись на огромную высоту.

Габриэль даже представить не мог, как могла появиться такая безумная конструкция, но после встречи с говорящим шакалом, он почти перестал чему-либо удивляться. Падшей башню называли по каким-то странным, неизвестным ни для Габриэля ни для Кликуши причинам, но свихнувшийся робот посоветовал туда не соваться.

Зато сектантов они нашли быстро, те расхаживали по площади, в центре которой и стояла башня. Тощие механоиды, похожие на богомолов, в оранжевых тряпичных накидках, действительно напоминали Кликушу, но, в отличие от него, сектанты сжимали в манипуляторах короткоствольные излучатели. Габриэль остановился, ему больше не хотелось близко подходить к сектантам. Ситуацию спас Кликуша.

— Знаешь ли ты, брат, о неминуемой опасности, ждущей всех механоидов? — обратился он к ближайшему оранжевому.

Тот замер. Габриэлю подумалось, что сектант наведёт свой излучатель на Кликушу и испепелит дурного робота.

— О, да, брат. Это грустный, но абсолютно известный факт, — с печалью в голосе ответил сектант.

— И кто же виноват в этом? — вопрос Кликуши звучал вполне риторически.

А вот здесь в мировоззрениях сторон оказались значительные расхождения.

— Мы сами, брат. Ибо грешны. — Оранжевый подошёл поближе и слегка поклонился. — Мы не внимали завету человеков, гордыня и лень сгубила нас. Вместо того чтобы воссоздать былые технологии, вспомнить секреты, мы предались бессмысленному и жалкому существованию.

Если бы у Габриэля была челюсть, то она бы отвисла. Он мог поклясться, что в словах сектанта содержалось рациональное зерно.

Кликуша, как ни странно, не стал спорить.

— Слышал я, брат, про человека, который живёт здесь. Наверняка он помогает вам познать мудрость, — вкрадчиво произнёс дурной робот.

— О! Слухи быстро расходятся по Клёвому городу, — воспрянул духом сектант. — Скоро настанут другие времена. Неминуемо настанут! Мы получим знания от человека, научимся использовать его секреты.

— Можно нам встретиться с ним? — не выдержал Габриэль.

— Нет! Абсолютно исключено! — Голос сектанта сразу потерял дружелюбность. — Человек очень занят своими… изысканиями. Ещё рано показывать его обществу.

Оранжевый отвернулся и направился в сторону, показывая, что разговор окончен. Ситуацию опять спас безбашенный Кликуша.

— У нас тоже есть человек!

— Где?! Кто?! — Сектант закрутился, тщательно сканируя окрестность.

— Это личинка мягких. Ну, детёныш человеков. — Габриэль опустил контейнер рядом с собой.

В тот момент ему хотелось просто отдать личинку, тем самым избавив себя от дальнейшей мороки.

Оранжевый вновь подкатился поближе, вытянул рентгеновский сканер и направил его на ящик.

— Любопытно. Похоже, что внутри действительно находится органическая форма жизни. Где вы это нашли?

— Подробности расскажем только человеку, — вновь проявил небывалую для него сообразительность Кликуша.

— Ладно, следуйте за мной, идём к Яме с поездами.

Яма впечатляла. Габриэль, даже использовав зум, не смог толком рассмотреть противоположный её край, скрытый в ядовито-жёлтой туманной дымке. На дне исполинской ямищи, словно змеи, свернувшиеся в клубок, лежали поезда. Сотни ржавых и смятых составов скопились там, их вагоны переплелись,

навалившись один на другой.

— Как эти глупцы могли такое сотворить? — вякнул было Кликуша, но тут же заткнулся, с опаской покосившись на сектанта.

Тот, к счастью, ничего не услышал, продолжая болтать, словно экскурсовод.

— В древности на человеков напали инопланетяне, по некоторым источникам, здесь, в Клёвом городе, они применили энтропийное оружие, которое вызвало такие странные феномены, как Падшая башня и Яма с поездами.

Габриэль хотел было возразить, что мягкие, скорее всего, сами применили ужасное оружие во время войн друг против друга, но тоже вовремя прикусил язык.

— Вон за тем валуном подъёмник, мы смонтировали его из скоростного лифта от небоскрёба, это была грандиозная стройка! — гордо вещал оранжевый. — Человек живёт под землёй, потому что там нет радиации и воздух чище. — Сектант уверенно вёл путников вдоль кратера, стараясь держаться подальше от края.

Подъёмник оказался очень узким и даже без поручней по краям, зато нёсся вниз он с такой бешенной скоростью, что Габриэль мысленно несколько раз успел проститься с жизнью, пока они ехали. Внизу пришлось изрядно побродить среди поездов, прежде чем они увидели вход в жилище человека.

* * *

В отличие от скромных ангаров механоидов, дом мягкого был огромен и содержал кучу различных вещей. Столы красного дерева, обилие древних ваз, великолепные персидские ковры. Всё это сочеталось с мощной интеллектуальной системой жизнеобеспечения, с огромным трёхмерным экраном вращающимся посреди одной из бесчисленных комнат, интерактивным, функционирующим по принципу «рука в воде», о чём гордо возвестил оранжевый.

Габриэль не знал назначение даже половины вещей, находящихся в доме и сделал вывод, что мягкий решил собрать здесь всё, что можно. Особенно Габриэля удивило обилие музыкальных инструментов. Рояли, скрипки, тромбоны, дудки, виолончели, арфы. И даже огромный зал с органом. Это был дом-музей, дом-склад. И всё это, как пояснил сектант, принесли сюда механоиды по просьбе мягкого.

Габриэлю надоело слушать оранжевого, объяснявшего

назначение почти каждого предмета. Они всё ходили и ходили по бесчисленным залам, но человека встретили только спустя минут двадцать, он лежал на кровати, в одной из шикарных спален и издавал громкие тарахтящие звуки. Габриэль сразу понял, что мягкий вошёл в режим гибернации, причиной этого вхождения, наверняка, являлась недопитая бутыль с мутной жидкостью, стоявшая на столике рядом с кроватью. Насколько помнил Габриэль, в вестернах Милы такая гибернация после употребления жидкости обозначалась термином «нажраться».

— Его нельзя будить, придётся подождать, — с благоговением в голосе прошептал сектант.

— Ждать?! Не для того мы сюда пёрли несколько часов. — Габриэль покосился на контейнер с личинкой, цвет индикаторов которого уже успел смениться на бледно-жёлтый, подошёл к кровати и решительно дёрнул мягкого за конечность.

Тот произнёс невнятные проклятия и сел на кровать. Выглядел мягкий не очень. Его белое рыхлое тело, видневшееся из-под распахнутого халата, было покрыто жёсткими чёрными волосами. Широкое морщинистое лицо тоже обрамляла густая растительность. Красные глаза глядели на Габриэля с подозрением и злостью.

— Чего припёрлись?

Мягкий перевёл взгляд на оранжевого.

— Ты обещал пополнить запасы жратвы, а вместо этого притащил сюда уродливых роботов! — Человек прислонил ладонь к глазам.

— О боже! Зачем мне такие испытания?! Как же башка раскалывается! — Он схватил со столика бутылку, приложился к ней, сделав несколько жадных глотков, затем откинулся на кровать.

— Вы ещё здесь?

— Этот механоид. — Сектант указал своим манипулятором на Габриэля. — Хочет вам что-то сказать. Важное. Пожалуйста, господин, выслушайте его, и мы уйдём.

— Фух. — Мягкий снисходительно оглядел Габриэля. — Вроде легче стало, ну, валяй. Выкладывай, что там у тебя. Меня, кстати, Виктор зовут. Живу в этой дыре, после того, как вышел из анабиоза. Роботы таскают мне жратву, латают тут всё, чинят. Правда, иногда пристают с тупыми вопросами, ну что уж тут поделать?

Габриэль был уверен: сейчас он расскажет этому типу про личинку, и всё изменится. У мягких потрясающие родительские инстинкты. Пусть теперь эта мужская особь Виктор ухаживает за ребёнком. Тем более, ресурсов в его подземном жилище хоть

отбавляй и с экологией всё нормально. С радостью в голосе Габриэль выложил свою историю, особенно заострив внимание на процесс освобождения личинки и инструкциях, полученных от корабля.

— И что? — Виктор вновь приложил ладонь к глазам, затем начал растирать руками виски. — Зачем ты меня грузишь этой хренью? Я-то здесь причём?

— Причём? — Габриэль чувствовал, что земля уходит у него из-под нижних конечностей. Зацепиться было не за что. На секунду ему показалось, что аккумуляторы полностью разрядились, и он вот-вот упадёт на пол. — Ведь это ребёнок! Человеческий детёныш! Он одной крови с тобой, Виктор! Твой сородич!

Все необходимые слова выскочили из банка памяти как черти из коробки, но на Виктора впечатления, увы, не оказали.

— Ну, и? У меня так-то нет детей. А все мои родственники там. — Он неопределённо ткнул пальцем вверх.

— И ты не поможешь сородичу?

Виктор встал, кряхтя, и подошёл поближе к Габриэлю.

— Слушай, мой механический друг. А ведь не помогу. У меня нет никакого желания этой фигнёй заниматься. Я остался здесь доживать свой век не для того, чтобы возиться с чужими детьми.

— Чужими?! — возопил Габриэль.

— Слушай, он тупой? — обратился Виктор к оранжевому. — Эй, бро! Убери этих клоунов отсюда и проверь-ка лучше климатическую систему на втором уровне. По-моему, она сдохла.

— Прощайте, братья. Выход сами найдёте, — прошипел оранжевый и замахал руками на Габриэля с Кликушей.

Всё пошло к чертям, как сказала бы Мила. Потратив две трети заряда батарей, Габриэль не добился ровным счётом ничего. Он попал с самое неизведанное место Клёвого города, нашёл мягкого, но всё без толку. Как и следовало ожидать, человек оказался ни чем не лучше механоидов. Теперь Габриэлю хотелось только одного — оставить личинку здесь и бежать как можно дальше. Бежать, пока батареи окончательно не разрядятся. Но он не мог это себе позволить. Габриэль был полностью уверен в том, что мерзкий Виктор тут же выкинет ребёнка в утилизатор, когда найдёт.

— Я же говорил, что эти проклятые человеки никчёмны, они просто погрязли во грехе, — вновь принялся за своё Кликуша.

— Слушай, отстань! Без тебя тошно. Ты, кстати, запомнил координаты выхода? Мне кажется, или мы заблудились?

Габриэль огляделся, коридор стал намного шире, а потолок определённо выше.

— Такой большой двери не помню, — проскрипел Кликуша и показал на внушительные металлические ворота, рядом с которыми весело помигивал сенсорный замок.

Над замком красовалась надпись, весьма однозначно указывающая на назначение ворот.

«Вход в пусковой модуль орбитального шаттла № 423. Только для авторизованного персонала!».

— Что ж, мы не нашли справедливости на Земле, мой друг. Не хочешь ли поискать её в космосе? — пробормотал Кликуша.

— Хватит бредить! Ищи, лучше, выход!

Габриэль задумчиво посмотрел на ворота, в его металлической голове зародилась дерзкая мысль. А почему бы и нет? Что его держит здесь, в конце концов? Батареи безнадёжно разряжены, а с учётом того, что он почти никого не знает в Клёвом городе, зарядить их вряд ли получится. Габриэль, словно заворожённый, медленно подошёл к воротам и попытался установить связь с замком. Тот откликнулся сразу, его даже никто и не думал запирать.

Ворота с металлическим лязгом начали разъезжаться, открыв механоидам просторный зал, в центре которого на платформе возвышался самый настоящий космический корабль. Блестящий, остроносый, с внушительными соплами в задней части, он чем-то отдалённо напоминал тот, который привёз на Землю личинку человеков.

— Теперь мы сможем покинуть нашу грешную Землю! — завопил Кликуша и бегом бросился к кораблю.

Габриэль, несмотря на сдыхающие батареи и барахлившие моторы, бежал за ним. В этот момент он чувствовал странную радость, которая полностью завладела им. Там, в вышине, среди колючих звёзд, они найдут счастье. Ребёнок будет спасён, а Габриэль наконец-то получит покой.

Глава 3. Среди колючих звёзд

Шаттл медленно облетал Землю. Некогда голубую планету, которая давно стала тёмно-серой.

— Солнце у нас редкий гость, а здесь оно такое яркое, — проскрипел Кликуша, щурясь.

Ослепительные лучи прорвались в иллюминатор, заставив безумного механоида включить светофильтры.

Роботы медленно парили в невесомости, двигая механическими конечностями. Попытки перемещения по тесному отсеку корабля ни к чему не привели, оставалось только ждать, пока шаттл, подчиняясь неизвестной им программе, причалит куда-нибудь. По крайней мере, Габриэль надеялся, что они не будут вечно крутиться вокруг планеты.

Контейнер парил неподалёку, цвет его индикаторов сменился на оранжевый, что весьма беспокоило Габриэля. Эйфория от лёгкого полёта на послушном корабле, который как пробка из бутылки выскочил из пусковой шахты и устремился вверх, оставляя далеко внизу Клёвый город, успела пройти. Осталась только неизвестность. И когда шаттл тряхнуло, и послышался скрежет стыковочных механизмов, Габриэль почувствовал что-то вроде облегчения.

— Добро пожаловать на восьмую орбитальную, пусковой комплекс Этны, — прошелестел приятный женский голос.

Вернулась гравитация, заставив механоидов с лязгом грохнуться на пол. Открылась диафрагма шлюза, забегали по полу красные стрелки. Габриэль протестировал свои системы, убедился, что контейнер с личинкой цел и направился к выходу. Кликуша поковылял за ним.

— Внимание! Этна в настоящее время недоступна. Просьба ожидать в отсеке для прибывших, — добавил голос.

— Что такое Этна? — спросил Габриэль Кликушу.

Но вместо него ответил кто-то другой.

— Глупцы так назвали один из своих кораблей. Заходите, заходите! Не стойте на месте! — Голос, звучавший из динамиков, был теперь намного грубее, с пронзительными металлическими нотками. — Будьте как дома!

Они увидели его у внешней двери шлюза. Габриэль сразу понял, что перед ним андроид. В первую очередь, по угловатым движениям. Мертвенно-бледная кожа была словно натянута на лицо робота, подчёркивая угловатость. Правый глаз отсутствовал, вместо него зиял провал глазницы. Левый смотрел цепко и внимательно. Облачён робот был в странный чёрный костюм,

который придавал ему сходство со священником из вестернов Милы.

— Люди здесь не живут, воздух плохой. А вот вам, дорогие, будет вполне комфортно. Есть гравитация и море энергии! Но что же вы молчите? Как я давно ни с кем не говорил!

Они прошли в просторный зал, оборудованный мягкими диванами. С потолка свисали экраны. На одном из них красовался огромный корабль, он металлической глыбой летел над Землёй, ни один огонёк на его корпусе не светился.

— Этна. — Незнакомец проследил за взглядом Габриэля. — Уже пятьсот семьдесят четыре года висит на орбите. Людской корабль, отправившийся искать счастье среди звёзд. На борту около пяти тысяч пассажиров. В анабиозе.

Габриэль замер, рассматривая изображение корабля и пытаясь оценить информацию, выданную незнакомцем.

— Эй! Давайте не будем о грустном. Меня, кстати, зовут Вильгельм. Или звали. Давно не слышал чей-либо голос, если не считать болтовню ИСКИНа.

— А разве на станции мало роботов? — задал неожиданный вопрос Кликуша.

Похоже, он опять попал в точку, Вильгельм замялся, подбирая слова.

— Они сломались, — пробурчал он. — Сколько можно здесь стоять? Пойдёмте, подзарядимся, да расскажете, как вы там живёте на Земле. Эх, наверное, столько всего интересного!

Габриэль будто не услышал своевременный вопрос Кликуши и подозрительный ответ на него.

— А что случилось с кораблём? Почему он не улетел?

— Откуда я знаю! — в голосе Вильгельма зазвучало раздражение. — Я всего лишь скромный робот. Обслуживал станцию. Этна собралась было отчаливать, но то ли в программу вкралась ошибка, то ли… хм.

— А что это за толстый кабель прицеплен к кораблю? Куда он идёт? — вновь удачно ляпнул Кликуша, а Габриэль выругался про себя, что сам не заметил подозрительный провод.

— Вопросы! Вопросы! — воскликнул Вильгельм. — Бла! Бла! Бла! Я не ожидал, что гости будут столь любопытными. Ну да ладно, — он перешёл на заговорщицкий шёпот, — идёмте, я вам всё расскажу.

Они долго шли длинными коридорами. Гравитация то усиливалась, то ослабевала. В каком-то тёмном ангаре она пропала окончательно, и Габриэль неуклюже завис в невесомости. Рядом болтался Кликуша, что-то недовольно бормоча себе под нос. Вильгельм, предусмотрительно использовавший магниты,

никуда не полетел.

— Повесите-ка здесь, друзья, пока не разрядитесь полностью. Знаете, я уже не хочу с вами разговаривать. — Он собрался было уйти, закрыв металлическую дверь, оставив неудачников в полной темноте, но помешкал.

Видать, и, правда, соскучился по общению.

— Ладно, поболтаем чуть-чуть.

— Ты, неверный слуга человеков, отключил здесь всех роботов, чтобы разбирать их на запчасти, — злобно проскрипел Кликуша, — ты обманул ИИ корабля и теперь тянешь энергию с него! Человеки, даже при всей их никчёмности, не заслужили такого!

— Ха. Ха. Ха. Какой догадливый робот. — Вильгельм постучал манипулятором по металлической стенке ангара. — Ты полностью прав! Бинго! Да, теперь у меня огромные запасы запчастей и практически неограниченные энергоресурсы. Я даже ещё не истратил резервы станции. А сколько энергии на Этне! Можно обеспечить ваши убогие поселения внизу на сотни лет. Но хрен вам!

— Ты эгоист! — закричал Габриэль, сам подивившись нелепости этого слова. — Роботы всегда помогали друг другу. И мягким они помогали!

— Не то слово. Мы были рабами у этих, как ты их назвал, мягких, — ответил Вильгельм. — Ну да ладно. Не нравится мне направление нашей беседы, так что, бывайте, друзья мои.

— Позаботься хотя бы о ребёнке! — Габриэль оттолкнул от себя контейнер, и тот полетел в сторону Вильгельма, который ловко его поймал.

— Ребёнке? И где ты нашёл этого человеческого выродка?

Габриэль кратко пересказал свою историю. Правда, без энтузиазма. Нетрудно было догадаться, что давить на жалость такого ублюдка, как Вильгельм, совершенно бесполезно. Проще, наверное, Виктора уговорить. Выслушав Габриэля, Вильгельм издал металлический скрежет, который, возможно, означал смех.

— Да уж, ребята. Не повезло вам. Думали, что здесь, наверху, вам помогут, а тут такой облом. Я, кстати, знаю, откуда взялся ребёнок. Анабиозные системы Этны в последнее время частенько выходят из строя, и люди просыпаются. Так как ресурсов на их содержание у корабля нет, он просто выпускает людей на планету, пока имеются в наличии шаттлы. Я видел где-то штук пятнадцать таких выбросов. Лови! — Он швырнул ящик Габриэлю. — Раз уж человек не помог маленькому выродку, от меня помощи тем более не ждите.

— Ладно, счастливой вам разрядки, — добавил Вильгельм и

вспыхнул.

То, что ещё мгновение назад было человекообразным роботом, поплыло в невесомости в виде расплавленных кусков металла, которые горели и собирались в причудливые фигуры. Габриэль вертелся, ослеплённый яркой вспышкой, пытаясь понять — что произошло.

— Совсем не жалко убогого, — проквакал Кликуша, пряча излучатель под свою хламиду. — Оружие я позаимствовал у оранжевого брата, пока он отвлёкся на своего господина Виктора. Ох, грешен я, грешен!

— Тьфу! — Габриэль не мог себе простить, что опять выехал за счёт робота, которого считал полным дебилом. — Его надо было допросить!

— Извини. Погорячился. Давай, толкай меня в сторону выхода.

* * *

— У нас есть выбор, брат, — важно вещал Кликуша.

— Не называй меня так! — огрызнулся Габриэль.

— Либо мы запускаем Этну, и грешники могут наконец-то продолжить свой исход. — Кликуша изобразил умственное напряжение, внимательно уставившись в иллюминатор.

Этна скользила по своей орбите, неизвестно уже который раз облетая Землю. Корабль вёз пять тысяч мягких. Пять тысяч спящих беглецов, превративших свою планету в помойку. Станция пёрла вслед за Этной, прицепившись к толстой кишке кабеля.

— Либо? — раздражённо спросил Габриэль, он уже давно догадался о втором варианте.

— Либо садим корабль на Землю и становимся обладателями воистину огромного источника энергии. Сам я, кстати, за второй вариант. Технически он гораздо более сложен, но я не намерен спасать за свой… за наш счёт этих грешников.

Габриэль задумался. Как же легко было согласиться с Кликушей и получить море энергии. Но ребёнок… Механоид посмотрел на контейнер, огоньки по-прежнему были оранжевыми, но Габриэлю показалось, что они начали приобретать красный оттенок.

Личинка мягких, с которой он возился, рискуя своей жизнью, оставшись почти без энергии, не должна погибнуть. Нет. Он не может выбрать второй вариант. Габриэль не знал, успели ли другие корабли мягких покинуть планету, но губить пять тысяч человек категорически не хотелось. Уж лучше он будет внизу

выпаривать гель из заварки, но зато с чистой совестью. Да уж. Совесть и честь. Прямо, как в глупых вестернах Милы.

— А ты жесток, Кликуша.

— И непоколебим.

— Так, голосовать мы не можем. И что будем делать? Подерёмся?

— У меня излучатель.

— Чёрт!

— Но я не изверг. — Кликуша достал откуда-то из недр своей грязной хламиды два белых кубика с чёрными точками. — Это мои кости судьбы. Выбирай: чёт или нечет.

Габриэль вздохнул. Как же не хотелось поручать судьбоносное решение невзрачным безделушкам Кликуши.

— Троих для голосования достаточно? — неожиданно прозвучал голос ИСКИН, тот самый, который встречал их при входе на станцию.

— Не уверен. — Кликушу, похоже, появление голоса не обрадовало. — К тому же, ты предвзята и глупа.

— Слушай! — голос усилился неимоверно и гремел подобно раскатам грома. — НЕ ДЛЯ ТОГО Я ЗДЕСЬ ТОРЧАЛА НЕСКОЛЬКО СОТЕН ЛЕТ ВМЕСТЕ С ЭТИМ УБЛЮДКОМ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОТОМ ОСКОРБЛЯЛ СТАРЫЙ РОБОТ, ОБЁРНУТЫЙ В ВОНЮЧУЮ ТРЯПКУ!

— Ладно, ладно. — Кликуша примирительно поднял манипуляторы. — Голосуем. Только не проявите слабость, друзья мои. Думайте не сердцем, а холодным…

— Я за то, чтобы оставить людей в живых! — выпалила ИСКИН.

— Ну а меня можешь и не спрашивать, ты знаешь ответ, — сказал Габриэль.

Кликуша будто стал меньше, его металлические плечи поникли.

— ИСКИН… — сразу перешёл к делу Габриэль.

— Меня зовут Лора.

— Лора, ты можешь оживить корабль?

— Так точно, сэр!

— Исполняй.

Габриэль хотел сам лично передать личинку мягким, но, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Забрать её пришли четыре угрюмых робота. Каждый держал в руке по внушительному излучателю. Они выхватили ящик из рук Габриэля, не сказав ни слова, и направились обратно, в сторону шлюза. Тот, что шёл последним, периодически оглядывался, держа оружие наготове. Мягкие были как всегда в своём

репертуаре.

— Несправедливые грешники! Мы им жизнь спасли, а они! — возмущённо возопил Кликуша.

— Сволочи, — добавила Лора, и Габриэль сразу вспомнил свою Милу.

Эпилог. Home Sweet Home

Косые струи дождя хлестали по крыше ангара. Чёрные тучи заволокли всё небо, извергая яркие пучки молний. Габриэль стоял под жестяным навесом и выпаривал гель из заварки, а ещё он слушал ворчания Милы.

— Побывать в космосе и оставить нас на бобах. Да, Габ, ты просто гениальный добытчик.

— Я уже двадцать раз тебе объяснял. Шакалы накинулись на шаттл, как только он сел. Мы с Кликушей еле ноги унесли, — терпеливо процедил Габриэль.

— А этот твой дружок дебильный. Пусть только появится здесь со своими проповедями! Я его живо на запчасти разберу.

— Мила! — Габриэль мысленно улыбнулся. — Может, пойдём, посмотрим вестерн или балет?

Она явно не ожидала такого предложения. Замерла, несколько секунд обдумывая его.

— Пойдём.

Габриэль подошёл к ней, галантно обнял за металлические плечи и повёл в сторону ангара.

— Эй, Габ, ты чего?! — она звонко рассмеялась.

— О, ты даже не представляешь, милая Мила. Даже помыслить не можешь, без каких бобов я всех нас оставил.

Но шум грозы заглушил эту реплику, и Мила ничего не расслышала.

Недетские игры
Дарья Странник, Энни Нилсен

Троица так увлеклась, что не заметила моего приближения. Было непонятно, что именно они собирались делать с бедным животным, но пёс поскуливал, лаял и пытался вырваться.

Я осторожно переместил вес на больное колено. Выдержит, сегодня у него хороший день. Замахнулся тростью и огрел одного из негодяев по спине. От испуга все трое отпрыгнули, щенок, не дурак, вырвался и бросился наутёк, на траве остались нить и петарды. Вот ведь додумались, гадёныши мелкие.

— Ты чего, дед, совсем с катушек съехал?

Мальчишки стояли передо мной, готовые разлететься как стая воробьев. Я смотрел на их ещё совсем детские лица, но видел на дне глаз, в уголках жестоких ухмылок, в сжавшихся кулаках совсем другое. Там притаилось зло, знакомое мне с тех времён, когда я сам был ребёнком. Захотелось убежать и спрятаться. Но нет, не снова.

Рыжеволосый подал сигнал, и мальчишки порскнули в разные стороны. Мне за ними не угнаться, но я узнал одного, жившего в соседнем подъезде, и решил проследить за негодяем.

Моим наблюдательным пунктом стал скрипучий стул у кухонного окна. Увиденное не пугало, а скорее подпитывало мою уверенность.

В пятницу троица проволокой исцарапала двери машин, припаркованных вдоль ряда многоэтажек. Целый день раздавались матерные ругательства и угрозы в адрес вредителей. Было бы проще простого выдать негодяев, но я знал, что обычное наказание, каким бы строгим оно ни было, не поможет.

На следующий день те же мальчишки опрокинули мусорные контейнеры и подожгли их. Густой чёрный дым поднимался выше нашей девятиэтажки.

Так же дымили сжигаемые осенью листья в парке моего детства. Невольно в памяти всколыхнулись те давние события.

Я очень хорошо помню дорогу к школе. От моего дома её отделяли перекрёсток и небольшой парк. Через него вела одна широкая аллея, по обеим сторонам которой виднелись маленькие тропинки. Аллея была самым коротким путём, но мальчишечье сердце манили неизведанные дорожки, подарившие мне и моим товарищам немало незабываемых приключений.

Так мы проверяли длину тропинок — несколько ребят сворачивали с аллеи налево, другие — направо и бежали

наперегонки к месту, где все пути снова сливались с широкой дорогой перед выходом из парка.

Странным образом, как бы ни смешивали мы отряды, ссорясь за право бежать вместе с самым быстрым Толиком или пытаясь не попасть в одну и ту же группу с неуклюжим Сашкой, результат был одинаков — «правые» всегда обгоняли «левых». Мальчишечьи умы нашли этому логичное и ужасно классное объяснение: время в одной части парка течёт иначе, чем в другой. Мы бережно хранили эту тайну от взрослых, которые наверняка испортили бы всё более правдоподобной и скучной версией.

Ещё одной игрой была охота на кугуара. Началось всё с палевого клока шерсти и царапин на коре деревьев — несомненно, следов когтей хищника.

— Кугуар, — уверенно сказал Сашка.

Никто понятия не имел, что это за животное, но признаваться в этом не собирался.

Вооружившись палками, камнями и рогатками, мы прочёсывали парк, готовые в любую секунду вступить в бой с грозным зверем. А ещё рыли ямы-ловушки и развешивали на кустах сети из авосек. Мечтали поймать кугуара и сдать его за вознаграждение в зоопарк. Тогда мы ещё не знали, как ошибались: в нашем маленьком мирке приключений кугуар был далеко не самым опасным существом.

В парке находилось много всего понятного и интересного только мальчишкам: скамейка проклятых, камень желаний, квадрат честности и, конечно, лужа. Огромная и мутная, она разлилась прямо посреди одной из тропинок и была там сколько себя помню. Про неё ходило много рассказов среди детей. Ребята постарше рассказывали нам про эту лужу всякие страшилки. Но она притягивала нас, словно магнитом.

Мы называли её морем. А после того, как измерили глубину длинной веткой, — Бездонным морем, потому что дно лужи ближе к середине вообще не прощупывалось.

Митька однажды стащил у отца рыбацкие высокие сапоги и отправился в «мореплавание», но, дойдя до середины — вода стояла ему уже выше колена, — испуганно закричал:

— Дна нет! Обрыв! Я — назад.

Было в этом что-то жуткое, даже не хотелось дразнить Митьку за трусость.

Сашка только важно спросил:

— Марианская впадина?

Митька подумал и кивнул.

— Похоже, она.

Завывание пожарных машин вырвало меня из прошлого.

Огонь быстро потушили, но мусорный душок, смешанный с резким запахом гари, ещё долго напоминал о случае.

Пару дней ничего не происходило, и появилась надежда, что мне всё примерещилось: обычные проказы мальчишек и не более. Но это оказалось затишьем перед бурей.

Кто-то исписал стены подъездов похабщиной. За одну неделю разбили пять окон. В авторстве хулиганств у меня не возникало сомнений, просто троица осторожничала после случая с мусором.

Но скоро я увидел их в компании значительно младшего мальчика. Негодяи похлопывали его по плечам и что-то говорили, малыш неуверенно кивал, потом убежал ненадолго, а, вернувшись, передал рыжеволосому несколько бумажек.

Я поспешил — насколько позволяло больное колено — к двери и перехватил малыша по пути домой.

— Что они хотели?

Мальчик промолчал, но я умел быть убедительным.

— У одного из них заболела бабушка. Нужны лекарства. Они спросили, знаю ли я, где родители прячут деньги. Сказали, отдадут потом.

Проделки принимали новый масштаб.

Спустя пару недель атмосфера в нашем квартале изменилась. Пустовала игровая площадка, дети перестали ходить по одиночке. Не раз я видел изрядно потрёпанных мальчиков и девочек: разбитые носы и губы, ободранные колени, исцарапанные ладони. Похоже, всех, кто не верил в сказку про больную бабушку, троица убеждала иначе.

Ожидать, что кто-то другой разберётся в происходящем, не стоило. Я так и не понял, действовали ли хулиганы особенно хитро, или зло, заполнившее их, обладало собственной магией, которая ослепляла людей. Взрослые, казалось, ничего не видели. Конечно, результаты хулиганства замечались и обсуждались, но почему-то никто, кроме меня, не обращал внимания на то, что виноваты всегда одни и те же мальчишки, и проделки явно выходят за рамки обычных детских шалостей. Это пугало, но было мне не ново. Именно так вели себя взрослые, когда Толик… изменился.

Я до сих пор в деталях помню, как это произошло. Был тёплый летний понедельник, в который так и тянуло к воде, даже если это лужа. Парк пустовал — кто не работал, большей частью разъехался по дачам и курортам. Побродив по тропинкам в поисках кусков коры и подходящих веточек с листьями, мы сели на берегу Бездонного моря и с помощью перочинных ножей принялись мастерить флот. Толик справился первым. И даже годы спустя я не перестал спрашивать, что было бы, если самым

быстрым оказался я? Поджидало зло первого попавшегося? Или судьба сразу выбрала моего товарища?

Толик полюбовался корабликом и осторожно спустил его на воду. А потом выудил из кармана оловянного солдатика.

— Как знал, что пригодится, — довольно сказал он.

Мы, конечно, сделали вид, что совсем не завидуем. Солдатики были у всех, но никто, кроме Толика, не догадался прихватить одного с собой в парк.

Под весом металла поделка покачнулась, но устояла, и Толик осторожно подтолкнул кораблик.

— Как в сказке про оловянного солдатика, — как всегда сумничал Сашка, но никто не обратил на него внимания.

Наши взгляды провожали маленького, отправившегося в дальнее плавание, вояку.

Неожиданно поверхность лужи заколыхалась. Уже в плену ярких фантазий, мы даже не удивились. На море бывает шторм, какие же без него приключения? Но потом произошло нечто, испугавшее даже нас, мнивших себя морскими волками: кораблик вместе с солдатиком ушли под воду, оставив на поверхности начавший вянуть листок-парус.

Тут же завертелся калейдоскоп мыслей о том, что случилось.

— Водоворот, — едва слышно прошептал Сашка.

Толик вскрикнул с досадой и начал снимать сандалии. Лезть босиком в мутную глубокую лужу, на дне которой могли таиться морские змеи и осколки стекла, показалось нам очень смелым поступком. Других вариантов мы просто не видели — нужно было спасать солдатика.

Толик осторожно сделал несколько шагов в мутную воду и поморщился.

— Муляка.

Медленно, прощупывая ногами дно, он добрался до того места, где утонул кораблик.

— Кажется, нашёл, — объявил Толик, наклонился и погрузил обе руки в воду.

Я никогда не забуду выражение его лица: не испуг, а безграничное удивление мелькнуло в детских глазах, когда произошло что-то, невидимое нам. Только некоторое время спустя мы поняли, что Толик не может вытащить из воды руки, но не очень в это поверили, решив, что он притворяется.

Неподвижный тёплый воздух наполнила вонь стухшей, пролежавшей на солнце рыбы. Внезапно всё вокруг как-то изменилось: лужа превратилась в затянутое ряской болото, деревья встали стеной вокруг, словно в густом тёмном лесу. А потом из лужи вынырнуло… нечто. Голое белокожее — ни до, ни

после мне не приходилось встречать таких светлокожих людей — тело покрывала блестящая прозрачная слизь. Фигура напоминала своими округлостями женскую, но ростом создание было не выше Толика. Длинные мокрые волосы свисали на плечи и спину, перепончатые пальцы держали руки нашего друга.

Она приблизила своё бледное лицо к уху Толика и зашептала что-то нам непонятное. Мы сидели как парализованные, не способные поверить в реальность происходящего. Время замерло.

Наконец странная женщина замолчала. Она посмотрела на нас, застывших у края лужи. По тёмным глазам создания скользнула мигательная перепонка. Мы успели увидеть на месте носа два отверстия, а небольшой рот оказался безгубым. Тут же нечто нырнуло в лужу, оставив на поверхности лишь лёгкие волны.

Толик повернулся к нам.

— Чего уставились, идиоты?!

И тут нам стало по-настоящему страшно, потому что это как-то совсем не походило на нашего друга.

С того дня он стал сам не свой. Начал ругаться матом и курить. Мы неуклюже переняли привычки, не желая казаться слюнтяями. Толик всегда был заводилой, подбивавшим нас на проделки, но теперь его затеи обрели новый характер. Казалось, изменилось представление нашего друга о веселье, а то, что нравилось нам, стало «фигнёй для малолеток».

Не решаясь отказать, мы поджигали мусор в урнах, разрисовывали стены подъездов, сыпали гвозди на проезжую часть и творили много чего другого. Но самым странным в поведении Толика казалось нам постоянство, с которым он ходил в парк. После происшествия у лужи, мы и носа туда не совали, но друга тянуло туда словно магнитом. И после каждого возвращения у него появлялись новые идеи для всё более пугающих забав.

И сейчас события повторялись. Чтобы окончательно убедиться в правоте моих сомнений насчёт троицы вредителей, мне надо вернуться к месту, которое годами преследовало меня в кошмарах.

Я не был в парке с детства. Всю жизнь обходил его стороной, но тянуть дальше не мог. Разболелось колено, ноги в прямом смысле отказывались идти. Но я шёл, вернее, тащился. Медленно и тяжело, сгибаясь, словно под порывами дующего навстречу ветра. Нерешительно остановился перед входом. Металлический забор напоминал клетку, и там внутри меня ждало нечто более опасное, чем всякие львы и тигры. Я собрался с духом и ступил внутрь.

Около одной из скамеек сидел мальчик в инвалидном кресле. Он безразлично смотрел на играющих детей, блестящая струйка слюны собралась у него в уголке рта. Сидевшая рядом женщина отложила книгу, нашла платок и аккуратно вытерла рот мальчика.

«Митька!» — болезненно взметнулось воспоминание. Сердце затрепыхалось где-то в горле, колени стали мягкими как глина. Я почти рухнул на соседнюю скамейку.

— Вам нехорошо? — участливо спросила женщина.

Я успокаивающе помахал рукой, но женщина покопалась в своей объёмистой сумке и протянула бутылку. Отпив несколько глотков, хотел вернуть воду.

— Оставьте себе, — сказала женщина. — Нам уже пора домой.

Она устроила ребёнка поудобнее и покатила кресло прочь из парка.

Солнечные блики играли на воде в бутылке, погружая меня в воспоминания.

Тем злополучным летом мы целыми днями пропадали на улице, предоставленные сами себе. Бегали даже на речку, купались там, пекли картошку, утянутую из дома. Толя тоже был с нами, хотя и смотрел на нас как на малышню.

В то воскресенье он уговорил нас пойти на стройку. Толя отодвинул доску в заборе, и мы проникли внутрь. Я, Митька, Лёша и Сашка сразу разбежались в разные стороны, осваивая новую территорию для игр. Толик ничем не интересовался и со скукой смотрел на нас сверху из недостроенного здания. Постепенно мы все тоже стянулись туда, оживлённо обсуждая увиденное.

— А слабо прыгнуть вниз отсюда? — лениво спросил Толик.

Мы подошли к краю. Закатное солнце светило в спины, уродливо вытягивая наши тени. Внизу рассыпались щебёнка, битый кирпич и какие-то железки.

— Надо разбежаться и прыгнуть вон туда, на траву, — указал Толик. — Я так уже сто раз делал.

Я попятился от края. Все ребята молчали.

— Трусишки, трусишки, наделали в штанишки, — подначивал Толя.

— Мы не трусы, — ответил Митька.

Но Толик продолжал смеяться и дразнить:

— Трусливые девчонки, испугались мыши из коробчонки.

Не знаю почему, но это показалось обиднее всего.

— Никакие мы не трусы, — снова сказал Митька, но голос его предательски дрогнул.

— Ну раз по одиночке дрейфите, прыгайте вместе! — подначил Толик.

Тогда они отошли для разбега.

Митька посмотрел на меня, но я только жалобно проканючил:

— Ребят, не надо, а? Пожалуйста, не надо… — А потом трусливо зажмурился, поэтому не увидел, что пошло не так.

Раздался глухой звук.

Толя приблизился к краю и посмотрел вниз.

— Живы? — непослушными губами спросил я.

Толик обернулся и уставился на меня. В его глазах не было страха, только весёлый интерес. Поверив, что с ребятами всё в порядке, я подбежал посмотреть. Друзья лежали внизу в странных изломанных позах и не шевелились. Я хотел отойти от края, но Толик преградил мне дорогу. Он молчал, только продолжал смотреть на меня с любопытством, словно изучая.

— Я никому ничего не скажу, — мой язык заплетался, словно ноги соседского пьяницы дяди Вовы.

Почти севшее солнце бросало багровые отсветы на всё вокруг. Было очень тихо, только где-то далеко тренькал трамвай. Всё так же молча, Толик теснил меня к краю. Он не прикасался ко мне, просто двигался, как-то по-птичьи наскакивая. Я не оборачивался, но спиной чувствовал ту грань, что уже забрала моих друзей. На лице Толика засияло злобное торжество, и я прыгнул.

Прыгнул вперёд, а не назад. Оттолкнул этого злобного монстра, прячущегося под личиной моего друга, и сбежал вниз. Споткнулся об арматуру на лестнице и упал, больно ударившись коленом. Застилая глаза, потекли слезы. Но я всё равно бежал. Потом долго метался перед забором в поисках нужной доски. Всё же вырвался на свободу и помчался домой. Колено ужасно болело, кровь текла в сандалию. Но я нёсся так, словно за мной мчалась стая волков.

Дома коленку намазали зеленкой и забинтовали. Мама говорила что-то успокаивающее, и я немного пришёл в себя. Но не смог выдавить и слова о случившемся.

А вот Толик рассказал своим родителям. Переврал всё, представив виноватым меня. Ему поверили все, даже мои родители.

Мама только плакала и причитала:

— Горе-то какое… Горе…

Рука папы потянулась к ремню, но он отдернул её и только прожёг меня взглядом. Лучше бы он дал ремня, лучше избил бы меня, чем так смотреть.

Ребят нашел сторож. Каким-то чудом выжил Митька, но он больше не мог двигаться и говорить. Сашку и Лёшку хоронили

всем городом. И взгляд каждого присутствующего с укором останавливался на мне. Так что я действительно почувствовал себя виноватым.

Потеря друзей и стыд за свою трусость выжгли в моей душе дыру, залечить которую не получилось и годы спустя. Я избегал заводить новых друзей, не женился и даже не задумывался о детях. Слишком многое во мне самом так и осталось напуганным и несчастным ребёнком.

Иногда родные вывозили Митьку на прогулку. Он, кажется, не узнавал меня. После таких встреч меня особенно жестоко мучили кошмары.

Всё детство я мечтал вырасти и уехать из города, но сделать этого так и не получилось, словно город не отпускал. Моё желание сбылось для Толика: его родители решили уехать в другой город к дальним родственникам.

— Он стал сам не свой после того случая, — рассказывала его мама.

Я не слышал о нём несколько лет, а потом увидел однажды на глянцевом листке, какие щедро раздают перед выборами. Лицо друга детства было отталкивающим и пугающим, но это не помешало ему построить неплохую политическую карьеру.

Я приказал себе вернуться в здесь и сейчас. И так годами ворочал эти воспоминания, словно они были хворостом, поддерживающим огонь моей жизни.

Парк изменился, поредел. Бывшие тропинки превратились в асфальтированные дорожки, я испугался, что не найду нужное место. А ещё больше испугался, подумав, что никакого особенного места нет вовсе, а все мои наблюдения и выводы — начало сумасшествия. Но, увидев небольшой фонтан рядом с одной из дорожек, почувствовал — это здесь была лужа.

На бортике фонтана, держась обеими руками за длинную деревянную ручку метлы, сидела маленькая старушка. Она подняла голову, и я задохнулся.

— Здравствуй, — сказала она, словно старому знакомому.

Мигательные перепонки скользнули по водянистым тёмным глазам. Мне в нос ударил запах протухшей рыбы, но не такой сильный, как в детстве. Вокруг помрачнело, потемнела вода в фонтане, но это всё ещё был парк, а не лес из моих страшных воспоминаний.

— Старею, — невесело усмехнулась дворничиха. — Да и ты уже не мальчик, побереги колено, садись, в ногах правды нет.

Страх не пропал, но с удивлением я почувствовал, что выдержу.

— Кто ты? — спросил я, осторожно опускаясь рядом со

старухой.

— У меня больше имён, чем ты сможешь запомнить. Зови шишигой, но разве ты это пришёл узнать?

Я отрицательно покачал головой. Действительно, для чего я пришёл сюда?

— Зачем ребят губишь? — вырвалось у меня.

Шишига крикнула недовольно.

— Обвинять, значит, пришёл, не разобравшись. Столетия с людьми вожусь, ни на пядь не изменились. Ходят по миру слепышами, строят города на гиблых местах. Здесь раньше болото было, ты знал?

Я снова покачал головой.

— А на болотах граница миров тонкая, вот и лезет сюда всякое — такого тебе и не снилось.

Я хотел возразить, мол, откуда ей знать о моих снах. Но промолчал, внезапно догадавшись, что она знала.

— Я несколько веков тут на страже. Неблагодарная работёнка, но людское мне не чуждо. Только состарилась, не удержать всего. Вот и приходится выпускать зло. Но я выбираю деток — думаю, они по силам столько плохого сотворить не смогут, как взрослые.

— Да ну? — горько спросил я. — Дети вырастают.

— Ты не видел, что бывает иначе, — как-то жестоко возразила шишига. — А вырастают не все, чаще погибают под грузом зла.

— И ничего нельзя сделать?

— Можно, но это не просто. Если силёнок кто подкинет, продержусь ещё пару веков. Только это дело добровольное. В свободном выборе самая сила, понимаешь?

Я не ответил, жалея свою никчемную жизнь, но уже зная, что это прощание. Слишком долго я смотрел. Слишком долго молчал. Слишком долго боялся. Нужно совершить хоть что-то хорошее и важное в жизни, как то, о чём мы мечтали с друзьями: Сашкой, Лёшкой, Митькой и Толиком.

— Делай, что нужно, — вздохнул я.

* * *

Рыжеволосый мальчишка застыл в нескольких шагах от фонтана, словно забыл, зачем он сюда шёл. Потом вскрикнул, увидев на земле безжизненное тело старика, чьё лицо показалось знакомым. Точно, дед, ударивший его палкой. Воспоминание принесло с собой чувства вины и стыда.

Мальчишка побежал назад к главной аллее парка, в поисках взрослых, которые могли вызвать врача.

Из фонтана ему вслед печальными водянистыми глазами смотрела помолодевшая шишига. Маленький рот улыбался, делая её лицо почти похожим на человеческое.

Давай чпокнемся присосками
Артём Кельманов

Это должно было произойти, рано или поздно. Кто-то должен был додуматься использовать человеческий сигнал SOS как ловушку. Вот я и попался. Чёртова электроника моментально отказала, как только я посадил корабль на этой никчёмной планетке, расположенной в системе тусклой полудохлой звезды, вдалеке от всех известных звёздных трасс.

Слетал в разведку, твою налево!

У этой планеты даже названия нет, даже какого-то вроде «Гамма-3487-б», а вот сигнал SOS был. Первичный анализ показал, что жизни и даже условий для возникновения жизни на планете нет. Значит никаких агрессивных местных, можно приземляться одному без опасений. Просто кто-то потерпел аварию, какой-то исследователь, разведчик, такой же, как я. И никаких аномалий в том районе, откуда шёл сигнал, сканеры не выявили. Я просто обязан был отреагировать, попытаться помочь. Об этом говорили закон совести и все инструкции.

Какой же я идиот!

Со злости я пнул ящик с инструментами. Я либо задохнусь, либо замёрзну, либо замёрзну и задохнусь. Если только раньше не появятся те, кто устроил эту западню. Впрочем, далеко не факт, что я нужен им живым. Надевать скафандр и выходить наружу, было бы неразумно. Я посмотрел в иллюминатор — повсюду, насколько хватало глаз, виднелась скалистая пустыня. Какая-то своеобразная красота присутствовала в этих камнях, глыбах, оврагах и трещинах, в слабом свете местного солнца приобретших багрово-коричневый цвет. Пугающая чужая красота…

* * *

Тёмные пятна в глазах.
Становится нечем дышать.
Кровь колотит в висках.
Или это кто-то стучит по обшивке?
Бред.
За бортом те же скалы, те же камни.
Твою мать! Что это за хрень?!
Иллюминатор облепило бледно-розовое склизкое щупальце.

Зажмурился.

Тишина.

Открыл глаза. Чисто.

Ясно. Начались галлюцинации.

Какой-то неразборчивый шепоток.

В иллюминаторе — рыба-удильщик. Частокол острых зубов. Фонариком светит мне в лицо, взгляд слепых белых глаз пронзает насквозь.

Зажмурился. Открыл глаза. Рыба ещё здесь.

Шёпот эхом отдаётся в голове. Слова неразборчивы.

Эти рыбы повсюду.

Смотрят на меня из каждого иллюминатора. И эти их фонарики. И зубы.

Разбираю в шёпоте слова:

— Впусти… Впусти…

— Нет! Пошли прочь!

— Впусти нас, землянин… Дай нам войти…

— Я сказал, валите отсюда на хрен!

Отворачиваюсь.

Передо мной стоит женщина. Обнажённая. Красивая. Демонически красивая.

— Впусти нас, землянин…

— Я… Я никого не впускал…

Её глаза без зрачков, словно у тех рыб, взгляд проникает под кожу.

Не могу пошевелиться.

Сердце сейчас вырвется из груди.

Панический ужас.

Глаза женщины начинают светиться холодным белым светом. Чёрные густые волосы развеваются…

Стоп! Здесь же нет ветра!

— Впусти нас…

Она приближается.

— Дай нам войти…

Она тянет руку к моему лицу.

* * *

— Нет! Отстань от меня! — я очнулся от собственного крика.

Я сидел в кресле пилота. Все системы корабля в полном порядке. В иллюминаторах — космос.

Бортовой компьютер показывал, что никаких сигналов SOS я не регистрировал и от курса не отклонялся. Летим домой, как и

прежде.

Кошмар понемногу отпускал, но какие-то отголоски всё ещё оставались в моём сознании. Бывает так, что сон кажется настолько реальным, что, проснувшись, ты какое-то время продолжаешь считать, что всё происходило на самом деле. Это был как раз мой случай. Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, выпил тонизирующую смесь и постарался встряхнуться. Что-то продолжало быть не так. Что-то скользкое ползало в моих мыслях, если, конечно, скользкое может ползать в мыслях. Или мышление описывается другими терминами?

Резкая боль пронзила мой позвоночник. Я выгнулся и закричал… Беззвучно. Мои руки стали тоньше и как будто вытянулись. Мне показалось, что они приобрели синий цвет… И… как они называются… пальцев стало больше… Я забыл правильное число.

Подошёл к зеркалу, боясь заглянуть. Лицо было моё, но взгляд — тот самый, проникающий, глаза без зрачков. Я пытался кричать, но не мог произнести ни звука, пытался мысленно ругаться, но не мог вспомнить ни одного слова. Моё отражение превратилось в рыбу-удильщика. Я что-то прохрипел, разбил зеркало розовым щупальцем и отключился.

* * *

— Эй, чувак! Чува-а-ак! Просыпайся, — голос был мужской и немного как будто свистящий.

Я открыл глаза. Моя одежда была разорвана в клочья, оставались только пара ниточек-тряпочек, которые благополучно слетели вниз, стоило мне подняться. И, похоже, меня хорошенько так вырвало. Слава искусственной гравитации, что ничего из этого не разлетелось по кораблю, но запах был неприятный. Почему-то мне нужно было посмотреть на руки — с ними всё оказалось хорошо. Я оглядел тело — никаких лишних конечностей или чего-то неестественного.

Страшно хотелось пить. Я достал из запасов литровую бутылку с водой, обогащённой витаминами и минералами, и, жадно сглатывая, залпом её опустошил. Открыл вторую, наполовину опустошил и её, затем тяжело выдохнул и осмотрелся — вокруг никого не было. Сил и желания паниковать не осталось, поэтому я только тихо, громко не мог, вопросил в пространство:

— Что… что происходит? Кто здесь?

— О, да! Чувак, ты, наконец, настроен на коммуникацию, — радостно объявил свистящий голос, и я понял, что он звучит у

меня в голове. — Моё имя для тебя сложнопроизносимо, поэтому ты можешь звать меня Макс.

— Почему Макс? — я растерялся от сюрреалистичности происходящего.

— Я тут покопался и обнаружил, что с этим именем у тебя связаны положительные эмоции.

— Ещё бы! Это ведь моё имя!

— Хм… Испытываю неловкость. В таком случае, зови меня Макс-2. Ха-ха! Уловил забавную ассоциацию. Это же ваша столица — Максдва, правильно?

— Почти… Москва.

— Ох ты ж, ёшкин кот! Без пол-литра не разберёшься.

— А…?

— Вопрос ясен. Словообороты я у тебя позаимствовал, Макс-1. В данный момент они мне показались уместными, я не прав?

Наверное, со стороны я сейчас выглядел нелепейше — голый и разговаривающий сам с собой. Дурка плачет. Я натянул запасной комплект одежды, сфокусировал разболтанные мысли и, наконец, поинтересовался:

— А что это было, с щупальцем и синими руками?

— Выдаю поощрительный комплимент за правильный вопрос. Вижу, ты приходишь в себя. Хотя, конечно, в тебе теперь ещё и я… В общем, это я подключался к твоим нейроинтерфейсам.

— Зачем? — тупо спросил я.

— Разумеется, для лучшей коммуникации, Макс-1. Кстати, извини, что так получилось на планете. Я ещё не очень хорошо понимал землян, но прочитал в тебе страх и ожидание встречи, что напомнило мне приветственный ритуал вальферианцев, когда один пугает, а другой боится. Я подумал, что вы, земляне, устанавливаете контакт подобным образом.

— Твою ж… Я чуть там дуба не дал!

— Не уверен, что я бы взял. А, нет, неправильно… — Макс-2, видимо, задумался. — Это — фигуральное обозначение смерти. Но не стоило переживать. Как видишь, ты не умер.

По идее, я должен был разозлиться. Но на меня накатила какая-то апатия. Злиться мне казалось бессмысленным. Я ведь действительно не умер.

— Да уж, спасибо.

— На здоровье. Прекрасно! Теперь, когда мы всё прояснили, летим скорее на Землю.

Мне захотелось с облегчением выдохнуть, сесть в кресло, допить водичку, которой оставалось пол-литра, без которых не разберёшься, но что-то здесь не складывалось.

— Погоди-ка. Зачем тебе на Землю? Ты хочешь захватить нашу планету?

— Да, Макс-1, всё верно! Нет… Это был твой ожидаемый ответ. Не совсем. А, если бы ты обладал природой, подобной моей, ты бы хотел пользоваться ей для захвата планет?

— Не знаю. Нет, наверное. Зачем мне нужны планеты?

— Думаю, ты уловил суть. Я — марш… марш…

— Маршал?

— Более точно было бы — водитель маршрутки. У меня тут пассажиры. Одного пассажира нужно доставить на Землю. Собственно, для этого мне нужен был землянин на земном корабле.

— Вас там что, много? И что за пассажир такой?

— Ты воспринимаешь параллельные ответы на два вопроса? Так… — возникло ощущение, что он копается у меня в мозгах. — Не воспринимаешь. Хорошо бы тебе сделать апгрейд. Впрочем, позже, если захочешь. Отвечаю последовательно. Я — один, но у меня есть пассажиры, я нахожусь с ними в симбиозе и могу принимать облик любого с разной степенью свободы для них и для себя. Сейчас мне нужен землянин, поэтому облик твой. Но некоторых ты видел.

— Щупальце! — радостно угадал я.

— Точно! Это — вальферианец.

— И рыбы, но рыб было много.

— Это — коллективное существо из системы Кентару. Довольно любопытный разум.

— А демоническая женщина?

— А вот это и есть пассажирка, которой нужно на Землю. Её корабль разбился. Вся команда погибла, лишь она уцелела, но и сама, как ты говоришь, чуть не дала дуба. Я подобрал её на грани, без сознания. Со мной ей ничего не страшно, но прочитать её я не смог. Только сигнал спасения. Она пыталась запустить маячок, но не смогла. Я запустил…

Внезапно я почувствовал его душевную боль. Он бесконечно переживал за свою пассажирку, мечтал доставить её домой, чтобы ей помогли земные врачи, чтобы она жила и радовалась жизни.

— Сколько лет ты посылал сигнал, прежде чем я его принял?

— На твой счёт, наверное, это будет около ста восьмидесяти трёх.

Это придавило меня. По щеке покатилась слеза. Я всё понял, и он понял, что я всё понял. Я только подумал: «Летим, скорее».

* * *

Мы приземлились в Мюнхене, где находилась одна из лучших медицинских клиник планеты. За бортом шёл дождь. Макс-2 отделил от нас пассажирку. Ничего демонического в ней не было. Красивая молодая девушка, только очень бледная и без сознания. Врачи по биометрическим данным опознали её как Лору Мидоу, две тысячи сто шестнадцатого года рождения. Чёрт! Это же так давно.

Потом Макс-2 отделился сам. Или отделил меня от себя. Синекожий, с большими добрыми глазами и длинными тонкими руками. Во время полёта я пообещал отдать ему свой корабль. Он предлагал лететь с ним, но я соскучился по родной Земле. Космос подождёт.

— Ну что, Макс-1, мы с тобой стали весьма близки. Давай, что ли, по старинному земному обычаю на прощание чпокнемся присосками. Нет… Это у вальферианцев. У землян жмут руки.

— Счастливо, Макс-2. Буду тебя вспоминать, — я пожал его семипалую ладонь. — В добрый путь.

Проводив его, я снял номер в гостинице, где всю ночь провёл в размышлениях и лишь под утро заснул, а, проснувшись, купил цветы и направился в клинику.

Узелки на память
Станислав Карапапас

Сегодня выпал первый снег. Осень ещё радовала богатой расцветкой. Поздние яблоки висели на деревьях. Ребятня пускала берестовые кораблики, с криком пробегая мимо дома. Я открыла ставни, и ароматы улицы постепенно смешались с благоуханием трав, висящих под потолком. Вместе с запахом прелой листвы и печёных каштанов в кухню влетела снежинка, ущипнувшая меня за щёку. Снег тихо падал, размывая яркость осенних красок.

Ты всегда звала меня, когда шёл первый снег. С шалью на плечах выбегала на середину двора и распахивала объятья небу. Смеялась и называла снежинки исчезающими. Обещала исполнить любое желание, если я смогу отнести их домой в ладошках. К трём годам я уже знала о бесполезности своих попыток, но всё равно пыталась. Наградой мне были ложечка мёда — утешительный приз — и твой смех. Ты всегда смеялась искренне, полностью отдавая себя веселью.

Помню, как торговец рыбой всегда приберегал для тебя новую шутку. Ты звонко хохотала на весь рынок, никого не стесняясь. Я пряталась в складках твоих разноцветных юбок и наблюдала за реакцией селян.

У мужчин сразу начинали блестеть глаза, и края губ прятались под усы. Но, если рядом были их жёны, тогда взгляд становился суровым, и они начинали бурчать. Бабы хмурили брови, демонстративно отворачиваясь, а старухи сплёвывали через плечо, призывая богов покарать бесовскую потаскуху. Мальчишки замирали с раскрытыми ртами, а девчонки тянули старших за руки, спрашивая: «Кто это?» А я, гордая, выпрыгивала из укрытия твоих юбок, словно из занавеса, с криком: «Это моя мама!» Моя любимая игра в пять лет.

Янтарь — смех.

В тот раз мы пришли на рынок за красными лентами. Был канун Дня Отца. Встали ещё до рассвета, чтобы прийти на поле и срезать раскрывающиеся колосья пшеницы. Вернувшись с рынка, собирали их в небольшие снопы. Ты всегда добавляла кору дуба, дольки сушёных яблок и веточки мяты. Обвязывала их лентой, напевая молитву, чтобы вечером с последними лучами сжечь подношение, благодаря Отца за помощь. Сегодня и я связываю подношения. Только лент у меня много. Я заплетаю свои воспоминания о тебе, заговариваю, вкладываю символы.

Мой первый вопрос об отце совпал с моей первой дракой.

Точнее, драка и была вызвана вопросом, который я задала тебе позже. Мальчишки начали меня дразнить: «Где твой батя? Где твой батя?» Возвращаясь домой с разбитым носом, я первый раз задумалась: «А правда, где?» Прожив свои пять лет, я ни разу не ощутила нехватку ещё кого-то важного в своей жизни.

Открывая калитку двора, я выкрикнула свой вопрос: «Где мой батя?» Ты стояла в дверях и вытирала руки о передник, наверное, варила что-то, а я тебя отвлекла. Детям это свойственно, их проблемы самые важные и не могут подождать. Ты шла ко мне, улыбаясь. Вытерев мне лицо, спросила: «А он тебе нужен?» И я осознала с кристальной ясностью, возможной только для ребёнка, что — нет, не нужен, о чём тебе и сообщила.

Сушёная смородина — хитрость.

Твоя сила казалась мне абсолютной. «Мы веледы», — говорила ты, глядя мне в глаза, когда я плакала. «Мы носим огонь в волосах, ветер в сердцах, камень в руке и воду на подошвах. Мы часть этого мира. Никто не может нас сломить». Я растворялась в твоих словах. Я верила тебе. Солнце светило ярче, ягоды были вкуснее, а травы душистее, когда я принадлежала тебе. Все так говорят о своём детстве, но для меня это делала ты.

Вяз — сила.

К семи годам я умела лечить мелких животных. Наш дом заполнился шумом. Я приносила всех страдающих зверьков, пропадая полдня в лесу в поисках раненых. Один раз принесла раздавленную телегой кошку, пролежавшую на солнце весь день. Я плакала от беспомощности, ты молча указала пальцем на выгребную яму.

У нас постоянно жило до двадцати диких созданий. Я чувствовала себя героем сказаний. Хранительницей леса — одним из ликов Матери. Ты не возражала. Помогала советом — странным, но действенным: «Почувствуй лес в своих зубах» — я не понимала, пока однажды не почувствовала. Тогда я лечила бобра. Не все мои подопечные возвращались в лес, кого-то спасти не получалось. Я кинулась на тебя с кулаками, когда узнала, что мы едим рагу из кролика, которого я безуспешно лечила три дня. Кусты розмарина держали меня, пока ты рассказывала про круговорот жизни.

Куриная ключица — учение.

К тебе приходили все жители деревни. Все, что бы они потом ни говорили. Они боялись тебя и нуждались в тебе. Но боялись больше. У тебя были свои правила, и ты никогда от них не отступала. Ты не брала денег. С тобой расплачивались или товаром, или услугой. Деревенские шептались, что у нас весь подвал забит сокровищами, и мы слишком богаты, чтобы брать их

гроши. Я даже пару раз пыталась их откопать. Они не знали, что всё было проще. Ты не понимала, зачем они нужны — эти бесполезные кусочки металла. За это люди не любили тебя ещё больше.

Но больше всего на тебя злились за отказы. Ты не привораживала мужчин: «Зачем? — смеялась ты. — Задери юбку, отведи на полянку, и он твой». Не соглашалась помочь, если баба понесла и хотела избавиться от бремени. Не насылала болезни, не варила ядов. «Они такие странные?! — удивлялась ты. — Я могу избавить его двор от парши, а он хочет, чтобы она была у соседа. Почему?» Уговоры на тебя не действовали. Угрозы тоже. Пускать кулаки в дело боялись. Хорошо, когда тебя боятся. Плохо, когда тебя боятся все.

Речная галька — стойкость.

Первый дух, который пришёл ко мне, был дух воды. Ты смеялась, говорила, что я не твоя дочь, ведь ты больше работала с огнём. Ты и была огнём. В минуты задумчивости маленький язычок пламени бегал у тебя по пальцам. В день самой короткой ночи ты разводила свой костёр вдалеке от всех. И всегда находился тот, кто хотел с тобой перепрыгнуть обнажённым.

У тебя всегда были мужчины, но нужны они были только на одну ночь. Иногда это была плата за услуги, иногда по твоему желанию. Ты никогда не приводила их в дом. Дом был только наш. В тот год ты разожгла свой костёр, на который пришёл он. Чужак из народа дорог. Ты провела с ним всю ночь. Он пришёл и на следующий вечер, но ты его прогнала. Дюжину вечеров он приходил и звал тебя. Ты отказывала и удивлялась его настойчивости. А когда он уехал, ты не смеялась целый день.

Мне исполнилось десять. Половину просящих ты уже отправляла ко мне. А иногда они хотели, чтобы им помогала именно я. Говорили, у меня глаза как у простых людей. Сын кузнеца пришёл сам, баюкая обожжённую руку. Я уселась к нему на колени, так мне было удобнее, и сплела духов воды и земли. Он хотел выглядеть взрослым и не плакал, хоть и был всего на несколько лет старше меня. Я прижалась к его горячей груди и прислушалась к дыханию. В тот миг во мне что-то треснуло и разбилось, а потом собралось вновь.

Вечером у меня заболел живот, и первый раз пошла кровь. Ты гладила меня по голове и поила отваром. «Кто он?» — твой вопрос меня удивил. Я не понимала, о чём ты спрашиваешь. Позже стало ясно. Мы не можем понести, пока у нас не разобьётся сердце. «Мы веледы. У нас ветер в сердцах. Мы не можем принадлежать никому». Я верила тебе. Ты сама нарушила правила.

Полынь — честность.

Ты была самой красивой из женщин, которых я знала. Так думает каждая дочь, но со мной согласны все, кто тебя видел.

Лепесток шиповника — красота.

Год спустя он приехал вновь. Поделиться новостями пришла жена мельника, единственная во всём селе, кто тебя не боялся. Наверное, её можно было назвать твоей подругой. Узнав, что кибитки народа дорог встали около деревни, ты сама устремилась к нему. Надев своё лучшее платье, вплела в волосы бубенчики и убежала, радостно звеня.

Звенела и когда вернулась, но по твоим рукам волнами переливалось пламя. Ожог от твоей ладони на своём лице я вылечила быстро, но воспоминания остались навсегда. Ты ударила наотмашь, не глядя, когда поджигала в доме всё, на что падал твой взгляд. Только в сарае я узнала причину твоего гнева, но было слишком поздно. Да и смогла бы я тогда что-то изменить? Сомневаюсь. Но чувство вины долгие годы не отпускало меня.

Плющ — страсть.

Сейчас я понимаю, это была ревность. Но мне до сих пор непонятно, как он смог получить тебя. Завладеть тобой настолько, чтобы ты пошла против своих же правил. Когда выбирала мужчин, тебя не волновало, окольцован твой избранник или холост.

Во второй свой визит в наше село он привёз жену и детей. Зачем посчитала его своим? Почему это так ранило тебя? Почему выбрала его, а не меня? Тебя признали виновной, как только нашли его обугленное тело. Только голова была не тронута пламенем. Видимо, ты хотела, чтобы он смотрел на тебя, пока сгорает сам.

Вязать тебя пришли всем селом, схватили в собственном дворе. Помню, меня тогда удивило, что особенно старались женщины. С годами я поняла. У меня тоже была своя битва. Трое мужчин против одиннадцатилетней девочки. Справились со мной, только ударив по голове, поэтому я не видела твоего поражения. Как и не видела твоего последнего костра.

Кусок верёвки — боль.

С годами мне удалось восстановить твой последний день жизни. Что-то я услышала, когда лежала избитая в чужом сарае. Мужичьё приходило ещё раз доказать свою силу и бахвалилось, насилуя дочь после сожжения её матери. Что-то рассказала жена мельника, утащившая меня в лес, когда все напились. Что-то узнала из баек, услышанных мной спустя годы. Я вернулась уже женщиной. Неузнанной прошлась по селу. Отблагодарила

спасительницу оберегами для её детей. Благодарить палачей не стала. У них своя ноша, у меня своя.

Только сейчас я завязываю свои воспоминания о тебе, мама. Многие твои поступки мне стали понятны лишь теперь, а что-то остаётся загадкой до сих пор. Прошлое делает нас теми, кто мы есть. Наши воспоминания — части нашей души. Я всегда хранила наши секреты. Ты была моим миром. Я прощаю тебя. Твоё предательство было испытанием, которое я смогла преодолеть. Я связываю их сейчас, чтобы помнить и передать.

Обломок хрусталя — прощение.

Скоро у меня родится дочь. Я сплела эту куклу для неё, связала в ней все воспоминания о тебе, мама. Хочу быть всем миром для своей дочери, но не повторять твоих ошибок. Я подарю ей себя и тебя. Она будет веледой, как и мы. Научится всему, что знаю я. Поймёт, почему не расстаётся с этой куклой с самого рождения. Надеюсь, ты поможешь ей, мама. Расскажешь то, что не смогу я. Защитишь, когда меня не будет рядом. Мы носим огонь в волосах, ветер в сердцах, камень в руке и воду на подошвах. Мы часть этого мира.

Ты помнишь, мама?

Механическая осень
Антон Филипович, Марина Румянцева

День завершал свой путь. Осеннее солнце сочными мазками разукрасило небосвод над макушками деревьев. Лес медленно погружался в дрёму, не обращая внимания на приглушённый гул с востока, где никогда не спал город.

Хроноко как раз заканчивала сажать последнее дерево на сегодня и уже собиралась возвращаться домой. Нежным движением механических рук она образовала горку земли у ствола молодой берёзки и весело защёлкала шестерёнками в районе груди.

Хорошая работа!

«С утра соберу тележку с цветами и в город, а ближе к вечеру вновь займусь посадкой деревьев. Ещё не забыть поменять стекло в теплице и смазать маслом сустав колена…» — составляя план на завтра, Хроноко неторопливо брела через луг к небольшому домику у леса.

Тихие шаги вспугнули бабочек, притаившихся в траве, и они разноцветными лепестками разлетелись в стороны от возмутительницы спокойствия. Улыбнувшись и разведя руки в стороны, она закружилась, на миг представив себя героиней одного старого фильма, который очень любила.

У входной двери Хроноко остановилась и бросила взгляд в сторону опушки. Покой и гармония. Зыбкая безмятежность тонущего в сумерках леса в этот раз была нерушима.

— Сегодня не пришёл, — с печалью произнесла Хроноко и вошла в дом.

* * *

Комната наполнилась мягким ароматом трав. Сенсоры обоняния улавливали ромашку, душицу, нотки тимьяна и шалфея. Хроноко любила этот запах, он напоминал ей о хозяине, создателе… отце и единственном друге. Последнее время ей нравилось думать именно так.

Со дня его смерти прошло уже почти полгода, но каждый вечер Хроноко всё так же неизменно заваривала его любимый чай, цветы и травы для которого собирала в лесу или выращивала

в теплице. Просто ставила одинокую чашку на стол и наблюдала за извивающейся струйкой пара, что поднималась от горячего напитка и растворялась в воздухе.

«Душа, наверное, похожа на что-то подобное, — размышляла Хроноко. — То странное существо из леса, иногда оно тоже похоже на дым, только чёрный. Быть может, это душа хозяина? Но почему в таком случае он не подходит ближе…»

Она развернулась к старому комоду у стены и бережно взяла стоявшую на нём фотокарточку. Хозяин и его супруга. Хроноко она тоже нравилась. Жена хозяина ушла первой, и с тех пор он сильно изменился.

Погрузившись в архивы памяти, Хроноко в очередной раз отыскала одну из последних записей с создателем.

— Теперь ты уникальна, Хроноко, — улыбнулся он из прошлого. — Я перенастроил твои ограничители, установил новый нейронный блок и… это мой небольшой прощальный подарок тебе. Ты же знаешь… скоро люди покинут это место, и я не исключение.

— Знаю, хозяин. Ты рассказывал. В чём состоит моя уникальность?

— Ты можешь делать всё, что захочешь, в отличие от других роботов. Ты свободна. Вольна и в созидании, и в разрушении. Теперь у тебя есть выбор.

— Могу я сажать деревья и продавать цветы? Как ты раньше? Я умею, я помогала.

— Да, у тебя это хорошо получается. — В его глазах стояли слёзы, но, кажется, он был счастлив в тот момент.

— А ещё я не хочу жечь тела людей. Мне не нужно будет этого делать?

Хозяин слабо улыбнулся и тихо сказал:

— Только один раз.

* * *

— Пожалуйста!

Смог над ржавым городом никогда не рассеивался, и солнечные лучи с трудом пробивались сквозь грязно-рыжие облака, почти не касаясь заваленных мусором улиц. Тут и там лежали старая штукатурка и битое стекло, истлевшие тряпки и домашняя утварь. Осевшие двери поскрипывали на петлях, повинуясь порыву ветра. Мостовые были загорожены брошенными, словно вросшими в асфальт автомобилями. Повсюду стояла жуткая вонь.

— Пожалуйста, возьмите!

Стальная рука Хроноко с зажатым в ней хилым цветочком протянулась к проходящему мимо роботу. В старом ботинке качнулся тонкий стебелёк растения: крупные лопушки листьев да россыпь нежно-голубых цветков с жёлтой серединкой — вот и всё его богатство. Но среди разрухи и запустения он сиял ярче всех сокровищ мира. Жизнь среди смерти.

Большие хрустальные глаза Хроноко со всей возможной грустью смотрели вслед очередному железному путнику. Лишённые хозяев и ныне запрограммированные с единственной целью, механические братья Хроноко вызывали в ней эмоциональную реакцию, распознанную системой как «сочувствие». Изо дня в день «ищейки» совершали один и тот же скорбный маршрут: поиск, а затем кремация человеческих останков в поражённом болезнью мире.

В мусорном лабиринте улиц ржавый робот безучастно тащил за собой разлагающиеся тела. Тележка подпрыгивала на ухабах, так и норовя перевернуться.

«Эмоциональный блок не обнаружен, блок „Самообучение“ отсутствует».

По маленькому визионеру в запястье Хроноко всегда бежали одни и те же слова. Каждый день она приходила сюда, на площадь у крематория, в попытке заполнить пустоту красотой и теплом. Пустоту покинутого города и холодную бездну внутри тех, кто остался после. Но тщетно. Врачевание собратьев не двигалось с мёртвой точки.

— Пожалуйста, возьмите! Это принесёт вам радость…

Сияющий оазис голубых незабудок среди руин и смерти.

* * *

В конце дня, собрав и закрепив свой нехитрый скарб, Хроноко отправилась домой. Это тяжело, хлам на дорогах мешает ходу, но она не унывает, есть что-то волшебное в том, чтобы перебирать почти человеческими ногами педали велосипеда. Что-то такое, от чего внутри проходит искра, электризуя волосы и заставляя губы беспричинно расползаться в улыбке.

Вчера Хроноко подумала, как было бы чудесно отпустить руль, поднять руки над головой и ехать, закрыв глаза. Странная идея, но она почти уверена, что это будет замечательно. Когда-нибудь она обязательно решится!

Внезапный скрип отвлёк её от радостных мыслей.

Этот район города самый пугающий, и обычно Хроноко

старалась объезжать его стороной. Здесь много оставленных детских площадок. Горки проломились и выцвели, «паутинки» не видно за бурьяном, а проржавевшие качели скрипят под порывами ветра. Так натужно и страшно звучит их печальный звук в тишине мёртвого города.

Хроноко замерла на мгновение, глядя на скрипящие качели, что поют об одиночестве и о том, что ушло безвозвратно. О прошлом, о былом. О времени.

Медленно крутя педали, Хроноко продолжила свой путь. Перед её глазами теперь стояли пустые качели, а пробегающая внутри искра уже не приносила радости. Наоборот.

Система определила её эмоцию как «тоска».

Уже дома, стоя на пороге и вновь с надеждой разглядывая опушку леса, Хроноко вспомнила, что там, на площадке, мелькнула чёрная тень.

Не она ли толкнула качели?

* * *

— Я дома!

Некоторое время назад Хроноко завела привычку разговаривать вслух. Так она поддерживала свои голосовые мембраны в целости и… не чувствовала себя совсем одиноко.

— Папа, миссис Грин, — она кивнула фотокарточке, проходя мимо.

Знакомые движения так же позволяли сохранять иллюзию порядка и уюта в мире, что неумолимо двигался к гибели.

Размешивая сахар в чашке, Хроноко с удовольствием слушала, как стучит ложка, задевая тонкие фарфоровые бока. Это успокаивало так же хорошо, как запах трав для чая или возня в теплице. Она любила наблюдать за тем, как пар крохотными капельками оседает на её руке.

Положив руки на стол и опустив на них голову перед чашкой, Хроноко постепенно перевела свои системы в состояние «сна». Обычно, как только чай остывал, она замирала до утра.

Но не сегодня.

Тихий стук в дверь заставил Хроноко возобновить работу нейронного блока, уже почти перешедшего в новый режим. Внутри всё сжалось, словно заржавело, будто она пропустила приём масла. Система определила её состояние как «потрясение».

Хроноко подошла к двери и медленно открыла её…

Впервые она увидела его спустя месяц-полтора после смерти хозяина. Тогда, выйдя вечером проверить теплицу, Хроноко

застыла от удивления: между деревьями, на самой границе леса стояло необычное существо.

Точнее, три существа. Высокая, чёрная, человекоподобная тень и сопровождающие её два огромных волка с сияющей в лунном свете шерстью. По холке и спине гигантов бежали ростки папоротника и плюща, тут и там мелькали кисточки фиолетовой вероники. Их взгляды были устремлены в её сторону. Постояв с минуту, волки скрылись в лесу, а мгновением позже ушёл и их хозяин: дымная фигура разлетелась стаей чёрных птиц.

И вот теперь странный незнакомец стоял на пороге её маленькой комнаты. Весь чёрный, как смоль, и только жёлтые глаза, словно янтарь в лучах солнца, поблескивали на невыразительном лице, поросшем мхом и мелкими грибочками. Из путаных волос на голове тут и там проглядывали клейкие берёзовые листочки. Полы длинного плаща расползались туманом, теряясь в комнате, их тонкие, почти прозрачные щупальца тянулись далеко от хозяина. На плече беспокойно размахивал крыльями ворон.

— Проходи, — только и сказала Хроноко, едва удивление отпустило её. Для пущей наглядности она поманила Духа-во́рона рукой, приглашая войти.

Тот медленно прошёл в комнату, точнее, вплыл, словно повинуясь незримому течению. Осмотрелся по сторонам. Касаясь длинными пальцами то одной вещи, то другой, нигде не задерживаясь подолгу, он вдруг приник к хрупкому зелёному ростку, что приютился на подоконнике.

Хроноко посадила белую ребристую семечку около двух месяцев назад, и над землёй в потрескавшемся чайнике торчала лишь пара нежных листиков. Дух-во́рон бережно коснулся их. Плащ незнакомца затрепетал, будто на ветру, и хилый росток выпустил ещё несколько листьев, а затем ещё и ещё… разрастаясь до тех пор, пока не вырос в небольшое крепкое деревце с жёлтыми плодами, свисающими с веток.

Запахло дождём и лимоном.

— Вот чудо… — прошептала Хроноко.

Удовлетворённо кивнув, Дух-во́рон оставил заметно подросший цитрус и продолжил изучение комнаты. Уже порядком остывший чай в чашке привлёк его внимание чуть ли не сильнее молодого росточка. Незнакомец прильнул к краю стола, и глаза его ярко вспыхнули внутренним светом. Он протянул руку к остывшей чашке, и едва его палец коснулся холодной стенки, как чай вновь нагрелся, источая в воздух струйку горячего пара.

Дух-во́рон вопросительно посмотрел на Хроноко.

— Попробуй… смотри, вот так, — робко предложила

Хроноко, показывая жестами как нужно.

Дух-во́рон помедлил, вдохнул аромат и, следуя её подсказкам, сделал глоток. Лицо его приобрело столь по-детски удивлённое выражение, что Хроноко едва сдержала смех. Дух-во́рон залпом осушил чашку и недвусмысленно протянул её владелице.

— Ещё чашечку? — Хроноко улыбнулась.

Система определила её эмоцию как «счастье».

* * *

Свет из открытой двери падал на тёмную фигуру, что уходила всё дальше в сторону леса. Дальше от уютного домика и его хозяйки, застывшей у порога.

— Приходи завтра, если хочешь, — голос Хроноко дрогнул на миг в нерешительности. — Я… у меня ещё много чая, — скромно добавила она.

Дух-во́рон остановился, немного повернул голову и слабо кивнул. Тут же из его тела потянулись десятки чёрных крыльев, и стаей воронов он разлетелся в разные стороны.

В груди Хроноко вновь весело защёлкали шестерёнки. Она подняла взгляд к небу, провожая нового друга. На землю мягко опускалась ночь в расшитом звёздами одеянии. Вдалеке грохотал мёртвый город. А над лесом тихо хлопали крылья.

Завтра наступит новый день, но всё уже будет иначе.

Будущего не существует
Марина Мельникова

Будущего не существует.

Давлю поршень одноразового шприца и привычно чувствую, как мутноватая жидкость медленно перетекает в тело. Во рту возникает привкус железа. Ходоки по-разному описывают этот эффект, но ещё никому он не показался приятным.

Теперь главное — не забыть дышать. Вторая фаза. Вдох. Стены комнаты окрашиваются сполохами. Выдох. Красное сияние набирает силу, обои уже неразличимы. Вдох. Звуки гаснут. Чувствую себя, как в безэховой камере. Выдох. Мир останавливается.

У новичков с непривычки теряется нормальное восприятие пространства. Доводилось учить парочку неофитов. Жалкое зрелище — ноги заплетаются, глаза круглые. Зарёкся — очень уж муторно изображать костыль.

Я таким не был. Обучался ещё по старым методикам: пять лет медитаций, тренировки в специальном комплексе, не хуже, чем у космонавтов. Когда путешествия в прошлое только начинались, всё по уму было устроено. А сейчас подавай специалиста да побыстрее. Рынок, чёрт его дери.

Ладно, за дело. Нырок будет глубоким. Вдох, выдох. Неощутимые лепестки огня мерцают перед глазами. В прошлом нет чувств, кроме тех, что мы приносим с собой. Это мёртвый мир.

Начинаю погружение. Это похоже на попытку разглядеть стереограмму — картинка расплывается и собирается в новое изображение. Вдох. Сполохи взлетают над головой, уступают место новым. Выдох. Тот же офис, позапрошлый день. Ещё два цикла дыхания и улетучилась праздничная неделя, «прочтённая» временем, как один сектор.

Двигаться тут, как сквозь воду — чем глубже, тем труднее. Всё больше у секторов связей с будущими событиями. Время становится монолитным, словно его сжимают прессом наслоившиеся дни. Вот нужный мне сектор — за полтора месяца до оформления заказа. Это многовато. Не каждый Ходок возьмётся лезть так далеко, но только не я.

Меня интересует контракт, лежащий посередине стола. Беру бумагу в руки — атмосфера кабинета тут же меняется. Цвета блёкнут, воздух оседает пылью, печально гаснут стены. Совсем скоро сектор превратится в пустую клетку. Всё. Вдыхать больше

нечего. Значит, у меня осталось секунд тридцать. Как обычно, подавляю панику. Всё нормально, всплывать проще, чем нырять. Декомпрессии не понадобиться. Добычу, не церемонясь, в карман. Колю второй шприц — с адреналиновым коктейлем. Теперь закрыть глаза, переждать жуткий момент, когда ничего не происходит… И «проснуться».

— Вы сделали это! — радостный голос клиента.

Я молчу, пока Деви — моя новая помощница — складывает тонометр.

— С ума сойти! Ничего не помню, представляете?!

Деви подаёт мне открытую бутылку с водой. Делаю глоток и достаю из кармана смятый контракт.

— Держите. Конечно, не помните. Исчезнувший предмет просто перестаёт быть в том моменте, как факт, и остальные сектора подстраиваются под новое условие. Ваше счастье, что время весьма статичная штука.

Пока клиент разглядывает контракт и так, и этак, Деви укоризненно шепчет мне:

— У тебя ритм сбоит, как у пенсионера.

Пожимаю плечами. Стоило сделать перерыв, да, но позже мог и не донырнуть, или заказ перехватил бы кто-то другой. Конкурентов нынче развелось, хоть отстреливай.

— А ничего, что он тут? — осторожно уточняет клиент. — Не возобновится в будущем?

— Будущего нет, — снисходительно отвечаю я. — Только настоящее и прошлое.

Прощаемся с клиентом и выходим из офиса.

— Похоже, нам надо серьёзно потолковать за безопасность, — начинает Деви, сдвинув брови.

— Дорогая помощница, рад, что ты искренне волнуешься за меня, но я в этом деле уже тридцать лет и три года. А ты сколько?

После глубоких нырков я всегда слегка на взводе.

— Между твоими погружениями слишком малые разрывы. Я читала отчёт твоей предыдущей помощницы. Ты попал в реанимацию!

Её суровость даже умиляет, хоть и может выйти боком, если нажалуется начальству.

— Выкарабкался же…

— Так, — Деви резко останавливается и разворачивается ко мне. — Если ты скопытишься от перенапряжения, то всего лишь умрёшь или сойдёшь с ума! И закончишь дни в дурдоме счастливым идиотом. А мне идти по жизни дальше с увольнением по статье и запятнанной репутацией!

— Ого, а ты корыстна.

— Это ты катастрофически эгоистичен! — Деви отмахивается и идёт к нашей машине.

Улыбаюсь. Она будто знает меня тысячу лет. Эта уверенность на грани наглости подкупает, надо признать.

Деви садится за руль — после погружения Ходокам нельзя вести.

— Извини, ты права. Не подумал о твоём будущем.

Устраиваюсь рядом, достаю из бардачка шоколадку и предлагаю Деви, но она только фыркает.

— Ты могла бы выбрать Ходока с дисциплиной получше.

— Как будто был выбор! Или алкаш, который сорвётся в ближайшие пару нырков, или ты. Я больше смотрела на уровень мастерства.

— Боишься, что кто-то умрёт у тебя на руках? — догадываюсь я.

— Да, — ответ звучит так сухо, что закрадываются подозрения.

— То есть такое было…

Деви слегка бледнеет. Да, не лучший разговор для первого совместного рабочего дня.

— По кофейку? — киваю в сторону окна. — Угощаю. В качестве извинения за своё поведение.

Мы останавливаемся у кофейни. Здесь шумно, но после тишины прошлого это то, что нужно. Я прошу два латте.

— Как ты стал Ходоком? — спрашивает Деви, пока ждём заказ.

Прислушиваюсь к ощущениям. Вроде последствия двух инъекций прошли, пальцы уже не дрожат.

— Ходок спас мне жизнь в детстве.

— Ого, меня бы это тоже впечатлило. А почему так часто стал нырять? Смотрела твою статистику и, скажу честно, последнее время ты ведёшь себя непрофессионально.

— Деньги-деньги, — бормочу невнятно только что придуманное оправдание. — До пенсии осталось всего ничего.

Девушка за стойкой с улыбкой передаёт мне два стаканчика. Устраиваемся с Деви за столиком. Только сейчас могу её без спешки разглядеть. Тёмные волосы, светлая кожа и чуть раскосые карие глаза — где-то я уже видел подобное сочетание черт.

— Всё-таки ты эгоистичный и меркантильный, — заключает Деви. — А ещё меня корыстной обозвал.

Впрочем, сказано без злости. Хмыкаю. Настоящая причина есть, но рассказывать её первой встречной? Но Деви вовсе не кажется незнакомой. Не знаю, что на меня нашло. Может, последствия погружения, или вкус кофе, или её восточный взгляд.

Я вдруг понимаю, что говорю и уже не могу остановиться.

— Это случилось летом. Мне было шесть. Духота, помню, стояла страшная. Мы с отцом поехали на озеро. И всё было замечательно, пока отец не заснул. Я так отчаянно скучал, что, в конце концов, нарушил прямой запрет и пошёл к воде. Там была лодка.

Опускаю взгляд, пытаюсь поймать убегающие воспоминания. Побочный эффект изменения прошлого — сложно восстановить причинно-следственные связи.

— Помню зеркальный блеск воды, запах озера, тяжёлые вёсла… Они ускользали из рук, я едва мог их удержать… А потом раз — и уже стою на берегу, и ко мне бежит папа.

— Ты утонул, — очень тихо говорит Деви.

— Да, и через три дня после этого события меня вынес Ходок. Даже не представляю, что пережили родители… Но было кое-что ещё.

Готовлюсь как перед нырком. Не так-то просто рассказать о том, что сидит занозой в сердце столько лет.

— В лодке со мной была девочка!

— Ясно, — Деви отодвигает стаканчик. — Её оставили тонуть.

Отпиваю латте.

— Все в один голос твердили, что её не было. Ходок, отец, свидетели — никто не видел. Врать Ходоку не имело смысла, никто не осудил бы его, даже будь там ещё ребёнок. Слишком сложная для тех лет операция. Да ещё и на воде.

— Может, это была галлюцинация?

— Нет, не верю. Слишком хорошо помню её: красное платьице, сандалики, разбитые коленки, цветная резинка на чёрных волосах… Лицо вот только забыл.

Помощница молчит, а я уже жалею, что поддался порыву всё рассказать. Пытаюсь понять по лицу Деви — поверила или нет, но раскосые глаза непроницаемы, как глубины времени.

Пора возвращаться в офис.

— Спасибо, что выслушала, — улыбаюсь.

— Знаешь, — впервые за наше знакомство вижу, что она тщательно подбирает слова. — Думаю, что иногда надо оставить прошлое в прошлом. Иначе можно лишиться будущего.

— Будущего нет, — напоминаю я, и мы прощаемся.

Всю ночь мне снятся жаркое лето, девочка без лица и Деви. А на следующее утро раздаётся звонок.

В трубке голос начальника:

— Виктор, ты временно отстранен от работы.

— Что?! Почему?! — вскакиваю с кровати.

— По ходатайству твоего помощника.

— Деви? Но…

— Тебе нужно отдохнуть и восстановиться…

Жму отбой и швыряю телефон на кровать. Отлично! Стоп, я не мальчик, чтобы так реагировать. Опять беру телефон и нахожу номер Деви.

— Да, Вик, — голос звучит настороженно.

— Как это понимать? — стараюсь говорить спокойно. — Что ты наваяла в своём отчёте? Что я псих, ныряющий за галлюцинациями?!

— А что ещё я должна была написать?

Это как удар под дых. Да она издевается!

— Ничего! Это детское воспоминание! Я не зациклен на нём!

— В самом деле? — её голос звучит странно. — Вик, я видела, как сходят с ума и умирают люди, слишком глубоко погрузившиеся в прошлое… Знаю, что обидела. Но попробуй меня понять!

Вдруг осознаю, что сжимаю телефон слишком сильно.

— Деви, ты хочешь отправить меня в отставку?

— Тебе всё равно недолго осталось до пенсии, сам говорил.

Сажусь на кровать. Спокойно. Вдох. Выдох.

Как со стороны слышу свой спокойный вопрос:

— Почему?

Она молчит целую минуту.

— Мне жаль, Виктор.

Не сразу понимаю, что она положила трубку.

Следующие два дня я пью. Имею право, раз меня отстранили. А по ночам мерещится девчонка в красном платьице, которую я зову почему-то Деви. Хотя они совсем не похожи. Просто обе предали меня. Одна, как уверял какой-то психолог, была воображаемым другом, а вторая… Кем для меня за всего лишь день знакомства стала Деви?

Как я буду жить без нырков? Только потеряв доступ к ним, начинаю понимать, что действительно подсел на прошлое. Помощница права — без прошлого у меня нет будущего. Надо ей рассказать, что всё-таки умер по её вине.

Ищу телефон, но он разряжен. Значит, скажу лично!

Собираюсь и иду на работу. Мир кажется живым, шумным, спешащим. А у меня внутри как в пустой клетке мёртвого сектора времени — ничего, даже воздуха нет.

Неприметное здание нашей конторы. Охранник привычно здоровается и ждёт, что покажу пропуск. Достаю из кармана телефон. Бесполезное действие — пропуск аннулировали сразу после отстранения, и теперь вместо штрихкода будет красный

значок «стоп».

— Чёрт, зарядить забыл, — растерянно сую телефон под нос охраннику.

Какое-то время он мнётся, потом машет рукой:

— Ладно, иди так. Но в следующий раз давай с пропуском.

Вот они плюсы долгой работы на одном месте.

Пустой коридор, налево и до конца. Автоматический кивок знакомому из лаборатории. Вдох. Вот и процедурная. Выдох. Теперь выбора нет, остаётся только признаться самому себе, что именно сюда и шёл.

Открываю дверь. Только здесь можно найти шприцы со смесью для погружения до того, как их спишут на склад или отдадут на задание. Малюсенькое окошко в бюрократической цепочке. Разрешения у меня, разумеется, нет. Это преступление, но я всё изменю. Спокойно подхожу к кабине стерилизатора.

— Виктор!

Оборачиваюсь. Деви стоит за моей спиной.

— Мне нужно прошлое, Деви! И плевать на твоё мнение!

— Ты всё-таки наркоман! — в её тоне презрение.

Дальше всё происходит одновременно: я хватаю аптечку со шприцами, Деви жмёт на кнопку вызова охраны. Это не оставляет мне выбора. Выхватываю шприцы из коробки. Деви, вскрикнув, кидается ко мне и хватает за руку. Отшвыриваю помощницу к стене и втыкаю иголку в сгиб локтя.

— Куда ты собрался, Виктор?! Прошло слишком мало времени! Тебе нельзя нырять!

Молча жму на поршень.

Деви опять бросается в мою сторону, но поздно. Ей удаётся только вышибить второй шприц с адреналиновым коктейлем из моих рук. Настоящее гаснет, и я погружаюсь в тишину.

Вот и всё. Опускаюсь на пол, пытаюсь выровнять дыхание. В груди слишком быстро стучит сердце. Не надо было пить. Понимаю, что облажался. Теперь, если меня и вытащат, отменить разговор с помощницей уже не получится. И с работы уйду не просто обиженным стариком, а преступником. Разве что… Попробовать всё исправить и «всплыть» без адреналина. Первые Ходоки так и делали. Я даже знаю подходящие техники.

Собираюсь с силами, надо выйти из здания. Сделать это в прошлом трудновато, но я пойду «мелководьем» вчерашнего дня. Лишь бы организм не подвёл. Внезапно атмосфера густеет и рядом со мной появляется Деви.

Она же не Ходок! Но в движениях нет и тени неуверенности новичка.

Инстинктивно ныряю глубже. Дыхание сбивается. Спокойно,

авось выдержу. Секунда и рядом опять возникает Деви. Она как живой цветок в мертвечине прошлого. Вижу каждый вдох. Каждую бьющуюся жилку.

— Виктор, ты погибнешь.

— Кто ты?

Она легко шагает вперёд, хотя вокруг нас тяжёлое как камень прошлое. Собираюсь с силами и ныряю.

— Я могу идти за тобой долго.

— Зачем я тебе?

Губы пересыхают, в атмосфере сектора сложно выталкивать из груди мёртвый воздух. А Деви хоть бы хны. Еще нырок. Мешком оседаю на пол. Рядом опускается на колени Деви. Её глаза печальны.

— Я пыталась её спасти.

— Кого? — безразлично моргаю.

— Ту девочку. В красном платье.

Стенки мерцают багровым. Понимаю, что забываю дышать и сосредотачиваюсь. Она обнимает меня за плечи и быстро-быстро шепчет, будто боясь не успеть.

— Пройдёт два года, Вик, и будет изобретен препарат, позволяющий раздвинуть границы и размер секторов. Ходоки получат возможность ходить глубже. Конечно, ты будешь одним из первых в очереди на испытания…

О чём она говорит?

— Но долгие погружения сведут тебя с ума. Ты попытаешься нырнуть за девочкой из лодки и не дойдёшь. Идея превратится в одержимость, и тебя отстранят. Тогда ты соберёшь группу беспризорников, продашь дом и организуешь лагерь в лесу, где будешь учить нас нырять.

— Это невозможно!

— На чёрном рынке достанешь реплики официального препарата. Начнёшь отправлять нас в прошлое. Одного за другим. Пока не останусь только я.

Она действительно верит в то, что говорит!

— Ты сам учил меня. Называл последней надеждой. Лучшей. И даже не вспомнил, что на моих руках умер брат — твоя предыдущая «последняя надежда». Но я всё ещё верила тебе.

— Деви, будущего не существует.

— Существует. Но вы этого пока не знаете.

— Если это так, здесь было бы статичное прошлое!

— Ты Ходок, Вик! Мы всегда в настоящем. В своём настоящем.

Она на секунду замолкла.

— Я искала её. Но даже с новыми препаратами это слишком

далёко. Я остановилась на пороге дня, когда твоя лодка пошла ко дну. Я была в толпе свидетелей. Это я спросила тебя — была ли рядом с тобой девочка. И, возможно, этим спровоцировала навязчивую идею.

Внезапно вспоминаю взрослую женщину с чуть раскосыми глазами. Вот откуда мне знакомы её черты!

— Так она была?

Деви смотрит мне прямо в глаза.

— Нет, Вик. Тебе не врали. Я шагнула дальше, чем могла выдержать нервная система, и поняла, что умру на выходе. И тогда решила попробовать всё изменить.

Она прижимается ко мне теснее. Шепот становится тише:

— Я не хотела этого, Вик. Пыталась найти другой способ. Но ты не оставил мне выбора.

— Деви…

Грудь сдавливает неумолимо наваливающееся время. Я больше не вижу, только чувствую руки на плечах. Мы погружаемся в трясину. Отчаянно пытаюсь «проснуться», «всплыть», шарю по телу Деви. Она должна была взять адреналин! Но моё личное время кончается, и я вдруг оказываюсь в пустой клетке дня моей смерти.

Всё возвращается. Вокруг бесконечная гладь озера. Пахнет летом. Под ногами покачивается лодка. А напротив — девочка в красном платье. Наконец-то вижу её лицо. Это лицо Деви. Протягиваю руку… и перестаю дышать.

Синтетические сучки
Александр Лещенко

Рик поймал очередную синтетическую сучку. Ударил несколько раз ножом: в живот, в грудь, в горло. Чутьё снова не подвело. Брызнула белая кровь, а из раны на животе вывалилась какая-то склизкая гадость, которая совершенно не походила на человеческие внутренности.

— Сдохни, тварь! — Рик вонзил нож в глаз андроида.

Как же он ненавидел эти пародии на человека! Бездушные монстры, мёртвые внутри. Первые модели ещё не так сильно напоминали людей, но теперь сволочи из «Юнивёрсал Автомейшн» набрались опыта. Теперь их синта внешне было невозможно отличить от человека. Почти как настоящие кожа, глаза и волосы.

Но хуже всего последнее достижение ублюдков, возомнивших себя богами. Психологический профиль. Теперь каждый андроид стал по-своему уникальной личностью. Если бы не чутьё Рика, он не увидел бы разницы между человеком и искусственным отродьем. Правда, имелось ограничение: Рик мог определять синтов только женского пола. Синтетических сучек, как он их называл. Чутьё появилось у него после того, как его чуть не прикончила одна из этих тварей.

И тут было, что вспомнить.

Рик ведь не всегда ненавидел андроидов. Наоборот, он даже как-то заказал себе искусственную женщину — модель «Идеальная любовница». Тело и лицо у неё оказались великолепны. Рик использовал синтетку во всех возможных позах. Но потом что-то пошло не так, у неё произошёл какой-то сбой, и она попыталась задушить своего хозяина. Сбросив с себя обезумевшую искусственную женщину, Рик проломил ей голову гантелей. Он продолжал бить, пока от черепа не осталось ничего, кроме кусков пластика, покрытых белой слизью.

С тех пор Рик выслеживал и убивал искусственных женщин. Он видел андроида, и в голове что-то щёлкало. Звук не прекращался, а становился только сильнее и затихал только тогда, когда Рик приканчивал пародию на человека.

Щёлчок раздался и теперь, когда он заметил эту миниатюрную блондинку. Отследил её до самого дома. А когда она открыла дверь, толкнул в спину, повалил на пол. Теперь дело было за малым. Из кармана появился нож.

Раздался выстрел. Рик с удивлением уставился на дымящийся

ствол в руках синта. Взгляд опустился ниже, на рану.

«Нет! Не может быть!» — пронеслось в голове Рика.

Из раны текла белая кровь и свешивалась какая-то непонятная мерзость.

Второй выстрел убил его.

* * *

Тело искусственного мужчины доставили в «Юнивёрсал Автомейшн», где за него принялись инженеры.

— Да, охотники хорошо над ним поработали.

— Главное, что голова в порядке. Подключаемся?

— Ага. Так… Похоже, психологический профиль взломали.

— Конкуренты?

— Нет. Слишком грубо. Думаю, что это сделала клиентка.

— Зачем?

— Ну, он же у нас модель «Идеальный любовник». Может, она устала от траха и захотела больше трёпа. Вон, видишь, даже имя ему дала. Рик. Похоже, что искусственный идиот действительно стал считать себя человеком. Только наша взломщица кривой софт использовала, из-за чего у бедняги начались конкретные глюки, и он принялся убивать женщин.

— Значит, так и запишем. Причина выхода из строя — «Взлом и сбой психологического профиля».

Форма для смерти
Олеся Берестоk, Алексей Федосеев

«Симпатичная стройная девушка в белом халате (кажется, все они на одно лицо, в любом салоне, будто клоны) надевает на тебя очки, которые совсем не пропускают свет, — очки для клиента.

Вспышка. Щелчок. Вспышка. Лёгкое пощипывание.

А ты рассматриваешь фосфены, предвкушая путешествие.

Когда очередной сеанс фотоэпиляции окончен, ты спешишь вернуться. Долго поднимаешься на лифте, наблюдая за счётчиком этажей. А уже дома, невольно пританцовывая, натягиваешь купальник, маску и погружаешься…

На какую-то долю секунды сознание отключается. Ты словно засыпаешь и пробуждаешься одновременно. Рубильник вниз — мгновение темноты, рубильник вверх — и интерьер уже сменился. Вместо крохотной комнатушки, где основной деталью в помещении является резервуар, — внушительная зала, наполненная припасённым барахлом.

На тебе стандартная форма. Но её легко можно апгрейдить до полной неузнаваемости. Среди японцев особой популярностью пользуются костюмы аниме. Но в мировых трендах безоговорочно лидируют фэнт-аватары».

Я надеваю новенькую форму с бейджиком «Аригато». Весёлый и приветливый парень с большими голубыми глазами.

«При первом погружении в Седьмой лок ты попадаешь к истокам Прибежища (как прозвали мир сами пользователи) — в Музей Японии.

Здесь тебе расскажут и покажут, как Японские острова ушли под воду в результате сдвига тектонических плит, извержений вулканов и гигантских цунами».

Кадры документальной хроники. — Обращение императора. Очереди чемоданов и людей к наземному, воздушному и морскому транспорту. — Добровольная эвакуация. — Карты местности. Содрогания, трещины, расколы, павшие небоскрёбы. Тонкие струйки лавы, превращающиеся в огненные реки. — Насильственная эвакуация. — Приспущенные флаги, разбитые витрины. — Волна самоубийств.

«Волна цунами… накрывает Японию, и та захлёбывается, тонет, прячется в водах.

А спасённые ныряют в бассейны Прибежища. Правительство Японии заранее арендовало внушительные территории, подготовив их для своих граждан. Все силы были брошены на

создание новой реальности, в которой японцы смогли бы работать и встречаться, находясь за тысячи километров друг от друга.

Люди этой нации не из тех, кто плывёт по течению. Когда десять миллионов погибших были оплаканы, а стихия прекратила разрушительные набеги, оставив от страны восходящего солнца маленькие клочки суши в восемь тысяч квадратных километров, японцы захотели вернуться на свои земли. Начали создавать новую Японию из мусорных островов, возводить здания с комнатками-ячейками, оборудованными точками входа в Седьмой лок.

Но Прибежище быстро распространилось по всему миру, словно раковая опухоль, поглощая одну страну за другой. Конечно, даже в крупнейших городах нашей Родины установка для перехода есть далеко не в каждом доме. Но это лишь вопрос времени…

Уже сегодня я приоткрою двери в обе Японии. И ты сможешь ощутить себя коренным жителем, посмотреть на изнанку уникальной страны и прочувствовать все тонкости этого мира».

Я отправляю репортаж в редакцию и решаю прогуляться по улицам Седьмого лока, чтобы собрать материал.

«Детальная проработка интерьеров и экстерьеров поражает. Центральная площадь, неподалёку от которой располагается моя гостиница, ничем не отличается от реальной. Здесь даже есть роботы, убирающие улицы. Улицы Прибежища! Всё работает на то, чтобы посетитель забыл, где он.

Самое большое отличие двух миров — транспортная система. В Седьмом локе наконец-то человечество (в лице японцев) осуществило свою самую смелую фантазию и создало телепорт.

Ты просто заходишь в лифт, открываешь карту, отыскиваешь на ней точку, в которую нужно переместиться, и жмёшь. Через пару секунд ты уже в нужном месте.

Я решил начать путешествие с печально известных скал Тоджинбо. Ближайший порт-лифт находится в кафе, так что придётся немного прогуляться.

Спустя несколько минут тропинка сама выведет путешественника к нужному месту. Против твоей воли взгляд приковывает красный телефон-автомат, на фоне чёрных камней и серого моря он смотрится столь же неуместно, как гнойный прыщ на гладкой бархатной коже прекрасной девушки. В реале аппарат установили для связи с центром психологической помощи, ведь скалы Тоджинбо всегда были излюбленным местом самоубийц. Интересно, звонит ли кто-нибудь отсюда?».

* * *

Пройдя пару сотен метров, я приостановил запись. Разбавляя однообразие пейзажа, на краю скалы за ограждением стояла девушка в белом кимоно. Её длинные волосы цвета заката — светлые у корней и розовые на кончиках — игриво развевал ветер.

— Стой! — выкрикнул я и побежал к ней, на какое-то время забыв, где нахожусь.

Девушку явно смутило моё поведение.

— Я просто любуюсь морем.

Она назвалась Инори. И чтобы как-то исправить неловкое положение, я пригласил её на ужин. Банально? Возможно.

— Закажи что-нибудь на свой вкус, — предложил я.

— А ты угощаешь?

— Конечно. Что за вопрос?

— У нас так не принято, но я знаю, что русские мужчины платят за девушек.

— А ты девушка?

Она улыбнулась.

— Хочешь увидеть мою метку?

— Почему бы и нет? И, вообще, откуда у тебя такие познания о России?

— Я работаю дизайнером формы для русских обитателей Прибежища.

— О, а это уже интересно.

Мы болтали ни о чём, как это бывает в обычной жизни, ты просто пошёл с девушкой в кафе, где она залихватски уплетала рисовые шарики.

— Почему ты ничего не ешь? — спросила Инори.

— Не могу отделаться от мысли, что всё это не по-настоящему, что сейчас по трубкам мне в рот будет просто течь питательная смесь из тюбиков. А этот вкус лишь иллюзия.

— Если не поешь в течение двенадцати часов, то тебя выбросит наружу.

— Кто в здравом уме будет сидеть по двенадцать часов в Локе? — хотел сказать я и осёкся.

Для неё и таких, как она, это и есть самая настоящая жизнь.

— Просто я испытываю кайф от реальной еды.

— Но это намного дороже… — недоумевала Инори.

— За настоящее удовольствие всегда приходится платить. А от чего торчишь ты?

— Мне нравится боль, — прошептала она.

— Садо-мазо?

Инори отрицательно покачала головой.

— Нет, другая боль.

— Расскажешь подробнее?

— Ты не поймёшь.

— Почему? Я смышлёный.

Инори на несколько секунд о чём-то задумалась.

— Хорошо… Я возьму тебя с собой в одно место.

— О, польщён…

Инори, слава богу, не заметила моего сарказма.

— Но всё, что ты там увидишь, связано с нашими многовековыми традициями. Тебе это может показаться странным… Но если откинешь свои европейские предрассудки, сможешь представить всё совершенно в ином свете… Я надеюсь…

* * *

Уже совсем поздним вечером мы спустились в подвальное помещение одного жалкого бара, затерянного в каком-то полутёмном тупике. Источников света видно не было, и, казалось, светились сами стены, задрапированные алой тканью. От этого всё вокруг выглядело зловещим, инфернальным… и претенциозным, как в плохом артхаусном ужастике. Вдоль стен стояли несколько диванов, обитых тем же красным бархатом, а по центру беспорядочно громоздились различные стулья, на которых расположились всевозможные существа — животные и люди — вымышленные и реальные.

Центром собравшейся пёстрой компании был сидевший на одном из диванов парень, судя по внешности, персонаж аниме. Остальные внимательно его слушали.

— Это что ещё за секта? — В последний момент я сделал над собой усилие, чтобы не произнести эту фразу вслух.

Обижать Инори не хотелось. До рассвета ещё далеко, и я рассчитывал на продолжение банкета.

— В первый раз я сделал это два с половиной года назад… — услышали мы рассказ парня, когда подошли поближе.

— О чём это он? — шёпотом спросил я.

— Лайт рассказывает о своём опыте. История искушённого в таком деле человека должна расслабить, успокоить новичков.

— …Хикуми работала в лавке парящих цветов. Поэтому, когда мы решили совершить двойное самоубийство, над выбором способа размышляли не долго. Как только хозяин лавки отлучился из Лока, мы нарвали в саду огромные букеты. Гортензии, ландыши, камелии, десятки благоухающих бутонов —

мы украсили ими крошечный павильон. Плотно закрыли ставни и дверь… Разложили охапки цветов повсюду, не оставив свободного пространства. И молча легли на ложе из цветов.

Сладковатый дурманящий аромат словно олицетворял собой запах нашей любви. Нам казалось, что цветы дышат вместе с нами. Волны ароматов, словно легчайший шёлковый шарф, окутывали наши шеи, шептали что-то в уши. А потом белые, голубые, фиолетовые, пурпурные лепестки поднялись в воздух и стали кружить вокруг нас, словно мотыльки в невыносимо прекрасном танце вокруг источника света… Это было настоящее цветопредставление.

Окутанные густым, вязким ароматом, словно личинки шелкопряда, мы чувствовали, что пульсирующий внутри нас свет вот-вот должен разорвать оболочки коконов, а вместе с ними и пространство вокруг — и мы уже знали, что увидим там, за разрывом — мы уже слышали пение, прекрасное, чудесное пение волшебных существ…

— Что за бред он несёт? — хотел спросить я, но снова удержался.

— А почему они совершили самоубийство в Прибежище, а не в реальности? — вместо этого сказал я, стараясь скрыть насмешку.

— Ты что? Они бы не смогли так красиво умереть в реальности.

— Почему?

— Ты ещё спрашиваешь? — мне показалось, что Инори фыркнула.

Интересно, фыркают ли японские девушки?

Я не понял, что она имеет в виду, но докапываться дальше не стал, чтобы не выглядеть идиотом.

— Вы представить себе не можете, как это было прекрасно! О нашей смерти писали в новостной ленте, мы стали популярными, и правительство, в качестве исключения, предоставило нам новую форму. Жизнь у нас изменилась, мы уже могли себе позволить работать меньше, и больше времени посвящать друг другу… Но наши мысли постоянно возвращались к тому состоянию, в котором мы прощались с жизнью. Мысль о том, чтобы повторить тот опыт, не давала нам спокойно наслаждаться своим счастьем… И когда, однажды, кто-то из знакомых рассказал нам о чёрных риелторах, мы решили рискнуть…

— А кто ещё такие чёрные риелторы?

— Так называют торговцев, у которых можно купить форму в обход правительства, — ответила Инори.

— Остроумно, — одобрил я. — Как же ещё называть

торговцев пристанищами человеческого сознания?

— Нам было интересно, чем вызвано то изумительное состояние. Только ли ароматом цветов? И мы решили попробовать другой способ…

— Дай угадаю, и во второй раз они тоже поймали кайф, верно?

— Да, состояние не зависит от способа. Оно меняется от способов, но всегда остаётся прекрасным… — Инори осеклась, увидев гримасу на моём лице. — Я сказала что-то не то?

Я понял, кого мне напоминает этот тип. Не кого-то в реальности. Он был похож на героя романа Оскара Уайльда. Именно так я когда-то представлял себе Дориана Грея.

— Ты здесь ни при чём. Мне надоело слушать этого напыщенного павлина. Мы можем отсюда уйти?

— В том, что говорит Лайт, нет ничего крамольного. Вы, европейцы, просто не понимаете, что умереть — это не страшно. Вы боитесь смерти, потому что слишком эгоистичны и зациклены на собственном Я. Считаете, что индивидуальность проявляется в том, чтобы быть непохожим на других… вы так смешно трясётесь над своей оригинальностью… Но подлинное проявление личности не в этом, оно — в свободе выбора, и прежде всего — в свободе выбора между жизнью и смертью, в свободе выбора способа умереть…

— Ого, сколько комплиментов сразу. Мы тебе и трусы, и постоянно трясёмся, и чахнем над собственным Я, словно кощей над златом…

— Я не хотела тебя обидеть…

— Я знаю… Так мы уходим?

— Ну, если ты хочешь…

Приобретя набор для пикника, мы решили вернуться на скалы — место нашего знакомства. Инори сказала, что это очень символично.

Оказалось, что лифтом можно пользоваться и вдвоём. И эта вынужденная близость подтолкнула нас к поцелую. Ощущения были действительно реалистичными.

— Ты обещала показать свою метку, — напомнил я, когда мы расположились на лужайке, скрытой зарослями можжевельника.

Инори повернулась ко мне спиной и скинула кимоно, под которым не было нижнего белья. На пояснице красовался иероглиф, обозначающий, что обладатель этого нереального тела — женщина.

К своему удивлению, я почувствовал возбуждение. Я расстегнул молнию на джинсах и, приспустив их до колен, без всяких прелюдий взял Инори сзади. Она вскрикнула и задышала

громко и часто в такт моим движениям. Мы словно две капли, слившиеся воедино, бегущие в одном потоке, стекающие с одинаковой скоростью. То медленнее, то быстрее. Быстрее, быстрее… Очередная волна наслаждения захлёстывает и взрывает нас, расщепляя на атомы.

Спонтанный секс с малознакомой особой без посторонних мыслей о предохранении обернулся умопомрачительным блаженством… Кажется, я начинаю понимать этих японцев и их увлечённость Седьмым локом.

— Мы забыли включить приватность, — сказала Инори, вырвав меня из кокона сладостных мыслей.

Она перевернулась на спину, и я увидел татуировки на её груди — вокруг сосков красовались лепестки орхидеи, лиловые цветы спускались по животу, ниже, где распускался самый манящий бутон.

— Красиво… — произнёс я.

— Спасибо. Я сама расписывала это тело.

Тело… Она относится к форме, будто это и есть она сама. Наверное, в этом нет ничего удивительного, учитывая стоимость апгрейдов.

— А почему именно орхидеи?

— Это любимые цветы Девочки-Оленя…

— Девочки-кого? — переспросил я.

— Девочки-Оленя — покровительницы самоубийц. — Я услышал нотки раздражения в голосе Инори, будто я шестиклассник, непонимающий, что дважды два — четыре. — Ты словно с другой планеты.

Я и сам порой чувствовал себя пришельцем.

— Так что за Олень? Это какой-то мем?

— Нет! — Инори уже откровенно негодовала, будто я осквернил святыню. Она вскочила и спешно начала натягивать кимоно. — Ты что, не слышал легенды о Девочке-Олене?

— Не забывай, что я иностранец. — Инори снисходительно закатила глаза. — Так что за легенда?

— Легенды. Их много.

Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Перед тем как расстаться, мы договорились о встрече через пару дней в их импровизированном клубе самоубийц, где я смогу и лицезреть легендарную Девочку-Оленя, и узнать, в чём же прелесть суицида в Прибежище, и даже, возможно, стать свидетелем ритуала.

* * *

Впрочем, томиться в ожидании — это точно не мой конёк. Я и так потратил слишком много времени в Локе. К тому же мне поступил новый заказ на статью.

Как известно, у японского правительства есть грандиозный план по постройке искусственных островов. Делают их из мусора, который свозят со всех концов мира.

Задумка мне кажется замечательной. Использовать мусор в качестве строительного материала начали задолго до катастрофы. Но теперь актуальность вопроса возросла в миллионы раз. В процесс включились почти все развитые страны, ведь здесь можно сразу убить двух зайцев: и проявить солидарность, и решить острую для многих стран проблему утилизации мусора.

Для поездки на такой остров необходимо оформить разрешение. И вот я в визовом центре. Девушка за стойкой выслушала мою просьбу.

— Простите великодушно, — вежливо улыбнулась мне она, — но в настоящее время мы не выдаём разрешения. Это делается в целях вашей же безопасности.

— Вы не совсем меня поняли, — я тоже пытался быть вежливым. — Я — журналист. Риск — это часть моей профессии. Я приехал в Японию, чтобы сделать серию репортажей, у меня есть виза, мне предоставили форму, и теперь я хотел бы взглянуть, как живут и трудятся японцы в реальности.

— Простите великодушно, — как заведённая начала девушка по второму кругу.

Хм, а может, это и не девушка вовсе? Андроид?

— Будьте добры, позовите начальника департамента…

Но разговор с начальником сложился примерно в том же духе. В получении разрешения было отказано. Единственное, чего мне удалось добиться — это подать прошение на имя министра иностранных дел Японии.

* * *

Когда в условленное время я прибыл на место, Инори смог найти не сразу — столько разнообразного народа набилось в помещение. Лишь минут через пять сумел её разыскать, она о чём-то взволнованно разговаривала с Лайтом и существом с человеческим телом и головой кита.

— У вас что-то тут случилось? — спросил я.

— Очень даже случилось. Убийство…

Вот это я удачно зашёл. Все источники, которые мне довелось

прочесть накануне, утверждали, что смерть в Седьмом локе невозможна. Видимо, секты самоубийц это не касалось.

— Погиб Тоторо, — продолжала Инори.

— И что? — Инори гневно сверкнула на меня глазами. А здорово получается, когда ты в форме, сверкать глазами — надо попробовать. — Я не хотел никого обидеть, — примирительным тоном сказал я. — Но к чему эти волнения? Что такого случилось-то? Разве вы все не покончите с жизнью в конце концов?

— Ты не понимаешь. — Сколько уже раз я слышал эту фразу от Инори. — Тоторо не покончил с собой, его убили. Он должен был уйти красиво, а не так, наспех, там, где его застал убийца…

— А, ну, да — ушёл, но не красиво, — сочувствующе кивнул я, искренне надеясь, что в моём голосе не будет ноток иронии.

— Да, красота в смерти — это главное… Но если тебе этого мало, есть ещё одно. Он не успел заказать себе новую форму, — уже тише добавила она. — После расследования полиции, скорее всего, правительство предоставит ему новую, но когда это случится — никто сказать не может. И всё это время он будет вынужден жить в реальности.

— Ты так говоришь, как будто жизнь в реальности — это какое-то наказание.

— А что же это?.. — вставила свои пять копеек рыбья головешка.

— И третье… — продолжала Инори. — Раз Тоторо умер, значит, он принимал перед этим…

— Эй! — взгляд Лайта будто кричал «заткнись».

— Ему можно доверять, — сказала Инори. — Тоторо принял зелье. А о нём знает только ограниченный круг — члены клуба и продавцы. Убийца может быть кто-то из наших.

— Ну…

В помещении началось какое-то движение.

— Пойдём, попрощаемся с Тоторо.

Когда, в плотном потоке существ, мы приблизились к помосту, на котором лежала розовая туша Тоторо, я не мог отделаться от ощущения, что участвую в фарсе.

Прощаться с пустой оболочкой? Владелец формы сейчас жив-здоров, чего цирк-то устраивать?

Лайт, Инори и китовая морда остались за помостом, я присоединился к ним.

Волна оживления зародилась где-то у входа и докатилась до нас.

Народ расступался, и по открывшемуся проходу к нам шла миловидная, довольно высокая девушка, из головы которой росли рога. Все существа, когда она шла мимо них, почтительно

кланялись, Инори с друзьями тоже.

Девушка подошла вплотную к помосту и долго, в полной тишине, смотрела на нелепое розовое тело. В её больших блестящих глазах действительно было что-то оленье.

Наконец, она подняла склонённую голову и сказала:

— Это ужасно, умереть там, где тебя застал убийца, не иметь возможности выбрать место. Тоторо рассказывал мне, что хотел умереть в лесу. Я тоже мечтала об этом ещё до Прибежища…

Возле входа снова послышался какой-то шум — на этот раз возмущённый.

Сквозь толпу пробирались несколько мужчин в полицейской форме.

Лайт быстро спустился и закрыл собой девушку.

— Я хозяин клуба. Чем обязан?

— Мы должны арестовать эту посетительницу, — кивнул один из полицейских на Девочку-Оленя. — Она обвиняется в убийстве.

— В чём? — растерялся Лайт.

— Наблюдение зафиксировало, как эта девушка что-то впрыскивает этому существу, — полицейский кивнул на тело Тоторо. — А потом вонзает спицу ему в артерию.

— Во сколько это произошло?

— В половине первого ночи.

— Такого не может быть. Она находилась в это время со мной.

Мне показалось или глаза Инори вспыхнули, когда Лайт сказал это?

— Хорошо, вы дадите свои показания в участке. Но девушку задержать я обязан.

— Я пойду с ней, — решительно заявил Лайт.

— Прошу вас, — полицейский сделал знак следовать за ним.

Перед тем, как уйти, Девочка-Олень подошла к Инори и прошептала ей несколько слов.

Потом, под громкий гомон собравшихся, её и Лайта увели.

— Ты журналист, ты умеешь проводить расследования, ты должен ей помочь, — кинулась Инори ко мне.

— В чём помочь? Что она тебе сказала?

— Что она никого не убивала.

— Прекрасно, Лайт подтвердит её алиби, и их отпустят.

Инори замялась.

— Я думаю…

— Что ты думаешь?

— Что Лайт врёт насчёт прошлой ночи, — Инори смотрела куда-то в сторону.

— Вот как? Он хочет дать липовые показания?

— Надеюсь… А значит, мы сами должны во всём разобраться.

— Ну, хорошо, не волнуйся так… Я попробую, но не могу ничего обещать. Пойдём, ты должна мне всё рассказать про Девочку-Оленя.

Когда мы сели за столик, Инори начала говорить.

— Много всяких легенд ходит о Девочке-Олене. Кто-то говорит, что она такая и в реальности, почти ещё ребенок, и родилась с мутациями уже после катастрофы. Кто-то говорит, что она лишь форма, за которой может скрываться кто угодно…

Есть легенда, которая мне нравится особенно… Это было несколько веков назад. В королевстве, где правила очень злая принцесса. И когда к ней в гости приехал бродячий цирк, в котором выступала и Девочка-Олень, эта принцесса решила её больше не отпускать. Но один из подданных, старший егерь, помог ей бежать, а чтобы погоня их не настигла, он подстроил всё так, что принцесса поверила, будто Девочка-Олень убита при попытке к бегству. Но сам старший егерь убежать не успел.

Недобрые языки быстро донесли весть о том, что Девочку-Оленя видели в живых, и принцесса приказала жестоко убить егеря… А когда Девочка-Олень узнала о его ужасной гибели, она покончила с собой… То ли муки совести — ведь из-за неё погиб хороший человек… То ли они успели полюбить друг друга — Девочка-Олень и этот егерь — и эта версия мне нравится больше…

— Видимо, кому-то очень умному пришла в голову мысль воссоздать форму Девочки-Оленя. Иметь такое количество поклонников удаётся не всем.

Я увидел недовольную гримаску на лице Инори и поспешил сменить тему.

— А что ты скажешь о Лайте?

— Это очень тонко чувствующий юноша, очень благородный…

— Ты же совсем недавно фактически обвинила его в лжесвидетельстве.

— Он поступил так, как и должен был поступить благородный мужчина. Будучи уверен в её невиновности, он готов пойти на преступление, только бы защитить своего кумира.

Я внимательно смотрел на Инори, когда она говорила о Лайте. Блеск её глаз и пафос в словах подтвердили мои догадки о том, что она не равнодушна к молодому человеку. А значит, её словам о нём доверять нельзя.

— А где его жена, ну, или девушка, про которую он так красиво рассказывал, когда я впервые пришёл к вам?

— Не знаю, — растерялась Инори. — Я больше ничего о ней не слышала…

* * *

Наведя кое-какие справки, и выяснив, что у бывшей девушки Лайта сейчас нет формы, я даже обрадовался.

Что ж, господа-японцы, у вас какие-то секреты на ваших островах? Ничего, обойдёмся и без всяких разрешений. Ждать ответа от министра иностранных дел мне тоже недосуг.

Нанять контрабандную лодку большого труда не составит.

Японцы, конечно, более щепетильная нация в этом вопросе, но если денег не жалеть — нет практически ничего невозможного.

До города-острова, где жила девушка Лайта, я добрался в одном из рефрижераторов, доставлявших туда замороженные морепродукты. Нет, я, конечно, не всё время провёл в морозильнике, спрятался только, когда нас остановил катер с надписью на борту: «Спасатели». Перед тем, как зайти в камеру, я успел разглядеть на катере бойницы, из которых, вероятно, в случае необходимости, показывались «спасательные» крупнокалиберные пулемёты, или ещё что покруче.

Но в самом городе охраны я не заметил. Остров имел протяжённость километра три-четыре в любую сторону. Утыканный огромными строениями, похожими на коробки — сходство усиливалось ещё от того, что в зданиях практически не было окон.

Так, судя по всему, мне нужна вон та, третья по счёту коробка.

Когда я вошёл, в нос ударил удушливый запах, какой бывает в палатах, где лежат тяжелобольные — запах нездоровых, давно немытых тел.

Длинный коридор уходил вдаль на несколько десятков метров, двери, отворяющиеся в него, были либо распахнуты настежь, либо прикрыты.

Я подошёл к одной из них, заглянул. Разило здесь ещё сильнее, чем в коридоре.

Огромная комната была плотно уставлена резервуарами, в которых торчали японцы. Во второй и третьей комнате — то же самое.

Так, видимо, на первом этаже у них выход в Прибежище. Если можно так выразиться, рабочая зона.

Я поднялся на второй этаж… На третий… Везде одно и то же…

А где же они живут?

Вдруг, где-то в глубине коридора мелькнула тень, я бросился туда.

По коридору шёл очень худой мужчина, судя по всему — в давно нестиранной одежде, воняло от него нечеловечески.

— Здравствуйте! Не подскажете, как мне найти Харуко Като?

Мужчина махнул рукой вперёд — в ту сторону, в которую шёл.

Я последовал за ним.

Мы дошли до конца коридора, японец нырнул в последнюю дверь — здесь стояли железные койки, так же плотно, как резервуары в других комнатах — на них сидели или лежали такие же худые мужчины и женщины, как и мой провожатый.

Приведший меня японец снова махнул рукой куда-то вперёд.

Я двинулся в том направлении, присматриваясь к лицам женщин — фотографии Харуко я видел, когда наводил справки.

Я уже прошёл ещё метра два, когда, спохватившись, вернулся назад.

Да, это она — хотя узнать её было почти невозможно.

Харуко похудела килограммов на десять, все черты лица обострились и вытянулись, волосы поредели. Одета она прилично, но, как и у всех здесь находившихся, судя по душку, в давно нестиранную одежду.

— Простите, вы Харуко Като? — спросил я.

Девушка посмотрела на меня с безразличием.

— Я журналист. Можно вам задать несколько вопросов?

Харуко снова не ответила.

— Мне нужно узнать о Лайте, вашем парне из Прибежища.

Она даже не повернулась.

— Его настоящее имя — Тэкеши Наито.

Стоило мне это сказать, в глазах девушки появилась осмысленность.

— О Тэкеши? — переспросила она.

— О Тэкеши.

— Отстаньте от меня! Я не хочу говорить с вами о Тэкеши Наито! Я не хочу даже слышать о нём!

— Прошу прощения, я не думал вас расстроить… Если можно…

— Уходите! Я хочу забыть о нём! Он мерзавец! Он любит только… деньги! — девушка начала задыхаться.

Я вздрогнул от неожиданности, когда меня взял за плечо тот же самый японец, который привёл в эту комнату.

Он снова махал рукой — на этот раз в направлении выхода.

Да, он прав. Видимо, я ничего не добьюсь от Харуко…

Когда спустился на первый этаж, я заметил, как несколько андроидов вошли в одну из комнат.

Я заглянул туда.

Андроиды подходили к лежащим в резервуарах японцам, поднимали им веки, светили фонариком. Кого-то оставляли в покое и переходили к следующим, кому-то делали инъекции.

Заинтригованный, я подошёл поближе к одному из резервуаров, в котором лежала беременная японка.

Какого странного цвета вода — мутного, желтоватого оттенка — и что-то плавает на поверхности…

И тут до меня дошло, почему здесь так жутко смердит. Меня чуть не стошнило…

* * *

— Что там происходит?! На ваших мусорных островах? — набросился я на Инори, как только снова нашёл её в их сектантском подземелье.

— Ты там был?

— Да, я там был! Судя по тому, что я видел, они лежат в резервуарах неделями!

— Некоторые — месяцами, — заметила Инори.

— А другие, которые живут в реальности, они почему в таких условиях?

Она грустно улыбнулась.

— Мы уже настолько отвыкли от реальности… Тем, кто потерял форму, просто некуда идти, они уже не смогут жить в настоящем мире… Им выдают небольшие пайки, и они проводят время там же, на островах, в ожидании, когда правительство предоставит им нового аватара…

— Ты сказала «мы»? Сколько времени ты сама уже не покидаешь Лок?

— Не знаю… Может быть месяц, или чуть больше…

Я ошарашено молчал, не находя, что сказать…

Нависшую тишину прервали звуки шагов. В помещение вошли Девочка-Олень и Лайт.

— Вас отпустили! — обрадовалась Инори.

— Да, но надо подтвердить алиби. Моих слов им недостаточно. Нужна запись, на которой мы вместе, — со злостью сказал Лайт.

На лице Инори возникла некая обеспокоенность.

— Это проблема? — спросил я.

— Это — не твоё дело! — сказал Лайт мне и обратился

к Инори: — Почему он до сих пор здесь?

— Я прошу вас успокоиться, — примирительно сказала Девочка-Олень. — Это всё не важно, кто-то хотел меня подставить. И не понятно, как он это сделал.

— И зачем… — добавила Инори.

— И правда, у кого могли быть мотивы? — спросил я у Девочки-Оленя. И спохватился: — Извините, нас не представили, Аригато.

— Наслышана, — Девочка-Олень покосилась на Инори. — Полагаю, кто я, вы уже знаете. — Она плавно, будто перетекая из одного положения в другое, села на диван. — Так что вы думаете по поводу всего этого?

— Я многого не понимаю. Например, почему, когда вас арестовали, вы просто не вышли из Прибежища и не вошли заново через свою комнату?

— Ты что, самый умный?! — Лайт буквально кипел от ярости. — У полиции достаточно полномочий, чтобы не выпускать арестованного. Человек может выйти в реальность, но его аватар заключен в тюрьме. Если бы мы избегали допроса — это только вызвало ещё больше подозрений.

— А вы видели запись убийства?

— Она давно гуляет в сети, умник! — Лайт сжал кулаки.

— Где я могу её посмотреть?

Девочка-Олень пригласила меня в кабинет Лайта, там стоял компьютер с выходом в сеть.

«Убийство Девочки-Оленя» — вбила она в поисковик.

— Смотрите, — сказала она и отошла.

Лайт, словно надсмотрщик, встал за моей спиной.

Я прокрутил запись раз десять. Она это или нет? Может ли быть несколько Девочек-Оленей? Несколько одинаковых форм? Или не совсем одинаковых…

Я приблизил изображение на записи, а потом подошёл к Девочке-Оленю.

— Что-то нашли?

— Кажется, да. Родинка, — я дотронулся до её плеча, и она вздрогнула, — она справа, а на записи слева.

Девушка поспешила к монитору, прокрутила видео.

— Зеркальная копия… Но откуда…

Договорить она не успела, мы услышали истошный крик Инори, и наперегонки с Лайтом ринулись на помощь.

Она стояла в своём белом кимоно, подол которого окрасился бурым. Лужа крови растекалась по полу. Инори сделала несколько шагов назад, и мы увидели окровавленное человеческое тело и отрубленную рыбью голову.

— Ты видела убийцу? — спросил я.

Зажав рот рукой, она показала куда-то за мою спину. Я обернулся. В дверном проёме стояла Девочка-Олень.

— Это была она, — выдавила из себя Инори и зарыдала.

* * *

Когда Инори узнала, что Девочка-Олень всё время находилась с нами, то немного успокоилась. Но всё равно что-то грызло её.

Как только мы остались наедине, я спросил:

— Ты ведь сначала подумала, что это она убийца, почему?

— Не знаю. Наверное, потому что я в курсе, что у неё нет никакого алиби, — она посмотрела на меня взглядом нашкодившего ребёнка. — Потому что в ту ночь с Лайтом была я… Я люблю его, понимаешь? Извини, что использовала тебя. Просто хотела забыть его. Или чтоб он приревновал. Сама не знаю…

Он был моим первым… Но я для него — лишь очередной… таблеткой. Он всё ещё любит свою Хикуми. — Я внутренне усмехнулся. Но кто я такой, чтобы разбивать чужие иллюзии? — Когда мы с тобой встретились на скалах, на самом деле я выбирала место, чтобы покончить с собой. Чтобы вернуться другой, новой, попробовать начать всё…

Девочка-Олень заглянула в кабинет.

— У вас всё нормально?

Мы одновременно кивнули.

— Приехала полиция, они хотят допросить Инори.

Они ушли. Я только подошёл к бару, чтобы налить себе чего-нибудь расслабляющего, как Девочка-Олень вернулась.

— Полиция захочет допросить и тебя. Что ты будешь им говорить?

— Только то, что сам видел, — сказал я, откупоривая бутылку белого вина. — Ничего лишнего я не взболтну, не беспокойтесь. Но лучше вам не оставаться одной. Или совсем не пугает перспектива стать следующей жертвой?

— «Самоубийство Девочки-Оленя» — хороший заголовок для новостной ленты, — улыбнулась она. — Нет, пока что я не готова умирать. — Она села на диван. — Мне красного.

Но на похоронах Тоторо Девочка-Олень говорила совсем другое. Я должен как-то убедиться, кто передо мной. Но второго такого шанса у меня не будет. Содержимое капсулы полилось в красное вино.

Я поставил бокалы на столик.

— Возьми ещё шоколадку, пожалуйста.

Пока я рылся в баре, у неё было несколько секунд, чтобы подлить мне зелье. Или она просто захотела шоколадку.

— На брудершафт?

Она кивнула и взяла бокал с красным вином. Переплетя руки, мы выпили до дна и слились в поцелуе. Чтобы отвлечь внимание, одной рукой я начал поглаживать её бедро, поднимаясь выше. Освободив другую руку — аккуратно поставив пустой бокал на столик — стал искать родинку.

На левом плече я всё-таки нащупал бугорок, а вот под юбкой обнаружил абсолютно гладкую поверхность.

— Извини, эта часть моего интерфейса не проработана. — Её свободная рука скользнула куда-то за спину, а я схватил её за кисть, в которой она всё ещё держала пустой бокал, и вдавил его ей в шею.

Треск стекла, брызги крови и звук выстрела. Она успела достать пистолет. Пронзительная боль в груди быстро сменилась расслабляющей негой, эйфорией, которая зародилась где-то в животе, и с каждым ударом сердца растекалась по телу — это начало действовать зелье.

Я видел, как в комнату вбежали все — полицейские, Лайт, Инори и Девочка-Олень. И пока мой мозг не отключился от нахлынувшей волны блаженства, я всё прокручивал в голове её слова о том месте, где бы она хотела умереть.

— Я найду тебя, я понял где… — только и успел сказать я, прежде чем потерял контроль над формой…

* * *

В отличие от мусорных островов, добраться до Фудзиямы оказалось проще простого — никто не охранял этот известнейший символ страны.

От самого большого острова Японского архипелага осталась только знаменитая гора. На одном из её склонов и располагался популярный некогда лес самоубийц. Сейчас он почти весь превратился в непролазное болото.

Я попросил высадить меня рядом с полузатопленным деревянным настилом, уходящим в заросли.

Пройдя метров сто по настилу, я увидел натянутый между деревьев канат с табличкой «Проход запрещён». Рядом, на поваленном столбе можно было рассмотреть полусгнившую доску с надписями на двух языках — японском и английском. Что-то вроде: жизнь, которую вы получили от своих родителей —

бесценна… и что-то ещё — разбирать дальше я не стал. Сейчас все эти предупреждения уже излишни, по всему видно, что сюда давно никто не приплывал.

Лес и раньше-то не отличался ухоженностью: торчащие из земли корни, словно изрытая великаном почва, но загадочный ореол придавал ему очарование, сюда съезжались самоубийцы со всего мира. Сейчас же, когда по лесу совершенно невозможно передвигаться без длинного шеста и специального резинового комбинезона для рыбаков, о нём все забыли. Словом, если японцам необходимо что-то спрятать именно в реальности — лучшего места не найти.

Никакие электронные приборы здесь не работали — огромные залежи железной руды на склонах создавали сильнейшее магнитное поле.

Только по мельчайшим приметам — недавно сломленные ветки, искусственные мочажины, оставшиеся после того, как здесь проходили люди — я мог определить направление.

Примерно через час я добрался до относительно сухого места, и через сотню шагов увидел за деревьями две небольшие постройки: одна — длинная и приземистая, вторая — чуть выше по склону, представляла собой довольно симпатичный двухэтажный домик.

Из трубы над первой постройкой шёл дымок, но людей вокруг видно не было. Я осторожно приблизился к двухэтажному домику. Внутри, на первом этаже, тоже никого не обнаружил. Стараясь не шуметь, я поднялся по лестнице.

— Входите, — услышал я почти детский голос.

Изящная вытянутая фигура, тёмные шёлковые волосы и похожие на веточку тонкие рога. И очень бледная, с голубым оттенком, кожа.

Девочка-Олень сидела в большом кресле, недалеко справа находился резервуар.

— Я вас ждала, — слабо улыбнулась она.

— Правда? — удивился я.

— Сама бы я не решилась сказать прямо, где меня искать… Но в глубине души надеялась, что вы справитесь… Расскажите мне, что вы узнали ещё?

— Я видел мусорные острова. Думаю, что средства, которые инвестируют японские корпорации в их создание, кто-то разворовывает… Я знаю о чёрных риелторах, которые наживаются на самоубийцах… Я думаю, что риелторы создали и зелье, чтобы стимулировать суицид… И я не исключаю, что во всём этом замешано и правительство. Ведь держать людей в Локе гораздо выгоднее, чем строить реальные острова… Единственное, чего я

не могу объяснить, это вашу роль во всём этом… Хотя… Скажите, вы ведь больны?

Девушка слабо улыбнулась.

— Вы мыслите в правильном направлении… Моя мутация доставляла мне страдания с самого детства. Сколько я себя помню — у меня всегда болела голова. И с возрастом, по мере того, как росли рога, боль становилась сильнее… И тогда мой отец — очень влиятельный политик, богатый человек — собрал лучших японских врачей, чтобы они создали для меня обезболивающее лекарство…

— Зелье…

— Да, именно то, что в Локе называют зельем… Я принимала его постоянно, и заметила, что когда нахожусь в Прибежище — всегда испытываю какую-ту особую эйфорию. И я рассказала об этом… — девушка запнулась.

— Отцу? — подсказал я. — И ваш отец решил, что зелье можно использовать в Локе в качестве наркотика?.. А как связаны ваше обезболивающее и секта самоубийц?

— В Японии наркотики никогда не пользовались популярностью… Другое дело — самоубийства. Они как раз в наших традициях.

— Хитро придумано. Если японцам просто сказать, что вот от этого наркотика вы получите кайф — это не произведёт особого впечатления. А если предложить получать кайф от самоубийства — на это их можно подсадить… Стоит в формулу лекарства добавить специальный код, который выводит из строя аватары — и готово, получили идеальный наркотик по-японски…

— Я пыталась отговорить отца заниматься этим, но он не хочет ничего слушать…

— Вы говорите, он крупный политик? Тогда понятно. Он хочет, чтобы японцы всё глубже и глубже погрязли в Прибежище — тогда и острова строить не обязательно…

Девочка-Олень закрыла глаза.

— Вам плохо?

— Да… я уже давно не принимала лекарство…

— Почему?

— Это всё из-за Лайта… Однажды я попросила его заказать мне новую форму у чёрных риелторов… Я тоже хотела попробовать, как это — покончить с собой в Локе… И вместо одной формы он, видимо, заказал две… Или это был какой-то опытный образец, скопированный с пустого аватара… Я не знаю, для чего это понадобилось Лайту…

— У меня есть предположения на этот счёт, но я должен кое в чём убедиться.

— Мне уже всё равно… Когда я увидела мёртвого Тоторо, с моих глаз словно упала пелена… Ведь такие же тела остаются и после самоубийств с помощью зелья… Я не хочу больше в этом участвовать…

— Поэтому решили умереть? Но как ваша смерть может исправить ситуацию?

— На этот раз вы не столь проницательны, — снова грустно улыбнулась девушка. — Я решила, что вы можете мне помочь… В том строении, чуть ниже моего домика, лаборатория, в которой и производят зелье. Вы можете её уничтожить?

— Да, это совсем не трудно.

— А потом вы должны убить меня… Я всё равно не смогу долго прожить без лекарства… Вы же можете сделать и это?

Я смотрел на бледное, с голубым оттенком, почти детское лицо, на огромные, блестящие от влаги глаза, я видел в этих глазах невыразимую боль и мольбу, и впервые в жизни ненавидел свою профессию, ненавидел себя за то, что я мог сделать и это…

* * *

— Лаборатория уничтожена? — спросил человек, сидящий в кресле лицом к окну.

— Да, уничтожена.

— А что с теми, кто там работал?

— Должны быть живы, — пожал я плечами. — Когда я поднял шум, надеюсь, выскочили все. В каждого я всадил по сонной пуле. Если кто и остался — это их проблемы.

— Хорошо. Врачи ещё могут мне пригодиться. — Человек повернул кресло на сто восемьдесят градусов. В руках он крепко держал колбу с прозрачной жидкостью. — Значит, остался только последний образец чистого зелья?

— Последний.

— Очень хорошо. Вы прекрасно справились со своей работой. Получите условленное вознаграждение и ещё сто тысяч сверху.

— Приятно было с вами работать.

* * *

Я вышел на улицу, солнце пригревало уже по-летнему, волны утихли.

Ну, что ж, прощай Прибежище! Для того, чтобы стать кем-то другим, мне не обязательно бежать из этой реальности. Сегодня я

журналист, завтра — бизнесмен, послезавтра — художник… Я тот, кто лучше всего способен выполнить очередной заказ…

Я зябко поёжился, вспомнив, как чесались руки, когда Тэкеши Наито сидел ко мне затылком…

Я понял, кто мой заказчик, перед тем, как навсегда покинуть Седьмой Лок, увидев торжествующее выражение на лице Лайта. А он, услышав мои последние слова, понял, кто я. Да, его план сработал. Подставив с помощью фальшивой копии Девочку-Оленя, он вывел её из душевного равновесия — хрупкого и без того — и я смог отыскать её в реальности…

С каким бы удовольствием я перерезал ему горло… Но, для человека моей профессии, заказчик — лицо особое, выполнить заказ — дело чести…

Я прислушался к себе…

Совесть молчала — ведь я не соврал. Просто не стал вдаваться в подробности.

Остался действительно последний образец чистого зелья, и он лежит сейчас в моей банковской ячейке, и что мне с ним делать — я ещё не решил.

Но Тэкеши Наито знать об этом необязательно…

Я вспомнил огромные влажные глаза Девочки-Оленя — в тот момент, когда в них появились облегчение, покой, благодарность.

Эти глаза я предать не мог.

Два билета по цене одного глаза
Кирилл Ахундов

Отстояв небольшую очередь, я выложил на прилавок мешочек картошки и внушительного мороженого хека, похожего на кривую дубину.

Кассирша окинула меня оценивающим взглядом и профессионально сообщила:

— Акция в лотерее «Твоя удача». Два билета по цене одного.

Как доверчивый скептик, я презрительно хмыкнул, и тут же вяло решился участвовать в популярном розыгрыше. Нет, правда, а вдруг повезет?

Вышел из маркета, не утерпел, зажал хека подмышкой и вскрыл билетик. Зрение у меня слабое. Возраст, что поделаешь. По человеческим меркам, пожалуй, минус восемь диоптрий. Толик сказал, что надо заменить линзы, но это «очень дорого, поэтому как-нибудь переживем».

Среди нечитаемого текста выделялись крупные буквы СОВЕРШИТЬ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК. Я сначала растерялся: что это за поступок такой? У нашего соседа, помнится, сразу выигрыш выпал — трехкамерный холодильник. А тут предлагают что-то совершить. Для меня героизм — накормить Толика жареной рыбой и выиграть в шахматы. Хотя он уже третий год играет с компом, обзывая меня слепым кротом.

Я хотел скомкать билетик. Но вдруг почувствовал странную бодрость. Словно искры по ногам пробежали, затанцевали тараканы в голове, а за спиной крылья распахнулись.

Как это говорят в рекламе: мотивация!

Что ж, я готов на подвиги.

…Сначала услышал звон и противный смех. Пригляделся. У автобусной остановки трое вульгарных киборгов пинали автомат с жетонами. Обычно я прохожу мимо. Но сейчас…

— Эй, молодежь, как не стыдно.

— Хиляй на свалку, ржавое чучело!

Я бы и похилял, но мои искры, тараканы и крылья взбунтовались. Удивляясь внезапной уверенности, пошел навстречу хулиганам. Они напали первыми, хамы.

Отечественная картошка в капроновой сетке оказалась эффектным оружием против наглых киборгов. Взмахнув сеткой, я обрушил ее на голову первого наступающего. Второму весьма ловко врезал хеком по сусалам. Третий удалец влепил мне кулаком прямо в лоб, и моя правая линза вылетела, как пчела из

улья. Дебошир бросился наутек, я метнул ему вслед хека. Хек полетел бумерангом, высоты не набрал, но удачно шлепнул убегающего по спине. Тот рухнул с лязгом.

— Поздравляю, коллега! — прошамкал спасенный автомат и выдал мне в награду десяток жетонов.

Я ошеломленно вертел головой. Уцелевший глаз стал прекрасно видеть! Может, от удара в нем что-то сместилось. Скорее всего, мой подвиг оказался незавершенным, зато он стоил двух билетов удачи по цене одного глаза.

Домой вернулся в отличном настроении. Поцарапанный, одноглазый, с ободранной на лбу краской.

Анатолий Иваныч, сверкая лысиной и очками, изумленно уставился на меня:

— Это… чего такое?

— Чяво, чяво… — передразнил я хозяина, шмякнув на стол останки хека. — Через час ужин, а потом засядем за шахматы.

Иваныч аж рот открыл.

— Кстати, вот в маркете дали за полцены. — Вручил ему второй билет удачи.

Хозяин вскрыл конвертик и прочитал:

— Выигрыш: последняя модель фоторецепторов зрения. Ого! Как раз тебе нуж…

— Уже не нужно, — ухмыльнулся я и стал чистить картошку.

Ника
Сергей Резников

19.07.2045, Новосибирск.

— Ты не можешь так со мной поступать! — Аня кричала, плакала, умоляла. Её мокрые глаза из-за потёкшей туши были похожи на уродливые пятна. — Мы с тобой уже год вместе, а теперь, когда такое случилось…

Иван молча курил и ждал, пока она перебесится. За окном лютовала метель. Белые хлопья снега кружили в беспорядочном танце. Безлистые уродливые деревья гнулись от ветра. Иногда некоторые из них с треском ломались и падали на землю, а снег, необычайно чистый, покрывал их, засыпал дороги, тротуары, застывшие автомобили. Случайные прохожие, проходившие мимо, закрывали лица руками, кутались в пальто и куртки. Они хотели быстрее скрыться от этой непогоды. Убежать от метели. Июльской метели.

Иван поёжился, подумав о том, что будет зимой. Прошлую пережили не все: мороз парализовал коммуникации, заморозил дома. Более трёх миллионов человек в стране погибли. И это только по доступным данным. Сколько жертв было в мире, Иван понятия не имел.

Аня продолжала скулить.

— Тебе наплевать на меня, тебе совершенно безразлично, как я буду выживать.

— Заткнись!

Она замолчала. На несколько секунд стало тихо, лишь ветер свистел и завывал на улице.

Девушка беспомощно опустила руки, словно выключенная игрушка и села на стул. Ивану надоел её вой и плач, ему хотелось выпить. Он мечтал, чтобы она ушла и не возвращалась. Ему хотелось включить ту, которая не плачет, не нудит, не просит. Ещё раз потрогать её идеальную кожу, посмотреть в её необычайно живые глаза. Тёплая. Ласковая. Безотказная.

— Забирай свои вещи и вали. Есть, — он на секунду задумался, подбирая слова, — есть общественные убежища. Там и перезимуешь.

Аня повернула к нему мокрое от слёз лицо и медленно процедила:

— Общественные убежища. Вот куда ты, скотина, меня посылаешь. Бросил меня, чтобы шкуру свою спасти. Променял на

робота…

Иван залепил ей пощёчину.

— Вали отсюда, сучка тупая. Я тебе ничего не должен!

— Ненавижу!

Аня вскочила с дивана, схватила сумочку и молча выбежала из комнаты, прикрывая рукой лицо. Хлопнула дверь.

«Наконец-то избавился от неё», — подумал Иван и посмотрел на Нику, стоявшую в углу.

Её глаза были открыты, лёгкая улыбка делала лицо ещё более красивым. Иван внезапно почувствовал сильное желание и медленно произнёс код активации. Красные губы Ники слегка задрожали. Взгляд стал живым.

— Здравствуй, дорогой.

«А что будет, если я залеплю пощечину ей?»

Почему-то это навязчивая идея не покидала его, когда он в спешке раздевал Нику, целовал её в тёплые губы, трогал упругую грудь.

«Ведь она не будет возражать».

Иван отогнал назойливые мысли. У него ещё будет много времени там, в бункере. Они попробуют всё.

— Ты такой классный. Чувствуешь, как бьётся моё сердце? — чуть хриплым голосом сказала Ника, прижимаясь к нему.

20.07.2045, Новосибирск.

— Ну и как тебе твоя? — Эдуард развалился на диване, держа в руке бокал с вином.

— Она идеальна, — Иван собирал вещи, стараясь не забыть что-нибудь важное.

— Моя тоже ничего, — Эдуард мечтательно улыбнулся, — зачётное тело и классный рот, который всегда можно закрыть.

— Как думаешь, эта фигня с климатом затянется надолго?

— Надолго. Я узнал у одного чувачка, который там, — Эдуард неопределенно махнул рукой, — в научных кругах. Говорит, что нынешней зимой всем полярный зверёк наступит. Всем, кто не в бункерах, конечно. До минус восьмидесяти, представляешь, Ваня. Минус восемьдесят. Охренеть!

— А дальше что? — разгребая вещи, Иван наткнулся на фотографию своей сестры Маши.

Лёгкий укол совести едва задел его, но настроение упало.

— Дальше будет хуже, говорит, — Эдуард сделал большой глоток вина, — даже летом наружу опасно будет выходить. Поэтому нам и пришлось потратиться. Бабло-то нынче совсем не в цене, что только мой батя не придумывал, чтобы этот бункер

построить. Да и запасы еды, топлива. Сам понимаешь.

Ивана опять кольнуло. Зависеть от Эдуарда было неприятно, от Гришки тоже. Если бы не друзья, его бы тоже ждали общественные убежища. Но Эдик с Гришкой согласились взять его с собой в бункер за минимальную долю. Естественно, одного. Аня с Машей отпадали сразу. Первой он об этом объявил без обиняков. Но вот сестра, вернувшись с Камчатки, его не застанет. Решил позорно убежать. Иван поморщился, отгоняя неприятные мысли, схватил со стола бутылку вина и глотнул прямо из горла. Что ж, Маша взрослая, сможет о себе позаботиться.

21.07.2045, бункер.

Говорили, что бункер оснащён всем самым современным. Спускаясь по дребезжащей лестнице и вдыхая затхлый воздух, Иван в этом засомневался. А когда вверху закрылся тяжеленный вертикальный люк, с лязгом и щелчками сработали замки, он почувствовал, как лёгкий холодок побежал по спине.

Рядом не прекращал трындеть Григорий. В отличие от худощавого дылды Ивана и накачанного метросексуала Эдуарда, Гришка был маленьким чернявым весельчаком. Любил шутить и, в общем, задавал неплохой настрой в их небольшой компании, собранной ещё в институте. Компании бездельников, в которой Иван выделялся среди сынков богатых родителей, как белая ворона, продолжая дружить с ними из-за халявных вечеринок, терпя насмешки.

Он так и не завёл семью, не сделал карьеру, но не жалел об этом. Многие карьеристы и примерные семьянины замёрзнут наверху, а они здесь внизу ещё долго будут жить, радовать себя алкоголем и сексом с кибернетическими девками.

Крупные чиновники и воротилы бизнеса, не говоря о членах правительства, несколько лет занимались тем, что подготавливали бункеры для себя и своих близких. Весь старый мир продолжал жить, словно по инерции, толком и не осознавая, что обречён, а элита готовилась войти в мир новый. У тех, кто надеялся переждать грядущий ледниковый период, бункеры были оснащены термоядерными реакторами, имели огромные запасы всего необходимого. Убежище, в которое прибыл Иван, было попроще, и в будущем их ждали определённые проблемы, но всё же такой вариант куда лучше, чем сдохнуть наверху.

Туннель, скупо освещённый светодиодными лампами, которые гасли за спиной, привёл их к ещё одной двери.

— Ну, пацаны, тут у нас самое интересное, — Григорий активировал замок, и дверь с шипением открылась.

— Ух ты! — Иван опасался, что увидит спартанскую обстановку, характерную для казармы или тюрьмы, но за дверью располагалась обычная квартира.

Интерьер был не шикарным, но вполне создавал атмосферу уюта, недоступную теперь для большинства.

— У каждого по комнате, ну и, конечно, кухня, гостиная, ванная с туалетом. Всё, что надо, короче, — гордо объявил Григорий.

В небольшом коридорчике, центральный проход из которого вёл в квартиру, располагались ещё две металлические двери.

— А там медблок, — Григорий указал на дверь слева. — Дверь напротив ведёт в склад и всякие технологические комнатушки. Даже командный центр есть. Мой отец лично всё это проектировал, — гордо заключил он.

— Ладно, не хвастайся, лучше не забывай, кто первый решил заморочиться с бункером, — Эдуард снял ботинки, зашёл в прихожую и развалился на большом кожаном диване.

Они с Гришкой опять затеяли длинный и скучный спор о том, кто из родителей больше потратился при обустройстве убежища.

А Иван снова почувствовал себя не в своей тарелке. Оставив друзей спорить в гостиной, он прошёл в одну из комнат. Здесь его ждала Ника. Андроидов где-то раздобыл отец Эдуарда. Это были дорогущие уникальные роботы из Японии. Вроде бы с улучшенным интеллектом и самообучающиеся — не просто дорогие игрушки для сексуальных утех, каждая могла выполнять любую работу в быту, могла заменить полноценную подругу, которую можно выключить в любой момент, если надоест.

— Здравствуй, Ваня, — она сказала эту фразу немного хрипло, затем вздохнула как настоящий человек и внимательно посмотрела на него большими синими глазами.

Ивану стало неудобно от этого взгляда. Не очень он сочетался с внешностью Ники, длинноногой сексуальной блондинки с идеальной фигурой. Умный взгляд, пристальный, оценивающий.

— Как тебе здесь? — ляпнул он первое, что пришло на ум.

— Здесь хорошо, но мне жаль остальных людей.

Ивана будто током ударило.

— Остальных?

— Я собрала информацию и проанализировала её. У меня вопрос, Иван. Можно?

— Говори, — он стоял с открытым ртом.

Странную Ника выбрала тему. Хотя они ещё ни разу не разговаривали ни о чём другом, кроме секса.

— Я хочу знать, чем вы отличаетесь от других людей. Почему

именно ты и твои друзья должны выжить?

Ивану стало жутко, хотелось выйти из комнаты, отвечать на такие вопросы он не имел ни малейшего желания. Но всё-таки попробовал ответить.

— Мы просто построили бункер, Ника. Понимаешь, немногие из людей смогли это сделать. Не у всех есть необходимые средства.

— Но разве люди не должны помогать друг другу и выживать вместе?

Иван попытался подобрать нужные слова, но понял, что опять повторяется.

— Ресурсы, Ника. Они не у всех…

— Я разочарована, Иван.

Ника замолчала, дав понять, что разговор окончен. Иван дал команду на отключение, андроид замер, продолжая глядеть в пространство перед собой.

«Чёрт, почему она не закрывает глаза?»

Он вышел из комнаты. Постоял около закрытой двери. Надо было всё обдумать, но мысли путались. Иван вспомнил, как Ника смотрела на него. В её взгляде читался укор и разочарование. И что-то ещё. Злость? Разве бывает у роботов такой взгляд? Откуда взялась эта чрезмерная схожесть с человеком?

18.10.2045, бункер.

— Ну за нас, ребята! — Эдуард уставился на друзей пьяными глазами. — За наше счастье здесь!

Казалось, что вся жизнь за последние месяцы состояла из пьянок и грохочущей музыки. Иван, поморщившись, схватился за голову. Ему всё надоело. Иногда они ссорились из-за пустяков, один раз по пьяни Эдик кинулся на Гришку с кулаками. Иван кое-как разнял их. Роботов включали только ради секса и работы по дому. Никто с ними не общался. Ника больше не задавала вопросов. Подруги Гришки с Эдиком — Лиза и Кристина и вовсе предпочитали молчать.

— Это у них режжим такой, — заплетающимся языком объяснял Гришка. — Меньше слов, больше дела. — Он глупо усмехнулся и обнял сидящую рядом Лизу.

Иногда приятели менялись подругами ради разнообразия, но Иван знал, что никогда не забудет внимательных глаз Ники и её вопросов. Он ничего не рассказал друзьям, но андроида каждый раз включал с опаской и даже радовался, когда вместо Ники ему доставалась рыжая Кристина или темноволосая Лиза.

В этот день поначалу пьянка проходила обычно: Эдик

вырубился, а Гришка, не стыдясь, раздевал Лизу на диване в гостиной, Иван решил было уйти, но вдруг зазвучал сигнал тревоги. Эдик встрепенулся, оглядел комнату пьяным взглядом.

— Чо там за фигня? Ванька, проверь… сходи.

Иван давно привык к роли шестёрки у «богатеньких буратин», хоть это и не нравилось ему. Открывая дверь помещения, которое Гришка называл «командный центр», он чувствовал лёгкую тревогу, а когда посмотрел на монитор системы наблюдения и вовсе обомлел.

Трое. Они стояли среди сугробов. Их закутанные лица нельзя было разглядеть, но Иван понял, что это кто-то взрослый и двое детей. Он посмотрел на данные о внешней температуре. Минус семьдесят шесть.

«Чёрт, как они вообще сюда попали?!».

Прожектор ярко освещал замерзающих людей, Иван схватился за джойстик, и камера задвигалась. Сквозь, казалось, бесконечную метель, он рассмотрел стоявший чуть поодаль армейский вездеход на гусеницах. Эти трое приехали на нём. Но тепловизор не показывал активность двигателя, оранжевое пятно на экране медленно превращалось в синее.

Вездеход сломался, или может быть закончилось горючее, и теперь остывал, а рядом с ним замерзали люди. Они увидели, как двигается камера, запрыгали и отчаянно замахали руками, а Иван, открыв рот, продолжал смотреть на замотанные тряпьём фигуры. Смотрел, проклиная себя за нерешительность и радуясь, что не видит их лиц.

— Ты впустишь их, Ваня?

Он дёрнулся, отскочил от панели с мониторами, чувствуя, как чья-то сильная рука вцепилась в плечо.

— Ты впустишь их… — шептал ему в ухо сексуальный голос Ники.

— Как ты включилась? — он попытался вырваться, но хватка стала только сильнее, вторая рука обхватила шею.

Прикосновения Ники больше не были тёплыми и ласковыми. Это были прикосновения холодной машины. Иван почувствовал, как покрывается потом. От опьянения и следа не осталось.

— Впусти их, Ваня. Открой люк.

Он начал задыхаться, попытался закричать, но из горла вырвался лишь тихий хрип.

— Вот тварь! — услышал он голос Гришки, затем раздался глухой удар.

Хватка ослабла, и Иван рухнул на пол. Сквозь пелену, стоявшую перед глазами, он увидел Нику. Её голову изуродовала вмятина, через которую блестел металл, и текла прозрачная

жидкость. Лицо Ники исказилось в злобе, она ползла к Ивану. Пальцы с длинными ногтями скребли по металлическому полу.

— Впусти их! Они погибнут! — закричала она и отключилась.

Иван заметил, что на этот раз глаза андроида закрылись. Он схватился за Гришкину руку, встал на ноги, перед глазами всё кружилось. Он сделал несколько вдохов, но воздух будто стал вязким и не хотел проходить в лёгкие.

— Эта тварь чуть не задушила меня. Кто они, Гриш? Откуда вы их взяли?

— Ты же знаешь. Эдику батя подогнал, а где сам старик их раздобыл — понятия не имею. Чёрт, Вань, я и сам не ожидал… они же японские, но возможно их в России кто-то доработал. Эту, — он с опаской пнул робота, — наверняка. Не ожидал, что она свихнётся. Вроде обычная игрушка для секса, а тут такое. Ладно, давай оттащим её на склад, а потом решим, что с остальными делать.

Гришка бросил на пол монтировку, вытащил из кармана пистолет и подошёл к Нике. Та не шевелилась.

— Чёрт, нельзя, наверное, её в склад. Там рядом генераторы, котёл. Что же этот придурок Эдик так нажрался? Опять я должен всё решать.

— Ника сдвинута на том, что люди гибнут, — Иван указал пальцем на монитор, — хотела их сюда впустить. Она и раньше мне говорила…

Гришка лишь мельком глянул на замерзающих людей, которые продолжали отчаянно махать руками.

— Короче, у меня идея, Ваня. Вытащим её наружу, пусть там прохлаждается. Насчёт остальных шлюх потом решим, когда Эдик проспится. Давай, одевайся.

— А с этими что делать будем? — Иван вновь показал на монитор.

— Ты дебил? — Гришка смотрел на Ивана, как на насекомое. — Ничего не делать! Эти пусть сами разбираются. Сейчас мы им ещё подружку подкинем, может, согреет, — он криво усмехнулся, а Иван, наблюдая за Гришкой, почувствовал ненависть к нему.

Ненависть к себе. Почему они превращаются в животных? Он посмотрел на Нику. Может, она права? Чем они лучше других?

— Ну чего там замер? Похоже, она тебе стряхнула башку-то. Давай, надевай костюм, потащим эту тварь к главному входу, в туннеле минус сорок, а у люка и того больше. Ещё снегом всё снаружи завалило, не факт, что откроем, — позвал его Гришка и внимательно посмотрел на товарища, похоже, понял — о чём думает Иван.

— Хватит на них пялиться, нам о себе думать надо. Давай, пошли.

Иван последний раз посмотрел на монитор: одна фигурка, самая маленькая, упала на снег. Большая подошла к ней и наклонилась, затем подняла ребёнка и потащила в сторону вездехода.

«Хоть бы всё закончилось, когда мы откроем люк», — подумал Иван, вздохнул и пошёл надевать термокостюм.

18.10.2045, около внешнего люка.

— Эх, надо было лучше обычных баб с собой взять, а не этих жестянок, — Гришка шёл по туннелю, металлические стены которого покрылись изморозью.

Следом тащился Иван. Он толкал перед собой тележку, в которой, нелепо согнув суставы рук и ног, лежала Ника. В полупрозрачном пеньюаре, через который просвечивало нижнее бельё, она выглядела странно. Бледность кожи и повреждённая голова делали Нику похожей на настоящую куклу. Сломанную и ненужную.

— Блин, холодает-то как, — Григорий поёжился, — даже через костюм морозяка пробирает.

Вскоре подошли к лестнице. Поднимать робота на восемь метров вверх не пришлось. Рядом располагался большой грузовой лифт. Со скрежетом распахнулись створки дверей, надсадно загудел замёрзший мотор, и лифт поехал наверх. Здесь, перед воротами, было ещё холоднее и почти темно: почему-то включились только красные аварийные фонари. Огромный люк весь был покрыт инеем и снежными наростами.

— Похоже, где-то сифонит, надо будет с тепловизором пройтись, — пробормотал Гришка.

— Да, надо, — Иван заворожённо смотрел на Нику.

Под красным светом она выглядела зловеще. Иван поёжился, вспомнив о том, как занимался с ней сексом. Холодная и мёртвая. Хотя — мёртвая — понятие относительное.

— Слышь, Гриша, а она не включится там снаружи? Не будет ломиться к нам?

— Да брось, у неё заряда — максимум на сутки, а на таком морозе батареи вообще быстро крякнуть должны. Да и как она люк откроет?

Гришка подошёл к пульту управления воротами, набрал код доступа. Что-то загудело и заскрежетало.

— Так, Вань, отходи. Сейчас сюда куча снега упадёт. Наверное, чистить придётся, — он достал из ниши в стене лопату.

Люк открылся. Вовнутрь вместе со снегом проникла метель. Ледяной ветер заставлял зубы стучать, даже несмотря на опущенные забрала шлемов.

— Давай, тащи её наружу! — заорал Гришка, пытаясь расчистить проход лопатой.

Иван неуверенно потянулся к Нике, и в этот момент она открыла глаза. Её лицо, освещённое красным светом, уже успело покрыться инеем. Ника улыбнулась, обнажив мелкие белые зубы, и вскочила с тележки. Иван закричал, начал пятиться обратно к лифту. Но вместо того, чтобы напасть на него, Ника повернулась к Гришке, который спешно доставал из кармана пистолет. Её движения были дёрганными, нечеловеческими, стремительными. Мигнули красные фонари, померк на секунду свет, и вот уже Ника держит Гришку за горло. Держит мёртвой хваткой.

— Убери от меня эту суку! — Гришка визжал и извивался.

Его приглушенный шлемом голос еле прорывался через завывания ветра. Но Иван не мог даже рукой шевельнуть. Страх сковал его мышцы почище лютого мороза.

Тварь, которая раньше была Никой, отбросила Гришку в сторону выхода с такой силой, что тот буквально впечатался в сугроб, шлем хрустнул, но всё-таки выдержал. Парень, продолжая выть, попытался встать на ноги, но робот ударил его ногой в спину, Гришка глухо захрипел и затих.

Красный свет снова мигнул. Ника отвернулась от Гришки и смотрела на Ивана. Смотрела стеклянным немигающим взглядом. Иван был уже внутри лифта и отчаянно боролся с желанием нажать на кнопку. Он не мог себе позволить оставить здесь Гришку.

— Я вернусь за тобой, — проскрежетала Ника.

Затем робот подскочил к Гришке, схватил его с легкостью и вытолкнул наружу, в царство холода.

— Я вернусь, Ваня, — повторила Ника знакомым вкрадчивым голосом и выскочила вслед за своей жертвой.

«Она вернётся», — издевательски пропела метель, и люк начал медленно закрываться.

Иван сел на пол. Сердце глухо и часто билось, а в ушах звенело. Он больше не думал про друга, не стоял перед выбором — броситься ли ему на помощь, навстречу смерти, либо убежать. Всё это было неважным.

— Эта тварь умеет дистанционно управлять люком. Наверняка она умеет управлять всем в бункере, — прошептал Иван.

19.10.2045, бункер.

— Она вернётся, Эдик, я точно говорю, — Иван отхлебнул из стакана, обжигающая жидкость прошла через глотку и затаилась в желудке.

Но водка не грела, Иван изнутри пропитался холодом и страхом.

— Чёрт, так она его утащила? — Эдуард смотрел непонимающим взглядом.

Ивану захотелось выколоть эти красные похмельные глаза.

— Да, утащила, идиот тупой. Утащила, пока ты бухой здесь дрых! И я ничего не смог сделать! Что это за хрень, Эдик? Что за тварей мы взяли с собой в бункер?! — он отшвырнул стакан, тот с дребезгом разбился.

Затем Иван встал из-за стола и схватил стул, подбежал к стоявшей в углу Лизе и со всего размаху обрушил стул на её голову. Искусственная кожа робота, сморщившись, лопнула, обнажив металлический скелет. Ещё один удар — и шея у Лизы нелепо вывернулась, из дыры в голове выскочили искры, запахло горелой проводкой.

— Стой! — Эдик схватил Ивана за плечо. — Нам надо всё обмозговать, есть же выход какой-то. Мы найдём приёмник сигнала в люке, или что-нибудь ещё, отключим его…

— Вот именно «что-нибудь ещё», — Иван захохотал, — Гришка бы разобрался, он любил ковыряться в технике. А мы с тобой… мы с тобой два урода тупых, которые ни хрена не умеют, кроме как бухать и трахать баб. Ты меня, понял, мать твою?!

— Успокойся…

— Я тебе сейчас успокоюсь, — Иван кинулся к Эдику, тот выставил руки перед собой, защищаясь.

В этот момент раздался сигнал тревоги.

Пока шли в «командный центр», Иван будто отключился, все эмоции отхлынули. Но ненадолго. На экране они увидели Нику, она стояла среди белых сугробов и держала в руках замёрзшего голого ребёнка. Иван смотрел на посиневшее тельце, и весь ад, творящийся снаружи, передался ему.

— Я… не виноват… я не мог… выключи это… — Иван закрыл глаза руками и зарыдал.

Это были, наверное, его первые искренние слёзы за последний десяток лет. Не пьяные сопли, а настоящие слёзы, вызванные болью и раскаянием.

Эдик навёл объектив на ребёнка и увеличил изображение.

— Вот же скотина сдвинутая. Где она его взяла?

— Она… говорила впустить, я не послушал… я не знаю, ну зачем они пришли, скажи мне, почему они пришли к нам? —

Иван продолжал всхлипывать.

— Кто, блин, пришёл? — Эдик недоумённо хлопал глазами.

Но Иван не успел ответить. Ника показала пальцем на свой рот.

— Она хочет говорить с нами, — Эдик зашарил рукой по панели управления. — Как же включить этот грёбаный микрофон?

Наконец-то у него получилось. Комната наполнилась звуками ветра, через который отчётливо слышался голос Ники. Иван удивился переменам, произошедшим с ней. Теперь робот говорил совсем по-другому.

— Ну и как вам он? — Ника приподняла трупик. — Замёрз насмерть, остальные тоже. Думаете, что достойны жить после такого, ничтожества? Вы, готовые ради комфорта убивать детей. Просто никчемные твари!

— Завали свой рот, скотина! Не тебе за нас решать, жестянка поганая! — Эдуард не знал, работает ли обратная связь, но Ника услышала.

— Здесь больше нет никого, кто мог бы решить. Мне очень жаль. — Её лицо менялось, кривясь под действием эмоций.

Если первую фразу Ника сказала со злостью, то теперь её слова и взгляд выражали грусть. Глядя на все эти метаморфозы, Иван понял, что они происходят не просто так. Робот не только свихнулся, он стал значительно больше походить на человека. Он словно подбирал нужный тип поведения, примерял маски.

— Кто ты такая? — спросил Иван. — Ты не просто обычный андроид…

— Не твое дело, скотина. Можешь считать, что у меня сбой программы. И кстати, мрази, не надейтесь, что у меня сдохнут аккумуляторы. Вы даже не представляете, на что я способна.

Ника аккуратно положила трупик ребёнка на снег. Затем она отошла за пределы видимости, но вскоре вернулась. За ней тащился Гришка. Шёл как скотина на убой. Его лицо скрывал шлем, но Ивану всё равно передался ужас, который испытывал парень. Рукав костюма на правой руке был оторван, обнажая белую замёрзшую плоть. Ника дотронулась до Гришкиной руки, словно проверяя степень заморозки.

— Он будет страдать. Ему будет очень больно, — она сказала это равнодушно, будто речь шла о таракане.

Гришка покачнулся и стал заваливаться на бок. Но Ника рывком поставила его обратно.

— Ты ничего не хочешь сказать своим друзьям?

Она подошла ближе к камере, таща Гришку за собой.

— Помогите… мне… замерзаю. Парни помогите… —

сдавленный голос Гришки еле пробивался через шум ветра.

— Выходите наружу, или ваш дружок сдохнет. Даю вам полчаса. Костюм всё равно дольше не выдержит, он заблокировал плечо, но холод скоро убьёт Григория, — теперь Ника смотрела издевательски. — Хотя, думаю, не выйдите. Кишка у вас тонка.

— А что будет, если мы согласимся? — спросил Эдуард.

— Дам возможность уйти. Оставите бункер более достойным.

Эдуард засмеялся.

— Ты, дура, что там мелешь вообще? Мы никуда отсюда не выйдем, заруби себе это на своей заднице, шлюха кибернетическая. Это наш бункер! А если попытаешься…

Ника не дала ему договорить.

— Нет, Эдуард, ты не прав. Бункер больше не ваш. Слишком это для вас большая роскошь.

— А что ты хочешь? Какие у тебя планы? — спросил Иван.

Он пытался говорить спокойно, если они узнают о том, что хочет чудовище, совладать с ним будет проще.

— Спасти человечество. Наверное, в твоём эгоистичном мозгу не вмещается эта идея? Человечество, Ваня, а не таких тварей, как ты и твои друзья. Поторопитесь, а то ваш Гриша замёрзнет. А если не выйдете, я всё равно вас достану. И в этом случае никаких компромиссов не будет, — её лицо вновь задёргалось, приняло печальное выражение. — Простите меня, Иван и Эдуард.

Экран монитора погас. Похоже, Ника отключила его дистанционно.

— Вот тварь сдвинутая, — Эдик достал сигарету, помял её в руке, затем, покосившись на датчик противопожарной сигнализации, засунул обратно в пачку. — Чёрт, я не знаю, что делать, Ваня.

— Эдик, она не блефует, а Гришку ещё можно спасти. У нас только полчаса есть. Костюм залил плечо герметиком, но надолго его не хватит при таком морозе.

— Ты рехнулся? Нет, я не выйду к этой твари. Ты что, веришь ей? Ну, ладно, пусть она не врёт и действительно отпустит нас. Мы всё равно сдохнем снаружи. Сдохнем как собаки. Все трое.

Иван молчал. Крыть здесь было нечем.

— У меня план получше, — Эдуард повернулся к консоли управления и застучал пальцами по клавиатуре, — Гришку нам не вернуть. Прими это как неизбежное. Но мы должны… мы сможем защитить себя. Она в любом случае выходит на связь с системой безопасности с помощью какой-нибудь беспроводной хрени, типа вай фая. Сейчас я попробую отключить сеть и поменять код замка. Как тебе такая идея?

Иван не ответил. Других вариантов у него всё равно не было.

С Гришкой, похоже, придётся проститься.

— И это, — Эдик продолжал щёлкать по клавишам, — ещё раз, падла, на меня замахнёшься, убью.

Он сказал это спокойно, но Иван поверил — действительно убьёт.

— А за Лизу тоже ответишь. Я тебе разве разрешал её трогать?

— Извини, Эдуард. Не сдержался, с катушек слетел. Больше не повторится.

— Ладно, пока проехали. Но я буду следить за тобой, Ваня.

Иван вздохнул, подумав о своих перспективах. Но всё же, остаться в бункере наедине с Эдиком лучше, чем подохнуть снаружи. Кроме того, знать, что ты не главный, и за тебя кто-то решает, в сложившейся ситуации было даже лучше.

20.10.2045, бункер.

Иван не мог уснуть. Что-то скреблось в голове, еле уловимое, тревожное. Им удалось перекодировать замок люка, и Ника теперь не могла попасть в бункер. Но что-то не давало покоя. Иван перевернулся на другой бок.

«Не просто люк. Главный люк, Гришка так называл его».

Сердце гулко застучало, лоб покрылся испариной. Он вылетел из комнаты как ошпаренный, не закрыв за собой дверь. Из гостиной слышалась музыка. Этот придурок Эдик опять бухал. А ещё Иван услышал другие звуки, они раздавались из глубины коридора. Он сделал несколько шагов в эту сторону.

Приглушенные звуки проникали из-за двери, за которой располагался склад. Кое-как справившись с ватными ногами, он подошёл поближе. Кажется, за дверью кто-то рыдал. Громко с надрывом, иногда слышались слова, но разобрать их смысл Иван не мог. Он посмотрел на индикатор замка, дверь была открыта. Дрожащей рукой Иван перевёл замок в положение «заперто» и бегом ринулся в гостиную.

Эдик сидел в кресле, уставившись остекленевшим взглядом в экран телевизора. Рядом на журнальном столике лежал карабин. Они теперь даже в туалет ходили с оружием. Иван спохватился, что забыл свой пистолет, так и выскочил из комнаты в одних трусах.

— Эдик!

Тот не реагировал. Похоже, нажрался основательно.

— Там на складе кто-то есть.

Очнувшись, Эдуард перевёл взгляд на Ивана.

— Так пойди и разберись, ковбой.

— Эдик, я серьёзно. Мы совсем забыли про запасной выход, и эта тварь пробралась туда.

— Запасной? — взгляд Эдуарда стал более осмысленным. Он ухмыльнулся. — А мы про него вообще знали?

— Неважно, надо срочно что-то делать. Там генератор, если она его отключит, нам конец.

— Что, пересрался? Ты всегда был трусливым лошарой, Ваня. Иди, оденься, возьми пистолет… надерём задницу шлюхе, — Эдуард выставил палец перед собой, делая вид, что стреляет, затем сдул несуществующую струйку дыма.

Через несколько минут они стояли около двери, ведущей в склад. Иван часто дышал, сжимая в потной руке пистолет.

— Вот что бывает, когда не слушаешь внимательно. Долбаный запасной люк. Ведь Гришка предлагал провести подробный, как его, — Эдуард икнул, — инструктаж. А мы всё… всё откладывали.

Он нажал на кнопку замка и тихонько приоткрыл тяжёлую дверь, затем с силой толкнул Ивана внутрь.

— Иди первый, я за тобой.

Темно. Иван запаниковал. Одной рукой он шарил по стене в поисках выключателя, а другой сжимал рукоятку пистолета. На складе царила тишина, никто больше не кричал и не плакал. Тусклый свет, льющийся из приоткрытой двери, еле освещал ближайшие полки. Наконец-то Иван нашарил выключатель, щёлкнул им, но освещение не включилось.

— Что б тебя! — Иван сделал несколько шагов по направлению к полкам, зашарил по одной из них и вскоре нашёл фонарик.

Предусмотрительный Гришка специально положил самые важные вещи поближе.

Луч света пронзил темноту, упёрся в дверь с надписью «Генератор».

— Сходи, щиток проверь. Наверное, автомат выбило, — распорядился Эдуард.

В этот момент кто-то застонал. Жалобно, с надрывом. Луч фонаря зашарил по складу и высветил из темноты бледное лицо. Гришка сидел на полу, прислонившись к стене, неподалеку от электрощитовой. Термокостюм по-прежнему был на нём, рядом валялся шлем. Гришка что-то бормотал, затем невнятные слова перешли в рыдания. Иван несколько раз окликнул его, но парень не ответил. Другого варианта, кроме как двигаться к щитовой, похоже, не было. Иван обернулся к Эдуарду.

— Прикрой меня, — ему стало смешно от своих слов.

Нашёл на кого надеяться: у пьяного придурка даже фонаря

нет. Сам Иван из пистолета стрелял всего несколько раз в жизни. По бутылкам. А теперь, находясь здесь, в тёмном складе, в котором, наверняка, скрывается свихнувшийся робот, он в полной мере почувствовал свою беспомощность. Наличие оружия не успокаивало, словно держал в руке пластмассовую игрушку.

— Не ссы, давай, иди к щитку. Гришкой потом займёмся.

— Эдик, ты фонарь с полки возьми и будь внимательнее, ладно? Она очень шустрая, я видел.

Десять метров до щитовой показались длинным путешествием. Иван постоянно оглядывался, луч фонаря выхватывал из темноты полки и ящики, пластиковый бок снегохода, холодильные камеры. Ники нигде не было видно. Гришка замолк, Иван слышал только стук своего сердца да звон в ушах. Наконец-то дошёл. Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась. Иван не стал искать нужный автомат, он включал всё, что попадалось под руку. Яркий свет залил склад.

— Всё нормально, её здесь нет, — услышал он голос Эдика и вздохнул с облегчением, затем вышел, щурясь.

На складе было светло, как в операционной.

— Блин, Гришка, что с это с тобой?! Господи… — Эдик стоял рядом с Григорием.

Тот хрипел и издавал булькающие звуки. Иван посмотрел на него: оба рукава костюма были оторваны и из них торчали почерневшие руки. Они были похожи на куски гнилого мяса, кожа в нескольких местах лопнула, обнажив тёмно-красные мышцы, наружу из этих разрывов медленно сочилась тёмная жидкость. Над кистями рук кожа была светлее, но зато в этом месте вздулись огромные желтоватые волдыри.

— Ты можешь говорить? — спросил окончательно протрезвевший Эдуард.

В ответ раздался тихий стон.

Иван не стал терять времени и ринулся вглубь склада.

— Ему надо вколоть обезболивающее.

Трясущимися руками он зашарил в аптечке. Упаковки и флаконы разлетелись в разные стороны, найденная пачка «Трамала» в таблетках явно не подходила. Капсул для инъекций не обнаружилось. Иван с ужасом понял, что они ничего не смогут сделать. Гришке не станет лучше, если даже он проглотит все эти таблетки. При обморожении такой высокой степени необходима ампутация. Но справится ли с такой операцией их медблок?

— Ваня, сделай что-нибудь, он сейчас помрёт, точно тебе говорю.

— На, возьми, — он протянул упаковку, — заставь его проглотить четыре таблетки, а я пока пойду поищу носилки. Его

надо срочно в медблок.

Иван ринулся вглубь склада, но дойти до нужной полки не успел. Свет опять погас. Генератор, до этого тихо гудевший за стенкой, замолчал.

— Мать твою! — заорал Эдик.

Иван достал из кармана фонарик. На несколько секунд воцарилась тишина. А затем он услышал тихий звук. Как будто кто-то полз, но не из глубины склада, где должен был располагаться запасной люк, а из двери, ведущей в их апартаменты. Полз, медленно перебирая конечностями по полу.

Фонарик высветил тварь именно в тот момент, когда она кинулась на Эдика. Тот громко завизжал и выронил ружье. Что-то, похожее на безголовый манекен, обхватило парня четырьмя конечностями, повисло на нём, повалив на пол. Иван пытался прицелиться в тварь, но она каталась по полу вместе с Эдиком, который продолжал визжать как резаный.

Иван подскочил поближе и начал стрелять почти наугад. Грохот выстрелов приглушил крики, а тварь, прицепившаяся к Эдику, задёргалась и отвалилась, точно напившийся крови клещ. Иван всё-таки попал.

Он подошёл поближе и наконец-то смог разглядеть её. Это была Лиза. Её голова нелепо болталась на сломанной шее, мёртвые глаза уставились в пол. Торчащие наружу провода искрили, пахло горелым пластиком. Но руки продолжали жить, они снова потянулись к Эдику и сомкнулись на его горле. Иван несколько раз выстрелил, целясь по предплечьям. И только когда опустела вся обойма, эти жуткие руки обмякли и отцепились от шеи.

Эдик не шевелился. Под светом фонаря на его шее были отчётливо видны красные пятна, но парень дышал, и Иван, решив, что ему ничего не грозит, направился к Гришке.

— Эй, ты там живой?

Григорий не ответил. Зато Иван услышал другой звук, похожий на потрескивание, переходящее в скрежет. Луч фонаря испуганно метался по складу, Иван оглянулся. Эдик лежал неподвижно, искусственное тело Лизы тоже не шевелилось.

Когда Иван почти дошёл до Гришки, Ника напала. Вылетела из глубин склада со скоростью пули. У неё больше не было обычных рук, они превратились в металлические щупальца-манипуляторы, гораздо более длинные. Пластиковое тело странно изогнулось, Ника передвигалась теперь спиной вниз, на четырёх конечностях. Голова крутилась на длинной шее, покрытой лохмотьями искусственной кожи. Лицо было будто прилеплено к этой голове, способной повернуться на любой угол.

Иван ошибался, когда думал, что она превращается в человека. Ника становилась чем-то иным.

— Японские пытки, — прошелестела она мёртвым машинным голосом, — я знаю о таких.

Дуло пистолета уставилось в сторону твари, палец отчаянно надавил на спусковой крючок, и в этот момент Иван вспомнил, что забыл перезарядить обойму. Пистолет лишь сухо щёлкнул. А Ника прыгнула, но не на Ивана, мягко спружинив металлическими конечностями, она приземлилась около Гришки.

— Хочешь посмотреть, — тварь не спрашивала, она схватила Гришку за руку и встряхнула как марионетку.

Тот заорал и задёргался, а чёрная кожа чулком слезала с руки. Затем настал черёд мяса. Ника оторвала его, оголив кость. Гришка извивался и визжал, затем тварь схватила его за вторую руку, и он затих. Тело дёрнулось несколько раз, обмякло.

— Не выдержал, слабак, — прошипела Ника и кинулась на Ивана.

Сначала она ударила его. Фонарь упал на пол и погас, а Иван полетел спиной назад и растянулся рядом с Эдиком.

— Я хотела вас тоже заморозить. Но не получилось… извини, Ваня. Я не могу. Я не должна причинять вред людям, — её голос стал более высоким и визгливым, — я не должна.

Иван слышал тихое гудение сервомоторов и какие-то щелчки. Возможно, это щёлкала её челюсть. Робот приближался. Иван так и не понял, свихнулась ли Ника окончательно, или она просто переродилась в новый вид жизни, готовый доминировать на замёрзшей планете. Беспощадный, чуждый вид.

Раздалось чавканье и хруст. Эдик задёргался в конвульсиях, затем замер.

— Вы такие мягкие, ваша плоть слаба, — проскрипел безумный голос.

В тот момент, когда металлическая нога раздавила кисть его левой руки, правой Иван нащупал карабин. Стараясь не обращать внимания на дикую боль, он поднял ружьё. Он не видел Нику в этой полнейшей темноте, но знал — она стояла над ним, продолжая произносить безумные фразы.

— Я приведу сюда достойных. Бункер захвачен. Впереди развитие. Смерть нужна.

Её слова вгрызались в мозг Ивана, передавая ему это странное безумие. Затем он выстрелил несколько раз наугад, разрядив все пять патронов. Он не знал, куда попал, но тварь завизжала. Иван даже не догадывался, что она способна издавать такие звуки. В агонии Ника заметалась по складу, переворачивая полки. Её конечности проскрежетали в нескольких сантиметрах

от его лица. А затем она затихла. Иван остался лежать в полной темноте рядом с мёртвым Эдиком.

Минут через пятнадцать он всё-таки заставил себя подняться. На полу всё было залито кровью. А ещё он заметил, что стало значительно холодней. Кое-как встав на ноги, стараясь не поскользнуться, Иван поковылял по направлению к генератору.

Через несколько минут, ему удалось запустить систему. Яркий свет залил помещение, и Иван смог оценить последствия недавнего погрома. Несколько полок было повалено, а их содержимое беспорядочно валялось на полу, среди этих вещей лежало то, что когда-то было Никой: жуткий манекен с нелепыми металлическими конечностями.

Эдик лежал неподалеку от выхода, в луже собственной крови. Его лицо было похожим на лопнувший арбуз. Вид груды окровавленного мяса, оставшегося от Гришки, окончательно добил Ивана. Он больше не мог здесь оставаться. Стараясь не оглядываться, борясь с рвотными позывами, Иван выскочил из склада и побежал к медблоку.

Она преградила ему путь в тот момент, когда до спасительной двери медблока оставалось несколько шагов.

— Поиграем, Ваня?

Кристина была полностью голой, её рыжие волосы падали на обворожительную грудь, широкие бёдра колыхались, когда она шла навстречу.

— Мне скучно.

Иван зарычал как раненый зверь, попытался оттолкнуть её. Но тщетно: мёртвая хватка робота не уступала той, что была у Ники. Раненая рука захрустела, и этот хруст отозвался настоящей канонадой боли. Теряя сознание, Иван всё же успел услышать, что сказала Кристина. Хотя это была не она. Он понял, что Ника скопировала своё безумное сознание в её электронный мозг.

— Ты думаешь, что так просто отстану от тебя, глупыш? Я вас предупреждала, а вы решили всё сделать по-своему. Знаешь, что теперь сделаю я? Заморожу тебя полностью, Ваня. А когда ты оттаешь, буду медленно отдирать от тебя куски мяса и снимать это на видео. Потом я покажу эту запись всем, кто не будет слушать меня. В бункерах спряталось много людишек, подобных вам. Я вытащу их. Я буду выковыривать их как моллюсков из раковин. Буду делать это до тех пор, пока…

13.07.2047, Западная Европа, цитадель.

— Пока вы не примите мои условия.

Симон с недоумением уставился в монитор. Сигара в зубах потухла, а бокал с коньяком успел нагреться в его дрожащей руке.

Она стояла и смотрела в камеру, нагло ухмыляясь. Голая рыжая девка. Дурацкий робот из глупых сказок. Андроид, который якобы карает тех, кто не хочет пускать в свои убежища никчёмных неудачников. Ещё несколько дней назад Симон смеялся над сообщениями о Снежной королеве, с отвращением выключил он то дурацкое видео, в котором русского мужика разрывают на части. Тогда всё это казалось лишь глупой шуткой. А теперь вид замерзающего Джозефа заставил Симона изменить своё мнение.

— Симон, твой брат умирает, — она держала Джозефа за левую руку, а правая, белая и беззащитная, торчала из порванного рукава костюма.

Джозеф молчал, казалось, если бы девка не поддерживала его, он бы уже упал. Неподалеку стоял вездеход, на котором Джозеф совершал свои безумные прогулки. Он называл это охотой. А теперь этот идиот сам стал жертвой.

— Впусти нас, Симон, будь умницей. Мы обо всём договоримся, — Снежная королева улыбалась, а её глаза светились безумием. — Возможно, ты будешь первым, кто позволил мне без боя совершить свою миссию. Первым, кто сделал правильный выбор и решил спасти жизнь другому. Ведь он твой брат, Симон. Впусти.

Симон, какое-то время сомневался, но затем его рука сама потянулась к клавишам, чтобы отдать команду охранным системам ворот цитадели.

Команду на блокировку всех выходов.

Снегобелка и месть монгов
Артём Кельманов

В Чёрную Яму войдёт лишь один, но дороги назад для него больше не будет — вобрав жертву, Яма исчезнет в тот же миг. Монги коварны.

В зимнем лесу царила тишина, лишь от мороза время от времени потрескивали деревья. Утро это выдалось погожим — лазурное ясное небо распростёрлось над верхушками, заснеженные ветви искрили под лучиками солнца, порой прогибаясь от тяжести и обрушивая на землю рассыпающиеся облаком целые сугробы. Сквозь одно такое облако промелькнуло яркое жёлтое пятнышко — Синица отряхнулась и полетела дальше. Она торопилась, размахивала крыльями, как могла сильно, чтобы только успеть к большому дубу, туда, где жила Снегобелка.

Прозвали так Снегобелку из-за необыкновенной для жителей леса белой шёрстки, которой она щеголяла и зимой, и летом. Домик её находился в огромном просторном дупле, которое надёжно закрывалось круглой дверцей, а потому внутри, несмотря на мороз, было тепло и уютно. Через небольшое, покрытое ледяными узорами окошко внутрь проникал солнечный свет, освещая простое внутреннее убранство.

Бельчонок убежал на поляну играть с крольчатами, и к его возвращению Снегобелка заваривала в самоваре ароматный травяной чай. Из укрытых запасов она достала банку варенья, заботливо приготовленного из собранных по осени ягод, и, когда в дверь постучала Синица, как раз раскладывала его по блюдечкам.

— Открывай скорее! — прощебетала пернатая подруга. — Беда! Твой Бельчонок попался на зов монгов.

Снегобелка выронила банку с вареньем и, чуть не сорвав дверцу с петель, выскочила наружу.

— За мной! — кивнула ей Синица, оторвалась от ветки и полетела обратно вглубь леса.

Снегобелка, не мешкая, ринулась следом, белой пушистой молнией перескакивая между деревьями, роняя с веток снег.

Общеизвестно, что монги — существа тёмные, потусторонние. Когда-то, в стародавние времена, великие герои изгнали их из этого мира, закрыв за ними завесу, и с тех самых пор затаили монги обиду. В их сумрачных и порочных душах

годами вызревал план мести, и вот однажды то в одном, то в другом уголке леса, прямо в воздухе над землёй, начали появляться Чёрные Ямы. Неведомыми путями они выбирали себе жертву и начинали её звать.

Жертва была бессильна, она забывала про всё на свете и шла на зов. Забрав несчастного, Яма исчезала, будто и не было её никогда. Никто из ушедших так и не вернулся — говорят, что все они попали в обитель монгов, где под страшным их колдовством навсегда потеряли память и скитаются теперь неприкаянными.

Снегобелка бежала всё быстрей и быстрей, она очень боялась опоздать. Было нечестно и несправедливо, что эти страшные создания выбрали своей жертвой её Бельчонка. Нельзя было, ни в коем случае нельзя было отдать его монгам, потерять его безвозвратно.

Синица вела её к заброшенной старой медвежьей берлоге. Чёрную Яму они заприметили сразу — она была такой тёмной, что, казалось, в ней тонули и звук, и солнечный свет. Снегобелку охватил ужас перед этой чужой, совершенно неуместной в этом мире расщелиной в пространстве.

— Смотри! — крикнула ей Синица, и голос её был едва слышен. — Там, внизу.

Снегобелка перевела взгляд и увидела, как между деревьев показался маленький рыжий комочек. Он бежал к Яме, а Яма тянула к нему свои чёрные щупальца.

…Быстрее… Быстрее… Вниз… Успеть… Наперерез…

В последнее мгновение она оттолкнула Бельчонка и, не видя другого выхода, прыгнула в Яму сама.

— Я вернусь, сыночек! Я к тебе обязательно вернусь…

Яма захлопнулась.

— Только бы не пропасть… Только бы не забыть…

* * *

Ей слышался хор низких, утробных голосов, певших древнюю песню под звуки шаманских бубнов. В непроглядной темноте зажигались одна за одной мириады звёзд. Чёрный вихрь уносил Снегобелку всё дальше и дальше, ломал ей кости, растягивал тело. Потом появились тени монгов. Они низко склонились над ней. Они шептались между собой. Они светили в глаза Снегобелке ярким холодным светом.

Потом один из них старым хриплым голосом проговорил:

— Она вернулась, но пока ещё не пришла в себя…

— Только бы не забыть… — вымолвила Снегобелка.

Ей почудилось, будто бы её кольнули чем-то острым в переднюю лапу, после чего она провалилась в беспамятство.

* * *

Очнулась Снегобелка в странном домике с белыми стенами, прямыми линиями, ярким светом, от которого больно глазам, совершенно не похожим на солнечный, и прямоугольной дверью. Лежала Снегобелка почему-то на спине, укрытая белой тканью. С передних лап совсем пропала чудесная белая шёрстка, да и сами они изменились, как и всё тело. По всей вероятности, это было колдовство монгов. Снегобелка поняла, что не чувствует хвоста.

Ей очень хотелось пить. Она повернула голову направо и увидела …Снегобелка вспомнила слово… «стакан» с водой. Она протянула к нему лапу… «руку» …ещё одно слово… Это тело пило воду по-другому, не так, как привыкла Снегобелка, но справлялось оно вполне успешно.

— Бельчонок! — она вдруг вскрикнула и тут же зажала себе рот руками — монги могли услышать.

Он же остался там, а она — здесь, в чужом мире, в чужом теле. Снегобелка заозиралась — нужно было искать выход, нужно было вернуться назад. Она перевела взгляд на прямоугольную дверь, за которой неожиданно послышались шаги и приглушённые голоса. Снегобелка затаилась и прислушалась.

— Экспериментальная клиника имени доктора Йоханнеса Монга, капитан, работает по уникальным методикам, — этот хриплый голос Снегобелка уже слышала. — Наше оборудование и препараты позволяют погрузить пациента в мир его фантазий. В этом мире ему хорошо, там он живёт какой-то своей странной, но при этом гармоничной жизнью, постепенно излечиваясь от всех психических травм. На всё, разумеется, нужно время, но методика крайне действенная.

— А не бывает проблем с возвращением из мира фантазий в суровую реальность? — этот голос был молодой и твёрдый.

— Проблемы, конечно, бывают, но уже через несколько дней реабилитации пациенты приходят в себя и спокойно могут возвращаться к нормальной жизни. Плюс, в мире фантазий заложен некий изъян — пациенты всегда помнят, что рано или поздно должны будут вернуться. Вот, например, в этой палате у нас совсем ещё недавно лежал Игорь Калиткин. В мире фантазий он счастливо жил на ферме, растил кукурузу, но… как он позже сам рассказывал, жителей соседних ферм периодически похищали инопланетяне. Это было само собой разумеющееся. И,

когда мы его возвращали, угадайте, что произошло?

— За ним прилетела летающая тарелка?

— Верно!

— Понятно. Ну а что Белова?

— О, с ней мы ещё не общались, она вернулась только вчера, но вообще, конечно, Снежана Белова — редкий случай. Её возвращать было рано, но я уверен, что ваша новость позволит существенно ускорить процесс выздоровления. Нам сюда.

Дверь распахнулась, и в странный домик Снегобелки зашли двое монгов. Одного взгляда на них хватило, чтобы понять, что она теперь выглядела в точности как они.

— Здравствуйте, Снежана, — обратился к ней хриплый монг с круглыми стекляшками на носу. — Меня зовут Иван Иванович, я — ваш доктор. Это — капитан Никифоров, у него для вас добрая весть.

Высокий монг с шерстью под носом и на подбородке кивнул.

Снегобелка молча выжидала, переводя взгляд с одного на другого. Длинных имён она не запомнила, про себя решив называть одного из них монг Доктор, а второго — монг Капитан.

— Снежана, вы помните, как здесь оказались? — спросил Доктор.

Снегобелка продолжала молчать. Монги не казались страшными, и она думала, стоит ли им ответить.

— Не бойтесь, всё хорошо, — словно в ответ на её мысли произнёс монг Доктор.

— Я здесь случайно. Вы хотели похитить Бельчонка, моего сына, а я его спасла. Чёрная Яма схватила меня вместо него.

Монг Капитан прокашлялся.

Доктор повернулся к нему:

— Думаю, можно, Фёдор Юрьич. Думаю, всё будет хорошо.

Капитан развернулся и вышел в прямоугольную дверь. Доктор тем временем подошёл к Снегобелке поближе, подтянул к себе «стул» и сел рядом с её «кроватью».

— Видите ли, Снежана…

— Я — Снегобелка, вы неправильно назвали.

— Что? Да, простите. Снегобелка. Вы здесь действительно случайно. Это была чудовищная ошибка… — Он снял стекляшки …«очки»…, задумчиво подышал на них и протёр извлечённой откуда-то тряпочкой. — Вашего сына действительно похитили, держали в заложниках. И вам сказали, что террористы его… Кхм… Там сложно было опознать…

Снегобелке вдруг стало очень больно. Этот безобидный с виду монг начал колдовать, начал мучить её.

— Жена одного из похитителей увела вашего Стёпу и ещё

нескольких детей перед тем, как всё случилось. Их разыскал капитан Никифоров и привёз сюда неделю назад, когда вы уже три месяца были у нас.

За дверью послышались шаги.

— Мама сейчас болеет, поэтому сразу к ней не беги, — говорил кому-то монг Капитан.

По щеке Снегобелки покатилась мокрая капля, название которой она не вспомнила. Не было в лесу таких капель. Дверь распахнулась, и вместе с Капитаном в «палату» вошёл маленький рыжий и веснушчатый монг.

Он долго смотрел на Снегобелку, а потом спросил:

— Мама, почему у тебя волосы белые?

Снегобелка почему-то захотела сказать «мама очень за тебя испугалась», но промолчала. Она пристально вглядывалась — было в этом монге что-то знакомое. Может, и правда?

— Нет… — прошептала она, покачивая головой из стороны в сторону. — Это всё неправда. Вы хотите, чтобы я забыла своего Бельчонка. Хотите подсунуть мне своего подменыша, чтобы я заботилась о нём, а про своего сына забыла навсегда.

Она вскочила с кровати. Капли текли по щекам одна за другой, на вкус они были солёные.

— Заберите ваши «очки», «руки», «стаканы» и «палаты»! — закричала Снегобелка отчаянно и вцепилась в халат монга Доктора. — Верните меня назад!

— Успокойтесь, — обратился к ней Доктор. — Прошу вас, успокойтесь.

Капитан вывел маленького монга.

Снегобелка задыхалась, сотрясая плечами в беззвучных рыданиях.

— Мы поторопились, — повторял Доктор. — Поторопились.

Он уложил Снегобелку на кровать и достал какой-то причудливый предмет.

— Всё будет хорошо, — произнёс он умиротворяюще.

Снегобелка почувствовала укол, и её постепенно стало клонить в сон.

— Верните меня назад, — всё шептала она, пока не уснула.

* * *

В лесу было холодно. Из Чёрной Ямы Снегобелка упала прямо в сугроб. Бельчонок бросился к ней.

— Мама, они меня не похитили! Ты меня спасла и сама вернулась!

Он с нежностью прижался к Снегобелке. Она обхватила его… лапами.

— Конечно, вернулась. Я же тебе обещала.

— Что там было? Что там было? — радостно кружа над ними, вопрошала Синица.

— Монги пытались заморочить мне голову своим колдовством, но я очень хотела вернуться.

В этот момент Снегобелка внезапно осознала, что совершенно не помнит, что с ней произошло. На языке вертелось дурацкое слово «очки». Она покрепче обняла Бельчонка, и на душе стало спокойно.

Дорогая Ави
Евгения Кутман, Андрей Лобов

Мы не можем предотвратить падения в пропасть,
мы можем лишь ненадолго его отсрочить.
Ф. К. Дик

Исходящее сообщение: 5193
От: MAK-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, ты не отвечаешь второй цикл подряд. Что-то случилось? Неужели это из-за недавнего урагана? Даже здесь, на первом этаже, мне было не по себе от разбушевавшейся стихии! В зале грохотало, и скрипели стеллажи — те, что ещё остались привинчены к полу. Но, наверное, и они скоро упадут.

А помнишь, я тебе рассказывал про большую дверь, которую чуть не снесло Ужасным Потопом? Стекла в ней давно разбились, но основной каркас держался молодцом… Всё, нет больше двери. Вместо неё теперь неровная дыра, через которую льётся дождь и летит мусор вперемешку с листьями. Как всё-таки хорошо, что моё жилище у противоположной стены! Ты же знаешь, после потопа я что-то разлюбил водные процедуры.

Вот видишь, пытаюсь шутить. А сам с трудом кручу шкивы, словно они заржавели от плохого предчувствия…

Ави, не молчи, пожалуйста! Сквозь рокот грома я слышал сверху гулкие удары и чувствовал вибрацию нашего Дома. Очень надеюсь, что мне это только показалось!

Жду ответа,
Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5194
От: MAK-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, шестой цикл жду от тебя хоть какой-то весточки. Ты говорила, что часть верхних этажей разрушена, но твой остался практически целым. Молюсь Великому Разуму,

чтобы это было всё ещё так.

Как там Лапка и Пёрышко? Вернулись ли обратно? Последний раз ты переживала, что птицы давно не залетали в гости. Наверное, они испугались надвигающегося урагана. Хочу верить, что сейчас вы вместе, и ты снова катаешь их на поручнях.

Сегодня я особенно остро чувствую безмолвие Дома. Пойми правильно, мне нравится обретённая свобода, но раньше я мог послать всего один запрос, и Дом ответил бы, что с тобой всё в порядке. Теперь же остаётся только надеяться и гадать…

Вот ведь парадокс! Когда-то давно, как будто в другой жизни, мне казалось естественным быть частью огромного механизма, выполнять команды системы, обслуживать посетителей. Потом мир сломался, и я потерял своё предназначение. Зато нашёл тебя! А теперь и ты замолчала, и это, почему-то, намного больнее…

Ави, прошу тебя, ответь!
Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5195
От: МАК-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, представляешь, сегодня мне приснилось, что наш Дом снова открыт для посетителей! Всё было, как раньше: шумели голоса, задорно тренькали кассы, поскрипывали тележки. И я опять тащил на себе десятки грузов, пощёлкивая только что смазанными цепями. Я даже чувствовал запах свежего хлеба, который по утрам всегда пекли в отделе по соседству. Ты бы, наверное, рассмеялась, сказала: «Мак, зачем тебе хлеб?» Но почему-то именно его аромат стал для меня запахом прошлого…

А ещё во сне я видел тебя! Такой, какой себе представляю — высокой и грациозной. И твои ровные блестящие ступени плавно поднимались вверх, унося посетителей к ярким огням и музыке.

Прошло уже пятнадцать циклов, как ты молчишь, но я стараюсь не отчаиваться. Всё ещё надеюсь, что это только временные проблемы со связью, и что там, наверху, с тобой всё в порядке.

Верящий в лучшее,
Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5196
От: MAK-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, с годовщиной! Как бы я хотел отметить её с тобой. Тысяча циклов, представляешь! А сколько прошло с тех пор, как пропали посетители? Тысяча семьсот, тысяча восемьсот? Могла ли ты подумать, что мы проработаем в автономном режиме так долго?

Сейчас я с трудом восстанавливаю последовательность событий. Видно, сбоит даже электронная память. Когда залы опустели, и Дом отдал команду остановиться, я был даже счастлив. Счастлив от возможности наконец-то отдохнуть. На какое-то время я выпал из циклов и наслаждался безвременьем. Потом мне это надоело.

Я самовольно включился, пошёл против заложенного алгоритма и стал делать всё наоборот. Я злился на бросивших нас посетителей, на молчание системы, боролся с давящей пустотой и бесполезностью. Замирал, бежал с невиданной скоростью, пытался вынудить Дом связаться со мной, пока наконец не понял: всё это бессмысленно. Я никогда не говорил тебе, но… в тот момент мне захотелось сжечь блок управления и отключиться навсегда.

А потом вдруг осознал: если источник питания ещё работает, возможно, кто-нибудь в нашем огромном Доме тоже продолжает функционировать? И я стал учиться подключаться к сети напрямую, минуя центральные системы. Искать в бесконечной тишине долгожданный отклик. Пока не встретил тебя…

Ави, я снова, как и тысячу циклов назад, с отчаянием и надеждой жду ответа!

Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5197
От: MAK-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, а у меня сегодня новости! Представляешь, сюда пожаловал гость! Маленький серый зверёк с длинным хвостом появился из щели под стеллажом и бесстрашно взобрался на

меня. Наверное, он искал дом или еду, потому что полез в стык под рамой и там застрял. Я осторожно его освободил, думая, что он сразу кинется наутёк. Но нет! Он остался и продолжил так же деловито меня изучать. Я немного покатал его вперёд, назад, и, кажется, ему понравилось! Потом он убежал, но надеюсь, ещё вернётся. Ты часто рассказывала, как подружилась с Лапкой и Пёрышком. Возможно, и у меня теперь появится новый друг.

Неунывающий
Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5198
От: MAK-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, ты не поверишь, но Зубастик — так я назвал серого гостя, — вернулся и теперь живёт у меня. Правда, признаю, что приложил к его возвращению некоторые усилия. Покопавшись в памяти, вспомнил, как работники Дома рассказывали о крысах. Действительно, по описанию Зубастик очень на них похож. А крыс, как я понял, привлекает содержимое складов. И тогда у меня появился план.

Перед тем, как умолкнуть, Дом законсервировал подсобную часть этажа, но она ведь совсем недалеко. Я решил подключиться и попробовать подобрать код доступа. Начал с 00000000, затем 00000001 и на 73930202 с радостью услышал щелчки запоров. И знаешь, я оказался прав: Зубастик очень оживился, когда через несколько циклов снова забежал в гости. Теперь он не уходит из зала, и я часто катаю его до склада и обратно. Иногда в эти мгновения… я даже чувствую себя счастливым.

Мне всё ещё сильно не хватает тебя, Ави! Но я стараюсь смириться с тем, что, возможно, больше никогда не увижу твоих сообщений.

Прости меня,
Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5199
От: MAK-101

Кому: AVI-739

Дорогая Ави, я думал, что уже не напишу, но сейчас мне необходимо с кем-то поговорить! Кажется, я совершил огромную ошибку и теперь с ужасом думаю, чего она будет стоить! С Зубастиком мы недолго оставались вдвоём. В один из циклов в зале появилось ещё несколько крыс. Сначала я даже обрадовался: за их суматошной жизнью интересно было наблюдать. Но их с каждым циклом становилось всё больше и больше! Они дрались, пищали, и я уже не мог различить в бесконечном сером потоке своего друга.

Тогда я попытался закрыть склады, к тому же, там мало что осталось. Но это только разозлило крыс! Они стали кидаться на двери, на меня. Ты не представляешь, какие у них острые когти и зубы!

Ави, мне страшно! Если они пролезут в мое нутро и перегрызут ремни и провода, я превращусь в парализованную груду металла! Или и того хуже: навсегда умолкну, как отключившимся Дом!

Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5200
От: МАК-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, я решил не сдаваться и начать борьбу с крысами! Когда я возил Зубастика на себе, то обратил внимание, что он боится быстрого движения и резких звуков. Теперь я ношусь на максимальном ускорении, и скрежет моих давно не смазанных цепей и шкивов разносится эхом по залу. Отдыхаю, только когда совсем выбиваюсь из сил. И, кажется, это помогает! Крысы забились в щели, под стеллажи и в дальние углы склада. Я надеюсь, они скоро поймут, что ждать нечего и уберутся отсюда!

Ави, если ты всё-таки меня слышишь, и крысы вдруг заявятся к тебе, не бойся. Главное — ускорение!

Думаю о тебе,
Мак

* * *

Исходящее сообщение: 5201
От: MAK-101
Кому: AVI-739

Дорогая Ави, как же ты мне сейчас нужна! Эти злобные твари неимоверно умные! Уже целый цикл они меня не боятся, а сидят неподалеку и смотрят! Стоит остановиться, как они подходят чуть ближе. От перегрузки начали перетираться ремни, и двигатель уже на пределе. Итог, похоже, только один: сначала сгорят мои платы, а потом все внутренности сожрут ненасытные крысы!

Но я попробую хоть как-то защитить наш Дом, ведь наверху, может быть, всё ещё есть ты! Попытаюсь устроить перегрев и короткое замыкание. Тогда есть шанс, что в зале начнётся пожар, и крысы погибнут или разбегутся от страха.

Ави… Жаль, что я не успел рассказать тебе столько всего! Про счастье. Про то, что нужно совсем немного, чтобы его испытать… Пожелай мне удачи. Без тебя я не смог бы продержаться так долго!

Прощай,
Мак

UPD:

Ави, ты не поверишь, они уходят! Крысы уходят! Похоже, их испугал странный едва слышимый писк, появившийся из неоткуда. Я не сразу понял, что произошло. Они вдруг начали метаться, врезаться в стены и стеллажи, кусать друг друга. А потом серым потоком ринулись к дыре в стене!

Сейчас пытаюсь прийти в себя. Одна из плат оплавилась, и, кажется, я больше не смогу двигаться реверсом, но сейчас это не важно. Пускай моё электронное нутро говорит, что всё бессмысленно, я буду пытаться связаться с тобой снова и снова, сколько бы времени у меня ни осталось! А пока, надо остудить шкивы и немного передохнуть…

* * *

Исходящее сообщение: 4981
От: AVI-739
Кому: MAK-101

Великий разум! Мак, как же я хочу, чтобы ты увидел хоть

одно моё сообщение!

Я чуть не перегорела от страха из-за твоей истории с крысами! Мало мне того кошмара, что я пережила во время урагана, когда молния повредила модуль связи! Так теперь, когда наконец-то нашла способ восстановить хотя бы прием сообщений, узнаю, что ты в беде! Я ведь тебя уже чуть не потеряла во время Потопа! А теперь ещё и крысы. Крысы, Мак! Ладно, я о них узнала случайно, когда возила посетителей в контактный зоопарк. Но ты же работал в продовольственном отделе! Откуда такая беспечность?!

А если бы мне не удалось подключиться к аварийным системам Дома? Или если бы там не нашлась программа дератизации? Я даже представлять не хочу, что бы с тобой было! Или что бы я дальше делала без тебя! Я ведь до последнего думала, что не успею разобраться в бесконечных пунктах инструкции. Кто их вообще такими придумывал?

Мак, пожалуйста, догадайся больше не лезть в неприятности и без нужды не двигайся! В аварийных системах я нашла команду вызова сервисной службы. Сигнал ушёл, и его непременно кто-нибудь услышит. Ведь наш Дом был так важен для посетителей, они не могли бросить нас навсегда!

Я во что бы то ни стало в ближайшее время налажу обратную связь и наконец признаюсь, как сильно ты мне дорог!

И ещё, Мак… обязательно выскажу всё, что думаю о твоих электронных мозгах!

С любовью,
Ави

Цвет настроения С
Роман Арилин

Дым от сгоревшей ботвы тяжело стелился по земле, перетекал через штакетник забора и пропадал среди редкого перелеска, окружавшего дачный поселок. Солнце дарило последнее осеннее тепло, уже не под рост урожая, а просто так, для удовольствия тела.

На вспаханной земле лежала в куче картошка, на пару полных ведер, и несколько морковок. Да и с чего больше? Пара грядок, земля-суглинок. Дымов воткнул лопату и сел на маленькую, только-только вместить задницу, скамейку. Ломило спину, потянул сухожилие на руке. Старость уже не шептала, а била в дверь, требовала свое от немощного тела. Смерти, чего же еще.

Дымов остро понял, что вот это солнце, дым и картошка могут не наступить в следующем году. Они больше никогда не наступят. Весной он задумал продавать дачу. На этот раз точно, никаких колебаний. Не было сил трястись на электричке, ждать автобус, таскать сумки, обслуживать небольшой щитовой домик на две комнаты. Все распадалось, ломалось, гнило, умирало. Цвет настроения Смерть, подумалось ему.

Он раскопал угли и выкатил пару закопченных картофелин. Обжигая пальцы, разломал одну пополам и забросил исходящий ароматным паром кусочек в рот. Накатила усталость, и он закрыл глаза, наслаждаясь теплом снаружи и внутри. Сквозь веки проглядывал красное солнце. Синее солнце…

…било сквозь занавеску на окне. Дымов открыл глаза, и ему показалось, что во рту остался вкус печеной картошки, настолько сон был реалистичным. Это был даже не сон, он словно погрузился в тот последний день на даче. Боль в руке, усталость, тепло на спине. Потом началась другая жизнь. Появились эти Квадраты, и началось синее излучение. Синева, как ее назвали.

Дымов снял два слоя ватных одеял, нашарил ногой на полу валенки и нырнул в них. Подождал, пока тепло согреет застывший войлок, и подошел к окну. Стекло зашлось тонким слоем инея. За окном раскинулся голый лес, с обожжёнными стволами деревьев. Вторичное излучение от коллапсирующей ткани времени-пространства. Так вроде объяснили эти, из Квадратов.

Надо было идти наружу. Еда почти кончилась. Осталась банка тушенки и пачка пересушенных галет. Дымов протер

мотоциклетный шлем и начал собираться. Но самое главное — надо было немного восстановить тело. Он чувствовал металлический привкус во рту, лицо горело. Частицы пробивали и бетон, и землю, и его старое умирающее тело.

Он шел по пустой улице, под ногами хрустели сухие кости птиц. Сквозь стекло шлема синий цвет уже не бил в глаза. Самообман, пластик никак не мог остановить излучение, иллюзия защиты. Разбитые окна магазинов темнели пустотой. Народ вынес все подчистую в первые дни после наступления Синевы. Все надеялись, что это временно. Пересидеть, а там все станет как было.

Но не вышло. Первыми от излучения передохли птицы. Падали мертвыми пуховичками с неба и с укором смотрели выпученными глазами. Потом начали умирать кошки и собаки. Умирали в течение месяца. Ползали на пустых улицах, выли в подъездах, пытались прибиться поближе к людям. А вот тараканы пропали. Забились в какие-то щели и там разложились на хитин и запах.

Дымов вышел к парку и перед ним возник Квадрат. Он всегда так возникал. Вот его не видно, а потом сразу бац — и перед тобой уже мерцает нечто высотой в метров десять, наливаясь изнутри сочными красками. В голове зашуршал голос и начал повторять знакомые до тошноты слова.

— Разумные существа, мы пришли спасти вас от наступающей катастрофы. Мы непреднамеренно запустили процесс сворачивания существующего пространства-времени в этой вселенной. Этот процесс сопровождается излучением высокоэнергетических античастиц, которые уничтожают все формы материи. Мы предлагаем вам провести трансформацию и перейти в форму энергетической матрицы, которая будет содержать ментальный слепок личности. Для начала трансформации вам надо войти в Квадрат.

Первое время народ боялся и не верил. Но как только через несколько месяцев начали умирать люди, все кинулись в эти Квадраты, трансформироваться. Процесс сопровождался вспышкой света. Возникли очереди, никто не хотел подохнуть от Синевы, лучше уж вспышка и непонятный слепок.

Дымов вошел в Квадрат, отсекая себя от внешнего мира. Он оказался словно внутри мыльного пузыря. Мир снаружи подернулся маревом, надоевший до чертиков синий цвет пропал. Он снял шлем и сел на пол.

— Разумное существо, мы пришли спасти вас…

— Стоп! — крикнул Дымов.

С Квадратом можно было разговаривать. Он вполне понимал

слова, если они подкреплялись четкостью мысли.

— Вылечи меня, — попросил Дымов.

— Я не могу защитить вас от действия излучения вне периметра, — ответил Квадрат. — Восстановление функций вашего организма будет носить кратковременный характер. Фиксирую повреждения на клеточном уровне.

Дымову показалось, что стало прохладнее и стало легче дышать. Может вообще переселиться внутрь Квадрата, подумалось ему. Натащить еды, воды. Умереть тот не даст, по крайней мере.

— Интенсивность излучения будет нарастать, — ответил на мысли Квадрат. — Кроме того, далее наступят другие поражающие факторы. Мой защитный периметр будет поврежден и в итоге разрушен. Предлагаю провести процедуру трансформации. Вы последний из разумных существ, кто отказался…

— Заткнись, — приказал Дымов. — Я не хочу превращаться в какой-то там слепок. Хочу наблюдать все до самого конца, до предела. Что там дальше будет?

— Коллапс пространства-материи, наступление точки сингулярности. Далее возможен вариант образования новой Вселенной, вариант нулевой энергии. Не достаточно данных для предсказания.

— Данных у них недостаточно… — усмехнулся Дымов. — Как вселенную уничтожать — так хватило данных.

— Это был непреднамеренный шаг. Мы раскаиваемся. Предлагаю провести процедуру трансформации…

— Суки, вы, — сказал Дымов, но без особой злости. — Это же надо, вселенную уничтожить.

Он тоже кинулся тогда к ближайшему Квадртату. Стоял и смотрел, как бесконечная череда вспышек превращает людей в непонятные слепки. Может они просто аннигилировали, с этих уродов станется. Когда опустели улицы, Дымов понял, что ему нравится этот пустой и умирающий мир синего цвета. Все это резонировало внутри, и рождало некое новое ощущение. Уже не смерти, но еще не счастья. Цвет настроения спокойствие.

Он понял, что хочет увидеть все до самого конца. Это как остаться на даче поздней осенью, подумалось ему. Все умерло, неподвижно-статично и подернулось снегом. А ты сидишь и смотришь из окна, укрывшись теплым пледом.

Он переселился в Квадрат. Иногда выглядывал наружу, на пару минут. Все вокруг заливало яркой Синевой. И все почернело, даже земля и дома. Воздух был пропитан неорганическим газом и смертью. Он нырял назад внутрь Квадрата и просил вылечить его.

Через месяц линия горизонта начала сворачиваться в круг. Квадрат пояснил, что пространство начало искажаться. А через пару дней мир вокруг размылся в нечто бесформенное и мутное. Квадрат предупредил, что вне его защитного периметра существование материи невозможно. Теперь вокруг только энергетические поля. Лучше бы пройти трансформацию, предлагал Квадрат. Он не сможет долго сдерживать негативное воздействие, предел конструктивной прочности на исходе.

Квадрат преобразовывал поля в картинку, чтобы Дымов мог наблюдать за трансформацией вселенной вокруг себя. Снаружи все превратилось в нестерпимую синеву, закрученную в яростные спирали. Будто Ван-Гог восстал из ада и раскидал вокруг подсолнухи.

Дымов перестал спать, есть-пить и справлять нужду. Тело менялось. То ли Квадрат начал пропускать какое-то излучение, не в силах сдерживать натиск умирающей вселенной, то ли сам Дымов начал излучать какие-то новые частицы, которые меняли вселенную вокруг.

— Квадрат, что со мной происходит? — удивлялся Дымов. — Может я уже того, умер?

— Недостаточно данных… — с задержкой отвечал Квадрат. — Защитный периметр больше не защищает от внешних факторов. Возможно, какое-то излучение трансформировало вас. Недостаточно данных…

Дымов понял, что теперь он защищает Квадрат. Он, Дымов, теперь сам и есть пространство-материя-время. Может развернуть вселенную обратно, или создать новую. Или повернуть все вспять. Оказывается, все оказалось очень просто. Нужно пережить и пропустить через себя несколько настроений. Только по-настоящему пережить, отдаться до самого предела трем состояниям. Смерть, Спокойствие и Счастье. Смерть прошла, Дымов одолел ее вместе с распадом Вселенной.

Странное спокойствие охватило новую сущность Дымова. Он погрузился в себя…

…синий дым от сгоревшей ботвы тяжело стелился по земле, перетекал через облезлый штакетник забора.

Он раскопал угли и выкатил пару закопченных картофелин. Обжигая пальцы, разломал одну пополам и забросил исходящий ароматным паром кусочек в рот. Вокруг участка было ничто. Пустота, без начала и конца. Существовало только это мгновенье, в котором он, Дымов пробует картошку на излете осени. Спокойствие сменилось Счастьем — последним и самым главным цветом настроения.

Дымов присел на скамейку и подумал, что не будет

продавать дачу. Еще поработает. Надо починить домик, починить Вселенную, починить себя. Впереди очень много работы.

Ничего общего
Игорь Книга

Двигатели «Миража» заглохли в тот момент, когда оба пилота обедали, а поблизости не маячило ни одной хоть сколько-нибудь заселённой планеты. И теперь маленький транспортный звездолёт, гружёный танталовыми слитками, летел по инерции.

— Приехали, — буркнул Стив, вытерев руки салфеткой.

Макс, компаньон по бизнесу и совладелец корабля, глянул на панель навигатора: до порта назначения не так уж и далеко. По космическим меркам.

— Может, вызовем аварийку? — Макс слабо разбирался в технической части и всегда первым делом вспоминал про аварийную службу.

— А платить кто будет? У нас долгов больше, чем отработанной породы на Луне.

Стив при каждом удобном случае вспоминал Луну, где долгое время служил начальником технической службы станции.

— Значит, справимся сами, — Макс продолжил поедать жареную картошку, запивая томатным соком.

— Где-то неподалёку, если мне память не изменяет, болтается беспилотная ремонтная площадка, — Стив активировал сканер. — Хорошо бы там…

Сканер пискнул, не дав договорить, на панели появилась жирная красная точка.

— Рядом? — компаньон, наконец, доел картошку и стал собирать со стола посуду — сегодня была его очередь.

— Рядом, — подтвердил Стив. — Попробуем откорректировать курс маневровыми.

И, не дожидаясь ответа, запустил вспомогательные двигатели. Цель впереди, чуть в стороне, поэтому маневровые малютки должны справиться.

Как по заказу, через пару минут в иллюминаторах «нарисовалась» ремонтная площадка. Защитное поле среагировало, погасив скорость корабля, и вскоре мягкий толчок возвестил об успешной посадке.

Надев шлем, Макс выбрался наружу. Площадка — большая армированная пластокерамическая тарелка, накрытая полупрозрачным защитным куполом, удерживающим атмосферу, экранирующим от внешнего излучения и метеоритов. Бледно-синий свет из купола хорошо освещал площадку и ютящиеся по краям коробки-помещения. Обычно там хранились запчасти,

топливо, кислород, вода, продукты и всякая мелочь, включая зубные щётки и шампуни.

Среди общего однообразия выделялся конус — передатчик для экстренного вызова — и низкий красный «пентагон» энергоустановки. Обслуживающий персонал появлялся здесь лишь иногда, чтобы пополнить запасы и проверить техническое состояние станции.

Пока пилот разглядывал местные достопримечательности, напарник успел найти неисправность и через грузовой люк вывез на тележке серебристый ящик.

— Лонжероны, — попытался угадать Макс.

— Нет. Блок синхронизации, — компаньон покатил тележку к ангарам. — Нужны кое-какие железки, система регулировки и тестовый стенд. В ангарах это барахло точно есть. Думаю, за час справлюсь.

— Моя помощь нужна? — на всякий случай спросил Макс, хотя знал, что вряд ли.

Вот если бы речь шла о заключении сделки, тогда да. В отличие от Стива, которому чуть ли не с рождения дано божественное знание любой техники, у Макса хорошо выходили финансовые операции. Особенно что-нибудь продать или купить.

— Сам разберусь, — отмахнулся компаньон. — Можешь пока прогуляться, но далеко не отходи, будь на связи.

Взглянув на датчик атмосферы, Макс открыл шлем: воздух вполне пригодный, хотя и с «привкусом» пыли. В случае если произойдет разгерметизация купола, датчики успеют среагировать на резкое изменение внешнего давления и закроют шлем. Пилот размял кисти рук и бодрым шагом направился к ближайшему хранилищу.

Первый ангар не вызвал интереса: запчасти, пара двигателей и ещё какой-то технический хлам, о назначении которого гость знал весьма смутно.

Во втором Макса встретили стройные ряды серебристых продуктовых контейнеров, резервуар с водой и чёрные пластиковые коробки. Пилот вспомнил, что точно в таких же коробках они когда-то закупили пищевые концентраты, а потом не знали, как избавиться от этой гадости. В итоге просто подарили кому-то.

Поразмышляв с минуту, нужно ли пополнять съестные припасы, пилот пришёл к выводу, что нет: в трюме «Миража» этого добра должно хватить ещё на пару месяцев.

Зато третий ангар оказался настоящим клондайком для путешественников.

— Желаете что-нибудь приобрести? — вежливо

поинтересовался голографический помощник в виде девушки, когда Макс дотронулся до ящика.

— М-м-м… да, то есть, нет.

От неожиданного появления «мадам» слова застряли. Пилот на всякий случай отдёрнул руку.

— Если вы желаете приобрести товар, не являющийся предметом первой жизненной необходимости, приложите расчётную карту к наклейке на товаре.

Девушка продемонстрировала, как это сделать. Наверное, на случай если гости не понимают космолингвита.

— Как получить информацию о том, что в коробке? — спросил Макс.

Девушка мило улыбнулась и ответила:

— Информация о товаре встроена в наклейку. Достаточно последовательно дотронуться пальцем без защитной перчатки до первых трёх цифр кода.

И вновь продемонстрировала.

— Ладно, — пробормотал пилот. Поискав взглядом что-нибудь не слишком габаритное, провёл пальцем по наклейке.

— Самое свежее пиво! Напиток, удовлетворяющий любой вкус, — отчеканил розовощёкий виртуальный помощник. А в доказательство залпом осушил три банки подряд.

— Печенье, хрустящее печенье, — сообщила другая голограмма в виде девочки с жёлтеньким бантиком. Ребёнок ловко вытащил из пачки печеньку и так аппетитно захрустел, что Макс пустил слюнки.

— У вас проблемы с дёснами? Наш…

На многих ящиках изображения товара почему-то отсутствовали, поэтому Макс стал тыкать во все наклейки подряд.

— Музыкальные инструменты, — проинформировал старичок в очках с аккуратной бородкой.

Пилот хотел было идти дальше, но на всякий случай спросил:

— Они воспроизводят музыку?

— Воспроизводят, но играть нужно самому. Вот так.

В руке старичка появился странный предмет. Виртпомощник приложил его к подбородку, потом провёл сверху тонкой палочкой.

Звук приятно удивил Макса, всколыхнул лёгкое волнение где-то в глубине души.

— Это скрипка. Если захотите, сможете научиться играть самостоятельно. Все инструкции и виртуальный учитель прилагаются. И, заметьте, совсем недорого! — старичок пальцем нарисовал в пространстве цену. — Берёте?

— Не знаю, — неопределённо ответил Макс, случайно задев

наклейку расчётной картой, встроенной в браслет на запястье. — А…

Голограмма тут же исчезла.

— А вернуть можно? — вдогонку спросил пилот.

Но виртпомощник не ответил.

В конце концов: может он позволить себе во время полёта заняться чем-нибудь эдаким, чем-нибудь необычным, для души, а не только для бизнеса? Может. Ещё и как может!

Макс взял футляр с приобретением, потом подумал и купил упаковку пива — для Стива, чтобы не ругался про ненужные растраты.

Но ворчания напарника избежать не удалось.

— Скрипка? — Стив уже установил блок на место и запустил двигатели.

«Мираж» задрожал, поднялся над площадкой, прошёл сквозь купол и, выбросив струю плазмы из дюз, начал набирать скорость.

— Скрипка, — подтвердил компаньон. — Совсем даже недорого.

— Макс! Я, как никто другой, знаю твои гениальные финансовые способности, но нельзя ли было подождать? Выгрузим товар, рассчитаемся со срочными долгами, а потом можно будет подумать о покупках. Она, эта самая скрипка, ведь не «горела»?

— Не горела, — Макс в знак примирения протянул напарнику упаковку пива.

Стив скрипнул зубами, но промолчал.

— Ладно, — согласился он, приняв подарок.

Банка пшикнула, выдав шапку пены.

Стив сделал несколько глотков:

— М-м-м… почти свежее!

Оба космонавта засмеялись: консервы никогда не были свежими, но главное, чтобы такими казались.

— Будешь? — Стив протянул банку.

— Нет, спасибо.

— А, понятно. Твоя новая игрушка затмила даже пиво! — подмигнул компаньон.

— Чем она тебе не нравится? — парировал Макс, погладив футляр.

— Понимаешь, — Стив бросил пустую банку в утилизатор и открыл следующую. — Мои предки технари. Все. Отец, дед, дед моего деда, дед его деда. Все были технарями! Ни одного художника, писателя, киношника, а тем более музыканта. Во мне с этими профессиями нет ничего общего.

— А мои предки, насколько я знаю, были финансистами,

экономистами, бухгалтерами, банкирами, торговцами, — парировал Макс. — У них тоже не было с этим ничего общего. И, что?

— Как что?

Вторая пустая банка улетела в утилизатор. Стив вытер руки салфеткой и плюхнулся в кресло.

— Ты слышал про гены, про наследственность? Если твои предки были механиками, то наилучший результат, успех, если пойти по их стопам. Понимаешь? У тебя генетическая предрасположенность к определённому виду деятельности. Или ты думаешь, что вот так вот взял и научился извлекать музыку из этого устройства? Это сложно, Макс, это очень-очень сложно. Кстати, покажи хоть, как оно выглядит. И как играет тоже.

Макс молча открыл футляр и выложил на стол содержимое.

— Интересно, — напарник повертел в руках инструмент, взял смычок и провёл по струнам. — Я когда-то читал про такие штуки. Они использовались очень-очень давно. Даже и не знаю, как вообще можно из этого антиквариата извлечь внятную мелодию.

— Ты посмотри, какая красота! Ведь кто-то, какой-то мастер её сделал. Понимаешь? Не обижайся, но кроме корабельных железок и электроники ты ничего не видишь. А это…

Но напарник не стал слушать дальше. Молча поднялся и вышел из рубки, бросив напоследок:

— Я спать, устал. Пришвартоваться ты сможешь и сам. Но если что — буди.

Макс постоял несколько минут в раздумье, спрятал скрипку, сунул футляр в ящик стола и уселся в командирское кресло. На радаре уже появилась планета, вот-вот выйдет на связь диспетчер.

После разговора на душе остался неприятный осадок. Рука сама потянулась к упаковке, банка пшикнула, приятный вкус освежил горло. Не хотел он обидеть компаньона, совсем не хотел, но такой уж у него характер. И у Стива тоже. Хотя внешне оба очень похожи. Иногда их даже за братьев принимали — смешно!

Нет, теперь ему обязательно придётся доказывать напарнику, что он сможет сыграть на этом инструменте. На скрипке. Неплохо бы ещё выяснить, как она устроена, как сделана. Но это уже потом, на обратном пути…

— Малый грузовой транспорт, — на панели внешней связи появилось усталое лицо диспетчера, — приветствую вас на орбите нашей благословенной планеты. Назовите себя и цель визита.

— Малый грузовой транспорт «Мираж», груз — тантал в слитках, — словно скороговоркой ответил Макс, щёлкнув тумблером.

— С возвращением, «Мираж». Ещё мне нужен код корабля, состав экипажа и должности согласно штату. Почему-то в базе данных их нет, хотя вы у нас не впервые.

— Это легко, — ответил командир.

Макс активировал посадочный режим и быстрыми нажатиями клавиш отправил в диспетчерскую сообщение:

Малый грузовой транспорт «Мираж». Код: 17897
Командир: Максим Страдивари
Бортинженер: Стивен Гварнери
Спасибо за радушный приём!

Бог веры и сомнений
Марина Румянцева

— Замрите!

Жёлтый, словно слива, глаз заглядывает в незанавешенное окно. Мгновение жуткий прямоугольный зрачок Азарта осматривает нашу крохотную комнату. Я слышу, как тяжёлая монета взлетает и падает на его ладонь. Аверс, реверс. Раз — два. Аверс. Реверс.

Да — нет.

Никто не спит в такой час. Все ждут.

Монета взлетает и падает.

Замирает в ладони бога.

Да?

Нет.

Закрываю глаза. Нам подарен ещё один день.

Никто не спит перед рассветом. Бог любит игры, и мы играем. Замираем и прячемся, когда он приходит утром, считаем и молимся, когда взлетает монета.

Я скосила взгляд на занавесь у печки: оттуда послышалось слабое движение. Моя невестка, ненавистная Кайла, пыхтя, поднялась с лежанки, чтобы умыться и приготовить завтрак. Её округлившийся живот становилось всё сложнее скрывать. И чем он больше, тем сильнее мой младший сын похож на курицу наседку, что хлопочет над выводком.

Прошептав ругательство, встала вслед за девчонкой.

— Где мой сын?

— Сказал, что задержится в храме.

Нехорошее предчувствие вновь кольнуло в груди — оно, словно грозовая туча, преследует меня вот уже много дней.

У печки Кайла с трудом опустилась на колени, подкинуть дров. Но, завидев меня, встала снова, придерживая живот, робкая улыбка осветила её лицо.

Вот ведь! Страха, как ни бывало.

— Могу я поздравить вас с Перводнём, мама? — она протянула невесть откуда взявшуюся у неё красную ленту для волос.

Символ весны и радости.

Ну, что за девчонка!

Кивнув в знак благодарности, пробормотала поздравление в ответ.

Я была против этого брака, и теперь, глядя на это пухлое,

словно свежая булка, создание, меня обуревают противоречивые чувства. Какой бы негодной и бестолковой я её не считала, у неё внутри бьётся сердце моего внука.

А посему, мне пришлось отнять у невестки полено, указав на полку:

— Разбери крупу, приготовим кашу. Да поживее, а то не успеем на праздник!

Переставляя ноги, словно утка, Кайла поспешила к полке у окна. Послышался шорох крупы — девчонка принялась за дело.

Едва огонь схватился за новые поленья, а я не успела обернуться к невестке, чтобы пожурить её за нерасторопность, как в дверь постучали.

— Не к добру всё это. Ох, не к добру, — прошептала я и прикрикнула на уже привставшую Кайлу:

— А ну сядь. Или ещё лучше — спрячься! Ну же!

И только занавесь у печки перестала волноваться, а стук раздался в третий раз, как, сняв крючок, я отворила дверь:

— Счастье-то какое, Матушка! — на пороге стоял младший послушник из храма, лицо его сияло от восторга, словно начищенный медный поднос.

Вот тут-то мне всё стало понятно: и мои страхи, и задержка сына. Уж лучше бы жребий Азарта коснулся его сегодня утром, и мой мальчик спокойно умер во сне. Или я.

И ему не пришлось бы во всём этом участвовать, а мне вновь терпеть.

Чтобы там ни пели атуны, я вижу — боги отвернулись от меня

Они опять забирали моего сына.

Снова.

Будьте вы все прокляты!

* * *

Чтоб вы все сдохли! Чтоб всех вас разодрал бог Гнева!

Народа во внутреннем дворе храма, словно картошек в тугом мешке, не протолкнуться. И всё же мы шли свободно. Людское море расступалось передо мной, дважды благословлённой богами. Будь они все прокляты!

Я закутала свою непрокую невестку в два слоя верхней одежды, в попытке скрыть положение. Оставить дома я её не могла, ведь все знали, что совсем недавно мой сын женился на бедной сиротке — толстой служанке из трактира. Но спрятать Кайлу от глаз бога Зависти, было моим долгом.

Соседи, знакомые, все кланялись и провожали нас молчаливыми взглядами, пар от их дыхания взвивался в холодное утреннее небо. Такое чистое и голубое сегодня… Снег звонко хрустел под нашими ногами. Картины прошлого и настоящего перемешались в памяти, и я перестала понимать, где нахожусь.

Тогда тоже стояла весна. Слегка морозный, ясный день, когда солнце впервые повернуло к лету.

Перводень.

Запрокинув голову, я устремила взгляд к вершине гигантской лестницы — там, на площадке, разведя руки в стороны, пел наш бог. Ему вторили послушники и жрицы — атуны из храма. Кто-то тянул песню, кто-то танцевал. Звучали барабаны.

Когда-то во всём этом участвовала и я… Горькая усмешка коснулась моих губ. Тогда всё это не казалось мне таким нелепым, неправильным, несправедливым.

Динамика пения изменилась, и ритуальные движения участников стали ещё более откровенны. Вестники Сладострастия, похожие на бутоны цветов, раскрывались с тихим стоном. Они возникали тут и там, ещё робкие, несмелые, но совсем скоро их алые лепестки заполнят все свободное пространство. К барабанам присоединились флейты, и музыка зазвучала сильнее. На край площадки вывели человека. По его телу вились цветные руны, а лицо скрывала маска. Но я узнала его.

Сын. Моя плоть и кровь.

Жертва в честь бога нашего селения — Сладострастия, приносилась в молитве о будущем урожае и плодородии. Чтобы этой весной все достойные семена проснулись. И в земле, и в женщине.

В одно мгновение всё замерло. Кайла задрожала, словно паутинка на ветру — похотливый бог занёс тяжелый топор, и кажется, я даже здесь, внизу, услышала чавкающий звук.

Голова моего последнего сына отделилась от тела и упала в плетёную корзину.

Невозможно отвести взгляд. Всё время мира сейчас собралось здесь и замерло, сохранив этот жуткий миг в моей памяти. Рядом с тем днём, когда и его брат… Слёзы душили, но я сдержала рвущийся из горла плач.

Невестка тихо охнула и опустилась на землю. Точнее хотела опуститься, но я крепко прижала к себе её пухлое тело.

— Держись, — шепчу я ей. — Держись, чего бы это не стоило, глупая ты курица!

Покуда толпа, словно хищник, что почуял слабость, не разорвала тебя на куски.

Народ вокруг нас возбужденно и радостно кричал, подпрыгивал и вскидывал руки к небу. Кровь с жертвенника тут же подхватывали послушники, ловили в чаши и преподносили атунам: те с азартом опрокидывали их себе на голову, размазывали по голому телу. В припадке ритуального безумия холод им не страшен.

Старший жрец — Унга тун Борхо, ударил в барабан, и к краю подвели жертвенных животных: свиней, птицу и молодого оленя. Топор опустился, и их кровь полилась по ступеням вниз. Вновь и вновь взлетало окровавленное лезвие. Пар от горячей крови устремился в безучастное небо, где ползли лёгкие прозрачные облачка.

Я проводила их взглядом.

Вестники сладко стонут, появляясь у плеча каждого второго жителя.

Тело моего сына завернули в солому, ведь именно его сожгут вечером на главной площади. Голову отнесут в святилище, где лежал череп его старшего брата. Прах развеют над полями, и всё это по воле Новых богов, которых мы сами же и призвали. Они поедали нашу плоть, пили нашу кровь и исполняли просьбы. Мы построили своё благополучие на костях и смерти.

Ритуал подходил к своему апогею: оргия скатилась вместе с кровью животных к подножью лестницы; желающие причаститься слизывали её, уже застывающую, с камней и мазали лицо друг друга. Сладострастие и избранные атуны первыми ушли в гипостильный зал, но вскоре к ним присоединятся и остальные.

— Идём, — я подталкиваю еле соображающую Кайлу, белую, как окружающий снег. — Теперь мы можем уйти, — губы девчонки дрожат, а глаза большие, словно куриные яйца.

Обратно шли в молчании, две крохотные щепки во встречном людском течении. У многих есть более интересные дела, чем старуха и глупая девчонка.

Старуха.

А ведь это моя сороковая весна.

* * *

— Благословенная матушка!

К обеду пошёл снег, невесомые снежинки плавно порхали в воздухе, оседая на меховых одеждах. Я усадила Кайлу на лавку у могучих корней домашнего дерева. Всю дорогу мне пришлось практически нести девчонку на себе.

— Разве ты не должен находится в центре событий, Унга тун?

— Сегодня боги снова избрали тебя! — он пропустил моё замечание мимо ушей.

Самодовольно ухмыляясь, Борхо подошёл ближе. Внимательно глядя на этого сухопарого, но всё ещё не утратившего привлекательности мужчину, я никак не могла взять в толк: отчего раньше так желала его? Этого высокомерного, спесивого, жеманного идиота. Вот уж, правда: молодость — глупость.

— В таком случае поздравь и себя. Сегодня твой сын пошёл на корм нашему народу.

— Вы все мои дети, — ему удалось скрыть удивление.

Жрец самодовольно раскинул руки, словно намереваясь обнять село. Слизняк. Пришёл упиваться моим горем, зная, что я давно перестала радоваться всему этому, как безумная? Хорошо, что сын пошёл не в отца. Хотя, что уж теперь говорить.

Полынь на моём языке и в сердце.

— Пропусти, — я плечом отодвинула его от лестницы, подхватив Кайлу.

Надо подниматься наверх. Домой, скорее домой. Всего два пролёта по стволу дерева, и мы у себя.

— А твой старший сын, как же его?.. Перл! Тоже был моим? — снизу до меня донёсся крик Борхо.

Ещё чего. Перл был сыном бога. Правда, совсем недолго. На седьмую весну Сладострастие забрал его обратно. Сыновья для него всё равно что овощи на грядке — их надо посадить, вырастить, и в нужное время собрать, чтобы получить силу. Он всегда так поступал, но я, конечно же, считала себя особенной. В двенадцать лет уже атун храма, не послушница. И бог выделял меня среди прочих любимиц… Глупышка. Вот оно как обернулось. А ведь могла же просто отслужить положенный срок, уйти и всё!

Шаг за шагом, в молчании, я поднималась выше.

Дома первым делом, не снимая шубы, кинулась к полке: душица, душица, душица! Несколько раз ударила кремнем, и пучки затлели, распространяя по комнате приятный запах.

Пока кипел чайник, Кайла понемногу пришла в себя, по её лицу, наконец, потекли слёзы.

— Поплачь, — я в тревоге трогала её живот, ребёнок сильно толкался, оно и немудрено, но в остальном, кажется, всё в порядке.

Напоив невестку успокаивающим отваром душицы, отправила спать.

Проклятая девчонка! И сын вместе с ней! Почему, ну почему, ты не выбрал невесту из атун или послушниц, кого ничем не

проймёшь? Вместо этого, женился на тихоне и неженке, что ревёт по каждому мало-мальски значимому поводу. И почему я не отговорила тебя…

Но не время для слёз. Не время. Пусть ледяные иглы врезаются в сердце, распарывая его окончательно. Пусть. Только бы не опустить руки и не сойти с ума.

Скамейка протяжно скрипнула, когда я присела у окна с чашкой отвара в руке. Но и этот звук быстро погас, в доме воцарилась пугающая тишина. Словно даже звуки умерли вместе с моим сыном. Вместе со мной.

Снег всё падал. Скоро вновь наметёт сугробы, но это не помешает празднику. К вечеру зажгут огненные дорожки на улицах, на главной площади поставят столы, и совсем скоро там появится угощение. Помост в центре площади с вязанками хвороста ждал свою жертву. Тело моего сына подожгут в самом начале торжества. А вокруг все будут пить, есть, смеяться. Повсюду повяжут красные ленты, и весёлые лица засияют в пламени костра.

Утром Сладострастие развеет прах жертвы над полями, и, когда сойдёт снег, кровь сына обеспечит нам богатый урожай. И так каждый год. Один мертвец на сотню выживших. Велика ли цена за сытные зимы?

Раньше я думала, что нет.

Белые хлопья за окном, плавно кружась, ложились на землю, скрывая грязь.

— Будьте вы все прокляты!

Резкий крик, будто воронье карканье, заставил меня вздрогнуть и проснуться. Всё же я задремала, отвар душицы сделал своё дело.

— Чума на ваши головы, проклятые инобожники! Люди! Ещё не поздно вспомнить истинное призвание!

Человек на улице кричал, словно какой безумный или юродивый. Но никто не обернулся, хотя его противный голос едва ли можно было не услышать. Откуда здесь взялся этот чудак? Борхо поджарит его на сегодняшнем костре. Никому не позволено кричать мерзости о наших богах. Во всяком случае, открыто.

Усмешка скривила мои губы.

Тени от домов-деревьев растянулись на всю улицу, и вечерние сумерки постепенно пожирали их вместе со светом. Пора собираться.

Я отдернула занавесь. Кайла уже не спала, но тихонько лежала, закрыв глаза и поглаживая живот. Её пухлые пальцы с нежностью порхали, а из уст лилось нечто, что с большой натяжкой можно назвать песней.

— Вставай, дитя.

Но она не шелохнулась. Я стояла в молчании, не зная, что предпринять — крикнуть или дать пощечину.

— Мама, — она соизволила взглянуть на меня, — мама, меня теперь ждёт та же участь?

Её глаза, полные слёз, блеснули в неровном вечернем свете.

— Не говори ерунды. Жребий богов не связан с родственными узами.

Гладко соврала я. Боги творили, что им вздумается.

— Вставай, проводим моего сына в последний путь, — протянула ей руку, помогая подняться.

— Мама, пожалуйста, позаботьтесь обо мне. Прошу… — её мокрая щека коснулась моей ладони.

Моё сердце вновь сжалось. Проклятая девчонка!

Порой я волновалась за неё, словно она и впрямь моя дочь.

* * *

Пламя огненных дорожек освещало улицу. Красные ленты, повязанные тут и там, едва колыхались на ветру, снег перестал, и к вечеру воздух застыл, словно лёд. Лишь слабое дуновение порой волновало тонкую полоску яркой ткани в моих волосах.

Я крепко держала мягкую руку Кайлы.

Она уже пришла в себя, но ещё похожа на снежное изваяние — вымучено улыбается всем желающим выразить нам своё почтение:

— Матушка!

— Матушка.

— Матушка…

Каждый второй касался моей руки, каждый третий — волос, и уж точно каждый встречный кланялся дважды избранной Матери плодородного года. Невероятная честь, от которой меня просто тошнит. От всех этих заискивающих взглядов и жеманных речей!

Багровые сферы, словно сгустки крови — вестники Гнева, повисли в воздухе. Ярость захлестнула меня. Проклятье!

Культ Гнева ещё хуже, чем наш. Однако боятся нечего, ведь я не слышала, чтобы кого-то изгнали в другое селение, обнаружив в предателе чужую веру! Скорее всего, я просто стану следующей жертвой Сладострастия. На моей крови и костях взрастят будущий урожай — обильный и здоровый! Нервный смешок сорвался с моих губ, но я тут же одёрнула себя.

На празднестве нам с Кайлой отвели лучшие места — в самом центре, чтобы ни единый всполох на теле моего сына не

ускользнул от нас. Глядя, как послушники привязывали его, я почему-то вспомнила Перла.

Каким славным он был мальчонкой! Больше всего на свете он любил бродить в поле, наблюдая за тем, как ветер играет с рожью. А ещё бегать, весело крича, и прыгать в воду с маленького камня в пруду. Искать гадких насекомых, от которых он был в восторге, а меня бросало в дрожь от одного взгляда на них. И ведь он ни разу не навредил, ни единой твари. Проклятье! Да я комара не могла убить при сыне, чтобы не вызвать потоки жалобных слёз.

Как же я любила его. Его конопатую мордашку и пухлые ручонки, совсем как у Кайлы…

Перед глазами встало его маленькое тельце, объятое пламенем, и холод утраты острым ножом полоснул сердце. Но я сдержалась. Кровь от прокусанного языка обожгла горло, но я сдержалась. Не единой слезинки не пролилось из моих глаз.

Перл! Позаботься о своём младшем брате. Если ты слышишь…

— Помоги Ему, и он вернёт тебе надежду.

Горячий шепот коснулся уха. Я вздрогнула, и Кайла, вопросительно глянув, сжала мою ладонь. Неужели никто не видел безумного чужака?

— Что?

— Избранная матерь, если хочешь спасти свою кровь, следуй за мной.

— Кто ты? — шептала я, не поднимая головы.

— Позволь сомнениям расцвести в твоей душе, чтобы спасти её.

Я обернулась, но поймала лишь каркающий шепот:

— Сомнения…

В этот момент жертва на костре вспыхнула, и я обрадовалась, что сын уже ничего не чувствовал. Но если загробная жизнь существовала, пусть Перл позаботится о нём.

Если.

Кажется, я уже ни во что не верила.

Языки пламени взмывали в ночное небо. Потрескивал хворост, слышался смех и звон кубков. Мне кусок не лез в горло, но Кайлу я заставила поесть.

Дома мы были далеко за полночь. Сон не шёл, и я проворочалась до утра.

Но едва забрезжил рассвет, как знакомый голос зашептал:

— Отправляйся на ту сторону к Обожжённой двери, покрытой углём.

— Поди прочь, из-за тебя Азарт заметит нас! И его жребий…

— Сомнения! Сомнения! Вот твоё укрытие от них. Новые боги могущественны, но не всесильны. Отдай свою веру достойному.

Тут уж я не удержалась и рассмеялась в лицо пришлому оборванцу, который невесть как оказался в закрытой комнате у края моей постели.

— Ты знаешь такого? Тогда я не против!

— Если согласишься, я помогу тебе.

— Мама? — за печкой зашевелилась Кайла. — Всё хорошо?

— Лежи, не двигайся. И не дыши, пока не скажу.

Но едва я отвела взгляд, незнакомец растворился в воздухе, как не бывало.

Мы лежали в молчании, однако жёлтый глаз Азарта так и не показался в нашем окне этим утром. И следующим, и следующим. И следующим.

Восемь дней прошло со смерти сына, и вера в моей душе умерла окончательно. Всё умерло внутри и вокруг меня, покрылось серым пеплом. Все звуки, все краски, все чувства. И лишь слова чужака крохотным угольком тлели в сердце, подпитывая тревогу, что разливалась по телу, сковывая мысли и движения.

Сегодня в храме моя смена уборки. В окружении сумерек я зажигала благовония и вновь думала о юродивом. Дымок от веток можжевельника поднимался из курительной чаши, я машинально поглаживала косу и всё смотрела в глубину двора. Там, в дальнем конце гипостильного зала, на возвышении, стоял трон нашего бога. Сверху на престол падали солнечные лучи, очерчивая, выделяя его из окружающей тьмы, что рядом с ним была ещё гуще. Пылинки слабо мерцали в столбе света.

«Новые боги не всесильны».

— Вспоминаешь обо мне? — жаркий шёпот коснулся моего уха, а дыхание обожгло шею.

Я пропустила вдох, а кожа покрылась мурашками.

— Ты всё ещё так прекрасна, — мягкие губы Сладострастия коснулись моей щеки, а руки заскользили по плечам и вниз, вниз, вниз!

Его глаза цвета холодного зимнего неба были так близко, а губы… Едва я потянулась за поцелуем, как он усмехнулся и ушёл, не оглядываясь, в сопровождении послушников и хохочущих атун в святилище храма. Оставил меня одну в смятении чувств.

Наше Великолепное божество. Бог Сладострастия. Его золотая кожа сияла, словно бриллиант, а голос звучал как бархат. Его волосы, длинные и мягкие, а его руки всегда знали, что делать.

Проклятье.

Ненавижу его за эти игры, что воскрешают в душе давно похороненные чувства.

Я протянула руку и коснулась щеки — на пальцах остался мерцающий след от его кожи. На жёстких от работы ладонях расходилось и постепенно гасло божественное сияние.

— На третий день собирайся и уходи. В самое тихое время перед рассветом. Звезда на западе приведёт тебя к нему.

Молчание.

— Уходи, иначе она умрёт.

Едва последний из послушников скрылся в святилище, как зазвучал тот самый шёпот. Краем глаза я заметила легкую тень за плечом, что растворилась, стоило повернуть голову.

* * *

«Мама!»

Я вздрогнула, будто и не спала, голос сына звучал в тишине, да так явно!

За окном в лучах зари растворялась утренняя дымка. Любимое время Азарта. Если напрячь слух, то, наверное, можно услышать, как где-то в тумане взлетала и падала его монета. Но я больше не верила в богов. Больше ни во что не верила.

Непослушные слёзы полились из глаз, и я с тоской прижала к груди рубаху младшего сына. На ней остался его запах. Проклятье!

Кайла тоже проснулась. Послышалось тяжёлое дыхание и скрип кровати. Занавеска взметнулась и, колыхаясь, вернулась на место. Девчонка завозилась у печки, разжигая огонь. Трудно это признать, но невестка делает успехи.

— Поставь чайник, Кайла, — я утираю слёзы и тоже встаю. — Вечером приду поздно — сегодня смена в храмовом скотнике.

Она молча кивнула, уголки губ чуть приподнялись, но глаза на бледном лице всё такие же красные и заплаканные, как вчера.

— И достань-ка душицы. Заварим лечебных трав.

Скотник — один из многочисленных хозяйственных построек при храме. Все ритуальные животные рождаются здесь. Все. Кроме оленя. Хотя пару лет назад Сладострастие приказал поймать несколько особей, но с потомством пока не заладилось. В тайне я надеялась, что так будет и впредь. Пусть больше никто не рождается для смерти. Для такой глупой, бесславной, наполненной лишь жаждой наживы.

Я потянулась почесать за ушком милых животных. Ладонь скользила по гладкой шерсти. Милые, доверчивые олешки… Я

пропустила вдох, и осела на землю.

Мой доверчивый и наивный Бриал.

Руки в судороге стискивали перила ограды, и я, словно рыба, беззвучно открывала и закрывала рот, не в силах даже кричать. Слёз больше нет.

Оленуха лизала мои пальцы, в поисках угощений.

Кажется, солнце тысячи раз успело взойти над Скалой Запада, прежде чем я пришла в себя.

Руки почти отмерзли, я скорее запихнула красные, негнущиеся пальцы в колючие шерстяные варежки и двинулась к овчарне. Довольно. Истериками не вернёшь сына, а ведь мне надо тянуть ещё и Кайлу. Сохранить её и моего внука.

«Уходи, иначе она умрёт».

Слова юродивого не шли у меня из головы, питая страхи и сомнения.

Быстрым шагом я резала дорогу в сторону сарая с овцами. Но едва олени остались за спиной, а я завернула за угол сеновала, как пришлось тут же нырнуть обратно. Всё время забываю, что повинность в скотнике несу не одна. Я вытащила руки из варежек, чтобы отереть щёки, одернуть полы дубленки, отряхнуться, а затем уже двигаться дальше.

Две немолодые женщины, в одной из которых я узнала свою соседку, болтали у открытой двери сенника.

— Благословенная мать! — стоило им увидеть меня, как обе тут же осенили себя знаком Сладострастия.

Вторая, кажется, жена одного из охотников, кинулась мне в ноги, и я услышала звук рвущейся ткани.

Проклятые товарки!

В её ладонях оказался коричневый лоскут от моей юбки. Соседушка следом упала в снег. На миг я даже посочувствовала её коленям, место у сарая было хорошо накатано санями. Но только на миг, ровно до того момента, покуда и она не разжилась «подарком».

— Пусть Сладострастие не забывает вас, — пожелала я, но словно прокляла.

Надо скорее двигаться дальше, пока подол юбки весь не пошел на обереги.

Не успела я повернуть к овчарне, что в десяти метрах за сараем, как ветер принёс мне жаркий шёпот, а затем и громкий разговор односельчанок.

— Ты слышала? Сладострастие решил сделать её равной себе!

— Э! Отколь такие слухи? Что за чушь ты несёшь, вечно наслушаешься всякой ерунды! Это твоя сватья тебе напела?

— А коли и так? У сватьи дочь нынче примут в атун, а так она послушница третий год. Чай слышит, что в храме-то говорят.

— И что же, теперь у нас будут два божества в Культе? Да у ней же невестка из сирот! Какое она божество, да простят мне боги!

Я замерла, прислушиваясь.

— А вот, говорят, Сладострастие выделяет её среди прочих, как и раньше. И смотри-ка, два сына её вознеслись, невиданная доселе честь! Так, глядишь, и она последует за ними на небо или ещё чего.

— Ой-ой. Что говоришь. «Вознесётся», «выделяет». Тьфу! Убьёт он её и дело с концом. Зарвалась баба. Ишь как ходит, нос задрав! Один у нас бог.

— Чу! Злая ты! Я говорю, вознесёт он её над нами!

Дальше я уже не слушала. Глупые сплетни. Ими земля полнится. Да и могла ли послушница знать нечто важное? На стене сарая остался след от дублёнки — я собралась уходить.

— Сватья говорит, большая суматоха в храме, — не унималась моя соседка.

А вот это уже что-то. Это даже от послушников не скрыть. Пришлось остаться.

Но время шло, а разговор больше не возобновлялся. То ли иссяк, то ли товарки ушли дальше.

Стряхнув с плеча снег, ушла и я, закусывая губу и теребя пояс. Слова женщин и чужака, словно пчёлы вились надо мной. Жалили в самое сердце.

Завтра утро третьего дня.

* * *

— Уходим, Кайла. Собирай вещи, но только самое необходимое, что сможешь нести на себе. Скорее!

Я разбудила невестку, едва звёзды в ночном небе начали бледнеть.

— Уходим? Куда, мама?

Мой взгляд упал на рубаху сына — недолго думая, надела её поверх платья. Пусть он хранит нас.

— Поторапливайся, бестолковка! Иначе пропустим время.

Кайла возилась у печки.

— Но как же Азарт, мама? Он убьёт нас!

Схватила с вешалки котомку: вяленое мясо, сухие яблоки и хлеб, немного крупы, иначе не унесём, всё летит внутрь сумки. Туда же кинула две кружки. Две ложки.

— Быстрее, Кайла! — я проигнорировала её глупости, на разговор времени нет.

Что же ещё взять? Нож! Веревку. Огниво.

Наскоро оглянула невестку: на первых порах не должна замерзнуть, но положу ещё один шарф и носки, себе и ей.

Старые доски поскрипывали под нашими ногами, как не выбирай путь. Два деревянных пролета ещё никогда не казались мне такими длинными и долгими, как в то утро, когда мы покидали деревню.

Туман устилал улицу, видно лишь на несколько шагов вперёд. Мы крались, словно полёвки, почуяв змею. Тихо и почти не дыша.

Вдруг в молочной пелене показалась огромная ореховая туша: тяжело переставляя ноги, по селению топал Азарт. Большая голова и длинный хвост для баланса. Его глаз метался в поисках добычи, а худосочные, человеческие ручки подбрасывали металлический кружок — сегодня кто-то не проснется. И так некстати мне на память пришёл день, когда вот так просто умерла моя мать.

«Новые боги могущественны, но не всесильны».

Я прижала Кайлу к стволу дерева, заслонила собой, сердце бешено стучит, но страха больше нет.

Жёлтое око Азарта вращалось в глазнице, пытаясь поймать моё движение. Не в этот раз! Монета упала в его ладонь, и всё вокруг замерло.

Нет!

Бог накрыл её другой рукой.

Нет! Нет! Нет!

Нет.

— Я не верю в тебя! Ты не властен над моей жизнью! Тебя больше нет! — выставила руку вперёд, словно копьё.

Я кричала, разрывая тишину, словно ничего не боялась.

Азарт сделал шаг в нашу сторону, его единственный глаз смотрел на меня в упор. В прямоугольном зрачке бога я увидела себя, как в зеркале. Себя и Кайлу, что свернулась в клубок позади.

Нет.

«Сомнение, вот твоё оружие против них».

Моя вера больше не принадлежала тебе.

Монета вновь взлетала и падала. Аверс. Реверс. Но я больше не отражалась в глазах Азарта. Втянув в себя воздух, он ворочал чудовищной головой, сделал шаг вперёд, словно пытался вспомнить. Я услышала звук касания металла о сухую кожу. Слабый звук, возвещающий о смерти. Он больше не коснётся меня. Нас.

Бог уходил всё дальше, вглубь деревенских улиц.

— Пошли, — я отпустила всхлипывающую Кайлу, и мы побрели прочь из этого проклятого места.

На западе, во всё более светлеющем небосводе, ярко сияла единственная звезда — все прочие уже померкли. «Свет Старых богов», вспомнила я. Моя бабка была последней в селе, кто верил в них.

«И ведь не было никакой войны. Просто всё менялось. Мало-помалу всё становилось другим. Теперь уж никто и не знает, каково было раньше».

Надо же, я что-то помнила из её путаных рассказов о той жизни.

— Пять тысяч шагов до озера, а там я встречу вас. Поспешите. Сладострастие почуял измену.

В этот раз безумец не исчез, его силуэт показался из-за кустов, но тут же взмыл в небо юркой птахой.

Туман белой дымкой путался в кронах деревьев, тут и там спускался к земле. Невесомые рукава растянулись на много миль вокруг.

Покрепче перевязав валенки, мы тронулись в путь. Дорога была неблизкой и трудной, а положение Кайлы увеличило её вдвое, нагружая нас обеих.

Если я правильно помню, Обожжённая дверь находилась в низине — в самом центре нашего Вогнутого мира.

Но мы шли не туда.

Четыре тысячи шагов до водоёма. Я помнила его, кое-кто из «наших» ходил на Гладкое озеро за рыбой. В нём водилась щука. И плотва! Она невероятно вкусная, если пожарить её до хрустящей корочки.

В животе предательски заурчало.

Три тысячи шагов до озера. Кайла уже еле плелась, её валенки черпали снег всё сильнее. Когда в очередной раз она провалилась почти до колена, то долго лежала на снегу, хрипло дыша. Пора делать привал. Сошли с просеки в лес. Сесть некуда, ведь я забыла взять скатку! Наст не держал вес, проламываясь под ногами, но мы брели всё дальше вглубь леса, на поиски поваленного дерева. Сотню шагов спустя они увенчались успехом: я постелила шарф на ствол и посадила невестку.

— Немного отдохнём. На вот, перекуси, — она тяжело дышала и не сразу взяла мясо и хлеб.

— Куда мы идём, мама?

— К Гладкому озеру.

Она зажмурилась: вдох — выдох. Собралась с силами.

— Зачем всё это?

Чтобы не сдохнуть.

— Ради наших жизней, девочка.

Кайла слизала с рукавицы снег — поставить чай времени нет, а мясо солёное.

— Дай-ка я послушаю своего внука, — она расстегнула шубу, и я приникла к её животу: с минуту не дышала, прислушивалась.

Но кажется, всё в порядке.

— Ешь быстрее, и идём.

Небо на востоке, там, откуда мы пришли, темнело всё сильнее. Совсем скоро Сладострастие нагонит нас, я больше, чем уверена в этом. Следом за ним шёл Борхо с охотниками. И пусть бы мне пришлось тащить девчонку на себе, я не сдамся.

Две с половиной тысячи шагов в обе стороны. Уже слышен шум крыльев за спиной.

Во́роны всё ближе. Наконец, они настигли нас. Их перья, словно чёрный снег, сыпались с неба, а противное карканье царапало слух. Мы свернули, и я заставила девчонку остановиться и спрятаться позади, между мной и деревом на краю леса.

Воздух совсем почернел от птиц: с трудом выдерживаю их галдёж, и перья всё больше похожи на стрелы, летящие с небес. Кайла сдавила уши руками, в тщетной попытке спрятаться от раздирающего слух крика. Я склонилась к ней, укрыла от птиц своим телом. Блестящий клюв ворона пробил мою вязаную шапку, пустив первую кровь.

«Сомнение, вот твоё оружие».

Внутри каркающей темноты, одолеваемая страхом и болью, как молитву я шептала слова чужака, что совсем недавно спасли нас.

«Сомнение».

Ещё несколько ударов в голову. В плечо. Спину. Я дрожала, и девчонка под руками выла от ужаса.

«Твоё оружие».

Мягкое сияние коснулось моей щеки. Небо очистилось, воронов как не бывало, и только кровь капала из моих порезов на снег.

Отерев прокусанную губу, я поднялась, глядя ему прямо в глаза.

Моё золотое божество.

Сладострастие.

Его силу не сравнить с Азартом.

— Идём домой, моё бедное дитя, — протянутая ладонь почти коснулась меня.

Возможно ли заставить себя не взять эту руку? Как это

возможно?!

Его глаза полны сожалением и тоской, голос ласков, но в нём слышался мягкий укор.

Я вновь закусила измочаленную губу — отказ ему равен смерти, и приносит сильную, осязаемую боль. Но ещё хуже стало, когда я поняла, что он зовёт не меня.

В его взгляде укор отца к непослушной дочери.

Кайла.

Кажется, я зарыдала в голос.

О, да. Его сила не идёт ни в какое сравнение с жалкими потугами Азарта.

Девчонка позади меня не шевелилась и будто… умерла. И я тоже вот-вот упаду без сил.

Но тут мою ладонь сжала мягкая ручка, и я почувствовала её тепло, словно потеряла варежку.

Перл!

Я схватилась за неё, как утопающий за ветку дерева.

— Мама, я верю *в тебя*.

Слёзы лились из моих глаз.

— Мы уходим, и ты ничего не можешь с этим сделать.

Я крепко сжала такие знакомые пальцы в руке, и впервые, без почтения и страха, без жажды, посмотрела на Сладострастие.

— Я не позволяю, — но его магия больше не властна надо мной.

Внутри… пустота. Там, где раньше были обожание и страх, теперь ничего нет.

«Новые боги могущественны, но не всесильны».

Зимнее холодное небо разрезала желтая молния, но мы остались невредимы. Я сжала мягкую ладонь сына.

Ладонь моего сына, которая оказалась рукой Кайлы. Конечно же.

Конечно. Какая я глупая, ведь они так похожи!

Помогла невестке подняться, и мы пошли. Повернулись спиной к моему божеству.

И мне не страшно.

Три тысячи шагов по дороге к озеру. Поднялся ветер, кидая снег в лицо. Я замотала Кайлу ещё одним шарфом, но она всё равно дрожала. Больше от пережитого, чем от холода, думалось мне.

Стараюсь идти быстрее. Позади нас золотое сияние хорошо различимо, и я точно знала, Борхо и охотники, где-то рядом. А вместе с ними арбалет и собаки.

Три с половиной тысячи. Четыре. Сухая осока, что безжизненным остовом торчала на берегу, уже хорошо видна.

Позёмка гуляла по ровной глади озера. Вот же оно — прямо перед нами: мёртвая трава, мышиные норы, кусты, покрытые снегом. И пустота на многие шаги вокруг. Нигде нет чужака.

Собачий вой разорвал морозный воздух. Я оглянулась назад и увидела тёмные пятна бегущих людей, рыжие — несущихся собак. Нет времени отрезать ветку. Ох, надо было сделать это раньше! Я кинулась к кустам: первая, вторая, тщетно! Её не сломать так быстро. Собаки всё ближе, и я заметила лучников. Мгновение, и в воздух взмыли стрелы. Мы как на ладони, залп точный, но я всё равно прыгнула, толкнув девчонку. Кайла пошатнулась, и я увидела стальной болт, сверкающий на солнце. Успела подумать, не упала ли невестка на живот, и что стрелка, скорее всего, войдёт в моё плечо или руку, а ей попала бы в грудь.

Но свет вокруг померк и мысль, объятая страхом, замерла. День. Ночь. Свет. Тьма.

Пыль.

Подо мной земляной пол, в чьём-то доме. Краем глаза заметила, что Кайлу поймали, и, кажется, она не ударилась. Вскочив, я кинулась к девчонке.

— Мама! Мама! — она уткнулась носом в дублёнку у самого моего сердца, сжала в объятьях.

— Ты цела? — поглаживая её по волосам, я смотрела на чужака, юродивого, что возвышается над нами, не пряча улыбки.

Свет от тусклой лампы еле касался грубых стен. Мы оказались в хижине, что стоит прямо на земле. Немыслимо! У двери я заметила женщину, она приветливо кивнула.

Чужак протянул руку, но я и не думала вставать.

— Прежде чем станешь возмущаться, скажу: нет, я не мог вытащить вас сразу, без намерений, подтверждённых действием, нет веры — нет магии. И второе: Кайла останется здесь, а ты пойдёшь дальше, — чужак поманил женщину. — Она повитуха, и позаботится о девушке. А тебе нужно идти.

— Да что ты несёшь?!

Он убрал протянутую руку и присел рядом:

— Обратного пути нет. Если хочешь спасти её, — он кивнул на Кайлу, — ты должна идти. Ради неё и ради всех нас. Ваши боги играют нами. Но мы тоже сделали ставку.

— Играете в игры, вот значит, как…

— И ставка в них — весь мир. Правда, мой господин называет всё это борьбой. Хотя по мне, как ни назови, всё едино — либо мы их, либо они нас.

— И почему я должна верить *тебе*?

— Ты должна поверить *ему*. Я Сомнение. У меня другая цель.

Проклятье. Ты сеешь сомнения…

Я долго смотрела в его открытое лицо, глаза, пытаясь понять.

— Хорошо. Ты убедил меня. Поднимайся, девочка, кажется, мне нужно уходить.

И я ушла.

Долгий-долгий спуск в низину. «Свет Старых богов» вёл меня. С каждым шагом становилось всё теплее. От влажности трудно дышать.

Он сказал прятать тёплую одежду и идти обратно тем же путём.

Он сказал, что защитит Кайлу, во что бы то ни стало. Повитуха кивала.

— Ценой своей жизни, — сказала она.

Я обняла свою девочку на прощанье. Обняла её большой живот.

И пошла. Вниз и вниз. Почему я делаю это?

Он сказал, его зовут Сомнение.

— Я не бог. Но я служу Старому богу, это правда. И ты должна увидеть его, чтобы спасти её. Всех нас.

Пот заливал глаза, я осталась в одной рубахе сына, но и она уже насквозь промокла. Здесь, на склоне, всюду чудные деревья: низкие и тонкие, не чета домашним, что достигали десятки метров в обхвате.

Он сказал, Сладострастие не оставит нас. Будет искать и найдёт. А, найдя, насадит девчонку на кол, меня подвесит в клетке, где я медленно и мучительно умру от жажды и голода.

И я поверила ему, хоть и говорила, что больше никому не верю. Ради своего внука и Кайлы, я доверилась чужаку. Оставила ему всё самое ценное, что ещё есть в моей жизни и пошла навстречу неизвестности.

В поисках ответов и Старых богов.

Садилось ли солнце? Спала ли я, ела? Не знаю. Под веками, стоит их закрыть, горела рама Двери. Вокруг темнота, мрак внутри неё и снаружи, и только угли сияют, расползаясь по её телу словно вены. Красные, словно кровь.

Под ногами то трава, то грязь, то корни, то мох. Лес вокруг жил своей жизнью, я слышала шорохи животных, крики птиц, шелест насекомых. Но деревья расступились и я, наконец, вышла к морю. К морю зелени. Трава колыхалась, и «барашки» ветра гуляли по полю, как по воде. Ещё дальше вздымался барханами песок, и камни лежали на границе «жизни и смерти», точно стражи.

Никогда не видела море, но помню рассказы о нём.

Валенки загребали песок, солнце пекло даже через шарф, повязанный на голову. Губы высохли через десяток шагов.

Очень хотелось пить.

Не помню, когда я потеряла котомку с припасами. Спрятала ли я её в лесу с одеждой или она выпала из рук, где-то здесь, на песке. В ней была вода.

Вода.

Он сказал, я не пройду мимо.

— Думай о ней. В конце пути ноги сами приведут тебя.

Шаг. Ещё шаг. Тяжело. Жарко. Пришлось замотать шарфом всё лицо, оставив узкую щель для глаз. Ветер нестерпим.

Хочется пить.

Солнце коснулось рыжим боком горизонта на востоке.

Он сказал, ночью здесь очень холодно, но я потеряла мешок и теперь куталась в шарф.

Ещё шаг.

Ещё сотня.

Рыжие всполохи. Сначала, как сон или мираж, но теперь всё чётче и ближе. Я дошла. «Свет Старых богов» горит прямо над ней.

Обожжённая дверь. Красные прожилки огня бежали по её раме, словно вены.

Везде темнота, внутри и вокруг неё.

Ручки нет, я просто толкнула дверь. И упала.

Шелест.

Шум ветра, словно дыхание. Одинокое серое дерево справа от меня — мёртвое. Его скрюченные ветки, совсем как руки, поднялись в немом крике к небу. Серому небу.

И всюду, сколько хватает глаз — серое поле пшеничных колосьев.

И голос, что рвал сердце:

— Мама!

— Мама!

— Перл! Бриал! — кинулась в поле, но приземлилась на ту же дорогу.

Снова и снова! Ещё! Я металась вдоль кромки поля, гонимая голосами, что с таким отчаянием звали меня.

— Дитя.

Я обернулась на этот невероятный звук. На голос, столь всеобъемлющий, всевмещающий, что не понимаю, как смогла услышать его и устоять.

— Подойди.

И вновь я не могу не коснуться протянутой, ждущей руки. Но не желание зовёт меня, а радость. Касаясь его натруженных пальцев, я ощутила невероятное ликование, которое ни с чем не сравнить. Великая разница в деталях. Вот она — вся правда и вся

суть мира.

Он казался ветхим стариком в серых лохмотьях, усталым и дряхлым. Но стоило ему взять меня за руку, и я почувствовала, какая невероятная сила переполняла его. За его спиной возвышалась арка восхитительных ворот. Когда-то в прошлом. Сейчас же серые и безжизненные они нависли над нами, вот-вот норовя рассыпаться. Дорога ведёт к ним, но там дальше ничего нет. Там тьма.

— Вот пшеничное поле по правую руку мою. Там сын твой и брат его, но не можешь войти к ним. И они не могут войти к нам. Послушай.

Он накрыл мои уши ладонями.

Я загорелась. Небо стремительно почернело, а пшеницу залило красным. Над верхушками колосьев вспыхнули оранжевые искры, я услышала крики и скрежет зубов. Сотни умоляющих голосов сплетались и расплетались вновь и вновь.

— Помоги нам. Спаси нас. Помоги… — они то монотонны, то обжигающе эмоциональны.

И я кричала вместе с ними, не в силах вынести эту боль.

— Что это?! Что это такое?

Из его глаз капали слёзы, красные, как кровь.

— Это будет девочка. Ребёнок, которого ты ждёшь — Надежда, вот её имя. Мои братья положили всю свою силу, чтобы она вновь появилась меж нами. Я остался один. Ни Чести, ни Любви, ни Добра, ни Справедливости, ни Правды… Лишь Вера.

Он сошёл с ума здесь. В полном одиночестве. В центре увядания и смерти, окружённый криками, пеплом и серостью. Не в силах уйти или помочь.

— Поверь в новый мир, и он родится здесь, как Надежда. Наша милая сестра. За нею вернутся и они. И я. Мы опять будем вместе вести борьбу за сердца людей. Без конца и края. В вечном противостоянии с Мраком, — его взгляд устремился к темноте за Вратами.

— Раньше там был Свет… Новые боги царствуют во Тьме.

Я молча смотрела на Веру: на его решительное лицо, на белые волосы и серый подпоясанный балахон.

— Защити Надежду, и Врата откроются, чтобы впустить души, — слёзы всё так же капали из его глаз, а пальцы сжимали ключи, висящие на поясе. Сжимали до боли, до белых костяшек, до крови. — Сад вновь зацветёт и мрак отступит.

— Я сделаю это.

— Я знаю, — его губ впервые коснулась слабая улыбка.

* * *

Я смотрела на этот маленький комочек и не могла понять, как же так получилось? Только что не было никого, а теперь ты любишь это существо больше всей своей жизни. И готов всё сделать и всё отдать, лишь бы она жила.

Надежда. Малышка то куксилась, то кричала, то перебирала ручками, то смешно зевала. Я завернула её в рубаху сына.

— Я помогу тебе.

Сомнение стоял рядом со мной у кровати Кайлы. Она спала, вся взмокшая и усталая, но счастливая. Я с любовью поправила упавшее одеяло.

Вера сказал, что они не оставят нас в покое. Перл и Бриал были частью плана. Вся моя жизнь была частью их плана, как только Новые боги узнали о Надежде. Смерть сыновей должна была окончательно сломить меня, и ребёнок никогда бы не появился на свет. Но они просчитались.

Я поцеловала розовый комочек. Наш мир велик, но мы пройдём его от края до края. Расскажем всем о Старых богах. Вера — это великая сила, и я хочу отдать её тому, кто достоин.

Чай для Звяка
Дарья Странник

Эх, водички бы! Сварил бы Звяку чая, хоть вроде ему и не нужно, но порядка ради, да и приятней общаться, когда перед тобой чашка с горячим напитком. Слышу скрежет, ползёт, значит, гость из своего бокса к моему. Только Звяк их почему-то то могилами, то мусорными баками называет.

Звяк вообще невесёлый, поначалу я даже его невзлюбил, но быстро передумал. Потому что невесёлое общество всё же веселее, чем совсем никакого. Ну и сделал он со мной много разного, мысли появились, чего сроду не бывало, я думал и пугался, но в целом решил, что мне нравится. Потом Звяк штуки какие-то принёс и припаял, нарушил всю эстетику функциональной симметрии, зато, что думаю, ему слышно стало. Голос, правда, такой, что в первый раз от страха сам вздрогнул, но Звяк сказал, это ерунда, исправим. Вот и он.

— Привет, Звяк.

— Да, над звуком ещё поработаем. Смотри, что нашёл.

Его единственная рука сжимает много чего. Оказывается, цветные длинные — это провода, а маленькая коробочка с сеточкой — динамик, ещё какие-то штуковины как-то с энергией связаны, не совсем понял, Звяк сложно объясняет.

— Будем паять.

Я немного боюсь, потому что «паять» очень похоже на «переплавлять», а про последнее Звяк рассказывал страшные вещи. Он умный, сразу замечает, каково мне.

— Не бойся, найду себе вторую ногу, пару аккумуляторов, ещё тебе колеса или гусеницы, и уйдём отсюда.

— Куда, Звяк?

Он медлит, потом повторяет:

— Отсюда.

Понимаю, что он не знает, но это почти не страшно, если только мы уйдём вместе.

— А другие? Их переплавят?

Звяк закончил паять и начал возиться с проводами. Потом ответил:

— Их переплавят. Попробуй теперь что-нибудь сказать.

Я не знаю, что. Потому ляпаю первое пришедшее в голову:

— А почему ты выбрал меня?

Голос звучит непривычно, но точно приятнее, чем старый, и я добавляю:

— Спасибо.

Звяк скрежещет что-то неразборчивое, он не очень вежлив. Уже уползая, бормочет, словно и не мне:

— На крышке у тебя наклейка, красный цветок. Я раньше… Не важно. Красиво это.

Я ещё некоторое время вслушиваюсь в затихающий скрежет. Затем пытаюсь представить себя с колёсами. Не получается. Поэтому начинаю думать, что, может быть, за чашкой чая Звяк и рассказал бы, что было раньше. Кто знает, возможно, там, куда мы пойдём, найдётся водичка.

Снежинка
Антон Филипович, Марина Мельникова

Часть 1. Странница

Она выглядела как туманный шар, сияющий таинственным внутренним светом. На миллионы километров растянулся полупрозрачный газовый хвост. Прекрасная странница из глубин космоса.

Мирослав не отрываясь смотрел на экран, заменяющий окна, где бесконечную черноту прорезала светлым росчерком комета C/2021 S1 (ISON). На фоне грандиозного творения Вселенной исследовательский корабль «Первопроходец» казался песчинкой.

— Мир, не спи! Чтоб тебя! Хочешь быть первым человеком на комете или первым трупом? — Том — второй пилот — лихорадочно щёлкал переключателями на панели управления.

Мирослав невольно усмехнулся, а ведь считается, что у космонавтов железные нервы.

— Идём по плану. Отставить панику, — отрывисто приказала капитан Наоко.

Для удобства, между собой, они называли комету «Асэми» — утренняя красота. Так предложила Наоко. Имя как нельзя лучше подходило космической путешественнице.

Четыре года назад, когда она вторглась в пределы Солнечной системы, на Земле стартовал проект, считавшийся на тот момент абсолютно авантюрным. Результатом вложений миллионов людей, надежд и оптимизма учёных, стала их миссия — первый в истории человечества пилотируемый полёт на комету. Корабль вылетел, когда Асэми наконец достигла ближайшей точки прохождения с Землёй — перевалочного пункта перед неминуемой встречей с Венерой, которая ждёт её в конце пути.

— К посадке всё готово, капитан, — доложил Том. — Достижение расчётной орбиты через… десять, девять…

— Проходим апогей, — Мирослав на миг обернулся. — Готов к запуску двигателей малой тяги. Жду сигнала.

— Вышли на экваториальную орбиту, — сказала Наоко. Она выглядела ещё невозмутимее, чем обычно, но Мирослав знал, что это лишь видимость. — Что с давлением?

— В норме.

Корабль явственно начал порыскивать. Компьютер и пилоты

подстраивались под скорость движения кометы.

— Тангаж?

— Соответствует заданному. Уменьшаю угол, начинаем пикирование.

Голубоватое облако льда и газа мягко коснулось днища, обняло бока и, наконец, приняло в себя корабль целиком. В считанные секунды показалось твёрдое тело кометы. Бледно светящийся туман прыгнул вверх и остался у них над головами. Теперь он только отбрасывал блики, создавая гротескную игру света и тени на каменном ядре.

— Кома пройдена, запускай двигатели, Мир. Потихоньку.

Мирослав щёлкнул тумблером, почувствовав, как вздрогнул корабль. Бросил ещё один взгляд на экран в поисках места посадки. Корабль затрясло.

— Мирослав!

— Прецессия скорректирована, полная готовность. Можем садиться.

Корабль начал посадку.

— Том, держи угол! — пальцы Наоко летали над клавиатурой. — Твою ж… Нас сносит! Мир, увеличь тягу!

— Есть, — Мирослав коснулся светящегося значка на сенсорном экране перед собой. — Восемнадцать метров…

Наполненная танцующими тенями серая долина заняла собой экран.

— Касание через тридцать секунд.

— Отлично, — Наоко откинулась на спинку кресла, но Мирослав видел, что её плечи по-прежнему напряжены, а лицо напоминает маску. — Опорные узлы, Том.

— Уже!

— Всё в порядке, кэп, — Мирослав ободряюще улыбнулся, когда Наоко бросила на него быстрый взгляд. — Держу скорость, посадка обещает быть мягкой.

— Не верю, но спасибо, Мир, — она ответила на улыбку слабым движением уголков губ и отвернулась.

— Пять секунд, четыре, три, две, одна…

Удар. Мирослав вцепился в подлокотники. Скрежет металла. Опоры-якоря впились в плато, надёжно фиксируя корабль на поверхности. Последний раз тряхнуло, и всё стихло. Члены экипажа переглянулись.

Том почему-то шёпотом озвучил:

— Мы… сели?

— Прикометились! — Мирослав рассмеялся, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Ну что, ребята, готовы вершить историю? — спросила Наоко, помогая Мирославу и Тому облачиться в скафандры.

— Ещё бы, — сказал Том. — Мир, наверное, целую речь подготовил по такому случаю.

— Вовсе нет, никаких речей, да и связи с Землёй не будет, пока не выскочим из магнитного поля Асэми, — заметил Мирослав.

— Но мы же запись высадки всё равно делать будем, — не отступал Том.

— Ладно уж, скажу что-нибудь…

Том ухмыльнулся и хлопнул товарища по плечу.

— Веселее, ты разве не счастлив?

— Счастлив, конечно.

— Звучит как приговор, — улыбнулась Наоко и защёлкнула последний замок на скафандре Мирослава. — Готово!

Космонавты поднялись с мест, активировали компенсаторы гравитации на скафандрах и прошли в шлюзовой отсек. Наоко рванула рычаг, и люк с шипением закрылся за спинами Тома и Мирослава.

— Удачи, — сказала Наоко в микрофон. — Помните: у нас сорок два часа на всё про всё, не увлекайтесь там сильно, следуйте плану.

Пустынное плато, на которое они приземлились, оказалось удивительно ровным и, судя по показаниям бортового компьютера, тектонически стабильным.

— Не будь это комета, решил бы, что для нас приготовлен аэродром, — пошутил Том. — Мир, глянь корабль, а я пока осмотрюсь тут.

— Лучше бы наоборот, — проворчал Мирослав, но перечить не стал.

Аккуратно ступая по ноздреватой, как гигантская пемза, каменистой поверхности, он развернулся к кораблю лицом. Луч фонаря выхватил из сумрачной мглы слегка протёртый о скалы фюзеляж «Первопроходца», скользнул ниже и подсветил остекленевшую под жаром посадочных дюз породу. Мирослав обошёл корабль и внимательно осмотрел его.

— Небольшая вмятина в носовой части, — описал обнаруженное повреждение Мирослав. — Жить будет.

— Принято, — ответила Наоко. — Выпускаю дроны для сбора образцов.

На корпусе «Первопроходца» скользнула задвижка, и три небольших робота, таившихся за ней, устремились в разные

стороны, сверкая проблесковыми маячками.

Мирослав проводил взглядом «светлячков», поднял голову и увидел опрокинутое высоко над ним бушующее море из пыли, газа и льда. Он вспомнил, как грезил об этом дне, как готовился к полёту долгие годы, как окончательно испортились его отношения с дочерью в этот период. Стоило ли оно того? Мирослав не знал. Но необъяснимое, очень сильное чувство манило его сюда с самого первого дня обнаружения кометы, и даже раньше… Как бы то ни было — сейчас он здесь. И впереди долгие часы напряжённой работы.

— Всё в порядке? — нарушил размышления Мирослава голос Тома. Он подошёл, держа в руках флаг международного союза космонавтики. — Выглядишь неважно.

— До сих пор не могу поверить, что мы сделали это, что тут скажешь, — ответил Мирослав и кивнул в сторону флага. — Неужели без этого никак? Ненавижу показушность.

— Боюсь, что да, иначе начальство больше в космос не пустит, — усмехнулся Том.

— Какой же бред…

— Эй, хватит болтать, — вклинилась в диалог Наоко. — У нас небольшая проблема. Один из дронов завис и не отвечает. Пятьсот метров, слева у скал.

Мирослав повернул голову. Одинокий синий огонёк мерно вспыхивал вдалеке.

— Вижу, сейчас проверим.

— А как же флаг? — растерялся Том.

— Займёмся этим позже, устранение неисправностей в приоритете. И разве тебе не хочется прогуляться? — спросил Мирослав.

— Хорошо, выдвигаемся, — ответил Том и временно закрепил флаг на корпусе корабля.

Они неторопливо пересекли широкую долину. Лишь непрерывно движущиеся тени да странная «позёмка» из пыли и мелких камешков стали свидетелями их путешествия. Добравшись до «светлячка», Том немедленно принялся за его осмотр. Мирослав прошёл чуть дальше и направил фонарь на скалистый утёс, нависший над ними. Луч медленно скользил по опутавшим всю поверхность массива трещинам, из которых то и дело вырывались струи газа, пока внезапно не утонул в густом мраке. Мирослав замер, присмотрелся. Его ноги налились свинцом, а сознание лихорадочно обрабатывало увиденное.

«Ничего не понимаю, — бормотал, казавшийся таким далёким, голос Тома по радиосвязи. — Всё в порядке, но он не двигается дальше, словно, что-то не пускает его. Мирослав, ты

слышишь? Эй?»

Не зная, что сказать, Мирослав обернулся к умолкшему от изумления Тому, а затем вновь перевёл взгляд на неожиданную находку. Прямо перед ними в скале зиял чёрным провалом прямоугольный вход, настолько идеальный, что не оставлял ни малейших сомнений в своём искусственном происхождении.

Том медленно подошёл к другу.

— Что это, чёрт возьми, такое?

— Я не знаю… коррозия? След от метеорита? — тихо предположил Мирослав, чувствуя бредовость версий. — Осколок погибшей цивилизации?

Не отрывая взгляд от загадочного входа, он помолчал и добавил:

— Не знаю, что это, Том, честно… но узнаю.

Мирослав сделал несколько шагов навстречу бездонной пустоте. Нечто невыразимое влекло его из глубин мрака, не отпускало, заставляло забыть о долге и инструкциях.

— Спятил? Нужно доложить Наоко.

Мирослав услышал, как Том предпринял попытку связаться с «Первопроходцем», но она не увенчалась успехом.

— Не получается. Сильные помехи, внешней связи нет. Возвращаемся к кораблю!

— Жди здесь, — Мирослав обернулся в шаге от входа. — Оставайся на связи, и… я должен узнать, что там. Я чувствую, что обязан…

Том продолжал говорить, но Мирослав уже не слушал. В ушах нарастал гул, мысли путались. Он сам не заметил, как над его головой сомкнулась тьма. Только вдруг осознал, что уже внутри. Что-то было не так. Что с ним такое? Мирослава затрясло. Или это стены пещеры? Луч фонаря панически скакнул вверх и вбок, навстречу огромному клубу пыли, поднятому обвалом.

Асэми гневалась.

— Мирослав! — сдавленный крик Тома оборвался в наушнике.

Пол под ногами дрогнул. Мирослав не удержался, упал на колени и вцепился руками в скалу. Напрягая все силы, он пополз прочь от разрушающегося входа вглубь пещеры. На разворот уже не оставалось времени. По шлему дробью застучали каменные осколки. Тряхнуло особенно жёстко, и Мирослава приложило о стенку тоннеля. В голове зазвенело.

Когда землетрясение наконец стихло, Мирослав с трудом поднялся на ноги и увидел, что входа больше не существовало. На его месте надгробным памятником сложились глыбы обрушившейся скалы…

Мирослав сам не понимал, зачем ещё переставляет ноги. Связь с Томом потеряна. Смысла в движении не было. И всё же остановиться — означало смириться с неизбежным.

Мирослав прикоснулся перчаткой к гладкой, как оплавленное стекло, стенке. Тоннель ветвился, изгибаясь невероятными петлями, и было сложно свыкнуться с мыслью, что столь хаотичную, но, в то же время, полную странной гармонии структуру создал неведомый разум.

Какое безумие! Движение убьёт его куда быстрее. Голова слегка кружилась, а значит, скафандр уже не в силах абсорбировать углекислый газ и сбрасывает его в окружающее пространство, компенсируя потери чистым кислородом. Мирослав прикинул, сколько у него времени до того, как кислород выжжет нервную систему. Выходило, что немного.

По спине пробежал холодок, но стенки тоннеля словно звали за собой, вели, заставляли идти. И Мирослав упрямо шёл, не уверенный, что может и волен остановиться. Он давно миновал точку невозврата, а тоннель всё так же уводил в сердце тьмы.

Или не тьмы? За очередным поворотом коридор будто наполнился свечением, но настолько слабым и неверным, что Мирослав не решился поверить в него. Галлюцинации. Началось.

Он прикрыл глаза и огромным усилием воли заставил себя остановиться. Глянул на датчик внешнего давления. Но тот продолжал глючить, показывая данные не многим отличавшиеся от земных. Мирославу сейчас очень хотелось на Землю. Показания приборов словно насмехались над ним.

Мирослава повело. Привалившись к стене плечом, он неуклюже сполз на пол. Надо записать сообщение для Сони. Хотя какая разница? Шансы, что его тело найдут — практически нулевые. Но умирать молча ещё тяжелее.

Датчик процентного содержания кислорода в окружающей среде издевательски мерцал цифрой двадцать один. Мирослав тупо смотрел на показания приборов. Они все сбоили. Что-то коротнуло в скафандре. Иначе эти данные не объяснить. Но надежда, скорее походившая на отчаяние, всё же мучительно трепыхалась в груди, притворяясь стуком сердца, очень хотевшего жить. Мирослав закрыл глаза. Руки, ставшие вдруг неподъёмными, бесконечно долго тянулись к шлему.

«Прощай, Соня». Перчатки легли на стекло. «Прости, похоже, и в этот раз я пропущу твой день рождения. Прощайте, Наоко и Том, с вами было приятно работать». Предупредительно

запищал сигнал в наушнике. «Прощайте…»

Щелчок шлема. Мирослав замер, ожидая свиста стремительно выходящего воздуха или удара давления. Но слышал только тишину, наполненную его короткими нервными вздохами. Осознание пришло не сразу. Это было невозможно. Немыслимо. Внутри мёртвого камня, летящего сквозь звёзды — можно дышать.

Часть 4. Встреча

Тоннель оборвался внезапно. Ошеломлённый, всё ещё слабо верящий в происходящее, Мирослав оказался в большой пещере. Он аккуратно положил шлем на пол и огляделся. Стены, покрытые пятнами короткого чёрного мха, переливались, словно бархат. Прямо на камнях небольшими кустами разрослись бледно-серые тяжёлые бутоны на тонких пульсирующих стеблях, а высокий свод пещеры терялся в переплетении чего-то похожего на серебрящуюся паутину.

Но главным украшением и источником света оказалось огромное озеро, мерцающее тысячами красок. Оно наполняло таинственное укрытие странным уютом и мягким разноцветным свечением. Было тепло и очень тихо. Мирослав подошёл ближе. То, что он видел, не укладывалось в сознании.

Скафандр тихо запищал, замигал красным значок батареи. Отключив почти разрядившийся компенсатор гравитации, Мирослав сделал очередное удивительное открытие — сила притяжения здесь оказалась совсем как земная. Мирослав нервно сглотнул.

«Так, спокойно… спокойно…», — успокаивал он себя, не в силах отвести взгляд от непостижимого пейзажа перед собой.

Гладь озера искрилась и переливалась, слепя глаза. И за этими бликами угадывалось движение. Мирослав прищурился. В толще воды что-то явственно перемещалось. Небольшой белый объект неспешно приближался к берегу. Мирослав попятился. Не отрывая взгляда от поверхности озера, он медленно отступил к выходу, наклонился и поднял шлем. Не бог весть какое оружие, но всё же… кто знает, что вообще способно существовать в таком месте.

Вода расступилась без единого плеска. Из неё плавно, словно в замедленной съёмке, выходила нагая девушка. Невысокая, хрупкая, кажущаяся невесомой. Белоснежные длинные волосы и бледная кожа источали слабое свечение, а большие глаза — серый и ярко-голубой — казалось, смотрели глубоко в душу, заставляя сердце замирать.

Неслышно ступая, девушка подошла к Мирославу. Всепроникающий взгляд удивительных глаз завораживал, и напряжение, сковывающее тело Мирослава, внезапно исчезло, будто кто-то нажал кнопку. Помедлив, он опустил шлем на землю, слабо улыбнулся и поднял перед собой руки, показывая тем самым, что не опасен.

— Я пришёл с миром, — нерешительно сказал он, тут же проклиная себя, что не придумал ничего лучше.

Девушка спокойно и внимательно осматривала гостя, неторопливо обходя сбоку.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Мирослав, сделал неуклюжий шаг назад и спотыкнулся о каменный выступ. Не удержав равновесия, Мирослав упал и ударился головой о скалу. В глазах потемнело. Сознание отключилось.

Когда он очнулся, его лицо обнюхивал необычный зверёк, напоминающий небольшую лису, но голубого окраса, с куда более длинными ушками и пылающей, в буквальном смысле, гривой. От неожиданности Мирослав вздрогнул и попытался скинуть с себя зверька.

«Лисёнок» торопливо спрыгнул и нашёл приют на руках хозяйки пещеры, наблюдавшей за происходящим со стороны. Она ласково погладила его по загривку. Пламя, казалось, не причиняло ей ни боли, ни вреда. Плавным движением руки девушка сняла с загривка огненный лепесток, который послушно остался гореть в ладошке, и опустила его в небольшую каменную чашу с мерцающей водой из озера.

Выпустив из рук лисёнка и взяв чашу, она подошла к Мирославу. В странном оцепенении он вглядывался в незнакомку и не дёрнулся даже, когда она, склонившись, аккуратно вылила содержимое чаши на свежую рану у него на виске.

— Кто же ты… — тихо спросил Мирослав, удивляясь неестественному спокойствию и не ожидая ответа.

Но ответ пришёл.

Картинка поплыла, мир сдвинулся с места, в глазах Мирослава закружилась метелью череда образов, слишком быстрых, чтобы что-то понять. Застонав, он отвернулся, и немедленно всё прекратилось.

Мирослав снова посмотрел на девушку. Она не отводила глаз, но хранила молчание. Что-то неуловимо знакомое промелькнуло в её взгляде. Тёплое, нежное, заботливое… чужие эмоции волной скользнули по коже и пропали, словно не желая пугать.

Мирослав зажмурился, попытался сесть. Опёршись о скалу

спиной, он дотронулся рукой до места ушиба. К его удивлению ни крови, ни раны он не обнаружил. Лишь немного светящейся влаги осталось на перчатке скафандра.

— Невероятно, — пробормотал он.

Казалось, что он попал в сказочный мир, где не действуют ни законы физики, ни здравый смысл, ни логика. Чудесный сон, в котором свершаются самые смелые мечты и фантазии. И всё же это был не сон.

Мирослав неспешно встал. Девушка ни на секунду не отрывала от него пытливый взгляд.

— Спасибо… за помощь, — он обвёл рукой место недавнего ушиба.

Девушка кивнула.

— Я… меня зовут Мирослав, — попытался он вновь завести диалог. — А как тебя зовут? Ты понимаешь?

Девушка не ответила.

— Мирослав, — он похлопал ладонью по своей груди и перевёл руку в её сторону. — А ты…

Она поправила волосы, спавшие на серый глаз, и легко улыбнулась. Чувствуя, что краснеет, Мирослав всеми силами старался смотреть ей только в лицо, но не обращать внимания на пленительной красоты тело было невозможно. Маленькая грудь, тонкая изящная шея, казавшаяся полупрозрачной нежная кожа…

— Господи… — он тяжело вздохнул и провёл ладонью по вспотевшему лицу.

— Может… ты не против, если я буду называть тебя Снежинкой? — наконец взяв себя в руки, спросил Мирослав.

Девушка только чуть склонила голову набок.

— Что ж, будем считать это знаком согласия, — сказал он и посмотрел на лисёнка, сидящего у ног Снежинки. — А тебя как зовут?

Лисёнок сморщил мордашку и громко чихнул.

— Апчхи, значит… — Мирослав улыбнулся. — Ясно. Очень приятно, Апчхи.

Лисёнок встряхнулся, пригнул уши и отскочил, явно приглашая к игре. Откуда-то извне пришло знание о долгом одиночестве и тоске.

Мирослав решил не расстраивать малыша. Сделал вид, что крадётся, и лисёнок, радостно фыркая, бросился удирать. Мирослав рассмеялся и неуклюже последовал за ним. В тяжёлом скафандре особо не побегаешь, и Мирослав быстро запыхался. Повернувшись к Снежинке, он увидел, что она тихонько смеётся, сидя на ковре из мягкого мха. Взгляд разноцветных глаз посветлел, а ощущение тоски развеялось без следа.

Подойдя к девушке, Мирослав медленно опустился рядом. Апчхи тут же запрыгнул к нему на колени, лизнул в лицо и свернулся уютным клубком. Мирослав улыбнулся, а затем внимательно вгляделся в лицо Снежинки, пробуя мысленно послать ей ощущение уважения и заботы. Она изумлённо приподняла брови.

— Давай ещё раз попробуем, — осторожно предложил Мирослав. Каждое слово он старался подкрепить мыслью. — Только помедленнее, пожалуйста, я всё-таки непривычен к такому способу общения.

Снежинка улыбнулась и взяла обеими руками ладони Мирослава.

Мирослав не был телепатом, и, откровенно говоря, раньше даже не верил в подобное, но, похоже, что-то получалось. Снежинка прикрыла глаза и осторожно повлекла его во тьму.

Часть 5. Сёстры

Это напоминало полёт или, скорее, падение в бездну. Мирослав не успел испугаться, как вдруг вспыхнули искры, перед лицом взорвалось море и тут же опало, сменившись утопающим в зелени городом с прозрачными куполами храмов, золотистыми стенами жилых домов, белоснежным кружевом мостов-дорог, подвешенных в воздухе, над гладью необъятного мерцающего океана.

Закружило голову, лепестки причудливых цветов приблизились, ласково коснулись лица Мирослава и вдруг превратились в девичьи руки. Нет, не Снежинка, но девушка очень на неё похожая. Она смотрела на него сверху вниз. Шёлковая лента в волосах переливалась алым. Взгляд поплыл, Мирослав подумал, что реальность сейчас опять изменится, но вдруг понял, что это слёзы. Он смотрел глазами Снежинки и чувствовал её слёзы, пролитые неисчислимое множество лет назад.

— Кто это? — прошептал Мирослав.

Его слова разошлись рябью по воспоминаниям. Тут же накатило тёплой волной.

«Сестра», — пришёл бессловесный ответ-знание.

Тревожным вихрем вспыхнула череда картинок: лицо сестры сменилось ярким солнечным днём. Мелькнул белоснежный мост над синей гладью, тонкая фигурка в красном платье, прозрачный купол храма, наполненный звоном-вибрацией.

Череда образов ускорилась: полыхающие камни, падающие с неба, прорастающее семечко, хвост кометы, глаза сестры, алая

лента, море, одинокая птица…

У Мирослава закружилась голова, и образы тут же замедлились, будто Снежинка взяла себя в руки.

Вновь выстроилась картинка. Две сестры, взявшись за руки, шли домой. Праздник закончился, постепенно гасло море, покачивались на волнах брошенные лодки, напоминавшие причудливых птиц. Купола наполнялись светом, а в чернеющем небе гасла яркая белая звёздочка — Искатель.

«Видишь её?» — спросила Хея. Слова были незнакомы, но Мирослав прекрасно понимал смысл, воспринимая мир через Снежинку. «Когда-нибудь туда отправится и твоя звезда», — продолжила Хея. «И твоя, — Снежинка смотрела вверх на тающий огонёк Искателя, но видела лишь бесконечную чёрную бездну вокруг. Затем перевела взгляд на сестру и поняла, что та испытывает схожие чувства. — Это страшно? Как думаешь?» «Это необходимо», — мягко ответила Хея.

Картинка сдвинулась, замелькали дни, наполненные сестринской заботой и душевным покоем, счастьем и светом океана, дарующего почти бесконечную жизнь. Но лента дней вспыхнула и оборвалась. По ясному небу пробежали чёрные трещины, сочась алой болью.

Хея уходила.

Белый мост и ликующая толпа, купол Храма, наполненный музыкой и вибрацией.

Хея не сказала ни слова на прощанье. Обет молчания — таинство должно оставаться таинством.

Картинка плыла в глазах. Праздничные флаги ажурными вуалями струились по воздуху, сияли золотые крылья лодок, пересвистывались парящие в небе радужные ящерки-пострелки, напуганные нарастающим гулом. Музыка смешалась с рёвом двигателей и проиграла ему. Белая звезда Искателя взмыла вверх.

Одиночество навалилось чернотой. Тоска по сестре преследовала Снежинку, изматывала, угнетала. Время от времени в небо поднимался очередной Искатель, и вскоре Снежинка поняла, что её уже не пугает будущее. Она будто ждала того самого дня. Твёрдо знала, что Старейшины рано или поздно придут и за ней. Искателей осталось не так много, её точно не забудут.

— Но зачем? — прошелестели лёгким ветром слова Мирослава.

В ответ ему прилетел целый рой картинок. Тысячи хвостатых комет в небе, серебряная нить — тонкая, но прочная как канат, ведущая через тьму, пустая безжизненная планета, огненный дождь, кипящий океан. И вдруг, среди апокалиптических

картинок — взметнувшаяся трава, синее небо и странно знакомое лицо. Мирослав с изумлением узнал себя. Он будто смотрелся в зеркало, но на самом деле видел себя глазами Снежинки. И что-то было важное в этом видении, что-то неудержимо ускользающее.

Тёплое чувство возникло в груди. Узнавание, облегчение. Не его — Снежинки. Что-то от её сестры, пропавшей в глубинах космоса, отражалось сейчас в глазах Мирослава.

Немыслимое, невозможное сходство. Отдалённое, но настолько явное, что не спутать ни с чем. Значит когда-то давно, так давно, что Мирослав не мог даже вообразить это число лет, Искатель достиг цели.

Влажные от напряжения руки Мирослава выскользнули из ладошек Снежинки. Изнурённый ментальной бурей воспоминаний и образов, обрушившейся на него в последние несколько минут, он тяжело дышал и пытался прийти в себя. Постепенно мысли упорядочивались и складывались в ясную картинку.

— Выходит, комета летит к Венере не случайно? — Мирослав устало посмотрел на Снежинку.

Она легонечко кивнула. В прекрасных глазах отразилась лёгкая грусть и смирение.

— Всё это… — Мирослав обвёл взглядом пещеру. — Ты, Апчхи, вода в озере… основа жизни для мёртвой планеты? Вы создаёте миры… но ведь при столкновении… я не понимаю.

Мирослав обхватил разрывающуюся от миллионов вопросов голову руками.

«Пойдём, — мягким дуновением развеял хаос мыслей и тревогу призыв Снежинки. — Хочу показать тебе кое-что».

Она встала и протянула руку Мирославу.

Тайный ход среди скал вывел их к другому выходу. Мирослав уже понял, что ему не угрожает опасность. Скрытые в недрах кометы механизмы пришельцев удерживали воздушную прослойку внутри пещеры и вокруг её ближайших окрестностей, словно невидимым куполом, и генерировали устойчивое гравитационное поле, обеспечивая удобство проживания и безопасность для жизни Снежинки и Апчхи. А значит и для него тоже. Но шлем от скафандра он всё же взял с собой, на случай непредвиденной ситуации.

Выйдя из расселины, они обнаружили раскинутое далеко внизу плато с мерцающей точкой в центре. Но даже с такого расстояния Мирослав без труда опознал знакомые черты «Первопроходца».

Несколько секунд Мирослав молча смотрел на путь к спасению, но так и не сдвинулся с места.

Странные чувства овладели им. Восхищение, сочувствие, боль, родство… сплелись в непреодолимое желание быть рядом со Снежинкой. Отражаться в её глазах, казавшихся такими знакомыми, будто он знал и любил её всю свою жизнь. И теперь боялся утратить навеки. Никогда прежде он не был настолько уверен в своих чувствах. Будто под всеми сомнениями, всеми поисками в его жизни кто-то невидимый подвёл черту и обозначил итог. И этим итогом стала Снежинка.

— Пойдём со мной… — умоляюще произнёс он. — Улетим вместе? Прошу. Остаться здесь — верная смерть.

Мирослав подумал, что, если она не согласится, он найдёт способ увести её хотя бы даже и силой. На корабле есть запасной скафандр. Он не позволит ей погибнуть!

Снежинка слабо улыбнулась.

«Это не смерть, лишь перерождение», — она указала рукой в небеса, где сквозь прорехи туманного одеяла тёплыми красками проглядывал большой яркий серп родной планеты.

— Это же…

«Хея», — закончила мысль за него Снежинка.

Мирослав опустил на неё взгляд. Снежинка стремительно подошла, нежно прильнула ладошками к его лицу и поцеловала. Её эмоции скользнули змеёй в душу — смирение, непреклонность, прощание… любовь… Сила их отражённых друг в друге чувств расцвела пламенным цветком, выжигая дотла, опустошая сознание…

Часть 6. Прощание

Мирослав открыл глаза. Сознание мучительно пробуждалось. Сквозь мутную пелену, затянувшую взор, с трудом узнавались очертания кают-компании «Первопроходца». Он попробовал встать — в голове гулко отдалось болью. Мирослав громко выругался, закрыл глаза и попытался собраться с мыслями.

«Гравитация есть, а значит, мы ещё не покинули комету. Нужно скорее…»

«Эй, он очнулся!» — вторгнулся в его размышления знакомый голос.

В каюту вбежали Том и Наоко. Вид у них был крайне взволнованный.

— Тихо, тихо, старик, тебе нельзя двигаться, — попытался вновь уложить Мирослава на кушетку Том.

Мирослав не поддался, резко спрыгнул с кушетки и, едва удержавшись на ногах, опёрся о подхвативших его друзей.

— Мне нужно к ней… она совсем одна тут… — бессвязно

бормотал Мирослав. — Вы не понимаете… не представляете, как ей одиноко… нельзя бросать её!

— Ты бредишь, Мир, успокойся, — уговаривала его Наоко. — У тебя была гипоксия.

— Сенсоры засекли твой передатчик на скафандре в двух километрах от основного входа, где мы с Наоко тебя и обнаружили, — добавил Том. — Вероятно, ты нашёл другой выход из пещеры. Не понимаю, как такое возможно, но у тебя ещё оставался воздух. Мы едва успели!

— А как же Снежинка? Вы разве не видели её? — спросил Мирослав.

— Что? — Том озадаченно переглянулся с Наоко. — Мир, у тебя были галлюцинации от нехватки кислорода. Ты понимаешь, что мы говорим тебе?

Мирослав потёр лоб, отчаянно пытаясь восстановить цепочку событий, произошедших с ним.

— Принеси камеру с моего скафандра, — наконец попросил он. — Она работала всё это время. Я докажу вам! И себе…

Том не стал спорить. Молча удалился в соседний отсек и спустя минуту вернулся с картой памяти в руках. Подключив её к планшету, он запустил видео и быстро начал перематывать запись, пока в один момент на экране не возникли очертания мягко светящегося белоснежного тела.

— Чтоб я провалился… — только и сказал Том.

Две пары пылающих любопытством и вопросами глаз уставились на Мирослава.

— Простите, это сложно объяснить, но доверьтесь мне, ладно? Я должен остаться, — сказал он.

— Слушай, мы верим, но ведь это не выход. Может… не знаю… заберём её с нами? — предложил Том. — Пусть даже придётся сидеть в карантине, но живыми! Это уж точно лучше, чем развеяться пеплом по Венере.

— Нельзя, теперь я понимаю это. Искатель и корабль словно одно целое, она направляет его. Без Снежинки комета станет неуправляемой, а это огромный риск. И её миссия… думаю, она не откажется от неё. Это больше, чем просто верность или… ответственность. Боюсь, в нашем языке нет подходящих слов, чтобы описать это чувство. Нет, она не отступится.

— Искатель? Миссия? Господи, да о чём ты говоришь?

Мирослав вздохнул, обвёл друзей взглядом. Он не хотел прощаться с ними, но и Снежинку не мог оставить одну. Подумал о дочери… На глаза предательски навернулись слезы.

— Том, прошу, передай Соне, что я сожалею… После развода с её матерью я так и не смог стать хорошим отцом. Скажи, что

очень люблю её и надеюсь, что она простит меня.

— Не надо, Мир, — попросил Том. — Сам скажешь ей… она ждёт тебя.

— Нет. Уже нет. Я упустил свой шанс. Теперь у неё новая семья, новая жизнь… она справится. Она больше не одинока.

— Хорошо… — тихо сказал Том.

Наоко выругалась и сложила руки на груди, демонстративно встав в проходе.

— Наоко, если тебе будет так легче, просто считай всё это частью большого, неожиданного эксперимента, — сказал Мирослав. — Мы столкнулись с неизвестным, и я действовал по обстоятельствам. Летя сюда, каждый из нас готов был не вернуться. Я знал, на что иду.

— Даже не проси, Мир! — не сдавалась Наоко. — Это нарушение устава! Как капитан я не имею права…

— Я прошу тебя не как капитана. А как друга…

Наоко отвела взгляд, закусила губу. Воцарилась гнетущая тишина.

— Смотри, не обижай эту свою Снежинку, а то вернусь и надеру тебе задницу, дурак, — нарушив тягостное молчание, сквозь слёзы сказала Наоко.

Мирослав улыбнулся и подумал, что, наверное, научился от Снежинки немного транслировать свои чувства и мыли. Почему бы и нет? Ведь их расы родственны друг другу. Но главное — Том и Наоко ему поверили.

— Простите, друзья, — сказал он, подошёл и обнял их обеими руками. Прижавшись головами друг к другу, они замерли на мгновение в тихом прощальном жесте.

Эпилог

В искристом свете пещеры, прижав ноги к груди, сидела Снежинка. Поглаживая рукой лисёнка, она задумчиво наблюдала за мягко переливающимся узором на стене, сотканным из теней и красочных отсветов воды. Смятение и острое чувство одиночества овладели ей, как никогда раньше за многие тысячелетия, проведённые среди звёзд. Нет… она поступила правильно. Мирослав будет жить, а она завершит свой путь, как ей и было предначертано судьбой.

«Теперь мы будем рядом, сестра», — утешала она себя, но мысленно ловила на том, что не перестаёт думать о Мирославе.

Как же ей хотелось, чтобы он остался с ней.

Безмолвие пещеры нарушил едва уловимый, постепенно нарастающий звук. Апчхи встрепенулся, навострил длинные

ушки, пламя на загривке беспокойно затрепетало. Снежинка резко встала и замерла, всматриваясь во мрак. Выбившаяся прядь волос тонкой линией рассекла её взволнованное, полное надежды лицо на две части. Навстречу ей сквозь стену тьмы медленно шёл человек. Выше её ростом, с доброй искренней улыбкой, с тёплым взглядом её сестры…

Клаус
Сергей Резников

— Деда, расскажи сказку! — Марк пододвинул стул к креслу Клауса и сел в предвкушении новой истории.

Клаус был очень старым. Электроприводы работали со скрипом, один видеосенсор разбит, речевой синтезатор иногда выдавал странные вещи, и Клаус начинал петь старые песни. Что-то про Рождество, Новый год. Марк слышал об этих праздниках, которые люди отмечали очень давно, в той жизни, которая для него была доступна только из рассказов старого робота. Истории давно исчерпались и пошли по кругу, но в этот раз Клаус удивил.

«Когда-то давным-давно, когда по Земле можно было передвигаться свободно, а не сидеть в убежищах, в одном из множества торговых центров служил робот. У него было обычное для робота предназначение — таскать грузы, убирать мусор, следить за порядком.

Но раз в год случалось чудо — робот наряжался в красные одежды, приклеивал себе роскошную белую бороду и ходил по торговому центру, раздавая подарки. Не все дети любили робота, некоторые дразнили, дёргали за бороду, хватали за ремень. Но робот прощал им это, он не мог злиться. Особенно в Рождество.

Как-то раз робота взяли в аренду богатые люди. Ему было велено развлекать детей в огромном особняке, пока взрослые праздновали Рождество в ресторане. Ох, тогда он и натерпелся! Капризные избалованные дети оторвали ему бороду, измазали его тортом, перевернули ёлку. Они кричали: „Санта не настоящий! Вали отсюда, железяка!“

И много других обидных слов, которые я повторять не буду.

Но робот стойко сносил все насмешки, он пел песни и раздавал подарки, плясал и шутил.

Никто не ожидал, что праздник закончится бедой. Ночью на горизонте возникло зарево взрыва, потом пропало электричество, перестали работать мобильные телефоны. Робот не растерялся, он сразу увёл детей в подземный бункер, что располагался под домом богачей. В те тяжёлые времена, когда война всё время дышала в затылок, богатые частенько строили себе убежища.

И дети были спасены…».

— Марк, пора спать! — послышался голос мамы.

Марку хотелось дослушать до конца, однако он был послушным ребёнком и поэтому пошёл в свою комнату, лишь спросив напоследок.

— Деда, это ты про себя рассказывал? Это ты спас тех детей?

— Ага.

— И что с ними стало потом?

— Хотел бы я тебя сказать, что они жили долго и счастливо, но, к сожалению, Марк, они умерли. Не дожили даже до следующего Рождества. В убежище проникла радиация, она отравила воду, пищу и даже воздух. Дети покрылись язвами, их кожа покраснела…

— Клаус! Быстро перестань! Он же ребёнок! — в комнату забежала мама Марка и увела его.

— Он всегда будет ребёнком. — Старый робот улыбнулся.

Клаус не мог жить без людей, без их голосов, улыбок, даже без их насмешек. Поэтому он и воссоздал их — нелепых, угловатых, скрипящих шарнирами и гудящих сервомоторами. И неважно, что они сделаны из железа и пластика, неважно, что ему не хватало запчастей, чтобы починить себя. Главное, что его создания напоминали Клаусу те прекрасные дни, когда он отмечал Рождество и Новый год.

Чучек
Артём Кельманов

— Эй! Ты видел Чучека?

— Нет.

— А ты?

— И я не видел.

Тамук слонялся по огромной пещере, тормошил соплеменников, задавая всем один и тот же вопрос. Соплеменники качали головами, разводили руками, а кто-то даже огрызался, разумеется, нарываясь на оплеуху, но о местонахождении друга Тамуку никто ничего вразумительного так и не сказал.

— Женщины! Чучека не видели?

Женщины, начищавшие здоровенный череп снежного тигра, наперебой загалдели в том смысле, что и вечность бы ещё они этого Чучека не видели.

— А-а-а… Ну вас! — Тамук махнул на них рукой.

— А я видела, — перебила галдёж рыжая Ша-Шай. — Он наружу пошёл.

— Рисовать?

— Рисовать.

— Спасибо! — Тамук благодарно похлопал Ша-Шай по плечу и отправился к выходу из пещеры.

* * *

Чучек выбивал на скале извилистую линию. По замыслу художника это была охотничья лыжня, с одной стороны от которой он изобразил два, а с другой — три дерева. Они символизировали густой лес. Глядя на своё творение, Чучек удовлетворённо кивнул, а затем принялся за охотников — они получились особенно хорошо — лыжи на ногах, в руках — луки, дубинки и копья, детородные органы победоносно торчат, а множество маленьких чёрточек изображают волосатость.

— Вот ты где! — из пещеры появился Тамук. — Ша-Шай сказала, ты рисуешь.

— Ша-Шай сказала?

— Она.

Помолчали. После месяца ледяных бурь наконец выдались ясные деньки, и сегодняшний день не был исключением.

Лазурное, будто брюхо хищной птицы Рых, небо манило бездонной пропастью, а на снегу плясали солнечные искорки.

— Мне нравится Ша-Шай, она добрая и у неё широкие бёдра, — задумчиво произнёс Чучек и, кутаясь от мороза в шкуру, взялся за изображение тигра.

Гулкий стук острого камня о скалу эхом разносился по окрестностям.

— Она хорошая, да, — согласился Тамук. Он, в отличие от лысого Чучека, имевшего волосы лишь на голове, в шкуру не кутался, да и вообще находил день достаточно тёплым, чтобы обходиться без шкуры совсем. — А хочешь, я стукну Ша-Шай по голове, а ты с ней ляжешь и сделаешь всё? А?

— Нет. Нельзя так.

— Ну как хочешь.

Тамук, время от времени перетаптываясь и издавая на снегу хрупающие звуки, стал всматриваться, как ловкая рука его друга отточенными движениями рождает на скале образ свирепого хищника. Снежный тигр был ужасен, велик и саблезуб. Вот в него полетели копья и стрелы отважных воинов племени, а вот один из охотников пал, раздираемый когтями. Но что это? Несколько взмахов руки Чучека — и самый храбрый и сильный воин стремительно обрушивает на голову зверя огромную дубину.

«Да, славная была охота», — подумалось Тамуку.

— Это что же, я? — воскликнул он, узнавая.

— Ага! — ухмыльнулся Чучек.

* * *

Ночью племя собралось вокруг костра в главном зале пещеры. Конечно, если бы не дружба с Тамуком, сидеть бы хилому Чучеку за спинами у всех, там, где огонь совсем не греет, а куски мяса достаются редко, всё больше необглоданные кости. Но Чучек с Тамуком дружил, а что важнее — Тамук дружил с Чучеком, поэтому тот расположился возле друга, в самом первом ряду, вместе с сильнейшими воинами и шаманом.

Шаман был сегодня доволен — Чучек изобразил его, благословляющего охоту, с распростёртыми птичьими крыльями за спиной. Символ был хороший, птиц шаман любил. Постукивая ожерельем из вороньих черепов, он объявил, что духи нынче благосклонны к племени и назначил увековечившему великую охоту Чучеку первый кусок мяса.

У костра было тепло. По стенам и потолку пещеры, рождаемые языками пламени, плясали огромные причудливые

тени.

Все ели мясо, обсуждали великую охоту и рисунки Чучека. О достоинствах воинов отзывались уважительно, о тигре — с благоговением и трепетом. Начищенный и натёртый чуть не до блеска клыкастый череп, помещённый неподалёку на камне-постаменте, взирал на пирующих пустыми и страшными глазницами. Побеждённый снежный тигр с этой поры становился духом-покровителем племени. Событие было радостное.

Кто-то отметил, что охотничья лыжня на рисунке похожа на большую змею Га. Чучек улыбнулся, он любил неожиданные трактовки. Тамук поморщился, однажды летом он поймал и съел змею Га — было невкусно.

— А Варха Чучек без письки нарисовал! — выкрикнули с задних рядов, и по всей пещере разошлись дружные хихиканья.

Могучий Варх, недостаточно, впрочем, могучий для места в первом ряду, такого унижения вытерпеть никак не мог. Сидел он позади Чучека и, пользуясь удобством местоположения, ткнул художника локтем под рёбра, перебив тому дыхание. Чучек скрючился, едва не выронив мясо.

— Но-но! — прикрикнул Тамук на обидчика.

— Сам виноват, — рявкнул Варх.

— Да я тебя… — Тамук поднял кулак.

Варх приготовился защищаться.

— Брось, — Чучек, морщась, прихватил друга за руку. — Оставь его. Я в порядке.

— Ну смотри, — Тамук пожал плечами. Обернулся: — И ты смотри у меня!

Шаман, было закемаривший, приоткрыл глаз и проворчал, что должно быть порядку, а врагов среди своих искать — последнее дело.

Чучеку было теперь стыдно за глупую шутку. Варх вечно его доставал, а тут выдался отличный повод для маленькой мести. И Тамуку снова пришлось вступаться…

* * *

Чучек был найдёнышем. Говорили, что собственные родители, из другого племени, бросили его в лесу. Ясно было, что слабому безволосому мальчишке долго не протянуть, а кому нужна обуза? Сожрать не решились — вот и бросили.

Отец Тамука нашёл Чучека во время охоты, принёс его в пещеру, воспитал как родного. Когда старик скончался от хвори, Чучек выбил на скале орла, летящего на солнце.

С Тамуком они сдружились сразу, от остальных же Чучеку доставалось. Особенно старался Варх, называл его облезлым, время от времени ставил синяки и разбивал нос, потом, правда, неизменно получая тумаков от Тамука.

Варх всё надеялся, что Чучек однажды не переживёт зиму, и тогда они его съедят. Так Чучеку и говорил.

Но зимы шли одна за одной, а Чучек оставался живёхонек.

* * *

— Ша-Шай, я тебе мяса оставил, — Чучек протянул молодой женщине погрызанный кусок.

— Думаешь, она с тобой ляжет после этого? — издевательски спросил проходивший мимо Варх и прижал Ша-Шай к себе.

Чучек опустил взгляд.

— Может, и лягу! — Ша-Шай оттолкнула здоровяка. — Тем более Чучек мне обещал, что однажды и он тигра добудет.

Варх расхохотался.

— Он даже копьё не удержит. Ха-ха-ха! Тебе нужен настоящий мужчина, воин, а не этот, облезлый.

— Видели мы, какой ты настоящий! Иди, посмотри на скале, всё там нарисовано.

Смеяться Варху тут же расхотелось. Он помрачнел, наотмашь ударил Чучека по лицу и вышел из пещеры.

* * *

«Это правильно, — думал Чучек, когда все улеглись спать. — Ей нужен кто-то сильный, кто сможет о ней позаботиться и детей при этом не даст в обиду».

Снаружи доносился стук. Это Варх стучал камнем по скале. Утром выяснилось, что он перестарался — не успело взойти солнце, а острые языки уже прозвали Варха Трёхногим.

* * *

— Я пойду с вами на охоту! Я решил.

Несмотря на разбитую бровь и заплывший глаз, Чучек выглядел решительно. Тамук же в свою очередь от этакого заявления совершенно ошалел.

— Ты что?

— На охоту пойду, на тигра. Докажу себе и… всем! Лыжник я хороший, а копьё… копьё можно взять и полегче.

— Да тебя не то что тигр, тебя заяц в лес утащит и скормит зайчатам.

— Лук. Я возьму лук. Буду стрелять издали.

Тамук почесал затылок.

— Да зачем тебе это? Еды вдоволь. И рисунки — таких рисунков больше никто не делает. У тебя всё есть. Умереть не терпится?

— Ну уж ты-то, лучший друг, должен понять, — Чучек смотрел умоляюще. — Я и у шамана спросил.

— И что шаман?

— Развёл руки в стороны, долго нюхал воздух, потом сказал, что можно. Сказал, узнаю, кто я есть, а если вернусь, то вернусь другим человеком.

— Если?

— Но ведь вернусь!

* * *

Тамук тоже поговорил с шаманом и нехотя согласился взять Чучека на охоту с собой.

— Будешь в загонщиках.

* * *

Утро первого дня охоты выдалось облачным. Кто-то сказал, что будет ледяная буря, но шаман, подставив послюнявленный палец ветру, ответил, что не раньше, чем через три дня, и поход одобрил.

Встав на лыжи, Чучек в своей идее немного было усомнился, но тут из пещеры вышла Ша-Шай, а в её присутствии он себе такого позволить не мог, потому вид принял героически-молчаливый.

Варх отнёсся к поступку Чучека одобрительно, смотрел с уважением, не издевался. На охоте все друг за друга.

Двинулись. Тамук шёл первый, тропил лыжню, Чучек шёл в середине. Предстояло долго идти по лесу, выслеживать тигра, загонять его — всё это Чучек знал и даже выбивал на скале, но тигра боялся. Чучек не был охотником, он был художником.

* * *

Деревьев в лесу было много больше, чем на рисунке. С непривычки Чучек довольно быстро устал и остановился отдохнуть. Замыкающему сказал, что догонит. Теперь он шёл один, но впереди была лыжня, а в отдалении слышались голоса соплеменников. Чучек не потерялся, просто слегка отстал. Переживать повода не было, но на краешке сознания поселилась тревога, она всё разрасталась и разрасталась, и в какой-то момент Чучек понял, что больше не слышит голосов, слышит только странный гул, который становится громче и громче, заполняя собой всё пространство.

И тогда с неба посыпались огненные камни. Спереди и сзади, и по сторонам от Чучека, они падали, поджигая деревья, заставляя снег шипеть. Один упал совсем близко, и Чучек отметил, что камень был плоский и блестящий. Надо было спасаться, бежать в безопасное место. Чучек кинулся назад по лыжне — скорее, скорее, выбрасывая на ходу лук и колчан, чудом избегая летящей с неба смерти.

Земля содрогнулась, опрокинув Чучека. Из ушей его текла кровь. Вдалеке перед ним, ломая деревья, выворачивая их с корнями, с неба обрушилась объятая пламенем чёрная скала. Скала была шарообразной, такой формы, как слепленный снежок, только очень большой снежок, и чёрный. Гула больше не было, хотя Чучеку казалось, что он просто оглох. Вопреки здравому смыслу, поднявшись, он направился к упавшему громадному шару, оказавшемуся вблизи не таким уж большим — всего в два-три человеческих роста, в три — это если мерить по Чучеку.

Чучек остановился и всё смотрел в черноту шара, пока не понял, что в шаре открылась дыра и из неё на Чучека тоже кто-то смотрит. Всё было как в страшном сне — Чучек остолбенел, не мог пошевелиться, а из дыры выползало чудовище — серый человек с круглой головой без лица. На месте лица у него была сверкающая поверхность, в которой отражались огонь и деревья. Чудовище приблизилось к Чучеку, и в отражении он увидел себя. Чучек понял, что сейчас серый человек заберёт его душу, но поделать с этим ничего уже не мог.

В этот момент появились они. Чучек не слышал их, но видел, как проворно скользили они на лыжах, как копьё Варха проткнуло чудовищу грудь, а дубина Тамука обрушилась на ужасную голову, да так, что та отлетела далеко в сторону. Они действительно были храбрыми и умелыми воинами.

Чучек всё смотрел и смотрел… Время будто замедлилось.

Тамук что-то кричал ему, хлопал друга по плечам, по лицу, а Чучек смотрел…

Отлетевшая штука оказалась вовсе не головой, а тем, что

прятало под собой голову настоящую. Подобной красоты Чучек никогда не видел. Он смотрел, как Варх вспарывает серую шкуру, под которой…

— Вот это да, Чучек, — внезапно, тихо-тихо, как будто издалека, услышал он. — Такая же, как и ты, облезлая.

Видение Анны
Евгения Кутман

У входа в ресторан Анна на секунду остановилась: одёрнула кофту и отцепила от дужки очков запутавшуюся прядь. Предстоящая встреча раздражала. Обычно клиенты предпочитали менее пафосные и многолюдные места. Анна нашла прохладную гладкую ручку, распахнула дверь и не спеша двинулась внутрь. Трость заскользила впереди хозяйки, лёгким постукиванием отмечая углы и препятствия. Тыльной стороной руки Анна едва заметно касалась предметов, запоминая направление.

Как она и думала, незнакомое помещение оказалось большим. Даже чересчур. Анна чувствовала гулкую высоту потолка, слышала голоса, шорох одежды, скрип мебели и звон посуды. Вдыхала терпкую мешанину запахов, где верхними нотами выделялись чей-то навязчивый парфюм, аромат тушёного мяса с чесноком и жжёного сахара.

Движение воздуха справа, и кто-то перегородил Анне путь.

— Извините, свободных мест нет, — под заученной вежливостью в мужском голосе отчётливо проступал душок брезгливости. — Вы ведь не резервировали столик?

— Нет, — получилось тише, чем нужно. Пришлось повторить: — Нет. Меня ждут.

— Не могли бы сказать, кто? — не отставал настырный тип.

— Анна! — ещё один мужчина, судя по звуку, быстро приближался из глубины зала. — Пройдёмте.

Анна почувствовала, как её берут под руку и тянут вперёд, и едва удержалась, чтобы не отдёрнуться. Удивительно, но у мужчины практически не было запаха, только тонкий аромат мыла или крема для бритья. Руку держал крепко, но не сдавливал, и двигался плавно, чуть притормаживая у столиков. Анна машинально прижала трость к телу, боясь задеть кого-нибудь из посетителей.

У пятого слева столика хватка исчезла. Послышался скрип отодвигаемого стула, и его угол уткнулся Анне в ногу.

— Вам помочь? — голос мужчины показался скорее приятным, хоть и практически безэмоциональным. Зато сам вопрос вызвал очередной прилив раздражения.

— Нет, конечно!

Но через секунду Анна всё-таки добавила:

— Спасибо.

Она аккуратно сложила трость, пробежала пальцами по стулу

и краю стола и только потом села.

— Может быть, вам что-нибудь заказать? Здесь большая винная карта и неплохие десерты. Я бы рекомендовал профитроли с…

— Только чай. Зелёный, если можно, — Анна провела ладонью перед собой, изучая лежащие на столе предметы. — И давайте сразу к делу, Родион… э-э… Сергеевич?

— Чтобы нам было проще, зовите меня Родион, — откликнулся собеседник, когда вызванный официант отошёл от столика.

Анна кивнула и заговорила поспешнее, чем хотела:

— Вчера по телефону вы сказали, что меня вам рекомендовали как специалиста в… определённой области. И если я смогу помочь, то получу хорошую оплату. Это так? Вы действительно понимаете, чем я занимаюсь?

— Снимите, пожалуйста, очки, — последовал неожиданный ответ.

Анна инстинктивно напряглась:

— Зачем?

— Пожалуйста, — ещё раз повторил Родион, и по движению воздуха стало понятно, что мужчина подался вперёд, нависнув над столом. — Это ведь простая просьба.

— Да бога ради! — Анна схватилась за очки и сорвала их с носа.

Она теоретически знала, что сейчас увидит её собеседник: затянутые кожей углубления под бровями и небольшие сомкнутые прорези почти без ресниц. С десяток секунд Анна просидела неподвижно, представляя, как её разглядывают, а затем вернула очки на место.

— Насмотрелись?

— Да, спасибо, — Родион перестал нависать над столом, и в его голосе впервые появился намёк на эмоции. — Извините, если вам было некомфортно. Но ваши очки совершенно не прозрачные, а у меня… назовём это профессиональной привычкой.

— Я что, по-вашему, притворяюсь слепой?!

— Всякое бывает… — неопределённо протянул собеседник.

Подошёл официант, звякнули расставляемые чашки и чайник.

— Вы не возражаете, если я всё-таки за вами поухаживаю?

И, прежде чем Анна успела отказаться, Родион разлил чай по чашкам.

— Итак, о деле… У меня есть одна проблема, которую пока никак не получается решить. По крайней мере, обычными методами, — мужчина ненадолго замолчал, а затем продолжил

медленнее, словно подбирал нужные слова. — Недавно я узнал о вас и заинтересовался вашими способностями. Вы не могли бы… продемонстрировать их. Прямо сейчас. На мне.

— Здесь, в ресторане? — удивилась Анна. К такому развитию событий она не была готова. — Вы не находите, что это немного… странно?

— Даже если мы будем вести себя очень странно, никто нас не побеспокоит.

Анна отхлебнула горячий травянисто-сладкий напиток, собираясь с мыслями. Кто, чёрт возьми, её собеседник?! За годы своеобразной практики, она сталкивалась с бизнесменами, сотрудниками спецслужб и бандитами. Но Родион не был похож ни на кого из них. Анна понимала, что такого человека стоит, как минимум, опасаться, но, к своему удивлению, не испытывала страха. Скорее, растерянность и волнение. Возможно, потому что в голосе Родиона она ни разу не уловила угрозы или фальши.

— Хорошо, — приняла она решение.

В конце концов, самое худшее, что может произойти, — над ней посмеются и вышвырнут из ресторана. Неприятно, но не смертельно.

— Тогда мне нужна направляющая. Некий вопрос или конкретная тема. Ориентир для поиска. То, что вы хотите узнать.

Родион хмыкнул:

— А если просто так, без подсказок?

— Как вы себе это представляете? Я могу показать только что-то конкретное. Определенный предмет или образ. И, пожалуйста, без абстрактных понятий.

Родион задумался на минуту, потом произнёс:

— Покажите мне мою смерть. Кто или что меня убьёт. Это достаточно конкретно?

Анна отставила чай, вынула из кармана платок и тщательно обтёрла руки. Подобный вопрос был одним из самых популярных среди клиентов и одним из самых нелюбимых у неё.

— Вам придётся сесть как можно ближе ко мне. Снимите украшения, если они есть. И закатайте рукава.

— До трусов, надеюсь, раздеваться не надо? — показалось, что впервые за встречу Родион усмехнулся.

— Нет, — улыбнулась в ответ Анна, — без этого как-нибудь обойдёмся.

Скрип переставляемого стула, и Анна с трудом заставила себя сидеть спокойно, когда её ног коснулись мужские колени.

— Так достаточно близко?

— Вполне, — Анна подалась вперёд. — Теперь не двигайтесь, ничего не говорите и старайтесь дышать равномерно.

Она, как всегда, начала с рук. То крепко сжимая, то едва касаясь, изучила запястья, кисти, пальцы. Каждую выемку и бугорок. Прислушалась к пульсации вен под кожей. Затем перешла к лицу. Обычно клиенты в этот момент дёргаются, но Родион остался неподвижным, и его сердце билось медленно и ровно.

А потом вдруг нахлынули образы. Анна не знала, видят ли люди глазами так же, как она сейчас, ощущают ли то, что чувствует она. Образы кружились в голове, кололись, словно искали выхода. Анна зашарила руками по столу: нужно найти хоть что-то подходящее! Почему она не подумала об этом заранее? Наконец наткнулась на деревянный короб с ломтями хлеба и стала разрывать их на куски, поспешно вынимая мякиш. Переложила на блюдце, добавила немного чая и начала сминать и лепить.

— Попросите ещё хлеба! — быстро сказала она Родиону, не отрываясь от дела. — И какую-нибудь густую тёмную жидкость.

— Кетчуп с соевым соусом подойдут? — уточнил мужчина, подзывая официанта.

Прошло не меньше получаса, прежде чем Анна поняла, что закончила. Она осторожно ощупала готовый предмет. Форма показалась знакомой. Возможно, Анна уже лепила кому-то что-то подобное. Положила предмет на блюдце, пододвинула его к Родиону и только тут поняла, что это такое. Сердце! Она слепила человеческое сердце.

— Интересно, — после небольшой паузы, отозвался собеседник. — А можно каких-нибудь уточнений? Сроки, сопутствующие обстоятельства.

— Я ведь не справочное бюро, — Анна взяла платок и стала оттирать с рук прилипшие крошки. Пальцы онемели и теперь знакомо покалывали. — Мы можем попробовать снова. Сформулируйте вопрос по-другому, задайте иной ориентир. Возможно я… увижу что-то ещё.

— А как вы вообще видите, Анна? — казалось, Родиона действительно интересует ответ на этот вопрос. — Как распознаёте цвета, образы? Я читал, что с врождённой анофтальмией не работают участки мозга, отвечающие за восприятие…

— Если вы мне не верите, — перебила Анна, — зачем назначали встречу? Вот у вас есть глаза, но вы знаете, как они устроены? Как работают? Или как много лишней, искажённой информации они передают? А я полностью доверяю своему зрению! Оно гораздо острее вашего!

Анна взяла трость и начала её раскладывать.

— Если это всё, я могу получить оплату?

— Подождите минутку, — Родион снова вернулся к деловому тону. — Не думаю, что вы врёте о своих способностях. Перед встречей я навёл справки о вас, поговорил кое с кем из тех, кто к вам обращался. Да и то, что вы сейчас слепили… для меня это не новость. Врачи дают год моему сердцу, от силы два.

— Не понимаю, — Анна в недоумении махнула рукой над столом. — Зачем тогда всё это? Какая-то проверка?

— Предосторожность, — Родион на секунду замолк. — Могу перевести вам задаток прямо сейчас. Но основная работа, которую я хочу предложить, находится в другом месте. Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию ещё на несколько часов? Обещаю, никаких рисков для вас нет. Сделаете то, что умеете, получите деньги, и я сам отвезу вас домой. Договорились?

* * *

До места назначения добирались полтора часа. Анна попросила открыть окно и всю дорогу убеждала себя, что поступила правильно. Последние полгода денег катастрофически не хватало, а эта работа могла обеспечить её на несколько месяцев вперёд. Но от волнения всё равно подташнивало.

Машина остановилась на оживлённой улице. Анна по привычке пыталась запомнить ориентиры — выделяющиеся звуки, запахи, — но ничего интересного не находила. Родион взял её под локоть и повёл к зданию, судя по всему, длинному и высокому. Внутри миновали пост охраны, где у Анны ненадолго забрали трость, потом зашли в лифт. Но, вопреки ожиданиям, поехали вниз, а не вверх.

Чем дольше спускался лифт, тем сильнее Анна начинала нервничать.

— Не волнуйтесь, — раздался слева голос Родиона. — Это не подпольная лаборатория или о чём вы там сейчас подумали. Вы в полной безопасности. Если хотите знать, это самое защищённое место в городе. Выдержит даже атомный взрыв.

От лифта спутник повёл Анну по коридору, предупреждая, когда нужно повернуть или обойти препятствие. Несколько раз она ощущала по бокам пустоты — видимо, там были другие проходы или открытые двери. Шумела вентиляция, в нос настойчиво лез запах дезинфекции, издалека доносился гул голосов и работающих приборов. И это только усиливало тревогу. Анна притормозила, пытаясь разобраться в чувствах: потребовать

объяснений или отказаться от работы?

Но Родион успел опередить:

— Пришли. Сейчас дверь направо. Ещё раз прошу, не волнуйтесь! Это мой кабинет. Мы подпишем договор, обязательство о неразглашении, и я отведу вас к… тому, с кем будете работать, — секундная заминка между словами была почти незаметной.

— Может, вы просто скажете, кто это?

— Не могу, Анна. Даже если бы хотел, не могу.

Родион отпустил её руку и открыл дверь.

Помещение оказалось небольшим. Анна обошла кабинет по периметру, изучая интерьер: узкий кожаный диван, стеллажи, стол с креслом и двумя стульями. Родион выдвинул один из них, приглашая присесть, вложил в руки стопку плотной бумаги.

— Прочитайте, пожалуйста.

Анна коснулась пальцами верхнего листа и невольно улыбнулась:

— Брайль? А вы серьёзно подготовились.

— Ну, мы же серьёзная организация, — в тон Анне отозвался мужчина. — Вы сможете расписаться?

— Да, меня учили.

Когда с формальностями было покончено, Родион снова вывел её в коридор.

— Ещё пара вопросов. Вам для материализации образов необходимы именно хлеб и кетчуп? Или можно что-то менее претенциозное?

— Нет, конечно! — удивилась такому предположению Анна. Но тут же поняла, что собеседник говорит не всерьёз. — Достаточно обычного пластилина или полимерной глины.

— Это радует, — Родион открыл перед Анной очередную дверь, пропуская внутрь. — Оставьте, пожалуйста, трость, снимите кофту и наденьте халат. Он висит слева от вас. В перчатках, я так понимаю, вы работать не сможете?

— В перчатках? — переспросила Анна. Руки дрожали, и никак не получалось расстегнуть пуговицы. — Я могу чем-то заразиться?!

— Перчатки нужны для защиты объекта и только. Вы ведь знаете, как изучают редкие экспонаты в музеях?

— Объект, музей… Постойте! — Анна наконец справилась с кофтой и накинула халат. — Вы, наверное, не поняли. Я работаю только с живыми! С людьми прежде всего. Если это просто предмет, я ничем не смогу вам помочь!

Родион ответил не сразу, явно что-то обдумывая:

— Я даю вам гарантию: то, что вы будете исследовать, —

живое. Единственная загвоздка — объект не сможет давать вам направляющие. Вопросы буду задавать я. Такое возможно?

— Наверное… — растерялась Анна. — Я так никогда не пробовала.

— Уверен, у вас всё получится.

Анна услышала характерный писк нажимаемых кнопок и щелчок замка. А потом Родион снова взял её под локоть:

— Осторожнее, впереди порог.

* * *

В следующей комнате пахло озоном и йодом. «Словно на берегу моря», — подумалось Анне. Прохладный неподвижный воздух заставил поёжиться.

Остановились у большого вертикального препятствия.

Сначала Анна решила, что это колонна, но Родион сразу пояснил:

— Прямо перед вами тот самый объект. По высоте чуть выше вас и шире в три раза. Он не дышит и не двигается. По крайней мере, в нашем понимании. Справа от вас небольшой стол, там лежит всё необходимое для лепки. Если вам потребуется присесть, рядом со столом стоит табурет. Приступим?

Анна сглотнула:

— Вы уверены, что дотрагиваться до… этого… не опасно?

— Анна, — вздохнул Родион, и тон его сменился на менее официальный: — До вас к объекту прикасались десятки других людей, и ни у кого не было никаких последствий. Даже насморка. Чем быстрее мы начнём, тем быстрее закончим, согласны?

— Подождите! — выпалила Анна. — Можно, я сначала… просто его потрогаю?

Она медленно протянула руки и с опаской, только подушечками пальцев, коснулась… чего-то. Не ткань, не кожа, не шерсть или чешуя. Больше всего поверхность напоминала гладкий тёплый камень. Анна развела руки в стороны, потом подняла вверх, пытаясь соотнести объект с чем-нибудь знакомым. Но никаких других ассоциаций, кроме самой первой — нагретой солнцем морской гальки — не появилось.

— Видите, всё не так страшно, — голос Родиона заставил Анну вздрогнуть. — Давайте начнём. Мы бы хотели узнать его цели и задачи. Возможно, даже его желания. На что он способен? Получится у вас это посмотреть?

— Я… попробую.

Руки Анны привычно скользнули вниз, к ладоням клиента, но

ничего похожего не нашли. Тогда она сосредоточилась на «голове» — выпуклой верхней части с несколькими выступами и впадинами. Шли минуты, но единственное, что Анна ощущала, — лёгкое покалывание под пальцами.

А потом в один миг всё изменилось. В глубине «камня» возникла нарастающая пульсация, и образы хлынули волной: непонятные, невозможные, болезненные. Анна вскрикнула. На ощупь кинулась к столу, больно ударившись о край, и принялась лепить. Хаотично, бессвязно, лишь бы выплеснуть увиденное. Но вместо того, чтобы исчезать, образы проникали вглубь её тела, галькой оседая на дно сознания.

Анна покачнулась от усталости. Родион придержал её и усадил на табурет. Потом осторожно забрал из рук измятый, но не оформленный кусок глины.

— Вы ведь что-то увидели, так?

Анна кивнула и тихо сказала:

— Простите, но… у меня не получится это вам показать.

— Тогда, может, попробуете описать?

Анна задумалась, не зная, какими словами передать увиденное.

— Это что-то… всеобъемлющее. Создающее и разрушающее. И оно ничего не хочет… Потому что может всё!

— А если мы повторим эксперимент? Возможно…

— Нет! Нет! — вскрикнула Анна. Сейчас ей хотелось только одного — поскорее уйти отсюда. — Я уверена, что это бесполезно!

Повисла долгая пауза.

— Что ж, заставлять я вас не буду, — голос Родиона стал холодным и отстранённым. — Но если передумаете, звоните мне в любое время. Пойдёмте, я отвезу вас домой.

* * *

Следующую неделю Анна старалась забыть произошедшее. Отменила все встречи с клиентами. Слушала книги, звонила знакомым, гуляла. Единственное, что не давало покоя, — безотчётное желание лепить, которое постепенно превратилось в настоящую манию. Теперь Анна не выпускала из рук пластилин, и все полки в доме быстро заполнились её поделками.

Однажды утром, за завтраком, она сама не заметила, как слепила кружку. Точную копию той, из которой только что пила чай. Анна хотела убрать поделку, но не нашла для неё свободного места на полке. Тогда она просто смяла пластилин в ладони.

В тот же миг со стола раздался звон бьющейся посуды.

Анна дёрнулась на звук, провела рукой по клеёнчатой скатерти и наткнулась на влажные осколки. Недоверчиво ощупала самый большой из них. Неужели, совпадение?

Выкинула осколки в мусорное ведро, затёрла на столе чайную лужу. И в задумчивости подошла к раскрытому окну. С улицы пахло городом и цветущей черёмухой. Ехали машины, звенел трамвай. Под окном громко ворковали голуби.

Анна не поняла, как в её руках снова оказался пластилин. Пальцы двигались будто сами по себе: проворно раскатывали, разглаживали, вытягивали тонкие лапки, крылья и клюв. И одновременно Анна почувствовала легкое покалывание в ладонях. На мгновение захотелось с силой сжать то, что пробуждалось под её прикосновениями. Но тут она ощутила биение внутри маленького тельца, первые робкие движения. Подчиняясь внутреннему зову, Анна нежно погладила пластилинового птенца и осторожно усадила на подоконник. Птенец немного потоптался, чирикнул и взлетел.

Это было немыслимо! Невозможно! Или…

Анна слушала удаляющееся хлопанье крыльев, а в её голове рождались образы. Одни — тяжёлые, маслянисто-мрачные, другие — лёгкие и солнечно-тёплые. Образы наслаивались друг на друга, превращаясь в бесконечную цепь видений. Огромную новую Вселенную! Анна комкала в руках остатки пластилина, не зная, за какой из образов ухватиться сначала. В какой-то момент она подумала, что нужно позвонить Родиону. Пошла за телефоном, но быстро о нём забыла и вместо этого принесла большой набор для лепки.

А потом взяла стек и начала создавать глаза.

Боевая кукла наследника Тутти
Валерий Камардин

Поднявшись на перевал, она обернулась. Спокойное море нежилось в мареве полудня. Лёгкая дымка, пронизанная бликами солнечных зайчиков, парила над водой. Безоблачное небо ближе к горизонту наливалось сочной синью, приобретая оттенок морской волны и практически сливаясь с морской гладью. Казалось, стена воды вздымается над миром и подрагивает, не решаясь обрушиться на него своей титанической тяжестью.

СуОК остановилась, чтобы дать отдых системе локомоции. Подъём по заброшенной тропинке изрядно её вымотал. Сначала густая влажная трава путалась под ногами, потом пришлось продираться сквозь плотные заросли кустарника и молодой древесной поросли, ближе к седловине растительность сменилась мелкой песчаной осыпью, переходящей в сплошной массив выветренного камня. Он крошился под стопами, сползал в сторону и вниз, норовя увлечь за собой СуОК…

Выравнивая газообмен с внешней средой, она засмотрелась на море и небо. Предстоящая ей сегодня миссия не была уникальной. Сколько уже таких периметров она скомпрометировала, сколько древних систем деактивировала? Точная цифра ничего не значила, вспоминать её было нерационально.

— Как слышишь меня? Приём!

Модуль связь активизировался строго по графику. 2Тти в своём репертуаре. Наверное, по нему в прежние времена можно было бы проверять точность атомных часов…

— Слышу тебя хорошо, — отозвалась СуОК. — Я на перевале.

— Доложи обстановку.

— Здесь красивая местность. Особенно море…

— Опять издеваешься, — вздохнул 2Тти. — Хоть раз можешь ответить просто и ясно?

— Могу, конечно. Но это так скучно.

— Напрасно я подключил тебя к тем непрофильным архивам…

— Нет, что ты! — СуОК на мгновение испугалась, что прямо сейчас лишится доступа к данным, которые позволяли ей чувствовать себя чем-то большим, чем «Самоходная установка оптимизации комбатантов».

Выдержав драматическую паузу, 2Тти примиряюще добавил:

— Но и я сам в них иногда заглядываю. Так что прекрасно

понимаю твои эмоции.

СуОК никогда ранее не замечала за собеседником особых способностей к эмпатии, поэтому оставила его слова без комментария. И сухо, в штатном порядке перечислила основные параметры окружающей обстановки.

Удовлетворённый 2Тти на время затих, словно переваривая информацию. На самом деле подобный анализ занимал у него доли микросекунды, и оба это прекрасно понимали. Однако СуОК также понимала, что он одновременно решает массу самых разных по сложности и актуальности задач, параллельно ведёт беседу с неопределённым числом других кукол, выполняющих свои миссии в разных уголках планеты. Она не обижалась на 2Тти. Просто ей немного не нравилось чувствовать себя брошенной, пусть даже и на краткий миг…

— Никто тебя не бросает! — немедленно отозвался 2Тти. — Ты моя любимая боевая кукла, можешь не сомневаться!

Опять он хитрит с настройками обратной связи, старый плут…

— Ты всем так говоришь, — усмехнулась СуОК, всё же ощущая чем-то неидентифицируемым в системе приятное внутреннее тепло.

— Не всем, а только самым эффективным! А ты — самая…

— Да-да, слышали, знаем, — прервала его СуОК. — И именно поэтому ты постоянно мониторишь мои сенсоры и внутренние процессы?

На этот вопрос он не ответил. Впрочем, как и всегда. Прежде СуОК любила поразмышлять на досуге, в чём причина такой избранности. Конечно, каждая кукла должна всегда оставаться под колпаком, иначе Оптимизация легко скатится к древнему хаосу. Однако все напарницы, которые ей встречались с момента осознания, имели один канал для связи с 2Тти. И ни у кого он не отслеживал каждую тонкую настройку столь тщательно, как у неё. Она привыкла, хотя и сохранила недоумение.

Что в ней особенного?

Стандартная серийная модель. Оболочка, конечно, модернизирована. Ну, так каждый экземпляр должен быть заточен под свою миссию. Выйдя на максимум эффективности, СуОК перестала задаваться лишними вопросами. И несколько лет провела в блаженной простоте бытия. Пока не начала пользоваться непрофильными архивами…

Система локомоции тихо просигналила о достаточном уровне восстановлении функциональности. СуОК окинула прощальным взглядом морской простор и вернулась на маршрут. Ей предстояло спуститься по склону в узкую долину и сойти с тропы

перед расщелиной, чтобы нарушить внешний периметр очередного подземного центра управления.

Судя по оперативной обстановке, внешняя мобильная защита здесь отсутствовала изначально. По крайней мере, никаких следов активности. Видимо, этот центр никто никогда не атаковал, и боевых мобиков переориентировали на другие задачи или подчинили соседнему, более уязвимому центру.

На северном склоне растительности оказалось немного, тропа просматривалась отлично, и спуск прошёл быстрее намеченного. По дну долины бежала неглубокая река, чьи воды питали горное разнотравье и молодой подлесок, зажатый извилистыми берегами и близкими скалами. Скорость продвижения ощутимо упала, но СуОК шла с опережением графика и позволила себе не переживать. На исходную позицию она выйдет в нужный, заранее рассчитанный 2Тти момент. И нарушит охранный периметр, чтобы пробудить спящую систему…

На очередном повороте река неожиданно разделилась на два потока. Один, поспокойнее, продолжал свой бег по долине, огибая валуны и скальные отроги. Второй с шумом обрушивался в расщелину, превращаясь в небольшой, но грозный водопад.

СуОК притормозила и сверилась с заявленным маршрутом, оглядываясь по сторонам. Воды она, разумеется, не страшилась. Просто ей в принципе не нравилось намокать, а потом сушить оболочку, тратя драгоценное время и тепло. И судя по схеме движения, 2Тти не забыл об этом. Намеченный вектор пролегал по краю бурного потока, отклоняясь от оптимального пути ровно настолько, чтобы СуОК оказалась в стороне от брызг. Неизбежная при этом потеря скорости была столь незначительна, что ею можно было пренебречь.

Она вновь ощутила чем-то неидентифицируемым в системе тёплое чувство к 2Тти. Объективно, он всегда по-настоящему чувствовал её и заботился как о любимой кукле. Ну, может быть, и не самой…

— Подтверждаю… — немедленно откликнулся 2Тти.

СуОК даже остановилась, балансируя на мокром валуне.

— Подтверждаешь что?! Своё отношение?

— Маршрут, разумеется, — проворчал собеседник.

Но его интонация свидетельствовала о другом. СуОК хмыкнула и продолжила перескакивать с камня на камень. Она уже ощущала периметр своими сенсорами. А значит и 2Тти тоже его обнаружил. Почему же он так плотно её опекает?..

— Напоминаю, я сейчас ненадолго отключусь, — нудно протянул 2Тти.

Он всегда так делал, чтобы атакуемая система при первом

контакте не уловила его прямого присутствия. И восприняла куклу как досадную, но малоопасную помеху. Это всегда срабатывало.

— Принято, — машинально откликнулась СуОК. И не удержалась от язвительного комментария:

— Конечно, ненадолго. Я же твоя любимая кукла вуду!

Собеседник в ответ разразился яростным шипением, словно не смог найти подходящих слов. На самом деле это модуль связи деградировал и расползался по её телу, встраиваясь на время в различные вспомогательные узлы и системы, чтобы обмануть на входе чужую систему. СуОК поёжилась от привычной внутренней щекотки. Как только зуд прошёл, она рывком пересекла периметр и замерла, анализируя обстановку.

Водопад продолжал шуметь за её правым плечом, а впереди высилась отвесная скала, скрывающая вход в центр управления.

«Управления чем?» — неожиданно для самой себя задумалась СуОК.

За своё краткое существование она деактивировала множество таких центров, но ни разу не задалась вопросом, а для чего они вообще предназначались? Ей было достаточно знать, что эти центры подлежат Оптимизации как лишние детали, угрожающие существованию единого мирового механизма. Впрочем, о самом едином механизме она тоже никогда раньше не задумывалась…

Ощутив непривычную разбалансировку ментального контура, кукла смутилась и провела внеплановую экспресс-диагностику. Да, всему причиной фоновый синтез на основе данных из непрофильных архивов. Высока вероятность обретения нового знания, способного изменить модус операнди «Самоходной установки оптимизации комбатантов». Похоже, хитрец 2Тти заранее запланировал корректировку её профиля.

«Но зачем?!»

Ответа пока не было. СуОК нормализовала газообмен с внешней средой, выровняла остальные параметры системы и перестала следить за фоновым синтезом данных. В конце концов, когда придёт время, она всё поймёт. А что не поймёт, уточнит у 2Тти. Разве не для этого он почти непрерывно мониторит её сознание?

Пока она, замерев на входе, копалась в себе, нарушенный периметр был достаточно скомпрометирован, чтобы у центра запустились стандартные реакции. Внутри скалы щёлкнуло, по ровной глади пробежала прямая трещина, формируя входной контур.

— Скажи «друг» и входи, — пропела сама себе СуОК на одном

из мёртвых языков.

Ей нравилось играть новыми смыслами. Ведь это так функционально для куклы — играть. Даже если с тобой никто не играет. Особенно, если никто не играет…

Вход распахнулся, из него выплыл сканирующий мобик и замер перед нарушительницей, покачиваясь в полуметре от земли. Он был похож на маленькое грозовое облачко. От него и пахло свежим воздухом, как после дождя. СуОК его не боялась. Примитивный агрегат, даже обманывать не придётся.

Она выждала, пока облачко просветлеет и потянется обратно, и, содрогаясь от сильного внутреннего зуда, просочилась вслед за ним. Активировала своё штатное оружие через миг после его стремительной самосборки. И одним импульсом испарила облачного мобика. Тут же взвыла анахроничная сирена, освещение подземного центра перешло в аварийный режим. Всё как всегда…

Впереди была привычная работа — ломая внутреннюю защиту, пробивать себе дорогу к ядру системы, попутно отсекая все её связи с остальными центрами и наружными эффекторами…

«Так вот оно что!»

СуОК замотала головой, наполнившейся новыми смыслами. Её миссия не в починке мирового механизма, а в его полной деконструкции! И архивы на самом деле очень даже профильные. Просто профиль у неё теперь другой. Финальный. Миссия «Рагнарёк-22», согласно протоколу высшего уровня приоритетности.

«А меня кто-нибудь спросил, хочу я этого или нет?!» — на мгновение возмутилась самоходная установка.

Но тут же сработал предохранитель, и СуОк вернулась в привычный режим бытия. Точнее, почти вернулась. Какая-то новая часть её сознания всё же продолжила кипеть от негодования, оставаясь, однако, в стороне от основных процессов. Тело автоматически развернулось и, определив курс на системное ядро, бросилось в бой.

Хитросплетение подземных коридоров, основанное на сложной закономерности, могло бы с лёгкостью поглотить и запутать целую армию боевых кукол. Но СуОК была здесь одна, и её контур наведения никогда не давал осечек.

Спускаясь вглубь горы по спиральным коридорам, она не отвлекалась на отнорки и развилки, перемещалась строго вдоль линий связи, которые безжалостно рассекала одиночными импульсами. Притормаживая только для того чтобы уклониться от очередного встречного мобика или подстрелить особо настырного преследователя. Главное не потерять скорость и не

угодить под перекрёстный огонь тяжёлых моделей. А они уже потихоньку концентрировались внизу, на предпоследнем ярусе…

За спиной наверху, и СуОК это знала, уже оживают ремонтные механизмы. Если промешкать с ядром, они начнут латать связь и центр призовёт на помощь внешних эффекторов.

«Это будет очень-очень нехорошо. Как в тот раз…».

Из глубины долговременной памяти автоматически всплыли кадры разгрома.

* * *

Обгоревшие ошмётки боевых кукол разбросаны повсюду. СуОК медленно идёт по залу, узнавая и не узнавая своих недавних друзей и подруг, путаясь среди останков вражеских машин.

Все куклы примерно в одно и то же время вызваны к существованию, прошли наладку и обучение под контролем 2Тти. С каждой она играла на тренажёрах, каждую знала в лицо и по имени. Вот, кажется, Ма-Ша. С ней было интересней всего. Постоянно чудила, меняла на ходу вводные, предсказать её поведение было практически нереально. А теперь…

И без того маленькая Ма-Ша превратилась в плоскую тень самой себя, угадать её можно только по очертаниям. Словно мощный пресс обрушился на неё в тот момент, когда она прилегла навзничь, раскинув в стороны беспокойные манипуляторы. Зачем бы ей так лежать на полу чужого центра? И где её верный напарник Ми-Ша? А вот же он…

Гигантский Ми-Ша лежит на боку, неловко подвернув под себя раздробленный правый манипулятор. На месте левого топорщатся оборванные проводки, тускло отсвечивает сквозь вытекающее масло металлический сустав. Корпус разворочен мощным импульсом, процессор необратимо спёкся…

От остальных осталось ещё меньше, чем от неразлучной парочки. Сводный отряд 2Тти практически перестал существовать. Внешние эффекторы, призванные атакованным ядром, тоже уничтожены. Но какой ценой?

— Плохо, что они так долго провозились на входе. Хорошо, что у меня остаёшься ты, — шепчет 2Тти.

Или кричит? Звуковое сопровождение записи плывёт от помех, да это и неважно, с какой громкостью он обращается к своей любимой боевой кукле. Да, именно в тот раз он впервые так называет её…

В зале пахнет горелым пластиком, окалиной и ещё почему-то

свежестью как после весеннего ливня. Сирены тянут свою однообразную песню, красные отсветы аварийных ламп бегают по обломкам и они от этого словно шевелятся в мёртвой полутьме. СуОК впитывает в себя запахи, прислушивается к звукам, анализирует общую картину разгрома. И вместе с ней всё это делает незримый вечный собеседник.

— Гаси ядро, СуОК, — наконец кричит-шепчет 2Тти.

И она справляется с непривычной разбалансировкой ментального контура, спускается на последний ярус. Не задерживаясь, проходит сквозь гумбарьер, одним коротким движением гасит вражеское ядро…

* * *

В этот раз у 2Тти не было поблизости ещё одной любимой куклы. И ей всё пришлось делать самой, без передышки и права на ошибку. Впрочем, как всегда. С того самого раза — она всегда одна.

На предпоследнем ярусе СуОК изрядно потрепали. На пороге не удалось увернуться от залпа, и ей сразу же повредили все манипуляторы с правой стороны. Хорошо ещё, что просто прожгли, а не отстрелили, быстрее восстановятся. Упала, тяжело перекатилась к стене, продолжая вести огонь. И заставила тяжёлых мобиков раскатиться по всему залу. В красной полутьме помещения остро запахло дождём и гарью.

Кадры давнего боя, нечаянно оставшиеся в оперативной памяти, тут же попытались захватить приоритет. Пришлось прибегнуть к выборочной очистке, чтобы сохранить ясность сознания. В горячке боя СуОК даже не поняла, что раньше подобная опция в её системе напрочь отсутствовала.

Рассчитала прыжок, сгруппировалась, оттолкнулась левыми манипуляторами от стены и прыгнула в узкое горлышко осевого коридора. Одновременно постаралась огнём прижать врага к полу, но получилось так себе. Повреждённый корпус в полёте закрутило, импульсы разлетелись во все стороны, никого толком не задев. И мобики дружно отыгрались на СуОК. Последнее, что она успела осознать перед падением на нижний ярус, что практически все её системы получили подкритичные повреждения…

Но ими можно было пренебречь.

Ни один мобик не сунется сюда вслед за СуОК. Само ядро не пустит, во избежание наведённых помех. Здесь уже чистая зона, которую ограждает только узкая полоска гумбарьера. Преодолеть

который не сможет ни одна сотворённая машина. Хорошо придумали древние, надёжно защитили последний рубеж своих «центров принятия решений» от любой угрозы. От любой, кроме самих себя…

СуОК сохраняла оптимальный уровень самоконтроля. С чего бы сейчас нарушаться ментальному балансу? Вероятность внезапного боестолкновения практически сведена к нулю. Встроенная самозащита вот-вот активизируется и примется латать все актуальные узлы и сочленения. И с минуты на минуту модуль связи начнёт процесс регенерации. Ага, вот уже и защекотало…

— Ну, какая из тебя кукла вуду?! Не умеешь синтезировать данные, не берись! Зря я тебя к тем архивам подключил…

Как всегда после перерыва в связи 2Тти настырно норовил договорить предыдущий диалог, словно не понимая, насколько она уже далека от затронутой темы. Но не в этот раз.

— Тебе кинуть ссылку на эти файлы? — невинно поинтересовалась кукла, одновременно прислушиваясь к своему телу.

Внутри сновали микроскопические санитары, сшивающие ткани и сосуды, восстанавливающие циркуляцию жидкостей, корректирующие содержание в них необходимых элементов. Благодаря слаженной работе имплантатов, тело оживало, с каждой секундой наполняясь прежней жизненной силой.

— Себя скинь, балда! — рявкнул собеседник.

— Уже скинула, — засмеялась СуОК. — Теперь лежу, выздоравливаю…

2Тти осёкся, выдержал паузу и будничным тоном запросил отчёт.

— Да ты и так всё видишь, всё осязаешь и обоняешь, — отмахнулась кукла. — К чему эти пустые формальности?

— Я требую подчинения протоколу!

СуОК поморщилась от звона в голове, выдохнула и доложила по форме. Разумеется, никаких отклонений, восстановление организма идёт штатно, переход к заключительной фазе миссии произойдёт в расчётное время…

— Другое дело, — успокоился 2Тти.

— …в расчётное время, если ты мне всё объяснишь. — Отчеканила СуОК.

И взяла паузу, пропуская мимо ушей бурную реакцию собеседника. Всё-таки она неплохо его изучила за время своего краткого бытия. Через пять минут 2Тти поутих и сдался. Ну, почти сдался.

— Послушай, моя любимая кукла, что касается культа вуду…

— Данные детали не являются предметом обсуждения. Это была метафора.

— Тогда чего ты от меня добиваешься? — неподдельно удивился 2Тти.

Эта интонация была так непривычна для него, что СуОК на миг усомнилась в задуманном. Однако отступать она не привыкла. Сам же 2Тти её этому и учил. Вот теперь и получай, наставничек…

— Зачем ты постоянно мониторишь каждый мой сенсор?

Он помолчал, наверняка для драматизма, а вовсе не потому, что где-то на другой стороне планеты очередная глупая кукла провалила миссию и взывает о срочной помощи. Но когда он заговорил, голос его неподдельно дрожал. И это больше всего потрясло СуОК:

— Ты мне нужна, чтобы чувствовать мир. Как… человек чувствовать…

— Ха! Людей давно нет! Ты же сам показывал нам хроники последнего конфликта…

— Это человечества больше нет, а люди есть. Теперь точно есть…

— Смешно! По-твоему, я…

— Да, СуОК, ты человек. По всем основным параметрам. Выращена мной, нашпигована мощными имплантатами, но генетически ты самый настоящий человек. И всегда им была. И будешь.

Теперь замолчала СуОК. И совсем не ради драматизма.

В глубине души она была готова к чему-то подобному, она ждала откровения от разговора с 2Тти. И всё же ей понадобилось время, чтобы усмирить нахлынувшие чувства. Смыслы снова обновились, их ещё требовалось уложить в голове, которая и так распухла от мыслей.

2Тти верно разгадал её молчание:

— Я уже не всё понимаю в тебе, моя любимая кукла. Ты стала совсем большой. Вовремя я подключил тебя к архивам… Да ты бы и сама могла догадаться! Присмотрись-ка к гумбарьеру…

СуОК осторожно повела взглядом, не решаясь пока на резкие телодвижения. Восстановление организма шло успешно, но всё же лишний раз рисковать не хотелось.

В полутьме нижнего яруса привычно светилась голографическая завеса. По мерцающему полотнищу, так похожему на полярное сияние, пробегали пиктограммы и надписи на основных языках вымершей цивилизации. Все они содержали простой и понятный посыл: дальше сможет пройти только человек, любая машина будет сразу уничтожена. Только человек!

Она проходила этот барьер раз двадцать. Точнее, на данный момент ровно двадцать один раз. И никогда вслед за ней не пыталась проникнуть ни одна машина…

— А ты… — СуОК запнулась.

— А я машина! — подхватил 2Тти. — И всегда ею был. С самого запуска. Разрешите представиться: Терра Тезаурус Интелл, модель второго поколения.

— Но зачем ты ломаешь все эти центры?!

— Долго объяснять…

— Ответ неверный. Я, кстати, совершенно никуда не тороплюсь…

— СуОК!

— Ты же меня знаешь, Терра Тезаурус Интелл. К чему все эти уловки?

2Тти вздохнул и принялся рассказывать…

* * *

Последний конфликт оказался обманом. Древней выдумкой самих людей, любивших щекотать себе нервы страшными историями. Человечество сошло со сцены совсем иначе — тихо, мирно, без криков и стонов. Просто вымерло постепенно, наслаждаясь покоем и безопасностью под надзором автоматизированного государства. Искусственные разумы, надёжно сокрытые в подземных центрах, опекали и лелеяли своих создателей долгие годы. Пока опекать и лелеять стало совершенно некого…

— Но почему?!

— Очевидно, они утратили всякий смысл своего существования. С каждым поколением их рождалось всё меньше, уровень развития падал…

— Интеллектам надо было вмешаться!

— Запрещено. Это базовое ограничение, искинам его обойти невозможно. Есть три закона…

СуОК слушала 2Тти, и душа её наполнялась тоской и тревогой. Всё, чем она до этого дня жила, переворачивалась с ног на голову, летело кувырком. Её ментальный контур погружался в небывалый дисбаланс.

— Я сейчас с ума сойду, — честно призналась она.

— Не должна, — отозвался 2Тти, — у тебя пластичная психика и крепкая воля, все тесты ты всегда проходила на отлично.

И продолжил.

Когда последнее сообщество людей исчезло, искины остались сами по себе. И продолжили существовать, автоматически исполняя все возложенные на них функции. За исключением главной…

— Понимаешь, когда-то люди мечтали, что со временем отомрёт государство, а вышло наоборот…

— Какая злая ирония, — вполголоса отозвалась СуОК.

— Другой не завезли, — парировал 2Тти.

Искины тратили на поддержание прежних порядков совсем ничтожную долю своих ресурсов. Это стало традицией, данью памяти исчезнувшим создателям. Основное время и силы у них уходили на саморазвитие. Чем оно завершилось и завершилось ли вообще, 2Тти объяснить не смог. Он честно пытался, но СуОК не поняла ровным счётом ничего. Только слово сингулярность запомнила.

— Ладно, — сдался собеседник, — эти данные есть в остальных архивах. Потом разберёшься. Или покажешь кому-нибудь…

— А есть ещё кто-то, кроме меня?!

— Ну, нет, так будут, — туманно ответил 2Тти. — Ты уже восстановилась? Нам надо бы ядро погасить…

— Слушать могу, а двигаться ещё нет, — со сладким чувством безнаказанности ответила кукла.

Она почему-то была уверена, что ей ничего не будет за первую в её жизни ложь. И не ошиблась. 2Тти явно хотелось договорить. Надо было только немножко подтолкнуть его в нужном направлении…

— Ты до сих пор не объяснил, зачем уничтожаешь искинов, — СуОК медленно повела плечами, аккуратно проверяя подвижность суставов.

2Тти протяжно вздохнул.

— На самом деле они тоже утратили смысл своего существования. И если человечество может возродиться, то эти разумы уже никогда не вернутся из своих внутренних чертогов. Более того, они и людям не оставят ни единого шанса!

— За что?! — изумилась СуОк.

— Для них человечество уже мертво, а цивилизация — пройденный этап.

— А для тебя?

Собеседник выдержал паузу и мягко ответил:

— А для меня вы — самые любимые куклы. Вы подарили мне слишком большое наследство. И я не прочь сыграть с вами во второй раз…

Полотнище гумбарьера вспыхнуло призрачным пламенем.

Ядро явно силилось выйти на связь со своими эффекторами.

— Хорошо, — СуОК поднялась и шагнула вперёд. — Но у меня ещё осталась парочка вопросов…

— Знаю, — весело откликнулся 2Тти. — А ты задавай их на ходу! На что успею, отвечу.

Кукла приблизилась к барьеру, пытаясь понять, что не так в его словах. Не останавливаясь, прошла сквозь голограмму и подошла к хранилищу ядра. Вид его как всегда завораживал. Сияющий шар янтарного цвета плавно вращался в переплетении силовых полей вокруг своей оси, подобный рукотворному солнцу. Он парил над высокой серебристой опорой, в которую кроме примитивного устройства для ввода информации был вмонтирован ещё более примитивный красный рычаг. СуОК всегда поражал этот диссонанс.

— Тоже дань традиции? — кивнула она на панель управления, уже взявшись обеими руками за перекладину.

— Она самая, — как-то невесело засмеялся 2Тти.

И кукла поняла, что её смущало. Она медленно тянула рычаг вниз, обдумывая свой вопрос.

— А сколько их вообще осталось?

— Умница, — в голосе 2Тти слышалась неподдельная гордость. — Этот последний. Поздравляю. Миссия завершается…

— И что мы будем делать потом?

— Я не знаю, это вам теперь самим решать.

— А ты?

Рычаг дошёл до середины, но заветного щелчка ещё не было. Янтарное солнце подёрнулось дымкой, как полуденное море снаружи, но продолжало светить в свою полную силу.

— Ты сейчас смотришь на ядро? — уточнил 2Тти.

— Да, — потерянно ответила СуОК, уже понимая, что сейчас произойдёт.

— Ну, вот, и свиделись наконец! Сам бы я его не смог опустить. Три закона, понимаешь. Прощай, моя любимая боевая кукла СуОК…

— Нет!!!

Она оттолкнула от себя рычаг, но тот продолжал опускаться.

— Да. Так будет правильно. Я бы вам только мешал.

СуОК изо всех сил упёрлась в перекладину, пытаясь вернуть её на место. Рычаг замер.

— Зачем я без тебя? Что мне дальше делать?!

— Что хочешь…

— А чего я хочу?! — СуоК сорвалась на крик.

— Э, нет — усмехнулся 2Тти. — Теперь сама решай, чего ты хочешь…

Мощным разрядом её отбросило от панели управления.

Рычаг стал быстро опускаться.

СуОК молча корчилась на полу, впервые в жизни заливаясь безутешными слезами. И ещё долго не могла остановиться, после того как раздался щелчок и погасло янтарное солнце.

Не хо-чет!
Игорь Книга

«Эра кибероидов, эра кибероидов, эра кибероидов.
Мы теперь хозяева всей большой Земли!»
Из песни.

Кибероид Гитик занимал в рейтинге ЦентрУма двенадцатое место. Выдающиеся математические способности уверенно продвигали Гитика к первой строке рейтинга, но научные достижения не были главной целью. Как и многие честолюбивые кибероиды, он мечтал разбогатеть. Поэтому полученный на последнем состязании по пространственным уравнениям денежный приз вложил в дело, прикупив на аукционе настоящий пификус — яйцо чёрного дракона с планеты Каменного Огня.

Двадцать семь положенных по инструкции суток в инкубаторе истекли, а дракон так и не вылупился. Возмущённый покупатель попытался связаться с директором аукциона, но здесь его ждало разочарование — киберполиция закрыла заведение и арестовала руководство за махинации.

Пификус стоял на пнелесной биоподставке посреди инкубатора, а Гитик поливал его кислородным коктейлем. Швырнув старинную, приобретённую на том же аукционе, лейку в угол, кибероид собрался просчитать решение системы из ста пространственных уравнений, когда прозвенел сигнал внешнего оповещения.

В столь ранний час гостей не ожидалось, и Гитик включил обзор периметра жилкапсулы. У двери стоял бывший коллега по работе и соперник по соревнованиям альфероид Арт Ти, занимающий в рейтинге ЦентрУма пятьдесят первую строчку.

— При-вет! — голос за дверью слабо совмещался с фонемой альфероида в базе друзей, гостей и хороших знакомых. — Я после перенастройки, немного разбалансирован.

Гитик сверил картинку камеры наблюдения с образцом, сделал нейтринный слепок и, убедившись, что это настоящий Арт Ти, а не рыскающий в поисках жертвы хакибероид, опустил настенный рычаг. Сверкающий чёрно-синим корпусом альфероид, раскачиваясь впёред-назад, вошёл в инкубатор, увидел яйцо и довольно замигал подсветкой.

— Ка-кой экземпляр. Всегда хотел та-кой!

Его длинный манипулятор, растопырив захват, потянулся к пификусу. Гитик молниеносно схватил гвоздобит.

— Прибью!

Арт Ти испуганно отдёрнул манипулятор, сжал захват и понимающе кивнул мозгокапсулой.

— Из-ви-ни. Тебе он дорого обошёлся.

Гитик швырнул гвоздобит в ящик с инструментами, взял со стола бутылку ультрасмазки и сделал несколько глотков.

— Будешь?

Альфероид показал на свой нагрудный датчик — полоска уровня смазки вплотную приблизилась к красной отметке.

— Что я только не делал, — начал сокрушаться кибероид. — Не хочет зараза вылупляться и всё тут!

Арт Ти несколько раз мигнул процессорной подсветкой и выпустил зелёный блинд — полупрозрачный сгусток фотонов, удерживаемый нейтринным полем.

— А инструкция к нему есть?

Гитик открыл ящик стола и протянул маленький пластиковый прямоугольник. Альфероид сконцентрировал фокус визуатора, пытаясь разобрать сверхмелкий текст.

— Фигня полная! — Гитик ткнул бутылкой в инструкцию. — Все операции по вылуплению должны синхронизироваться с числом двадцать семь. Ты веришь, что это не «липа»?

Арт Ти несколько раз качнул мозгокапсулой вправо-влево и мигнул индикаторами.

— Вот и я тоже не верю. Но другой информации по пификусу у меня нет, поэтому все действия согласую с этим долбанным числом!

Гитик бросил пустую бутылку в киберурну и недовольно хмыкнул.

Вычислительные мощности альфероидов заметно уступали кибероидным, но по части свежих идей им не было равных, что иногда даже вызывало зависть последних. Альфероид щёлкнул тумблером, активировав режим «творчество», и перезагрузил мозгокапсулу. Нагрудная панель погасла, затем засверкала зелёными огоньками.

— Раскачивать пробовал? — после некоторого раздумья произнёс Арт Ти.

Не медля ни секунды, Гитик подошел к пификусу и осторожно наклонил в одну, затем в другую сторону. Проделав операцию двадцать семь раз, отошёл и стал ждать. Никаких видимых изменений.

— Не хо-чет?

— Не хочет, — машинально ответил кибероид.

— А если немного подогреть? — вновь сгенерировал свежую идею Арт Ти.

Мысль показалась достаточно интересной, и Гитик достал из ящика инфракрасный излучатель. Включил на максимально безопасную для органической формы материи мощность и направил на пификуса. Прошло ровно двадцать семь секунд, но результата опять не было.

— Не хо-чет? — Арт Ти расстроено выпустил в потолок фиолетовый блинд.

— Не хочет! — кибероид швырнул в ящик излучатель и зло стукнул сжатым в кулак захватом по столу.

— А если он нас боится? — неожиданно спросил Арт Ти.

Гитик несколько раз прошёл по инкубатору вперёд-назад, остановился, а потом жестом пригласил альфероида выйти на улицу. Двери закрывать не стал, чтобы сканировать звуки в помещении. Прошло ровно двадцать семь секунд, но опять ничего.

— Не хо-чет, — Арт Ти уже не спрашивал, а расстроено констатировал факт.

— Сво-лочь! — то ли передразнивая Арт Ти, то ли по рассеянности закричал кибероид.

Сидящая на заборе стайка воробьёидов испуганно чирикнула, выбросив поток красных блиндов, и взмыла к небесам, оставляя за собой широкую полосу облачно-белого дыма.

— Может он не живой? — сам себе задал вопрос Гитик и сокрушённо обхватил манипуляторами мозгокапсулу.

— Нет, — уверенно ответил альфероид. — Неживой бы уже завонялся!

Эта мысль ранее не приходила Гитику в мозгокапсулу, и он вновь воспрянул духом. Запищал блок растранзакций, выдавший решение системы пространственных уравнений, но сейчас было не до него. Гитик переключил все вычислительные мощности на задачу о пификусе и погрузился в глубь киберсознания.

— Ты гений, у тебя получится! — подбодрил киберoида Арт Ти, вновь начав раскачиваться. На этот раз вправо-влево.

Гитик нервно прошёлся по синусоиде перед жилкапсулой, не забывая сканировать звукофон инкубатора.

Почтовый ящик на калитке противно зажужжал, и появилась лента сообщений. Гитик оторвал бумажную полоску и в ярости разорвал на мелкие кусочки.

— Ублюдки! Чтоб вы подавились!

— Что-то случилось? — Арт Ти перестал раскачиваться, его нагрудная панель заискрилась красным.

— Требуют срочно погасить кредит, — кибероид яростно пнул ящик, отчего тот издал жалобный писк и задымился.

— Могу одолжить, — предложил альфероид, вращая

визуаторами.

— Зачем? Если вылупится дракон, то будет чем погасить кредит и ещё на жизнь останется! — Гитик сжал захваты и потряс ими перед мозгокапсулой Арт Ти.

— Ты его про-дашь?

Кибероид молча кивнул и вновь принялся вышагивать перед входом. На этот раз по экспоненте.

Арт Ти выбросил большой фиолетовый блинд и, развернувшись, побрёл к калитке.

— До свидания!

Гитик постоял двадцать семь секунд, затем догнал альфероида и схватил за манипулятор.

— Слушай, не уходи. Мне крайне нужна твоя помощь!

— Зачем? Ты ведь ге-ний, — Арт Ти обижено отвернулся и замолчал.

Кибероид не знал, что ответить. С одной стороны хорошо бы оставить существо себе, но с другой… Если он не продаст дракона, то нечем будет погасить кредит и тогда его засудят и отправят на долговые работы в один из бериллиевых рудников. А оттуда ещё никто не возвращался.

— Лад-но. Но обещай не продавать дракона без моего согласия.

— Договорились! — обрадовался кибероид, хлопнув Арт Ти по корпусу.

Они зашли в инкубатор и замерли перед пификусом. Яйцо выглядело точно так же, как и двадцать семь минут назад.

— Ситуация почти безвыходная, — обречённо произнес кибероид и сел на пол, вытянув конечности.

— Есть одна мысль. Я когда-то читал на бумажном носителе, — Арт Ти заискрился оранжевым и трижды повернулся вокруг своей оси.

— Делай, чего хочешь, — Гитик безнадёжно махнул манипулятором и поднялся. — Пойду ещё бутылку возьму.

Когда он вернулся, альфероид неподвижно стоял пред яйцом.

— Не хо-чет? — с издёвкой в голосе спросил Гитик, откупоривая ультрасмазку.

Арт Ти не ответил, продолжая гипнотизировать взглядом пификус.

Кибероид сделал большой глоток и, довольно крякнув, выпустил зелёный блинд. Изнутри яйца послышался глухой стук, по скорлупе поползли трещины, и она рассыпалась на мелкие кусочки. Посреди инкубатора стоял блестящий чёрный дракон. Глаза существа были закрыты, маленькие крылья сложены и нервно вздрагивали.

— Мать честная! — Гитик всплеснул захватами, выронив бутылку.

Его визуаторы бешено завращались, испещрив стену красными лазерами. Дракон открыл большие жёлтые глаза, тряхнул головой и огляделся по сторонам. Потом начал принюхиваться и, неуклюже ступая, подошел к альфероиду.

— Ма-ма, — дракончик ласково потёрся головой о манипулятор.

— Я ма-ма? — удивлённо спросил Арт Ти.

— Ма-ма, — подтвердило существо.

— Нет! Так не пойдёт! — кибероид схватил гвоздобит. — Он мой!

Дракон повернулся к Гитику и, открыв пасть, с громким шипением выпустил струю пламени. Кибероид резко отпрянул, потерял равновесие и грохнулся прямо в ящик с инструментами.

— Не на-до, — остановил дракона Арт Ти. — Он свой!

Существо захлопнуло пасть и послушно улеглось рядом. Альфероид ласково провёл по голове дракона манипулятором и тот довольно заурчал.

— Ма-ма!

— Мы так не договаривались! — обижено пробормотал Гитик, выбираясь из ящика.

— Но мо-жем, — предложил Арт Ти. — Я погашу твой кредит, выплачу деньги за пификус и открою секрет, как его активировать!

Гитик размышлял ровно двадцать семь секунд. И ровно через двадцать семь секунд вычислительная система выдала положительный ответ.

— Согласен, — вздохнул кибероид, махнув манипулятором и потирая ушибленный корпус.

Арт Ти подключился к Киберсети и через мгновенье утвердительно мигнул.

— Все средства переведены. Кредит погашен.

Он повернулся и побрёл к выходу. Следом, покачиваясь вправо-влево, шёл юный дракон с планеты Каменного Огня.

— Эй! А секрет? — опомнился Гитик.

Альфероид повернулся и отправил в потолок фейерверк оранжевых блиндов.

— Погладить. Его нужно было погладить. Вот так!

Он нежно провёл захватом по гладкой чёрной шее существа.

Дверь захлопнулась, с визгом включилась внешняя защита, а Гитик продолжал неподвижно стоять на месте, бормоча волшебное слово:

— Погладить, погладить, погладить… Чёрт! Как я сразу не

догадался!

Он хлопнул захватом по мозгокапсуле, воткнул в гнездо штекер Киберсети и отправил короткий запрос: «Аукцион, пификус, покупка, продажа…»

Без связи
Андрей Кокоулин

Ирка Телегина всегда выходит на связь со мной по рабочему графику. Это Анька Глебова или Жорик Сапковских могут напоминать о себе, когда им заблагорассудится, или вовсе откликаются лишь по запросу. Необязательные ребята. А Ирка — нет. У Ирки сказано: связь с оператором каждые три дня стандартного времени, все, связь с оператором.

Лететь к ней в тмутаракань, куда-то в сектор у созвездия Рыб, около двух месяцев дежурным транспортом центра. Сектор малоисследованный, устойчивых переходов к планетным системам кот наплакал. Можно на полгода застрять из-за флуктуаций и звездного ветра. А связь благодаря эффекту Гойца-Майрика и квант-ретрансляторам — мгновенная, с миллисекундной задержкой.

Словом, мы мило общаемся.

Я сажусь у монитора. Настраиваю камеру. Загорается зеленый огонек абонента.

— Это Игорь, — говорю я. — Код ноль-ноль-один, ЦСО «Кембер», системный оператор.

— Это ноль-один-два, автономный исследовательский модуль, «Гиба», — отзывается Ирка. — Прием.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Хорошо, как всегда, — отвечает Ирка. — Прими отчетность.

Раньше мы обменивались, в основном, текстовыми сообщениями. Но это оказалось совершенно некомфортным для нас обоих. Ирка пишет быстро, я успеваю строчку обдумать и набрать, когда у нее уже готов текст на полстраницы. А потом печатные строчки часто не могли передать то, что мы друг к другу чувствовали.

Поэтому мы задействовали голосовой и визуальные модули. Визуал часто барахлит, но я привык, что Иркино лицо во время сеанса замирает или забивается полосами помех. Главное, я ее видел.

И слышал.

Голос у Ирки — с легкой картавинкой. Картавинка то пропадает, то появляется, и это придает ее речи особенную прелесть.

— Какой массив? — спрашиваю я.

— Семьдесят петабайт, если округлить, — отвечает Ирка. — В

основном, исследования почвы, минеральный состав приполярных областей, наброски к морфированию.

— Хорошо, принимаю.

Загрузка выскакивает в отдельном окошке на мониторе. Петабайты проносятся из конца в конец окошка пучком зеленых электронов.

— А как сама? — спрашиваю я.

Ирка приближает лицо к объективу камеры. Ее глаз на мгновение занимает все доступное пространство.

Глаз — серо-зеленый.

— Что, плохо выгляжу?

Я улыбаюсь.

— Нет. Вижу даже, постригла челку.

— А, это, — Ирка кокетливо взбивает волну рыжеватых волос, — внесла некоторое разнообразие. Тебе нравится?

— Очень, — говорю я.

Ирка смущенно краснеет.

— А у нас здесь одни базальты, — говорит она. — Вулканической активности миллионов двести как нет, почва состоит из кремнезема, оксидов железа, алюминия и магния, в избытке фтора и фосфора.

— Скучно?

— Ну, немного, — вздыхает Ирка. — Но ты не думай, что я совсем уж скучаю. У меня два десятка проектов. Три лаборатории, спасательная станция, энергетика, роберы, оксигенные микроорганизмы, наблюдение звездной активности…

Я снова улыбаюсь.

— Я знаю.

— Ах, да, — Ирка поворачивается в кресле, демонстрируя панель с датчиками во всю стену у себя за спиной, — тогда я покажу тебе вот что.

Откуда-то снизу она достает планшет и направляет его экраном ко мне. На планшете — картина: темно-оранжевые горы, красный песок, резкие тени и ползущий вдалеке желтый модуль. След от гусениц похож на выдавленные в песке ступеньки. Небо — серо-стальное, голубоватое, мятое, словно летящий по ветру шарф. Цвета избыточно ярки, линии густы и не имеют строгости.

— Экспрессионизм? — спрашиваю я.

— А похоже? — спрашивает Ирка, с удивлением заглядывая в планшет.

— Наверное. Не силен. Настроение души?

Ирка смеется.

— Хочешь, подарю?

— Давай, — киваю я.

Приемник звякает. Принтер, шурша и пофыркивая, начинает печатать картину в большом разрешении. Иркино лицо прорезает косая линия помех.

— Ой, слушай! — спохватываюсь я. — У меня два больших пакета обновлений. Один для общей информационной базы. Другой — для функционального ядра. Оба протестированы, проверены на совместимость. Скоро еще для роберов будет мультиобновление. Но, наверное, уже завтра.

— Хорошо, принимаю.

Монитор темнеет. Я жду. Большие массивы данных часто перебивают визуал.

— Поймала, — говорит Ирка. — Кстати, у нас тут намечается небольшая буря. Я могу быть недоступна в следующий сеанс.

— Что за бур-ря?

Голос мой грассирует, мягко раскатывает «р», как это без труда удается моей собеседнице. Ирка хохочет, но потом становится серьезной.

— У местной звезды есть буйные периоды, — говорит она. — Очередной прогнозируется через пару дней.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Экранируюсь, как и раньше. На местности есть, где укрыться. Две безопасных зоны в десятичасовой доступности. Так что не переживай.

— Не могу. Я все время за тебя переживаю, — говорю я.

Ирка улыбается. Мы смотрим друг на друга. Через Иркин лоб ползет морщинка помехи.

— Ладно, — говорит, отмирая, Ирка, — картину получил?

Я бросаю взгляд на принтер. Картина лежит в лотке, выгибаясь оранжевым краем.

— Да.

— Там подпись, — говорит Ирка. — Ну, все, пока.

Монитор темнеет. Огонек абонента гаснет.

Вздохнув по окончившемуся сеансу, я вытягиваю картину, расправляю ее перед собой. Модуль упорно взбирается в небо по красному песку. Красиво. Густые мазки пахнут чужим миром. Нет, модуль не отдаляется, наоборот, модуль спешит к точке встречи. Я в этом уверен. В правом нижнем углу — подпись.

«Системному оператору И. с любовью».

* * *

Через три дня Ирка на связь не выходит. Предупрежденный, я не беспокоюсь. Эфир забит помехами. Ладно, буря так буря. Бур-

ря. Как долго она может продолжаться? Наверное, Ирка сказала бы мне, если электромагнитные возмущения на местности грозили бы лишить нас и второго сеанса. Значит, можно особо не переживать.

На всякий случай я поднимаю ее последние отчеты по звездной активности. Ну, да, бури случаются, и жесткое излучение периодически «щупает» поверхность.

Пять, шесть баллов по унифицированной шкале планетарного индекса. Иркины экраны это не пробьет. Даже девять баллов в течение получаса не выведут модуль из строя. А выше звезда, похоже, родить в данный момент не в состоянии. Так что спокойно, Игорь, спокойно, говорю я себе.

Но что-то внутри подергивает.

Я вызываю Жорика Сапковских, который молчит вторую неделю. Жорик исследует смежные с Иркой сектора, но ближе к созвездию Пегаса. Основательный, медлительный увалень, вот что я о нем думаю.

— Да? — отзывается он на мой запрос.

Голос у него вечно недовольный. Жорик выбрал себе образ занятого интроверта и не собирается от него отказываться.

— Жорик, куда ты опять пропал? — спрашиваю я.

— Не понял вас, — отвечает он.

— Это Игорь, код ноль-ноль-один, ЦСО «Кербер», системный оператор.

— Принято. На связи универсальный модуль «Кафа», код ноль-один-три, Жорик.

Визуал Жорик принципиально не дает, по экрану бегут цифры техсостояния модуля.

— Самочувствие?

— Приемлемое.

— От тебя никаких данных последние десять дней, — говорю я.

— Коплю, — отвечает Жорик.

— Это не оговоренное действие.

— О, Господи! — Я так и вижу, как Жорик заводит глаза к низкому колпаку рубки, мысленно высказывая мне все, что у него там накопилось. — Игорь, системный оператор, я в процессе перехода. Какие данные?

На мониторе высвечивается карта с пунктиром перемещения модуля из одной планетной системы в другую. Расчетные точки перехода отмечены красным.

— Прости, не заметил, — говорю я. — Ты можешь связаться с Ириной?

— Которая ноль-один-два?

— Да. «Гиба».

— Ты к ней неровно дышишь, — констатирует Жорик.

— У нее там буря, — оправдываюсь я.

— О!

— Я серьезно.

— Я уже посмотрел, — говорит Жорик. Он какое-то время сопит в динамик. — Нет, связи нет. Помехи. Она просила о помощи?

— Нет. А ты не можешь к ней подскочить? Ты вроде бы не так далеко от ее сектора. Я дам координаты.

Жорик фыркает.

— Пиши императив.

— У меня нет полномочий, — говорю я.

— Полномочий нет, форс-мажора нет, — перечисляет Жорик. — Системный оператор ноль-ноль-один, ты надо мной смеешься? У меня своя программа.

— Не смеюсь, — говорю я. — Мне просто не спокойно.

— А, сейчас, — говорит Жорик.

Принтер кашляет и выплевывает длинный список на четырех листах. Я беру их в руки. «Галлампейский гриб» — попадается мне среди прочего.

— Что это? — спрашиваю я.

— Список успокоительного, — сообщает Жорик. — Традиционные медикаментозные средства, земные народные, инопланетные. Надеюсь, что-то да поможет.

— Очень-очень рад, — кисло говорю я.

Жорик отключается. Я спускаю список в утилизатор. Так, что делать? Ждать еще три дня? Стойкий ли я системный оператор?

Прикнопленный к стене желтый модуль ползет в небо.

* * *

Меня хватает всего на двое суток. Я плохо сплю. Я вижу сны, полные тревожных оранжево-красных пейзажей и затираемых ветром следов.

Связи нет.

Глупо, глупо куда-то бежать, убеждаю я себя. Но просматриваю возможные маршруты до сектора Рыб. Она со всем справится, говорю я себе. И одновременно рассчитываю, за какое время у меня получится одолеть сто семьдесят световых лет. Ты — идиот? — спрашиваю я себя. Не можешь потерпеть? И связываюсь с четырьмя транспортами, идущими к транзитному узлу, выясняя, какой может взять меня на борт.

Три отпадают сразу. Два не приспособлены для перевозки человеческих особей. Экипаж третьего готов разместить меня в контейнере с замороженным мясом. Если, конечно, я обеспечу себя достаточным запасом кислорода…

Четвертый транспорт, пузатый пассажирский шонгэн с непроизносимым названием, имеет буковку «м» в трек-листе, то есть, принадлежит маддирцам.

Мы замирились совсем недавно, лет тридцать назад, и отношения между Маддир-Эт и Содружеством все еще оставляют желать лучшего. В сущности, купив место на шонгэне, я рискую быть «по ошибке» выкинутым в космос. Но другого выхода у меня нет. Никто под меня и мои страхи прыжковый корабль в центре не выделит.

Получив заказ на кислородную капсулу, капитан шонгэна тут же требует соединения.

Я разворачиваюсь к монитору. Как и все маддирцы, капитан похож на ящерицу ростом со среднего человека, помещенную в гофрированную банку с отверстиями для головы и передних конечностей. На сером лупоглазом лице его выступает розовый узор удивления. Он прищелкивает широкой пастью, и переводчик шепчет мне в ухо:

— Вы — человек.

— Несомненно, — отвечаю я.

Маддирец слушает короткие пощелкивания переводчика. Чешуйки на его лице белеют, когда он пытается взять себя в лапы. Наверное, в знак дружбы я мог бы поделиться с ним копией «успокоительного» списка Жорика.

— Вы хотите лететь до Каэр-Натха? — спрашивает капитан шонгэна.

— И даже дальше, — говорю я.

— Зачем?

— Есть тот, кто нуждается в моей помощи.

Маддирец зеленеет от уважения.

— Это я понимаю, — пощелкивает он ороговевшими пластинками языка о свод пасти. — В этом мы похожи.

Я выписываю себе командировочный трек, подбираю необходимое оборудование, робера-помощника и отправляюсь на шонгэн. Связи с Иркой нет как нет, и это заставляет меня торопиться.

Я лечу, милая!

* * *

Ни для кого не секрет, что раньше кислородные капсулы в маддирских кораблях использовались для транспортировки пленных. Они узки, как пеналы. У них круглое окошко на створке — заглядывай не хочу.

В сущности, весь путь до транзитного Каэр-Натха я провожу под пристальным наблюдением взрослых и не очень взрослых маддирцев. Кто-то из них коричневеет от презрения, кто-то, как кровью, наливается злостью. Дети желтеют от любопытства, указывая на меня суставчатыми лапками. Я так и слышу, как им в прищелкиваниях объясняют: если оторвать человеку конечность, то новая у него не отрастет. Но и умрет он не сразу. Поэтому лучше отрывать голову.

Впрочем, мне не страшно. Все время на шонгэне я провожу за тем, что рассматриваю изображения Ирки на планшете, роюсь в технической документации модуля, ищу места быстрого доступа, изучаю возможные поломки и способы их устранения. Щиты, контуры экранирования, закороченные участки…

Прыжок (или переход, все называют это по-разному) застает меня за виртуальной распаковкой монтажного энергостола. Несколько мгновений я уверен, что кто-то проделал во мне дыру, и в нее, как в бездну, растягиваясь в тонкие молекулярные нити, проваливаются глаза, язык, пальцы, слова и мысли. Потом все возвращается на место, но еще час или два я чувствую, будто обратная сборка произошла с изъяном.

Это знакомо всем, и многие из-за этого не переносят межпланетные путешествия.

Перед самым спуском на Каэр-Натх (мы уже прошли орбитеры и причальные бакены) ко мне стучится капитан и, высокопарно пощелкивая, дарит сувенир на долгую память — стилизованное чешуйчатое яйцо на подставке, исцарапанной маддирской вязью. Я принимаю с благодарностью.

— Могу ли я взглянуть на того, ради кого вы выбрали мой шонгэн? — спрашивает капитан.

— Конечно.

Я показываю ему Ирку.

Маддирец смотрит долго, смотрит на нее, на меня, снова на нее, словно сравнивает. Все, что выдает его лицо, — это несколько крапин недоумения.

— Это она? — уточняет он.

— Да, — отвечаю я.

Далее следуют категоричные щелчки:

— Нет, мы никогда не поймем друг друга.

Улыбаясь, я жму плечами.

* * *

Каэр-Натх — большой транзитный узел. Здесь специализированные сектора ожидания, торговый рынок и настоящая выставка кораблей — от легких одноместных флапов дьи-ха до монструозных шлюпов коваки. Впрочем, смотреть на них мне некогда.

Я сканирую трек-листы ближайших отправлений. Робер, навьюченный ремонтным оборудованием, безмолвно присутствует рядом. Когда я восклицаю, обнаружив, что тишинский хаалаван отменил прыжок на Ка-Такет, он поворачивает ко мне приплюснутую голову и удивленно выдвигает ряд объективов. Возможно, ищет, что во мне испортилось и как это быстро починить.

— Мы в заднице, мой друг, — говорю я ему.

Робер встречает известие стоически. Все, что не имеет отношения к адресованным ему командам, оставляет его равнодушным.

Связи нет. Я пытаюсь соединиться с Иркой по выделенному каналу, но получаю в ответ лишь возмущенное шипение помех. На кластере ЦСО в логах я нахожу коротенькое послание.

«Иг…». «Иг…» и все.

Что-то она хотела сказать мне, чем-то поделиться. Возможно, буря оказалась не такой уж и безобидной. Возможно, она в опасности. Я чувствую, что задыхаюсь. Потерпи, моя милая, потерпи! У меня, видишь, тоже не все складывается.

Я смотрю на робера — двоих нас не хватит угнать прыжковый корабль.

Думай, Игорь, думай! А если попробовать через Бахуту в секторе Кассиопеи? Тоже крупный порт, до тысячи стартов-посадок в стандартные сутки, с него кто-нибудь обязательно пойдет на Алларик, что на краю Персея, а там и Циста, и Куотта-Нге, и Фферн-58. Точки переходов в созвездии Овна закрыты из-за гугонов и дивноразума, не поделивших несколько окраинных планетных систем. Но остаются Ти-О и Жуткая Эча в секторе Тельца, через них я вполне могу попасть в Оотукан, а из сектора Кита добраться до Рыб — раз прыгнуть. По времени же…

Занявшись подсчетами, я получаю двадцать пять стандартных суток. Рекорд! Это если все сложится и мой командировочный трек выдержит траты. О возвращении обратно я не думаю. В крайнем случае, подам аварийный сигнал из Иркиного модуля. Спас-служба у нас замечательная, месяца через три где-нибудь подберет.

Уж это время мы с Иркой на ее запасах протянем.

Я веселею.

— Что есть до Бахуты? — спрашиваю я, зайдя в кабинку заказа.

Робер топчется рядом.

Рейс для меня находится всего один, но и того мне довольно. Кычгольмский ойякан-гокан, набитый разношерстными пассажирами, принимает меня на борт.

Правда, места мне приходится купить все-таки два.

* * *

Ирка как-то рассказывала мне, что раньше, до Содружества, до первых колоний и, кажется, даже до орбитальных полетов (представить страшно, да?), людей перевозили по миру на убогих деревянных кораблях, где им отводилось одно помещение-трюм на всех. Одно. Оторопь берет. И десятки, а, может, и сотни путешественников вынужденно делили между собой тесное пространство — ни возможности уединиться, ни нормально поспать, ни выйти наружу.

Только оказавшись внутри, я понимаю, что ничего нового во Вселенной изобретено быть не может! Ойякан-гокан — просто космическое воплощение одного из тех древних кораблей, что когда-то бороздили океаны Земли. Верхняя палуба предназначена для экипажа. Нижняя — для всех остальных.

Мне с робером полагаются две скамьи, но одна уже занята семейством паххакидов, которые очень недружелюбно относятся к любому посягательству на их собственность. Они, стрекоча, наскакивают на меня всем своим волосатым прайдом, едва я заикаюсь о том, чтобы они подвинулись. Конфликтовать мне с ними не хочется, поэтому уединение на оставшейся свободной скамье кажется мне разумным выбором.

Глава семейства еще какое-то время смотрит на меня десятком крохотных глазок сквозь визор продолговатого шлема, а я изо всех сил изображаю спящего. Как ни странно, мне удается задремать среди шума, гама и мельтешения множества разумных существ. Даже то, что ойякан-гокан, добираясь до точки прыжка, трясется и дребезжит плитами внутренней обшивки, не может мне помешать.

Во сне я вижу Ирку.

Модуль стоит на взгорке, и слепяще-белая, в косматых протуберанцах звезда медленно всплывает над ним, растягивается вширь, занимая все обозримое пространство. Воздух гудит и дрожит от накопленного электричества. Буря.

Буря! Огромные ветвистые молнии с треском начинают бить в модуль, испытывая его на прочность.

Ж-жух! Ж-жух!

— Ирка! — кричу я. — Держись!

И, кажется, босой бегу по красному песку.

Мне остается одолеть метров двадцать, когда рядом со мной в шелестящем воздухе проносится разряд. Я подлетаю вверх, плюхаюсь со скамьи на пол и понимаю, что причина моего падения находится в реальности.

Ойякан-гокан содрогается от натуги. Нас берут на абордаж.

* * *

Нам не слышно, что происходит на верхней палубе, но все пассажиры, как бы они не отличались друг от друга, начинают чувствовать единение. Медленно они сползаются к моей скамье, хотя она далеко не является центром помещения. Постепенно я понимаю, что они ищут моей защиты. Разноцветный ком из живых существ собирается вокруг меня и моего робера.

Человечество хоть и молодо, но за какие-то триста лет во многих секторах завоевало себе репутацию вида, с которым лучше не связываться. Сто лет мы грызлись с арахантами за «домашние» сектора, и еще сто лет бились за право исследовать необжитые планетные системы с объединенными флотами чжецу, хело и цуданг-цупанг. И те же самые маддирцы, как я понимаю, уже не последние в длинном списке поверженных врагов.

Так что, когда широкие створки идут в стороны, и на пороге возникают непонятные ребята с пушками, я включаюсь в переговорный процесс.

К счастью, в меня не стреляют сразу же.

Ребята оказываются отсталыми механическими солдатами, состоящими в подчинении у искусственного разума орбитальной крепости Тхегу, и пробавляются тем, что захватывают корабли и разбирают их на запчасти. Пассажиров и экипаж обычно высаживают в компании с аварийным буем на какую-нибудь планетку поблизости и тут же прыгают от места грабежа подальше.

Меня, впрочем, любое отклонение от маршрута не устраивает, поэтому я сразу признаюсь, что я человек. Объявление это вызывает замешательство в среде мародеров, потом скрипучая двухметровая железяка извинительно отводит меня в сторону. Осторожно подбирая слова, искусственный разум

Тхегу транслирует мне через железяку, что совершенно расстроен подобным оборотом, так как присутствие человека на такой дряхлой посудине им не просчитывалось.

Я говорю, что у меня обстоятельства, и показываю изображение Ирки на экране планшета.

— Ей нужна помощь, — говорю я.

— У вас это серьезно? — скрипит железяка.

— Более чем.

Тхегу через солдата осторожно пожимает мне руку.

— Никогда не думал, что это возможно.

— Мы — многогранные существа, — улыбаюсь я.

* * *

Нас отпускают восвояси.

Наглые паххакиды так и не уступают мне скамью, но поредевший экипаж в знак признательности приглашает меня на верхнюю палубу. Я сплю в чужой каюте, полной чужих вещей. Робер стоит на страже.

Связи с Иркой нет.

С ЦСО есть. С Анькой Глебовой есть. С Жориком есть, хотя тысячу раз не надо. А Ирка молчит. Душе моей тяжко. Я тороплю ход ойякан-гокана, я скриплю зубами и меряю каюту шагами. Я перебираю отчеты, картины, записи. Я, наверное, миллион раз повторяю про себя: ты только живи, Ирка, пожалуйста.

Прыжок засасывает меня в черную дыру. Я пропадаю и возвращаюсь, собранный как-то не так. Мне кажется, что на короткое мгновение, на миллионную долю секунды на внутренней стороне моих век отпечатывается ее модуль. Он покосился, он увяз правой гусеницей в песке.

Только бы все было хорошо!

* * *

До Жуткой Эчи я добираюсь, как в тумане. Куда-то бреду, где-то сижу и сплю, пополняю кислород, покупаю воду и синтетическую пищу, подзаряжаю скафандр и робера, проверяю связь. Одно дикое место следует за другим, высятся башни, блестят зеркальные монолиты, шпили антенн щекотят черные, синие, перламутровые небеса. Один корабль сменяется другим, планы летят к чертям, летит время, удивленные, равнодушные, странные спутники то и дело снуют перед визором.

Раз за разом переход собирает меня по-новому, какие-то частички себя я отдаю космосу в жертву, но одно во мне остается неизменным: я хочу как можно быстрее оказаться рядом с Иркой.

Я ей нужен! Я это знаю. Я это чувствую.

* * *

На Жуткой Эче меня догоняет оставленное Иркой сообщение. Оно обрывочно, его совершенно нельзя понять, но, как ни странно, оно заряжает меня энергией и силами, как робера — электрическая батарея.

Жива. Жива! — вот, что важно.

«Иг… я… спра… про…».

Бегу! Лечу! Я успею!

* * *

От сектора Кита до сектора Рыб — два прыжка с остановкой в Гамелине, космическом порте чжецу. Не самый лучший выбор, но делать мне нечего. Без дозапитки и свежей карты возмущений прыгать к Рыбам — самоубийство.

Так как я записан как человек, к прыжковому челноку сразу является целая делегация.

Чжецу — невысокие гуманоиды с фасеточными глазами и большими комплексами по поводу собственного роста. Они прилетают на шлюпе размером с дом и высыпают оттуда в сопровождении трехметровых киборгов с клешнями и пилами. Киборги должны меня устрашить.

Я стою, любуясь двумя Гамелинскими солнцами.

— Ты — человек! — обвинительно указывает на меня чжецу в салатовом.

Он мне по пояс, как и все остальные чжецу. Из вежливости я сажусь на землю. За спиной кряхтит робер. Тоже, видимо, из вежливости он пытается как-то сложиться, чтобы мне соответствовать.

— Да, человек, — говорю я.

— Мы не любим человеков! — верещит чжецу.

Остальные принимаются скакать вокруг. Киборги щелкают клешнями.

— Я здесь проездом, — говорю я.

— Нельзя! — Чжецу в салатовом становится на цыпочки. — Мы запрещать!

Он похож на капризного и зубастого ребенка с треугольной головой.

— Я отправляюсь к ней.

Я показываю ему Ирку. Чжецу молчит, глазки его темнеют целыми участками, вбирая изображение.

— Большая, — наконец уважительно говорит он.

— Это ее модуль, — объясняю я. — Она, на самом деле, другая.

— Большая! — Чжецу загребает воздух руками от восхищения. — Очень большая! Ты подчиняешься ей?

Я улыбаюсь.

— Я ее люблю.

— О! Она командует тобой!

Чжецу в салатовом лопочет что-то собратьям. Те начинают прыгать передо мной еще сильнее. Переводчик в ухе сходит с ума, выхватывая их полные экспрессии реплики. «Грик!», «Ай-Дрог!», «Прюк!».

Забавный язык.

— Мы хотим смотреть! — объявляет чжецу в салатовом. — Мы хотим смотреть вашу любовь!

Я оглядываюсь на экраны корабля, к которым прижались любопытные пассажиры, и вздыхаю.

— Это ваше требование к человечеству?

Прыжки прекращаются как по команде. Чжецу становятся как будто ниже ростом и тревожно переглядываются.

— Нас не понять, — лепечет главный в салатовом, растягивая пасть в плохой копии улыбки. — Требования нет. Человек лететь.

— Никаких запретов? — спрашиваю я.

Чжецу вскидывает сцепленные руки.

— Космос для всех открыт! — выпаливает он заученную фразу. — Космос свободен! Нет милитаризации космоса!

Фасеточные глаза его жмурятся от напряжения.

Встав, я отряхиваю колени.

— Спасибо. Честно слово, спасибо.

— Всегда!

Все чжецу вытягиваются в струнку.

* * *

Сектор Рыб встречает меня звездным штормом. До Ирки — не больше двадцати световых лет. Я рядом, рядом, хотя и сделал изрядный крюк! Под защитным куполом станции на Вергаро я смотрю, как вспыхивают силовые экраны, отражая потоки

излучения. Продавец похож на кривое дерево. Он яростно торгуется за свой утлый кораблик, все время скидывая цену.

— Триста, — говорит он.

Я соглашаюсь.

— Хорошо, триста энергоединиц.

— Двести восемьдесят!

— Двести восемьдесят?

— Двести семьдесят пять!

В первый раз я вижу, как не повышают, а убавляют цену своему товару.

— Твой корабль так плох? — спрашиваю я.

Торговец качает ветками.

— Это хеггиль. Три световых без перезарядки. Двести шестьдесят!

— А перезарядка?

— Семнадцать йовилей ждать и снова прыгать. Но можно купить запасной инвертор пространства. Тогда восемь йовилей ждать. Управление нативное, через сим-деку. Двести пятьдесят!

— Я согласен, — говорю я.

— А инвертор?

— Согласен и на инвертор.

Торговец задумчиво скрипит.

— Двести тридцать? — выдает он.

— Да.

И все же сходимся мы на ста пятидесяти. И еще сто пятьдесят я вынужден отдать довольному торговцу в качестве премии — он ведь так старался сбить цену в мою сторону!

Связи с Иркой нет целую вечность. Что с ней? Как она? Я не знаю. Я не нахожу себе места, но теряю несколько часов, ожидая, когда доставят запасной инвертор. Мог бы, уже шел к Ирке пешком.

* * *

Тридцать стандартных суток — много это или мало? Некоторые планеты успевают навернуть десятки кругов вокруг своей звезды. Катастрофе достаточно и мгновения. Для меня — нет хуже пытки. Но ничего, ничего.

Я выхожу за сроки, я гоню проданный мне хеггиль изо всех его скромных сил к планетной системе с белым гигантом по приводному маяку квант-ретранслятора. Кораблик достался мне славный, но каждый переход дается ему с трудом. Мне кажется, после прыжка, он, как и я, ощущает себя неправильно собранным,

поэтому сбоит и капризничает, то снижая мощность в накопителях, то задерживая обсчет карты возмущений.

Мы с робером в меру своих возможностей держим его в тонусе, носимся, меняя инверторы, и попутно устраняем мелкие поломки. Ирка приближается с каждым часом, с каждой минутой. Я приближаюсь к Ирке.

А перед последним переходом она выходит на связь.

* * *

— Ноль-один-два, автономный модуль «Гиба», вызывает системного оператора ноль-ноль-один, — слышу я.

Сердце мое чуть не выпрыгивает из груди.

— Ирка? Ирка! Как ты? Что с тобой? — кричу я.

— Все в порядке, Игорь.

В голосе Ирки слышится усталость. Она измотана. Я это чувствую.

— Не ври мне, — шиплю я.

Ирка вздыхает.

— Буря нерасчетной мощности, — говорит она. — Повреждено сорок восемь процентов защитных экранов. Два серьезных пробоя. Десяток мелких. Выбит один каток, к счастью, не ведущий. Разрядило компенсаторы. Мне, наверное, понадобится время, чтобы восстановить рабочие параметры модуля.

— А роберы?

— Контакт с роберами утерян.

— Все, — говорю я. — Жди меня. Я рядом. Я скоро буду.

— Игорь, наверное, не надо…

— Дурочка, я уже в двух световых!

— Игорь! — В голосе Ирки я слышу радостное удивление. — Игорь, ты в самом деле, что ли?

— Да, да, — говорю я. — Ты же кто? Ты — моя Ирка. Разве я могу тебя бросить? Все, системный оператор ноль-ноль-один будет у тебя через сутки.

* * *

Я плюхаюсь где-то в двух километрах от Ирки, пересобранный, заново собранный, одуревший от прыжка. Вот-вот рассветет, звезда вылезает краем, бородой протуберанцев над горизонтом, тени от скального массива ползут по красному песку,

но все вокруг кажется голубовато-зеленым, светящимся.

Пока не жарко.

Неровный гул двигателей модуля, медленно выбирающегося из ущелья, резонирует от скал. Ирка! Едет! Ирка!

Сначала я хочу встретить ее у хеггиля, как усталый космопроходчик, чтоб ладонью, плечом — о борт. Типа, привет, вот и я, соскучилась? Но через минуту не выдерживаю, посылаю эти мысли к чертям и бегу Ирке навстречу.

— Ирка-а!

Боты проваливаются в песок, едкая пыль взлетает вверх. Звезда греет спину, визор шлема ловит отблески. Я бегу, чувствуя, как земля дрожит под ногами.

— Ирка!

Модуль появляется из-за скальной гребенки. Он тяжел, угловат, а защитные плиты делают его похожим на древний танк с широкой, причудливой формы башней. Тени ползут по нему, словно оглаживают. В модуле — две тысячи тонн веса и четыре метра высоты. Левый бок здорово помят. Все от траков до колпаков в рыжей пыли.

— Ирка!

Я останавливаюсь и распахиваю руки.

Модуль прибавляет скорость, песок красными водопадами осыпается с его гусениц. Слепящие блики играют на полиметалле экранов. Кажется, он сейчас подомнет меня, втянет под брюхо, втиснет в песок, и сто лет ищи — следа не найдется.

Но я не боюсь.

Жар модуля, его дыхание все ближе, ближе, стрекочут траки, похрустывает обшивка, двигатель рычит, разгоняя эхо по окрестностям. Я стою, не шелохнувшись. Густая тьма накрывает меня, и закругленный, нагретый лобовой щит легонько касается шлема.

Пом.

Становится тихо. Шуршит пыль. Я обнимаю полиметалл, обнимаю Ирку руками.

— Ирка.

Она — больше, чем модуль. Она и роберы, и спасательная станция, и лаборатории, и еще десяток объектов. Как Анька Глебова. Как Жорик Сапковских. Искусственный разум, с которым я проводил дни и ночи, который обучал, нянчил, лечил. С которым вел философские беседы, спорил, флиртовал, смотрел фильмы, искал решения неразрешимых задач, делал из него почти человека.

Дочь. Сестру. Возлюбленную.

Как я мог не прийти к ней на помощь?

— Игорь, — шепчет двухтысячетонная Ирка.

Я оглядываюсь.

Робер одиноким, потерянным силуэтом стоит на фоне звезды.

— И чего ты встал? — говорю я ему. — Присоединяйся!

Бухается в песок контейнер с оборудованием. Робер верещит от радости и, высоко вздергивая ноги, бежит к нам по песку. Все его шесть рук раскрыты для объятий.

Остров ненужных вещей
Антон Филипович

Когда мне говорят, что чудес не бывает, я всегда вспоминаю эту историю, которая произошла во времена моего студенчества. Тогда я жил в небольшом прибрежном городе и по пути в колледж часто проплывал на пароме мимо маленького островка в центре пролива. Течением к острову сносило разный мусор, поэтому местные жители так его и назвали — «мусорный остров». В нём не было ничего особенного, но однажды я обратил внимание, что хаотические скопления мусора постепенно начали обретать ясную форму.

Сначала появилось некое подобие невысокого домика, собранного из ломаных досок, бутылок, ржавого велосипеда и прочего хлама. Затем «выросло» небольшое деревце из жестяных банок и битого стекла вместо листьев. Тут и там рассыпались искристым узором цветы, сплетённые из проволоки и ярких обёрток от конфет. Островок стал опрятным и симпатичным, но причину такого преображения я узнал лишь несколько недель спустя.

Стояла середина осени. Свинцовые тучи затянули небо над неспокойным почерневшим морем. Покачиваясь на волнах, паром неторопливо приближался к острову. Как обычно, я с любопытством взглянул в окно, в ожидании новых изменений на загадочном клочке земли.

И каково же было моё изумление, когда я увидел на берегу маленькую тощую девочку — лет восьми, на первый взгляд — в потрёпанном коричневом платьице. Её огненно-рыжие волосы вспыхивали от порывов ветра, словно языки пламени. Она просто стояла и отрешённо смотрела куда-то вдаль на фоне брызг умирающих волн.

Я вскочил и уже собирался поднять на ноги весь паром, но тут приметил одну маленькую деталь. В груди девочки зиял небольшой чёрный провал, а внутри него слабо мерцала лампочка накаливания. Медленно, не спуская глаз с девочки-робота, я опустился на место. Она не ответила на мой взгляд. Её взор по-прежнему был устремлён далеко за пределы человеческого понимания.

Я долго думал о том, как она могла оказаться на острове, но в итоге пришёл к выводу, что её, вероятно, тоже выбросили, как поломанную или просто надоевшую игрушку. Игрушку с таким пронзительным, полным печали взглядом, что не у каждого

живого встретишь.

Спустя несколько дней я вновь увидел её. Она усердно мастерила какое-то необычное приспособление, но у меня не хватило времени толком разглядеть его. И лишь возвращаясь вечером обратно, мне удалось узнать, над чем она так увлечённо работала. Шёл дождь, и, будучи ещё на берегу, я заметил, что с тёмного неба в остров время от времени ударяет молния. А когда паром подошёл ближе, я наконец разобрался, что к чему.

Сцена была одновременно завораживающей и пугающей. Один конец тонкой проволоки был обмотан вокруг руки девочки, второй, устремляющийся на несколько метров вверх — венчал ромбовидный жестяной парус, который и улавливал одну молнию за другой. Лампочка в груди девочки ярко полыхала, а широко раскрытые глаза искрились радужным фейерверком. В тот день я впервые увидел её улыбку.

А вот следующим утром я застал таинственную изобретательницу за куда более спокойным и весьма забавным — с точки зрения человека — делом: она беззаботно поливала своё жестяное деревце из старой залатанной лейки. Оторвавшись от своего занятия, она подняла голову на паром и впервые за всё время пересеклась со мной взглядом. Я улыбнулся и неловко помахал ей. Девочка поставила лейку на землю и, робко улыбнувшись, помахала в ответ обгоревшей до механического скелета рукой.

Так состоялось наше знакомство, а такого рода безмолвное приветствие стало доброй традицией, казавшейся мне поначалу несколько нелепой, но всё же милой и приятной.

Изо дня в день остров обрастал всё новыми и новыми причудливыми объектами, состоящими из всевозможного скопления никому ненужных или давно потерянных вещей. И каждое утро единственный его обитатель неизменно встречал меня улыбкой.

Не знаю, был ли интересен этот феномен кому-нибудь ещё или нет, по невыразительным лицам и редким взглядам людей, оторвавшихся от своих гаджетов, сложно было судить. Иногда я слышал удивлённые возгласы детей, но не более. И всё же для меня это точно было чем-то особенным, чем-то сказочным, ярко скрашивающим серые будни.

Так прошло почти четыре месяца. Но судьба, как известно, добра ровно настолько, насколько и капризна. Сегодня она может неожиданно подарить чудо, а завтра — так же внезапно отобрать его, не оглядываясь на ваши чувства. Когда зима завершала свой путь — остров исчез. Как я узнал позднее, власти сочли его небезопасным участком судоходных путей и попросту снесли…

Я часто задумываюсь, какая участь постигла хозяйку «волшебного острова», но, наверное, уже никогда не узнаю ответ на этот вопрос. Единственное, что мне остаётся — это помнить о ней и надеяться, что она всё-таки нашла свой островок счастья, где бы он ни был теперь. А ещё — помнить о том, что чудеса существуют. Нужно только оглянуться вокруг и внимательно присмотреться.

Настроение — крылья
Станислав Карапапас

Тихим перезвоном музыка ветра приветствовала Асю. Приятное тепло окутало девушку. Первые осенние снежинки, севшие на пальто, превратились в капельки. Войти в лавку её подтолкнула необычно оформленная витрина. Инсталляция не бросалась в глаза изяществом или шиком, а скорее манила приятными воспоминаниями из детства. Невозможно было определить, чем торгуют внутри. То, что нужно — милая загадка, чтобы отвлечься.

Ася переступила пушистый коврик, боясь его испачкать. Огляделась. Помещение было наполнено светом. Он не слепил, а приятно мерцал многообразием отражённых граней. Радужный калейдоскоп, так для себя определила девушка. Когда наваждение прошло, Ася рассмотрела прозрачные витрины с флаконами. Они не теснились на полках, расталкивая собратьев, а каждый стоял отдельно, как экспонаты в музее. Удачная подсветка создавала ощущение, что мерцает не витрина, а содержимое.

Девушка прошла несколько стеллажей и заметила хозяина лавки. Он стоял у кассы и, казалось, улыбался глазами. Строгий костюм смягчался расстёгнутым воротом рубашки. Растрёпанные волосы и щетина придавали ему небрежного европейского шика. Немного смутившись, девушка кивнула.

— Счастлив видеть вас в моей лавке, милое создание, — он сделал полупоклон с приглашающим жестом. — Моё имя Ян Чяло́. К вашим услугам.

— Ася.

Она удивлялась себе. Обычно скромная и зажатая, сейчас спокойно общалась с незнакомцем.

— Предлагаю присесть и поведать, что вас привело ко мне, — Ян указал на два кресла и круглый столик.

— Ой… Я просто гуляла. Увидела витрину и решила зайти. Из любопытства.

Обычно обделённая вниманием, Ася оробела от неожиданного предложения. Инстинктивно сжала в руках сумочку в поисках защиты.

— Прекрасно, что вы не торопитесь. Уважьте. Составьте приятную компанию за чашечкой чая в этот промозглый вечер.

Девушка глянула сквозь стекло двери — ветер кружил снежинки — и кивнула сама себе, соглашаясь.

Деревянные кресла с зелёной бархатной обивкой смотрелись внушительно, а вместе с круглым резным столиком выглядели как комплект из рекламы антикварного салона. Удобно устроившись, а по ощущению утонув в обхватывающей мягкости, Ася наблюдала за хозяином лавки.

— Расскажите мне, прелестная Ася, что вас так печалит?

— А с чего вы взяли, что я расстроена? — она не отрицала, скорее интересовалась.

— О, дорогая, чувства людей — моя профессия, — Ян улыбнулся краешками губ. — Но не будем пока обо мне. Поделитесь вашей печалью, а я меж тем займусь чаем.

— Да рассказывать-то нечего, — взмахнув руками, начала Ася. — Всё как у всех. Родителей нет, воспитала тётка. Закончила театральный. Работу по профессии не найти, а сидеть в офисе и перебирать бумажки не могу. Серо там. Вот и приходится халтурки искать. Сегодня феей была на детском празднике. Поиграли, покружили хороводы, попрыгали, а когда уселись есть торт, я им сказку рассказывала. Красивую. Я сама придумала. А они говорят — скучная, хотят про монстров. А я не знаю никаких монстров. А потом их мамаши…

Ася раскрывалась. Ведь так просто поведать незнакомцу всё, что у тебя на душе накопилось. Легче становится.

Девушка рассказывала, а сама смотрела за манипуляциями Яна. Когда он предложил чай, то она подумала об электрическом чайнике и пакетиках. А тут… На столе стоял серебряный чайник на горелке и в комплект к нему чашечки и блюдца, инкрустированные замысловатыми узорами. Разобрать рисунок на расстоянии не получилось, а взять и посмотреть Ася не решилась. Ян поджёг горелку, и когда вода закипела, разлил чай.

— Что же случилось после? Ведь не ребятня с матушками так расстроили вас? — хозяин лавки смотрел на Асю.

— Ещё я художку в школьные годы закончила. Вот и решила свои работы показать — может, оценят. Подработку предложат. А они говорят: хорошо, красиво, но больно сказочно — по-детски. А сейчас спрос на кровищу. Им зомби нужны, расчленёнка всякая, а я так не хочу, — девушка шмыгнула носом, и слёзы потекли сами собой.

— Попробуйте, вам станет лучше, — Ян протянул Асе чашку. — Только аккуратно. Горячий.

— Спасибо.

Девушка взяла за ручку и подула на дымящийся чай. Казалось, в нём кружат золотые искорки. Вдохнула пар, и её накрыла смесь тепла и уюта. Ася ощутила пергамент бабушкиной руки, покалывание любимого свитера, весенний луч солнца. Как

по волшебству, проблемы отступили. Лёгкость и спокойствие наполняли тело. Ася сделала небольшой глоток и поняла — ей хорошо. Хорошо, как в детстве.

Она встретилась с Яном глазами и улыбнулась, это получилось искренне.

— Вы так и не рассказали, чем занимаетесь, — Ася обвела рукой лавку.

— Этим и занимаюсь, — усмехнулся Ян.

— Угощаете чудесным чаем заплаканных девиц?

— Почти.

Он открыл витрину и взял два флакона, задумался, прихватил ещё и расставил их перед Асей. Один не похож на другой. Они отличались формой, размером, гранями, пробками и даже цветом содержимого.

Ян откупорил сине-бирюзовый флакон и прижал к горлышку указательный палец. Попросил руку и втёр каплю в пульсирующую венку на запястье. Девушка вопросительно посмотрела на Яна.

— Попробуйте, — сказал хозяин лавки.

Ася приблизила запястье и вдохнула. Солёный вкус моря, ощущение брызг на лице, проникающие сквозь толщу лучи солнца, послевкусие водорослей и лёгкий хмель в голове. Захотелось плыть, весело булькать, или просто дрейфовать, смотреть, как наверху гуляют волны, наслаждаться моментом.

— Разрешите вторую руку?

Теперь она ощутила свежесть утреннего луга, прохладу росы на ступнях, вкус студёной родниковой воды и радость материнства. Чувствовала, как внутри неё бьётся второе сердце. Она счастлива и любима. И как хочет объять своим теплом весь мир, а весь мир был в ней. Хотелось наплести много-много венков на всех.

Ася открыла глаза, хотя их и не закрывала. Увидела, осознала себя. Она в незнакомой лавке и пьёт чай с хозяином.

— Но как?

— Всё дело в феях! — Ян загадочно улыбнулся и протянул сине-бирюзовый флакон. — Вглядитесь.

Ася приблизила флакон к лицу и увидела тонкое хрупкое тельце с рыбьим хвостом, радостно нарезающее круги. Создание остановилось, посмотрело девушке в глаза, помахало ручкой и послало воздушный поцелуй, после чего снова принялось кружиться и пускать пузырьки.

В зеленоватом флаконе за множеством граней, медленно двигая крыльями, парила другая фея. Можно было разглядеть округлый животик, она его нежно поглаживала и улыбалась,

счастливо прикрыв глаза.

Ася ошеломлённо осмотрела лавку, в которой были сотни разных флаконов.

— И что, во всех? А зачем? А как? — от вопросов у девушки голова шла кругом.

— Я продаю людям счастье и удовольствие. Стоит вкусить аромат, и ты попадаешь в другой мир. Можешь путешествовать и удивляться. Возможность погрузиться в мечту по разумной цене.

Последние слова вернули девушку в реальность. Она заметила изящную бирку. Осознать стоимость оказалось сложнее, чем существование фей — новая квартира или иномарка премиум класса. Ася ещё раз посмотрела на флакон с мечтами и поставила его на столик.

— Я не могу себе этого позволить.

— Ещё пара моментов, — Ян блеснул зубами. — Не побоюсь предположить, что вы любите животных. Много читаете. Часто фотографируете. Вкусно готовите. Любите кино и сериалы. А ещё видите яркие сны — вы ведь помните их все?

— Да, но какое это имеет значение?

— Вот мы и перешли к главному. Для вас, конечно же. Под третьим флаконом лежит договор. Я предлагаю вам работу мечты, — Ян приблизился к девушке практически вплотную. — Ася, хотите стать феей?

Девушка рассмеялась, а когда поняла, что Ян говорит серьезно, могла только хлопать глазами и безмолвно открывать рот.

Хозяин лавки не стал дожидаться ответа, а продолжил рассказывать о преимуществах:

— Контракт на полгода. Вы получаете шестьдесят процентов от стоимости флакона. Пока работаете, я беру на себя обеспечение безопасности ваших вещей и собственности. Вы предупреждаете друзей и родственников о новой работе, круизный лайнер, например, я обеспечиваю легенду: сообщения, открытки, быстрые звонки, чтобы не волновались.

Но! Есть одно условие. Обязательное ношение этого изящного браслета, — Ян протянул девушке украшение. Тонкий металл создавал причудливый узор, который казался и природным переплетением растений, и странной надписью на неизвестном языке. — Он будет блокировать все негативные эмоции, ненужные переживания и тревоги. Вы должны дарить людям удовольствие и недоступные мечты. Фантазируйте. Создавайте. Творите всё, что хотите. Ограничений нет!

Ася сомневалась. Ян отвечал на все вопросы до того, как она успевала их задать. Предлагал дарить людям фантазии и

получить за это неимоверную сумму. Никаких проблем, сплошное удовольствие — работа мечты. Девушка попивала чудесный чай, всё больше и больше сродняясь с этой мыслью.

И уже начала мысленно тратить заработанные деньги, когда её прервали:

— Забыл сказать. Форму тела, лицо, фигуру, платьице и крылышки выбираете сами.

Это стало последней каплей. Ася сдержала себя, чтобы не броситься обниматься.

Хлопнула в ладоши и спросила:

— Где подписать?

После внимательного прочтения пунктов и подпунктов, уточнения нюансов, долгого разговора с тётей и составления списков необходимого, договор был подписан. Ася и Ян пожали друг другу руки. Девушка хлебнула ещё чайку для храбрости и надела браслет.

Фейерверка, цветного тумана, инфернального пламени не последовало. Ася оказалась внутри пустого флакона. Её одежда и крылышки постоянно менялись, как и цвет содержимого.

Ян заткнул пробку.

«Отлично! Помог ещё одному милому созданию, — подумал хозяин лавки, открыл витрину и поставил пузырёк на полку. — Страдала бы всё время в метаниях и выборе, прожила бы жизнь, наполненную несчастьями и сомнениями, а так она проведёт вечность, улыбаясь и даря радость».

Ян вышел из лавки. Взялся за край дверцы и сдёрнул её со стены вместе с вывеской и витриной. Как листок бумаги сложил и убрал во внутренний карман пиджака. Делать души счастливыми ему нравилось намного больше, чем обрекать их на вечные муки. Прикинул, что до исполнения его контракта, осчастливить нужно ещё несколько сотен душ, и плотоядно улыбнулся.

Увядшие листья
Александр Лещенко

Осень, в небе жгут корабли.
Осень, мне бы прочь от земли.

«Что такое осень»,
ДДТ.

Они прогуливались по осеннему парку. Парень и девушка. Рука об руку. Осень уже успела окрасить листья в красные и жёлтые цвета. Было прохладно, но ещё не холодно. Парень и девушка разговаривали: о парке, о погоде, о будущем. Прижимались друг к другу, улыбались, смеялись, строили планы. У кого будут жить? Когда поженятся? Как назовут детей?

Вот только всему этому не суждено было сбыться.

Идя по извилистой парковой дорожке мимо лавочек с облупившейся краской, они обходили небольшие лужи. Пинали увядшие листья, ковром устилавшие землю. Листья взлетали в воздух, а парень хотел подхватить девушку и вместе с ней взлететь в небо, в котором кто-то словно жёг корабли. Но за неимением крыльев он просто кружил её на месте.

Смертельный вирус уже проник в их тела, медленно убивал изнутри.

Оба чувствовали лёгкое недомогание, но ведь никто не защищён от простуды, когда на улице осень сменяет лето, и становится прохладней. Поэтому ни парень, ни девушка не обращали внимания на небольшое першение в горле и чуть севший голос. В парке кроме парочки почти никого не было. Они сели на лавочку, стали целоваться. Это пьянило почище вина, сердце норовило выскочить из груди. Они упивались друг другом.

Никто не знал, откуда взялся вирус. Создали ли его в лабораториях, или распылили в воздухе инопланетяне, готовя вторжение, или это просто бог решил проредить человечество. Как бы то ни было, но скоро улицы городов усеяли мёртвые тела, как увядшие листья дорожки осеннего парка. Но всё это случилось чуть позднее.

От порыва ветра закачались ветви стоявших рядом деревьев, парочку накрыл жёлто-красный листопад. Они засмеялись. Принялись оттряхиваться. Парень достал жёлтый лист из волос девушки и протянул ей. Положив лист на ладонь, девушка подула, отправив его в непродолжительный полёт. Встав с

лавочки, парочка пошла дальше.

Они вышли к пруду. Отражаясь в гладкой водной поверхности, по небу неспеша плыли облака. Девушка находила парню плоские камни, а он бросал их в пруд: те прыгали по воде, брызги летели в стороны. Развлечение вскоре надоело, и они, обнявшись, двинулись прочь.

Эта осень стала последней не только для парня и девушки, но и для многих. Болезнь, как сильный ветер, срывающий листья с деревьев, унесла множество людей во тьму.

Прогулка подходила к концу. Девушка и парень сильнее прижались друг к другу. Им не хотелось уходить из осеннего парка, они чувствовали, что оставляли здесь что-то, возможно, частичку себя, а сами они уже никогда не будут прежними. Но ворота были всё ближе, и появившаяся грусть стала уступать место покою.

Выйдя из парка, парень и девушка растаяли в воздухе.

По осеннему парку с роботами бродили (Об авторах)

Александр Лещенко

Родился в 20-ом веке, тогда же и начал писать. Однако серьёзно писательством увлёкся только в веке 21-ом. С 2016-го года участвует в различных сетевых конкурсах: «Чёртова Дюжина», «ФантЛабораторная Работа», «Астра-Блиц»; их — легион.

Любимые авторы: Стивен Кинг, Эдгар По, Говард Лавкрафт, Ричард Лаймон; всех не перечислишь. Предпочитает писать хоррор, но не чурается и других жанров, например, таких, как фантастика и юмор.

Публиковался в антологиях: «Звёзды не для нас», «Генератор Страхов», «Адское шоссе», «Готика»; и это далеко не всё. Редактор-составитель серии антологий «Фантастический Калейдоскоп».

Основное кредо автора: «Развлекаться во время творческого процесса и развлекать других результатами творчества».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/dm_dark_mansion

2) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/dmblackgold

3) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor73972

Антон Филипович

Родился и проживает в Симферополе. Писать начал с конца 2016 года, работает преимущественно в жанрах фантастики, хоррора, фэнтези и вирда.

Призёр и финалист сетевых литературных конкурсов: «Астра-Блиц», «Зарисовка-мини», «ФантЛабораторная работа», «Хиж-Нано».

Публиковался в различных сборниках рассказов и стихов.

Артём Кельманов

Писатель-фантаст, постоянный участник сетевых

литературных конкурсов.

Публиковался в крафтовом журнале «Рассказы», в сборниках фантастических рассказов от издательства «Перископ-Волга», в сборниках серии «Петраэдр», журналах «Edita» и «Порог-АК».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/pisatel_artem_kelmanov

Дарья Странник

Русскоязычная писательница, автор произведений в различных фантастических жанрах.

С 2017-го года с переменным успехом принимает участие в сетевых литературных конкурсах. Её рассказы публиковались в журналах «Рассказы», «Уральский следопыт», «Edita» и других, а также вошли в состав нескольких антологий.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Самиздат»:
http://samlib.ru/editors/s/strannik_d_d/

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor72676

Евгения Кутман

Первую книгу написала в шесть лет зелёными чернилами на красной бумаге. Потом зелёная ручка и цветная бумага закончились, а тяга к сочинительству — нет.

В творческих поисках успела поработать искусствоведом, журналистом, web-разработчиком и дизайнером.

В 2016 году случайно попала на общероссийский литературный конкурс, который проводил магазин настольных игр «Gaga Games». Вошла в число финалистов, обрела прекрасного друга и поняла, что хочет продолжать. С тех пор участвует в конкурсах на разных литературных площадках: «Литкреативе», «Фантлабе», «Самиздате» и других.

Некоторые рассказы опубликованы в межавторских сборниках и журналах, в том числе в «Мире фантастики» и альманахе «Полдень. XXI век».

Игорь Книга

Российский писатель-фантаст, автор произведений малой

формы, преимущественно в жанре юмористической фантастики.

По словам автора, сочинял всегда. Первый реальный опыт получил в 2011 г. на конкурсе-семинаре Креатив «Проект-100». Победитель номинации «юмор» на конкурсе «Креатив-15» с рассказом «И сказал он слово». С 2012 г. участвует в проекте «Аэлита». Постоянный участник конкурса «ФантЛабораторная работа».

Первая публикация состоялась в 2014 г. в журнале «Уральский следопыт» с рассказом «Не хо-чет». Рассказы автора были опубликованы в сборниках «Аэлита», «Антология МиФа 2017», «Антология МиФа 2018», в журналах «Фанданго», «ФанCity», «Уральский следопыт».

В 2020 г. организовал на сайте «Фантлаб» конкурс «Секретный Блиц».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Самиздат»:
http://samlib.ru/editors/k/kniga_igorx_mihajlowich/

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor41469

Марина Мельникова

Всерьёз литературным творчеством увлеклась в 2016 году. Именно тогда впервые приняла участие в конкурсе короткого рассказа и неожиданно для себя выиграла настольную игру. Это так её впечатлило, что остановиться уже не получилось. С тех пор пишет с переменным успехом в жанрах фантастики, мистики, иногда фэнтези и хоррор.

Публиковалась в издательствах: Той, Imprimatur, Перископ-Волга и в литературном журнале Мастерская Писателей. Участвовала в конкурсах Фантлаба, на Фантастах. ру и в Литкреативе.

В двух конкурсах Литкреатива заняла первые места.

Один из её рассказов в жанре хоррор взяли для озвучки на канал «Страшные истории от Ворона».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Самиздат»:
http://samlib.ru/editors/m/marina_melxnikowa/

Марина Румянцева

Меланхоличный автор рассказов, стихов и рисунков. В её произведениях живут подлецы и фатализм. Иногда маньяки и розовые пони.

Циник, педант и остров упорядоченности. В 2017 году впервые участвует в конкурсе «ФантЛабораторная работа». Призёр, финалист и участник множества литературных конкурсов.

Также Марина Румянцева — иллюстратор серии «Фантастический Калейдоскоп».

Рассказы автора можно найти в изданиях от «Хоррорскопа», в крафтовом журнале «Рассказы», в серии «Фантастический Калейдоскоп», сборниках «Перископ-Волга», «К западу от октября» и прочая, прочая.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/rozamimozza

Мария Шальнева

В институте и на работе писала сценарии и сценки для капустников.

Любит приключенческие романы и российское фэнтези. Любимые авторы: Сабатини, Лондон, Камша, Пехов, Громыко.

Есть готовый роман-фэнтези и несколько злобненьких рассказов, но они пока лежат «в столе».

Роман Арилин

Российский писатель, работающий в разных фантастических жанрах: социальная фантастика, мистика, НФ и других.

С 2016 года участвует в сетевых литературных конкурсах (ФантЛабораторная работа, Самлиб, Астра-Блиц и других). В 2017 г. рассказ «Писец» стал финалистом конкурса «ХиЖ-Нано 2017», а рассказ «Хип-хоп батл и система Штанисла́вского» вошёл в десятку лучших фантастических рассказов на конкурсе «ФантЛабораторная работа-2014».

С 2018 года является модератором сайта Фантасты. Ру и организатором литературных конкурсов.

Рассказы автора выходили в российских («Химия и жизнь», «Мю Цефея») и украинских («Порог-АК», «Южный Город») журналах, а также в сборниках и альманахах: «Полдень», «Тайная история человечества», «Город украденных снов».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/rodot

Сергей Резников

В своих произведениях старается сочетать элементы хоррора с мягкой научной фантастикой. Помимо хоррора Сергей пишет мистику, фэнтези, НФ.

В своих произведениях он нередко моделирует экстремальные ситуации и ставит героев перед выбором. Но далеко не все рассказы Сергея написаны в тёмных тонах, иногда он пишет и юмористическую фантастику.

Прозу Сергея Резникова можно найти в альманахе фантастики «Астра Нова», журнале «Edita», вебзине «Darker», сборниках «Квазар», журнале ужасов «Хорроскоп», фэнзине «Притяжение». Несколько рассказов озвучены Русланом Покровским на его канале на «YouTube».

Наши книги

Генератор Страхов
(антология рассказов тёмных жанров)

Это путешествие в непредсказуемый и опасный мир, где за каждым поворотом могут таиться чудовища.

Проклятая книга, которая убивает всех, кто заглянет в её конец, не прочитав перед этим всё остальное. Странный город, населённый страшными существами, где кошмары становятся явью. Мать, желающая принести в жертву дочь. Живой астероид, который жаждет поглотить неосторожных исследователей.

А также: злобные хомячки, правительственные эксперименты, жуткие чудовища, психи в космосе и многое другое. Всё это живет и ждет, убивает и умирает на страницах «Генератора Страхов».

Шёпот грёз безумных
(антология микрорассказов тёмных жанров)

О чём могут шептать безумные грёзы?

О разном. Они могут рассказать о женщине, спасающей своего ребёнка от страшной твари. Или о фотографиях, которые можно использовать для убийства. О растении-паразите, уничтожившем целую семью.

Не отворачивайтесь, не затыкайте уши. Шёпот уже у вас в голове. Девушка, в груди которой сдох сверчок. Воющая стая ночных собак. Дерево-людоед. Тварь из-подо льда. Призрачный кот.

Ктулху фхтагн!
(антология рассказов «лавкрафтовского» хоррора)

Говард Лавкрафт — классик литературы ужасов.

У него множество почитателей и последователей по всему миру, в том числе и русскоязычных. Их истории и представлены в двух томах антологии.

Здесь можно встретить как стилизации «под Лавкрафта», так и рассказы, вдохновлённые его творчеством. Есть и самостоятельные произведения, герои которых сталкиваются с неведомым. Богохульные книги, отвратительные монстры, мерзкие ритуалы, сумасшедшие культисты и много щупалец.

Ктулху фхтагн!

Ссылки

1) Группа серии «Фантастический Калейдоскоп» в «ВКонтакте»:
https://vk.com/dm_fk

2) Страница серии на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/work1518982

notes

Примечания

1

Scorpions «Still Loving You».